

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

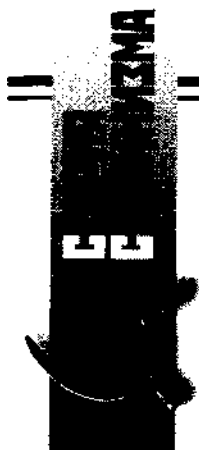
**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
 Л. Виола (*Lynn Viola*),
 А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
 А. А. Дроздов,
 Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
 В. П. Лукин,
 С. В. Мироненко,
 Ю. С. Пивоваров,
 А. Б. Рогинский,
 Р. Сервис (*Robert Service*),
 Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
 А. К. Сорокин,
 Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
 О. В. Хлевнюк

СЕРГЕЙ КРАСИЛЬНИКОВ
МАРИНА САЛАМАТОВА
СВЕТЛАНА УШАКОВА

КОРНИ ИЛИ ЩЕПКИ

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ
НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1930-х — НАЧАЛЕ
1950-х гг.

РОССПЭН

Москва
2010

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)615-4
К78

Рецензенты

доктор исторических наук В. И. Ильиных

доктор исторических наук И. С. Козлов

Красильников С. А.

К78 Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. / С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова. — 2-е изд. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 327 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1294-2

Исследование выполнено на пересечении двух предметных областей — исторического крестьяноведения и истории государственной репрессивной политики сталинской эпохи. Задачами изучения стали ретроспективный анализ осуществления политики дискриминаций и репрессий в отношении крестьян (лишение избирательных прав с последующей экспроприацией имущества и высылкой), практика ее реализации и реакция крестьян (поведенческие стратегии и тактика, механизмы адаптации) на действия институтов власти в экстремальных условиях спецпоселения. Впервые объектом исследования является крестьянская семья, ставшая основой выживания и повседневной жизнедеятельности репрессированных крестьян. Работа имеет комплексный характер: наряду с традиционными для исторической науки методами используются количественные методы анализа массовых источников, впервые вводимых в научный оборот.

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1294-2

© Красильников С. А., Саламатова М. С.,
Ушакова С. Н., 2010
© Российская политическая
энциклопедия, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Два десятилетия, прошедшие с середины 1980-х гг., стали особым временем для нашей страны, общества и государственности. Это — время социальных надежд, связанных с ожиданием обновления и гуманизации советской системы и рожденных годами «перестройки». Фактически в 1987 г. был продолжен начавшийся после XX съезда КПСС процесс десталинизации, шедший, однако, крайне непоследовательно и прерванный в середине 1960-х гг. В идеологии и исторической науке, напрямую зависевшей от политического режима, получили развитие тенденции пересмотра оценок базовых основ советского строя, заложенных в сталинский период. В частности, это отчетливо проявилось в нормативной реабилитации основных сталинских оппонентов, выступавших за другие варианты и методы модернизации страны, нежели руководившая сталинская группировка. Возвращение в культурно-историческое пространство таких вычеркнутых из него и на многие десятилетия ставших фигурами умолчания ключевых деятелей как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий и другие, придало дискуссиям о характере и смыслах радикальных преобразований в постреволюционной России/СССР глубину и многоаспектность. Другим очень важным следствием отказа от идеологических догматов стала не только юридическая, но и социальная, культурная и нравственная переоценка роли и значения массовых групп и слоев общества, репрессированных и дискриминированных по политическим, этническим, конфессиональным и другим основаниям. Тем самым уже в конце 1980-х гг. были заложены предпосылки для перевода постреволюционной истории страны в русло углубленного научного исследования трансформаций, проходивших в обществе и во власти. Тогда же группой отечественных историков-крестьяноведов под руководством выдающегося исследователя В. П. Данилова впервые была поставлена и переведена в практическую плоскость проблема изучения социальной трагедии крестьянства, механизмов и последствий принудительной коллективизации и «раскулачивания» — «социалистического» варианта раскрестьянивания в крайне жестоких, внеэкономических, репрессивно-дискриминационных формах.

После распада СССР и образования на его территории группы суверенных государств в этих странах произошло то, что в официально-деловом языке было названо «расширением доступа исследователей к архивным документам», а в публицистике — «архивной революцией». Возможность использовать ранее закрытые архивные ресурсы породило несколько разнонаправленных тенденций в исторических исследованиях. Во-первых, обрушился шквал публикаций документальных источников весьма невысокого научного качества, авторы которых руководствовались прежде всего целью скорейшего обнародования наиболее востребованных обществом сюжетов, делая это нередко фрагментарно, выборочно и конъюнктурно. Во-вторых, и в противовес этому, в 1990-е гг. появилось несколько документальных серийных научных публикаций, выполненных на основе тесного сотрудничества специалистов государственных архивохранилищ и отечественных и зарубежных историков. В этих изданиях публикация источников органично сочеталась с использованием современных методик в области источниковедения и археографии.

Что касается истории «социалистического» раскрестьянивания, то в 1990-е гг. в данной предметной области произошел принципиальный качественный сдвиг, выразившийся в приросте нового научного знания. Концептуальные основы подходов были заложены ведущими специалистами в области отечественного исторического крестьяноведения (В. П. Даниловым, И. Я. Зелениным, Н. А. Ивницким), затем к ним примкнули историки, пришедшие из других предметных областей и в дальнейшем ставшие специалистами по истории государственной репрессивной политики (В. Н. Земсков, Т. И. Славко и др.). Каждый внес свой вклад в разработку тематики генезиса и эволюции крестьянской ссылки. Но все эти работы носят переходный характер, для них характерно концептуальное и терминологическое смешение марксизма и тоталитарной концепции. Самое фундаментальное по охвату проблемы документальное пятитомное издание «Трагедия советской деревни» имеет стереотипный заголовок, как будто заимствованный из сталинской эпохи — «Коллективизация и раскулачивание».

После всплеска исследовательской активности в 1990 — начале 2000-х гг. в изучении тематики репрессированного крестьянства ощущается очевидный дефицит новых идей и разработок. Эта активность в значительной мере базировалась на том, что в распоряжении историков оказались громадные ресурсы архивохранилищ, которыми удалось распорядиться в целом рационально. Достаточно полно был освоен верхний и принципиально важный слой информации, исхо-

дившей от директивных органов, ответственных за разработку и реализацию сталинской антикрестьянской политики. Сегодня историки имеют необходимые знания о том, как и почему принимались те или иные принципиальные политические решения, как работали властные институты организации депортаций, создания сети спецпоселений и на этой основе — сегмента системы принудительного труда, формирования социально-учетной категории спецпереселенцев (трудпоселенцев), занимавших одно из низших статусных положений даже внутри маргинальных групп.

В то же время ощущается очевидный дефицит работ, нацеленных на изучение основ жизнедеятельности самих репрессированных крестьян в условиях несвободы, поведенческих механизмов, позволявших с разной степенью успешности или неуспешности адаптироваться к режиму спецкомендатур. Между тем очевидно, что глубокая историческая реконструкция феномена раскрестьянивания в форме высылки на спецпоселение не может быть осуществлена без соединения разных уровней макро-, мезо- и микроанализа. Макроанализ создания и функционирования комендатурно-режимной системы позволяет показать деятельность директивных органов с точки зрения механизмов разработки государственной политики и достижения сформулированных в ней целей и задач. Мезоуровень предполагает изучение технологии перевода директивных решений в плоскость их практической реализации и предусматривает реконструкцию действий вовлеченных в данный процесс органов и учреждений, прежде всего репрессивных, — от центральных до местных. Здесь представлен срез взаимодействий внутри «вертикали власти»: меж- и внутрикорпоративные противоречия, конфликты и компромиссы. Микроуровень анализа истории антикрестьянских репрессий предусматривает выявление и исследование базовых структур, обеспечивавших повседневное существование крестьян-спецпереселенцев, изучение системы и результатов взаимодействия «режимной вертикали» и «социально-учетной горизонтали» — крестьянского социума на спецпоселении. Сказанное выше позволяет обозначить цель данного исследования, в котором предпринята попытка соединить перечисленные методологические подходы, фокусируя основное внимание на крестьянской семье в условиях несвободы, поскольку именно семья оказывалась той самой социально-организованной общностью, от состояния которой зависели в конечном итоге результативность государственной политики.

Первая глава содержит обзор литературы и источников и имеет целью отразить авторское видение достижений и ограничений ис-

ториографии проблемы, а также информационного потенциала массовых источников, отражающих дискриминационно-репрессивную политику в отношении групп крестьянства накануне и в годы сталинской «революции сверху». В своем подходе авторы исходят из того, что сталинская политика «ликвидации кулачества как класса» («раскулачивания» на пропагандистском советском «новоязе») основывалась на эскалации внутренних антагонизмов («низов против верхов» или «второй социальной войны в деревне»), а фундаментом репрессивной (депортационной) политики являлась целенаправленная и разветвленная практика ограничений и дискриминаций в отношении зажиточных крестьян. Репрессии 1930-х гг. в деревне базировались на сконструированной органами власти особой социально-учетной категории: лица, лишённые избирательных прав («лишенцы») и члены их семей. За небольшими исключениями «райпятарки» формировали списки на высылку, исходя из списочного состава сельских «лишенцев». Именно поэтому этой маргинальной группе посвящен отдельный раздел книги (глава 2), где представлен своего рода срез жизнедеятельности и моделей поведения крестьянской семьи накануне и в ходе депортаций. Источниковой базой для анализа облика и адаптационных стратегий сельских «лишенцев» послужили хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области личные дела глав семей. В интересах законченности сюжетной линии поведенческие практики «лишенцев» в их борьбе за изменение своего статуса прослежены вплоть до принятия Конституции 1936 г.

Третья глава посвящена исследованию экономического фундамента системы спецпоселений — «режимной» экономики. Обращение к данному сюжету авторы считают принципиальным как для понимания основ становления и функционирования комендатурной подсистемы принудительного труда, так и для понимания мотивации спецпереселенцев в трудовой сфере. В центре внимания авторов — история создания и эволюция одной из форм внеэкономического принуждения в условиях спецпоселения — неуставных сельскохозяйственных артелей (или спецартелей), составлявших фундамент экономической деятельности в северных комендатурах Западно-Сибирского края (Нарымский округ). Нарымские спецартели как объект изучения примечательны в двух отношениях: на протяжении почти всех 1930-х гг. неуставные аграрные и промысловые артели находились в прямом экономическом подчинении органов ОГПУ—НКВД — в отличие от спецпереселенцев в сферах промышленности, переданных как «рабсила» по договорам различным наркоматам и ведомствам. Спецартели в Нарымском округе были созданы и действо-

вали в те же годы, что и местные колхозы, что позволяет сравнивать результаты их экономической деятельности.

Завершается работа главой, в которой реконструируется повседневная жизнь спецпоселений. Здесь представлен и проанализирован эмпирический материал, позволяющий проследить адаптационные процессы в спецпереселенческом социуме с момента высылки до массового снятия режимных ограничений после окончания Великой Отечественной войны. В данной главе делается попытка показать масштабы и последствия демографической катастрофы, постигшей население спецпоселков в первой половине 1930-х гг., повторившейся в годы войны (громадное превышение смертности над рождаемостью), протестные формы поведения (побеги), способы и приемы позитивной адаптации к условиям спецпоселения и другие поведенческие модели, позволявшие обеспечить выживание семей в комендатурах. Базой для исторической реконструкции адаптационных процессов послужили составленные в комендатурах списки глав семей и их членов с характеристиками для восстановления в избирательных правах, а также личные дела глав семей спецпереселенцев за 1930-е — начало 1950-х гг., хранящиеся в государственных и ведомственных архивах Новосибирской и Томской областей. Именно в личных делах содержится информация, позволяющая проследить взаимоотношения конкретной личности и отдельной семьи с государственной репрессивной машиной на микроуровне, чего лишены делопроизводственные документы и материалы официальных государственных органов.

В данной работе авторами использован прием не только цитирования, как это принято в исследовательских публикациях, отдельных фрагментов документов и материалов, но также включение в текст книги целиком либо с незначительными сокращениями ряда ключевых для понимания происходивших в определенное время событий источников (заявлений, писем, докладных записок, инструкций, стенограмм заседаний и т. д.). Авторы в этом случае выступают в качестве публикаторов источников, передавая в соответствии с археографическими требованиями стилистику и грамматические особенности документов. Такой прием выбран для того, чтобы максимально использовать потенциал источников для воссоздания широкого спектра индивидуальных, семейных, групповых мотиваций действий спецпереселенческого социума в ответ на политику органов власти, а также для реконструкции процесса принятия тех или иных институциональных и корпоративных решений в отношении репрессированных крестьян, затрагивавших основы их жизнедеятельности.

Название книги не является строго научным, но призвано в метафорической форме поставить вопрос о соотношении двух разнонаправленных процессов: государственной политики раскрестьянивания (спецпереселенцы как «сталинские щепки») и стремления, в противовес этому, крестьянского социума сохранить на спецпоселении свою основу, семейный институт с его традиционной системой ценностей («корни»).

Авторы текстов: С. А. Красильников (введение, главы 1 (раздел 1.2 в соавторстве с М. С. Саламатовой), 3, 4 (в соавторстве с С. Н. Ушаковой), М. С. Саламатова (главы 1, 2), С. Н. Ушакова (глава 4 в соавторстве с С. А. Красильниковым, заключение).

Глава 1. КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОБЪЕКТ ДИСКРИМИНАЦИЙ И РЕПРЕССИЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Современная историография

Начало 2000-х гг. ознаменовалось появлением ряда выполненных в самом разном формате работ, в которых предметом анализа выступали ссыльные крестьяне — спецпереселенцы (труд- или спецпоселенцы). Их авторы ставили целью рассмотреть феномен крестьянской ссылки главным образом в контексте репрессивной политики сталинского режима. Среди них — сохранившие статус ведущих исследователей данной тематики московские историки В. Н. Земсков и Н. А. Ивницкий, еще в 1990-е гг. опубликовавшие цикл работ по истории «раскулачивания» и судеб крестьянских семей, оказавшихся в условиях спецпоселения.

Вклад В. Н. Земскова в разработку указанных сюжетов трудно переоценить. Его монография «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960» (М., 2003) подводит своеобразный итог пятнадцатилетнему циклу исследования проблемы крестьянской и этноконфессиональной ссылки. Сам автор оценил работу как имеющую «по преимуществу информационно-статистический характер с социально-демографическим уклоном»: «В ней сделана попытка показать статистику всех контингентов, поступивших на спецпоселение, географию их расселения в местах высылки, рождаемость и смертность, побег и задержания, трудовое использование, материально-бытовое положение, морально-психологическое состояние и особенности спецпоселенческого менталитета, половозрастной и национальный состав и ряд других социально-демографических характеристик»¹. Нельзя не отметить, что проделанному автором историко-статистическому анализу данных, извлеченных из фонда 9479 (отдел спецпоселений ОГПУ–НКВД–МВД СССР) нет аналога. В. Н. Земсков не пошел по простому пути механического воспроизведения сводок репрессивного аппарата, но сумел свести данные за разные годы в динамические

ряды, создал авторские таблицы. Для темы нашего исследования особенно важны сгруппированные им данные социально-демографического характера, позволяющие приблизиться к пониманию феномена «репрессивной повседневности»: сведения о половозрастном и этническом составе ссыльных, о размерах семей спецпоселенцев в разные периоды их пребывания на поселении и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые расчеты, оценки и выводы, сделанные В. Н. Земсковым, не являются бесспорными. Это, в частности, относится к используемому им в работе показателю среднего состава спецпереселенческих семей. Автор пишет: «В 1930–1931 гг. на каждую крестьянскую семью, направленную на спецпоселение, приходилось в среднем 4,7 членов. К началу 1940 г. этот показатель снизился до 3,8 чел. Следовательно, в период с 1930 по 1940 гг. средний состав спецпереселенческих семей уменьшился почти на одного человека. По регионам в начале 1940 г. этот показатель колебался от 3,0 до 4,9»². В данных подсчетах использован простейший прием: коэффициент выводится из соотношения общей численности «спецконтингента» и количества семей, находившихся в спецпоселках. Для начала 1930-х гг. этот показатель выведен путем деления числа спецпереселенцев (1 803 392 чел.) на количество семей (381 026), что дает цифру в 4,7. Однако здесь не учтена такая реальность ссылки как наличие в ней определенного числа т. н. одиночек, т. е. лиц, не имеющих семей или живущих отдельно от семьи, и являвшихся для комендатуры отдельными единицами учета. Между тем данный сегмент ссыльных насчитывал несколько десятков тысяч человек, возможно, составляя до десятой части ссыльных, что требует определенной корректировки выведенного В. Н. Земсковым коэффициента людности семьи.

В автореферате докторской диссертации Земсков, подводя некоторые итоги научной разработки темы, отмечает: «Конечно, советская литература в силу известных причин была наштампована всякого рода идеологическими штампами, шаблонами и стереотипами. Однако и в постсоветской литературе наблюдается нечто подобное, но, как правило, с противоположным знаком. Например, если советская литература была стереотипно антикулацкой, то постсоветская — не менее стереотипно прокулацкой. Мы отмечаем это не в порядке осуждения или одобрения, а просто констатируем факт»³. Столь категоричная оценка происшедших в постсоветской историографии мировоззренческо-терминологических метаморфоз представляется нам по меньшей мере некорректной по двум основаниям. Первое из них состоит в том, что некоторые историки не только не избавились от сталин-

ских идеологом, но и до сих пор находятся под их гипнозом. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что термин «раскулачивание» по сей день сохраняется не только в лексике, но и в заглавии монографий профессиональных историков В. Я. Шашкова (1996 г.) и Н. А. Ивницкого (2004 г.)⁴. В одной из работ нам уже приходилось указывать на необходимость критического осмысления в научной литературе языка документов сталинской эпохи. Однако, если ныне никому из исследователей не приходит в голову пользоваться клише «враги народа» применительно к жертвам политических репрессий советской эпохи, непонятно, по каким основаниям репрессии в деревне начала 1930-х гг. в научной литературе с легкостью продолжают именоваться «раскулачиванием»?⁵ Мы разделяем мнение ряда профессиональных историков — крестьяноведов, в т. ч. одного из ведущих — В. А. Ильиных, о том, что события в деревне в исследуемый период являлись составной частью форсированной и осуществленной в жестокой форме политики «социалистического раскрестьянивания»⁶.

В контексте сказанного выше некорректной представляется оценка литературы о репрессиях в деревне как «прокулацкой». Сам В. Н. Земсков весьма произвольно смешивает разные термины: в начале монографии он пишет, что коллективизация «сопровождалась раскулачиванием части крестьян», «кулаки были разделены на три категории», затем делает дежурную поправку на то, что «на практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т. е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях»⁷. В дальнейшем же он оперирует термином «кулацкая ссылка», а семьи спецпереселенцев именует крестьянскими. В автореферате диссертации В. Н. Земсков допускает весьма симптоматичную оговорку: «В ходе раскулачивания **так называемые кулаки** (выделено нами. — С. К.) были разбиты на три группы»⁸. Примечательно и сделанное им оценочное наблюдение о том, что «большинство раскулаченных крестьян не считали себя кулаками и избегали употреблять этот термин в самоназвании... Психологически они не отождествляли себя с буржуазным классом и однозначно причисляли себя в прошлой жизни к трудовому крестьянству»⁹. На наш взгляд, следует исходить из оценок профессиональных крестьяноведов о том, что к началу 1930 г. традиционный тип «кулака» претерпел столь значительную трансформацию (в т. ч. не только под влиянием государственной политики, включая налоговые и репрессивные действия, но и вследствие поведенческой стратегии на «самоликвидацию»), что о массовом

«раскулачивании» в 1930–1931 гг. в точном социальном смысле уже не могло идти речи.

Сохранение в научной литературе терминологии сталинской эпохи четко прослеживается и при характеристике такого аспекта как режим спецпоселения. В современных исследованиях при его анализе употребляется формула советского новояза — «правовое положение спецпереселенцев». Так, в частности, именуется один из разделов монографической работы Н. А. Ивницкого («Правовое положение и обязанности спецпереселенцев»). Между тем легко увидеть, что сталинскому обществу был присущ весьма специфический правопорядок, самоназвание которого не отражало его сути. Сталинский режим являлся квазиправовым, его нормы и правила устанавливались и изменялись руководством, не сдерживаясь законодательными и судебными институтами. Поскольку право служило инструментом в руках репрессивных органов, в ведении которых находились разные категории «спецконтингента», то гораздо уместнее и точнее говорить не о «правовом», а о квазиправовом, «режимном» положении или статусе крестьян-спецпереселенцев в данном случае. Примечательно, что сам Н. А. Ивницкий практически весь упомянутый выше раздел монографии посвятил изложению того, как политические и карательные структуры манипулировали правилами и процедурами в отношении статуса спецпереселенцев, произвольно меняя их, завершив сюжет следующим выводом: «Следовательно, накануне войны, все ранее принятые “либеральные” постановления не выполнялись»¹⁰.

Вместе с тем предлагаемый нами оценочный подход к статусному положению спецпереселенцев как к квазиправовому, режимному не имеет ничего общего с недавно предпринятой попыткой Л. П. Белковец осуществить историко-юридический анализ положения советских немцев на спецпоселении, используя понятие «специальный административно-правовой режим». В своей диссертационной работе (2004 г.) и одноименной монографии (2003 г.) она пытается применить это понятие, разработанное в юридической литературе, к целям конкретно-исторического анализа советской репрессивной политики военного и послевоенного времени. Видимо, нет необходимости возражать против самой целесообразности изучения «правового положения отдельного контингента в условиях специального административно-правового режима спецпоселения, действовавшего под надзором особых органов, обладавших административной юрисдикцией и руководствовавшихся комплексом законодательно-директивной документации, практически закрытой для общества»¹¹. Однако под флагом объективности исследования Л. П. Белковец в своей ра-

боте ставит среди прочих задачу «восстановить истину в отношении той роли, которую сыграли в обеспечении режима спецпоселения обруганные с самых разных позиций силовые структуры, выяснить, как с их помощью регулировались трудовые и иные отношения этносов — спецпереселенцев и государства»¹². Дальнейшее изложение темы является ни чем иным как наукообразной попыткой реабилитации сталинской государственности: «...можно утверждать, — пишет Белковец, — что все мероприятия советской власти в рамках существующего режима, во всяком случае, в изучаемое мной время, являлись легитимными, поскольку одобрялись основной массой населения, были подкреплены законодательной базой, частично известной обществу (легальны)»¹³.

Далее Л. П. Белковец утверждает: «**Депортация немцев 1941 г. не носила репрессивного характера** (выделено нами. — С. К.), она проводилась на основе нормативных правовых актов, принятых в соответствии с Конституцией СССР 1936 г., государственными органами, облеченными соответствующими полномочиями и руководствующимися комплексом директивной документации, частично известной обществу»¹⁴. Но если принудительная высылка целого этноса, по мнению автора, не является репрессией, то становится понятным, для чего ей потребовалось прибегать к юридическим конструкциям: значит, и пребывание этносов на спецпоселении — не репрессия, а просто «специальный режим», «отдельные ограничения прав и свобод»: «Именно условия военного времени и острая необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства **заставили государство ввести особый правовой режим** (выделено нами. — С. К.) деятельности государственных органов, организаций и должностных лиц, допускающий установление отдельных ограничений конституционных прав и свобод, а также возложение дополнительных обязанностей». Специальный административно-правовой режим спецпоселения стал «адекватной формой деятельности государства в “нестандартных”, “экстраординарных ситуациях”»¹⁵.

В разъяснение этого автор пишет: «...мы будем придерживаться разделения прав на гражданские или личные (право на жизнь, прежде всего) — такое право у спецпереселенцев отнято не было; политические (право избирать и быть избранными во властные структуры, на равный доступ к государственной или иной службе) — они обладали избирательным правом, но отсутствовало последнее; экономические (право собственности, право на труд, отдых и т. п.) — немцы пользовались ими, как и все остальное население страны; социальные (охрана семьи, материнства, и детства, здоровья, социального обеспе-

чения) — и в этих правах дискриминация отсутствовала; культурные (право на образование, на участие в культурной жизни и т. п.) — здесь имели место частичные ограничения, связанные с отсутствием свободы передвижения»¹⁶.

На наш взгляд, здесь за наукообразной аргументацией проглядывает набирающая силу тенденция легитимизировать государственное насилие, оправдать целесообразность его применения. Мы остановились более подробно на выводах Л. П. Белковец, поскольку они претендуют на универсальность, приложимость не только к немецкому этносу, но и к российскому крестьянству. В самом деле, она не отрицает, что оформление правового положения граждан в условиях режима спецпоселения в годы войны ведет начало от событий 1930 г., «когда оно из особого правового режима для кулаков (зонирование территории проживания по социальному принципу) превратилось в специальный административно-правовой режим для отдельных народов (по национальному принципу)»¹⁷. Но если применить «правило Белковец» к предмету нашего изучения, то, заменив «немцев» на «кулаков» и изменив дату, получим следующее: «Депортация «кулаков» 1930–1931 гг. не носила репрессивного характера, она проводилась на основе нормативных правовых актов, принятых в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. государственными органами, облеченными соответствующими полномочиями и руководствующимися комплексом директивной документации, частично известной обществу». Здесь, кстати, как и в случае с немцами (постановление законодательного органа о высылке), под крестьянскую депортацию было выпущено «частично известное обществу» постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., придавшее «легитимность» последующим репрессивным действиям сталинского режима в отношении крестьянства. Квазинаучность указанных выше построений очевидна, нам же хотелось здесь лишь подчеркнуть, что и с понятием «режим» можно осуществлять весьма конъюнктурные манипуляции.

Однако, если среди профессиональных историков существует согласие относительно того, что спецпоселение это форма государственных репрессий, то уточнение ее статуса в ряду репрессивных практик вызывает определенные разногласия. Так, В. Н. Земсков, оперируя в своей работе заковыченными чекистскими терминами «кулацкая ссылка», «спецссылка», отмечает: «Открытым остается вопрос, кто такие спецпоселенцы — либо наиболее дискриминируемая часть обычного гражданского населения, либо наиболее льготная часть гулаговского населения, или, может быть, одновременно и то, и другое. Мы

склонны рассматривать спецпоселенцев на начальных стадиях жизни на спецпоселении как людей, примыкающих к гулаговскому населению (на этом этапе они по многим параметрам мало чем отличались от политических ссыльных, а последние, безусловно, часть гулаговского населения), но с течением времени имеющих тенденцию эволюционировать в сторону обычного гражданского населения. В основном эта эволюция постоянно находилась в стадии процесса, который по разным причинам то ускорялся, то замедлялся, но... не завершался <...> применительно к концу 1930-х гг. можно констатировать, что спецпереселенцы (трудпоселенцы) являлись особым социальным слоем, в гораздо большей степени близким к политическим ссыльным, нежели к свободному населению»¹⁸. В своих рассуждениях В. Н. Земсков солидарен с позицией В. А. Бердинских, название монографии которого несет в себе «маркировочную» нагрузку: «Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России». Сам В. А. Бердинских применительно к характеристике крестьян на спецпоселении отмечает: «Формально-юридически спецпереселенцы не являлись лишенными свободы (судебные решения по их делам не выносились), но фактически были репрессированы, поскольку лишались двух важнейших прав — избирательного (признавались «лишенцами») и права на свободное передвижение (им было запрещено под страхом уголовной ответственности покидать спецпоселки)»¹⁹. Далее автор пытается определить черты коренного отличия «кулацкой ссылки» от ссылки дореволюционной и практиковавшейся в 1920-е гг.: «Во-первых, она была массовой... Большинство при этом отправлялось на спецпоселения (спецпереселенцы), меньшую часть составляли отправленные в ссылку на сроки (ссыльные) и высланные навечно (административно-ссыльные)... Вторая особенность "кулацкой" ссылки заключается в том, что по своему социальному составу она была исключительно крестьянской. Третье: "кулацкая" ссылка стала истребительной антикрестьянской акцией... Четвертое: последствия этой всекрестьянской ссылки повлияли на развитие страны в целом... "Кулацкая" ссылка разрушила трудовую инфраструктуру каждой деревни...»²⁰. Логика рассуждений В. А. Бердинских понятна: он исходит из совершенно бесспорной посылки о том, что высылки и последующее пребывание депортированных на спецпоселении носили внесудебный (административный) характер. Поскольку внесудебные репрессии санкционировались политическим режимом, то для исследователя это, видимо, и послужило основанием для того, чтобы объявлять практически всех, оказавшихся в режимных условиях спецпоселения, политическими ссыльными, а форму репрессии — политической ссылкой. И хотя ис-

торик делает при этом массу оговорок о том, что карательная машина постоянно уточняла статус различных категорий внутри «спецконтингента» (известно, что к концу сталинской эпохи среди находившихся на спецучете комендатур насчитывалось более 30 учетных категорий), сведение статуса репрессированных к положению, равному или близкому политическим ссылным, нельзя отнести к научно доказанному утверждению. Выше было показано, что самому автору что-то мешало придать «кулацкой» ссылке 1930-х гг. статус ссылки политической.

Нам представляется, что оба исследователя (В. А. Бердинских и В. Н. Земсков) скорее недорешили, чем прояснили проблему определения статуса «кулацкой» (мы склонны называть ее крестьянской) ссылки. Здесь, как и в ранее рассмотренном случае с построениями Л. П. Белковец, имело место желание перевести понятия чекистской лексики на научную основу. Если исходить из бесспорно установленных фактов, то мы действительно имеем дело с феноменом ссылки, но ссылка весьма особенной и специфической, отличающейся от дореволюционных институтов высылки и ссылки. Следует сразу оговориться, что понятие «политическая ссылка» и в до- и послереволюционную эпоху имело вполне определенное содержание, закрепленное не законодательно-юридически, а в нормативно-режимном плане (как своего рода «маркер», «окраска учета») для того, чтобы в пестрой массе высланных и ссылных в административном (вне-судебном) порядке отделять высланных по политическим причинам от уголовных, антисоциальных, деклассированных элементов. Ни царский, ни большевистский режимы никогда не считали высланных (выселенных) крестьян политическими ссылными или близкими к ним по статусу категориями, наоборот, они противопоставлялись друг другу и занимали разные «ниши» в иерархии статусов, которые выстраивались репрессивными структурами. Крестьянская ссылка — это не уголовная, или политическая ссылка, она другая по своей природе. Нам представляется, что это социальная по своему предназначению репрессия, на смену которой приходит затем ссылка этническая. Безусловно, существовали смешанные варианты (депортация крестьян из этнически однородных по населению территорий — Украины, Белоруссии, среднеазиатских республик и т. д.), но принципиально это сути не меняет.

В ряде наших публикаций уже отмечалось, чем крестьянская ссылка отличалась от ординарных процедур административной (вне-судебной) высылки и ссылки. По действующему законодательству высылка и ссылка носила индивидуальный, но никак не семейный характер. Она назначалась на срок не более пяти лет. Крестьянская

же ссылка осуществлялась как бессрочная. Административная ссылка не предполагала обязательного привлечения ссыльного к труду, последний сам выбирал для себя род занятий и место работы. Напротив, характер труда и место работы депортированным крестьянам определяли карательные органы. Таким образом, депортация крестьян являлась экстраординарной ссылкой, носившей бессрочный, семейный характер в соединении с принудительным трудом. Трагедия спецпереселенцев заключалась прежде всего в том, что, не лишаясь формально свободы, они получали статус репрессированных, поскольку утрачивали два фундаментальных права (гражданское/политическое и право на передвижение). Нахождение ссыльных крестьян во внеправовом поле создало в итоге удобный для власти законодательный вакуум, позволявший устанавливать и трансформировать статусные параметры спецпереселенцев под свои цели и задачи²¹.

Чрезвычайно важным является четкое определение тематики антикрестьянских репрессий в общем ряду работ, посвященных внутренней политике сталинского режима. Практика показывает, что репрессивная тематика изучена достаточно выборочно. В 1990-е гг. сложилась даже определенная традиция в специализации исследований: оформились направления по истории этнических депортаций, которые, в свою очередь, распадаются на «национальные линии» (немецкую, польскую и др.), активно развивается область изучения конфессиональных репрессий и т. д. Одним из немногих современных российских историков, изучающих данную проблематику в целом, на высоком концептуальном уровне, является О. В. Хлевнюк. В коллективной работе, посвященной рассмотрению механизмов репрессивной политики советского режима, ему принадлежит раздел о государственном терроре в СССР в 1930-е гг.²² На наш взгляд, О. В. Хлевнюк весьма убедительно квалифицирует политику форсированной индустриализации и принудительной коллективизации как курс, проведение которого «фактически ввергло страну в состояние гражданской войны», а т. н. раскулачивание (отметим также, что автор корректен в употреблении штампа «кулак» — его он тоже закавычивает) — как массовую карательную операцию, ставшую «моделью для последующих государственных террористических акций», в т. ч. «Большого Террора». Помимо этого, «массовые депортации и аресты крестьян составили основную часть репрессий 1930–1931 гг. и в значительной мере предопределили как общую ситуацию стране, так и новое направление развития ГУЛАГа, которое выразилось в создании сети лагерей и спецпоселков»²³. О. В. Хлевнюк фиксирует одну из важнейших характеристик механизма власти сталинского

режима, связанную с использованием, наряду с террором, прагматичных практик «примирения» с отдельными слоями и категориями, прошедшими через репрессии, особенно акцентированную на поколение молодежи: «Шумной пропагандистской кампанией сопровождалась политическая сценка, разыгранная Сталиным на совещании комбайнеров в начале декабря 1935 г. В ответ на слова башкирского колхозника А. Тильбы: «Хотя я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма» И. В. Сталин бросил одну из своих самых знаменитых фраз: «Сын за отца не отвечает». Вслед за этим было официально разрешено принимать в высшие учебные заведения и техникумы «детей нетрудящихся и лиц, лишенных избирательных прав», произошло некоторое смягчение режима ссылки, прежде всего для молодежи...»²⁴

Особый и в известной степени комплексный вид литературы о крестьянской ссылке начал формироваться со второй половины 1990-х гг. в связи с развернувшейся в регионах России работе по подготовке и изданию Книг памяти жертв политических репрессий. Уже на начальной стадии своей деятельности рабочие группы, созданные из сотрудников общества «Мемориал», силовых структур и историков, в ряде регионов ставили задачу включения в отдельные выпуски — наряду с персональными сведениями о лицах, осужденных по ст. 58 УК РСФСР, — данных о спецпереселенцах. В Сибирском регионе первыми среди своего рода подготовительных изданий стали справочные материалы «Возвращение крестьянских имен», выпускаемые Информационным центром УВД Читинской области²⁵. Не претендуя на полноту, составители (руководитель Г. А. Жеребцов) поместили в них сведения о составе крестьянских семей, высланных из районов Забайкалья в разные регионы страны, сопровождая некоторые из биограмм выдержками из писем реабилитированных о пребывании на поселении. Завершались выпуски приложениями, составленными из документов и воспоминаний бывших спецпереселенцев.

Структурно данный подход нашел наиболее полное и профессиональное воплощение в рамках выпускаемого Коми республиканским фондом «Покаяние» мартирологе под одноименным названием. В 2001 г. вышел 4-й том серийного издания республиканской Книги Памяти, состоящий из двух частей и посвященный истории крестьянской ссылки в Республике Коми за весь период ее существования (1930 — середина 1950-х гг.). Это, вне всякого сомнения, лучшее на данный момент издание в ряду комплексных историко-просветительских работ о крестьянской ссылке, включающее четыре компонента — исследовательский (аналитические очерки), документы, извлеченные из архивов,

мемуарные свидетельства и собственно биограммы (сведения о составе крестьянских семей на поселении в Коми)²⁶. Составители первой части истории Г. Ф. Доброноженко и Л. С. Шабалова поместили в качестве введения объемный исторический очерк, охватывающий начальный период крестьянской ссылки в первой половине 1930-х гг. Составителем второй части Н. М. Игнатовой тематические сюжеты, намеченные в предыдущем выпуске, были проинтерпретированы на материалах середины 1930 — середины 1950-х гг.

Фактически историками выполнено монографическое исследование по истории формирования и эволюции системы спецпоселений и судеб репрессированных крестьян на территории Республики Коми. Обращает на себя внимание структура очерковых работ. Первая часть построена по проблемно-тематическому признаку: депортация крестьян в Северный край (1930–1932 гг.); условия жизни и трудовое использование спецпереселенцев в Коми области (с выделением подразделов о численности переселенцев и местах расселения; строительстве спецпоселков и жилищно-бытовых условиях в них, системе управления спецпоселками и статусе репрессированных, трудовом использовании, снабжении, социально-культурной инфраструктуре спецпоселков, политико-массовой пропаганде в них). Во второй части, помимо хронологического продолжения названных выше сюжетных линий, помещен раздел о формах протеста спецпереселенцев, дан очерк о призыве спецпереселенцев в действующую армию в годы войны. В качестве приложения («Что может рассказать архив») помещен перечень документов Национального архива Республики Коми по данной теме.

Принципы изложения эмпирического материала, продемонстрированные в названных выше очерковых работах, с небольшими вариациями повторяются и в новейшем монографическом исследовании Н. А. Ивницкого (2004 г.), о котором упоминалось выше (гл. 1. Раскулачивание и депортация раскулаченных; гл. 2. Расселение и хозяйственное устройство спецпереселенцев; гл. 3. Административно-хозяйственное устройство спецпоселков и правовое положение спецпереселенцев; гл. 4. Сельскохозяйственное освоение спецпереселенцами северных и восточных районов СССР; гл. 5. Использование труда спецпереселенцев в промышленности и строительстве; гл. 6. Материально-бытовое положение спецпереселенцев. Культурно-просветительные учреждения в спецпоселках). Здесь в скрытой форме проявляется феномен определенной зависимости исследователя от структуры и характера (включая и оценочные моменты) эмпирического материала, архивных документов. Работающий длительное вре-

мя в данной предметной области историк зачастую принимает логику и группировку изложения материала в том виде, как он представлен в документах эпохи. «Идя за документом», историк нередко воспринимает не только фактическую сторону событий, но и фразеологию, а следовательно, в известной мере, и оценочную сторону сообщаемых событий. Отсюда происходит то причудливое переплетение в работах профессиональных историков «новояза» сталинской эпохи, нередко являвшегося инструментом дискриминации, и современной научной терминологии, о чем шла речь выше. Об этом можно было бы не упоминать, если бы не одно обстоятельство: источники, за редкими исключениями, говорят на языке и в интересах институтов власти, и историк рискует оказаться под их «обаянием».

Между тем существует очевидная необходимость в расширении поля исторического поиска в данной области и анализе тех аспектов, которые не являлись приоритетными для партийно-чекистской номенклатуры сталинской эпохи, но имеют весьма существенное значение для понимания феномена крестьянской ссылки. Речь, в частности, идет о рассмотрении проблематики «Человек в условиях несвободы», одним из аспектов которой выступает предпринятое нами исследование трансформации института и функций крестьянской семьи на спецпоселении. Для нас принципиально важно отметить, что, несмотря на почти полтора десятилетия достаточно интенсивной разработки спецпереселенческой тематики, профессиональные исследования ведутся в институциональном поле с привлечением официальной статистики, официального делопроизводства, где «человеческое измерение» находилось далеко на периферии «государственного измерения».

В некоторой степени изменить сложившуюся ситуацию можно используя опыт, накопленный в такой субдисциплине как историческое крестьяноведение. Отечественные исследователи аграрной сферы и крестьянства значительно продвинулись в исследовании динамики крестьянского хозяйства и семьи как его социально-демографической основы, о чем свидетельствует, в частности, серия публикаций новосибирских историков под руководством В. А. Ильиных²⁷. Предметом данного исследования, помимо крестьянского двора (хозяйственная организация), стала семья. И хотя речь шла об изучении единоличного крестьянства, имевшего этот статус в канун коллективизации и сохранявшего его на протяжении 1930-х гг., тем не менее, полученные историками-крестьяноведами результаты имеют прямое отношение к тематике нашей работы. В частности, такой интегральный показатель как людность единоличного крестьянского семейного дворохозяйства

в Западной Сибири, исчисленный по единой методике для продолжительного периода (с 1916 до 1936 г.), позволяет определить точку отсчета, с которой начался путь крестьян в спецпоселки, и сравнить динамику трансформации размеров и функций семьи единоличного и репрессированного крестьянства в первой половине 1930-х гг. В частности, из этих данных следует, что средняя людность крестьянского хозяйства в Сибири имела тенденцию к снижению на протяжении всего времени: 6,0 чел. (1916 г.), 5,69 чел. (1922 г.), 5,49 чел. (1927 г.), 5,15 чел. (1929 г.), 4,97 чел. (1930 г.), 4,54 чел. (1931 г.), 4,21 чел. (1933 г.), 4,01 чел. (1936 г.). Однако очевидно, что столь резкое сокращение количества крестьянских семей с конца 1920-х гг. напрямую связано с форсированным процессом раскрестьянивания²⁸.

Краткий и не претендующий на всеохватность обзор современной отечественной историографии проблемы крестьянского социума в условиях спецпоселения показывает, что, несмотря на значительное число работ по данной тематике, которая является ныне одной из весьма востребованных, в этой предметной области ощущается своего рода теоретико-концептуальный застой: исчерпан ресурс идей и подходов, обозначившихся в предшествующее десятилетие. Появление новых концепций во многом зависит от расширения эмпирической базы и раскрытия потенциала корпуса не только директивных, но и массовых источников, о чем пойдет речь ниже.

1.2. Массовые источники. Состав, структура, приемы обработки и анализа

Сельские «лишенцы». Изучение сельских «лишенцев» проводилось на основе комплекса личных дел «лишенцев» трех районов Новосибирского округа (области), находящихся на хранении в ГАНО: фондов исполкомов Мошковского, Кочковского и Черепановского районных советов депутатов трудящихся (Ф. Р-440, Р-400, Р-489). Обработка этого массива документов позволила составить представление об основных социально-демографических параметрах и охарактеризовать основные показатели хозяйств сельских «лишенцев» Западно-Сибирского региона.

Личные дела, заведенные на граждан, которые подавали ходатайства о восстановлении в правах, представляют собой сложный источник. Они включают документы личного происхождения, распорядительную документацию (учетные и контрольные документы — карточки и анкеты, материалы проверок, справки о деятельности, обследования), текущую переписку и т. п.

Процедура рассмотрения заявлений, жалоб и ходатайств о восстановлении в правах определяла состав документов в личных делах, поэтому дадим ей краткую характеристику. По обработанным нами личным делам лиц, лишенных избирательных прав и ходатайствовавших о своем восстановлении, прослеживается следующий порядок делопроизводства. Человек, включенный в списки лишенных избирательных прав и несогласный с этим, подавал заявление в ту комиссию, которая принимала решение о лишении его прав. К заявлению он прилагал документы, характеризующие его хозяйство, и разные документы, доказывающие его правоту или характеризующие его с позитивной стороны. После этого на лишенного избирательных прав заводилось личное дело. Сначала заявление попадало в руки одного из членов комиссии. Если последний считал, что имеющиеся документы недостаточно полно характеризуют «лишенца» или его материальное положение, то, как правило, предпринималась попытка собрать документы, опровергающие достоверность сведений о хозяйстве, представленные самим «лишенцем». Чаще всего сделать это не удавалось, и тогда члены сельизбиркомов собирали свидетельские показания. Когда все необходимые документы были собраны, из дела производилась выписка с кратким изложением содержания, причин лишения избирательных прав, определением социального статуса, рода занятий, состоятельности хозяйства и рекомендациями для окончательного решения комиссии. Сельизбиркомы были обязаны в трехдневный срок с момента получения жалобы передать ее вместе с собранными материалами в районную комиссию. По завершении подготовительной процедуры выписку вместе со всеми материалами дела представляли на очередном заседании районной комиссии, где выносилось окончательное решение, которое фиксировалось в общем протоколе заседания. Последним документом рассмотренного дела обычно становилась выписка из протокола заседания с указанием принятого решения, номера протокола и пункта повестки дня.

Если инициатор дела не был удовлетворен решением районной избирательной комиссии, то, согласно инструкции о выборах, он подавал апелляцию в вышестоящую избирательную комиссию или вышестоящий исполком (подавали ходатайства в Новосибирскую окружную, краевую комиссии, реже во ВЦИК). В этом случае дело запрашивалось вышестоящей инстанцией и рассматривалось по той же схеме. Решение комиссии доводилось до сведения ходатайствовавшего, а дело, уже дополненное новыми документами и резолюциями вышестоящей инстанции, обычно возвращалось в первичную избирательную комиссию.

Структура и состав документов в личных делах определены стремлением «лишенца» во что бы то ни стало доказать свое трудовое прошлое и настоящее (трудовой статус своего хозяйства) и лояльность по отношению к советской власти; настойчивым желанием членов комиссии глубже вникнуть в суть дела и разоблачить (если удастся) скрытого «врага» советского строя; бюрократической процедурой рассмотрения дела, т. е. совокупностью норм и правил, которые были приведены выше. Процедура рассмотрения жалобы «лишенца» являлась по существу формой следственного дознания и предполагала участие нескольких сторон, нескольких субъектов дела. Соответственно, весь комплекс документов условно можно разделить на три большие группы: 1) личные документы «лишенцев»; 2) сопроводительные документы; 3) документы комиссии.

К первой группе относятся документы, автором которых был сам «лишенец» и которые представляют его версию произошедшего, — это заявления, жалобы на ошибочность включения в списки «лишенцев», ходатайства о восстановлении в правах. В жалобах опровергается сама правомерность включения ходатай в списки «лишенцев». В ходатайствах «лишенцы» признают правомерность их лишения, но оправдываются определенными вынужденными обстоятельствами. В эту же группу следует включить карточки (реже анкеты), относящиеся к категории учетных документов. Их заполняли «лишенцы» или члены избирательных комиссий. В рассматриваемой совокупности в 46 % дел имелись карточки на лишенных избирательных прав, они содержали информацию о составе семьи, характеристики хозяйства, машин и «предприятий» крестьянина. Анкеты заполнялись на лишенных избирательных прав по ст. 65 п. «д» Конституции РСФСР 1925 г. (бывшие полицейские, бывшие белые офицеры и т. д.).

В целом личные документы сельских «лишенцев» содержат богатый фактический материал, однако использовать его следует с определенной осторожностью, поскольку заявления и ходатайства составлялись таким образом, чтобы произвести на членов комиссии благоприятное впечатление. Карточки, заполненные «лишенцами», возможно, также содержат недостоверные сведения. Вместе с тем не стоит преувеличивать степень недостоверности этого источника: все данные в заявлениях и карточках неоднократно проверялись членами избирательных комиссий разных уровней (если ходатайство не удовлетворялось районной избирательной комиссией). Сами «лишенцы» должны были подтвердить правдивость информации, содержащейся в заявлении или карточке, различными справками. Наконец, если

«лишенца»-ходатая училили во лжи, он терял шансы на восстановление, более того, это могло иметь серьезные последствия.

Ко второй группе относятся документы, подтверждающие хотя бы часть того, что ходатай изложил в своем заявлении. Члены избиркома, сомневавшиеся в правдивости информации «лишенца», делали запросы в различные организации. Данные из сопроводительных документов, составленных разными людьми, зачастую задолго до лишения избирательных прав, существенно дополняют сведения, полученные из заявления или карточки. Однако утверждать, что документы второй группы менее тенденциозны, чем первой, не совсем правильно. Например, окладные листы, динамики хозяйств, патенты, справки из финансовых органов и т. д. содержат определенную объективную информацию о доходах, состоянии хозяйства, налогах за определенный период времени (хотя необходимо учитывать, что крестьяне могли скрыть от налогообложения часть имущества, размеры посева, число лошадей или коров). Наряду с этими есть документы, на содержание которых сам «лишенец» мог оказать влияние, — это отзывы, характеристики, справки с работы, места жительства. Еще более тенденциозную информацию дают доносы соседей, представителей власти. Поэтому только при внимательном изучении, сопоставлении сведений из разных документов можно относительно объективно судить о лишенном избирательных прав.

Группа сопроводительных документов чрезвычайно разнородна по составу. В нее входят справки и характеристики, отзывы с места работы, учебы, справки по линии НКВД–ОГПУ, финансовых органов о собственности, налогах и доходах «лишенца» или его близких. Сюда же относятся справки о состоянии здоровья, копии свидетельств о расторжении брака, рождении детей. Нередко встречаются копии или оригиналы трудовых книжек, профсоюзных билетов, патентов на торговлю и удостоверения на занятия личным промыслом, окладные листы, динамики хозяйств и проч.

В третью группу входят документы, составленные в избирательной комиссии. Они отражают ход и этапы рассмотрения дела. К этой группе можно отнести выписки из дела «лишенца», из протоколов заседаний комиссий с решением по делу, резолюции комиссии с обоснованием того или иного решения, а также промежуточные директивные указания.

Документы, входящие в состав личных дел лишенных избирательных прав, носят преимущественно нарративный характер и изложены в свободной текстовой форме. Для личных дел сельских «лишенцев» характерна фрагментарность сведений и неоднородность по составу,

что существенно осложнило работу и определило особенности методики их обработки.

Массив личных дел лишенных избирательных прав по районам современной Новосибирской обл. (т. е. районы, входившие в состав Новосибирского округа, частично Каменского и частично Барабинского округов на 1930 г.) составляет 28 965 ед. хранения в 32 архивных фондах. Обработка такого количества документов потребовала бы огромных затрат времени, и даже обычная для таких случаев 10 %-ая выборка из всей генеральной совокупности (что составило бы ок. 3 тыс. дел) заняла бы много времени. Поэтому было решено создать базу данных на основе материалов нескольких отобранных описей. Конечно, такой вариант ограничивает наше исследование территорий нескольких районов, зато значительно повышает репрезентативность создаваемой базы данных. Отечественные историки накопили большой опыт работы с массовыми источниками и предлагают немало вариантов проведения разных типов выборки¹. Исходя из особенностей источника, мы сочли приемлемым составление районированной, серийной, случайной выборки. При этом принималось во внимание следующее: опись должна быть достаточно крупной (не менее 1 тыс. ед. хр.) и хронологически охватывать период с 1926–1927 гг. по 1936 г. Лишь 13 из 32 описей соответствовали перечисленным требованиям (Ф. Р-384, 400, 411, 435, 438, 440, 449, 471, 489, 490, 1175, 1207, 1242). В принципе, любая из этих 13 описей подходила для построения выборки, но следовало иметь в виду, что в удаленных от Новосибирска районах преобладали «лишенцы» трех категорий: лишенные избирательных прав за «эксплуатацию наемного труда», «владельцы сельскохозяйственных предприятий» и члены их семей. Между тем в районах, приближенных к Новосибирску, категории «лишенцев» распределялись более равномерно. Кроме того, в 1925–1926 гг. Татарск и Черепаново обрели статус городов, и это должно было определить в составе «лишенцев» этих районов более высокие доли «торговцев», «живущих на нетрудовые доходы», «бывших».

Учитывая вышеописанные особенности, районы были разделены на три типа: отдаленные (от Новосибирска) только с сельским населением (Краснозерский, Кочковский, Сузунский, Венгеровский, Каргатский, Чулымский), прилегающие к Новосибирску только с сельским населением (Ордынский, Мошковский, Колыванский, Тогучинский, Коченевский) и районы, в которых преобладало сельское население, но также имелось население небольших городов (Черепановский и Татарский). Предстояло выбрать описи, относящиеся к трем районам. Методом жеребьевки были отобраны три описи: из первой группы

Ф. Р-440 (Кочковский район значительно удален как от Новосибирска, так и г. Камня-на-Оби), из второй — Ф. Р-400 (Мошковский район) и из третьей — Ф. Р-489 (Черепановский район). В дальнейшем именно эта совокупность и будет называться генеральной.

В исторической информатике отбор объектов из генеральной совокупности обычно производят повторным механическим способом с помощью таблицы или генератора случайных чисел, либо через определенный интервал. Однако подобный отбор не позволяет учесть одну важную особенность массива личных дел «лишенцев». Она заключается в том, что на одного и того же человека могло быть составлено и храниться несколько дел. Для выяснения всех обстоятельств дела и включения всех сведений о попавшем в выборку «лишенце» необходимо составлять не механическую, а серийную случайную выборку, т. е. отбирать личные дела в том порядке, в каком они находятся в архивохранилище. Система комплектования и хранения дел «лишенцев» позволяет построить выборку указанным способом. Дела составлены в алфавитном порядке, поэтому равные шансы попасть в большую серийную выборку имеют дела всех возможных категорий за весь рассматриваемый период. В отдельной коробке хранится по 100–120 дел. После определения размера выборочной совокупности случайным образом отбирались по две коробки, относящиеся к Мошковскому и Кочковскому районам, и три — к Черепановскому району.

Следующим шагом стала оценка достаточности объема выборки. Выборочный метод основан на законе больших чисел, согласно которому с ростом объема выборки выборочное среднее (при ограниченном рассеянии признака) с очень большой вероятностью стремится к генеральной средней как к своему пределу².

10 %-я выборка (358 дел) (мы взяли по коробке личных дел из трех указанных описей) показала слишком большие значения ошибок по большинству признаков (как по хозяйственным показателям, так и биографическим), превосходящие не только 5 % (от средней частоты информационных групп), но и 10 %, что является совершенно неприемлемым для нашего исследования. 15 %-я выборка (537 дел) показала, что она вполне пригодна для работы с большинством информационных групп, поскольку адекватно отражает процедуры лишения и восстановления в правах, основные демографические (включая не только возраст и пол, но и размер и состав семьи) и биографические (уровень грамотности, национальность, виды деятельности, занятие выборных должностей, участие в войнах и служба в армиях и т. д.) сведения, многие хозяйственные показатели (количе-

ство посева, скота, доходность, налогообложение). Однако из-за значительной нерегулярности сведений 15 %-ая выборка недостаточна для работы с информацией о хозяйстве (владение «сельскохозяйственными предприятиями», доходность этих «предприятий», сдача внаем сельскохозяйственных машин, применение наемного труда, оборот торговли), то же — о мотивации при восстановлении. Для пробной 15 %-й выборки значения ошибок оказались слишком велики для ряда хозяйственных показателей: 8 %, и в среднем значения по восьми показателям превышали 5 % (5,2–6,7 %) от среднего значения признака. Это указывало на необходимость пополнения базы данных, после которого ее объем составил 20 % (716 дел). Этот объем был уже достаточным для проведения исследований по основным информационным группам. По всем интересующим нас основным показателям (демографические, биографические, хозяйственные) значение ошибок выборки не превышает 5 %, что является вполне приемлемым для проведения научного исследования. По значительной части показателей ошибки не превышают 3 %, что свидетельствует в пользу проведения именно 20 %-й выборки. Итак, 20 %-я выборка из описи Кочковского района составила 211, Мошковского — 200, Черепановского района — 305 личных дел.

После определения необходимого объема выборки обычно создается база данных, но в современных исследованиях обе процедуры осуществляются параллельно. Проведенное нами исследование не стало исключением. На сегодняшний день существуют два основных подхода к проектированию исторических баз данных — проблемно-ориентированный и источник-ориентированный. И первый, и второй имеют свои достоинства и недостатки³. Первый широко распространен в исторической информатике и успешно используется с 1970-х гг.⁴ Проблемно-ориентированному подходу соответствует метод «унифицированной анкеты» и создание реляционных баз данных. Исходя из задач исследования, мы остановились на проблемно-ориентированном подходе.

При работе с делами «лишенцев» использовалась методика «унифицированной анкеты». Сложность работы с «унифицированной анкетой» в случае с делами сельских «лишенцев» заключалась в том, что в них, как правило, отсутствовал высокоструктурированный документ, поддающийся строгой формализации. Поэтому в «унифицированную анкету», согласно методике контент-анализа, включались признаки, ответы на которые содержатся во всех или в большинстве личных дел. Сведения источника при переносе в базу данных подвер-

гались формализации и кодированию. Для дел сельских «лишенцев» были выделены 29 признаков и 210 градаций⁵.

Как показывает исследовательский опыт, задача по созданию машиночитаемых документов со сложной структурой решается при выполнении трех важных условий⁶. Во-первых, данные должны записываться в такой машиночитаемой форме, чтобы их воспроизведение максимально подробно отражало содержание личных дел, хранящихся в архиве. Во-вторых, фиксация данных должна осуществляться по принципу «свободной записи», когда значение вариаций признаков в основном выявляется в процессе работы по переводу сведений в машиночитаемую форму. В-третьих, обработка массовых данных должна предусматривать применение разных исследовательских методов.

В результате проделанной работы по формированию машиночитаемого архива данных была составлена своеобразная «книга кодов». Ее создание позволило решить две задачи: представить в виде чисел информацию о качественных признаках и выявить все изменения признаков, характеризующих «лишенцев». Например, при кодировании признака «место рождения» было выделено 14 районов, признака «национальность» — 10 национальностей.

Более сложной работой стало выявление всех видов деятельности «лишенцев» и сведение их к единым кодам. Для сельских «лишенцев» нами определен 21 вид деятельности, в разные периоды их число значительно колебалось: так, до 1914 г. выявлено 12 видов занятий; в годы советской власти в разные периоды — от 11 до 16. Аналогично анализировалась мотивация, которую выдвигали «лишенцы» для восстановления в правах. Первоначально было выявлено более 40 разных аргументов, приводимых в заявлениях и ходатайствах. Однако в результате объединения в более крупные группы осталось 12 аргументов.

При изучении данных, характеризующих сельских «лишенцев», представлялось важным оценить критерии крестьянских хозяйств. При анализе дел определены следующие признаки: количество едоков в семье, количество работников в семье, стоимость имущества, доходность хозяйства, сумма уплачиваемого сельскохозяйственного налога, обеспеченность хозяйства сельскохозяйственными машинами, сдача их внаем, владение сельскохозяйственными предприятиями, наличие рабочего скота в хозяйстве, количество домашних животных, количество посева, применение наемного труда в хозяйстве, наличие неземледельческих заработков.

Достаточно сложной представлялась оценка хозяйства крестьянина, лишенного избирательных прав, поэтому фиксировались оцен-

ки имевшегося хозяйства и имущества как властями, так и самими «лишенцами». В результате в ряде показателей, таких как доходность хозяйств, сумма уплачиваемого налога, владение и сдача внаем сельскохозяйственных машин и «предприятий», применение наемного труда в хозяйстве, пришлось вводить дополнительные пункты, учитывавшие расхождения в сообщаемых сведениях.

Завершающим этапом стала подготовка базы данных и ее обработка с целью получения одномерных распределений, рассчитываемых по всему объему данных, и таблиц сопряженности, дающих количественную меру сочетаний тех или иных свойств объекта изучения. Результаты исследования представлены в гл. 2 данной работы.

Спецпереселенцы. Наличие ряда обобщающих работ по истории крестьянской ссылки не снимает, тем не менее, необходимости в дальнейшей разработке данной темы. Выражаясь языком археологической науки, историками крестьянской ссылки снят пока самый верхний пласт информации о данном феномене. Иначе говоря, исследователи работали на том источниковом пространстве, которое предоставлялось делопроизводственной документацией карательных органов, хранящейся прежде всего в фондах федеральных архивов. Работами В. Н. Земскова и отчасти В. Я. Шашкова почти полностью исчерпан информационный потенциал фонда Отдела спец(труд)поселений в ГА РФ (Ф. Р-9479). Н. А. Ивницкий работал с фондами Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ–НКВД. Введены в научный оборот основные документы и материалы, характеризующие законодательно-нормативную основу антикрестьянских репрессий в форме высылки на спецпоселение, опубликована большая часть карательной статистики по спецпереселенцам, основные документы отчетного характера за разные периоды существования спецпоселений.

Тем не менее, существует ряд важнейших аспектов данной темы, разработка которых лимитирована состоянием и структурой доступной историкам источниковой базы. В частности, практически вне поля внимания исследований находится область экономики, режима спецпоселений, повседневной жизнедеятельности «контингента» спецпоселений. Очевидно, что подобного рода информация нашла определенное отражение в документах, введенных исследователями в научный оборот, но она столь тенденциозна, что требует критического подхода к ее анализу и использованию. В источниковедении хорошо известен феномен утраты и искажения части информации по мере ее агрегирования, перевода на более высокий уровень обобщения. Это традиционно происходило при подготовке аппаратом репрессивного ведомства обобщающих сводок или докладов для директивных орга-

нов (ЦК, СНК). Общая ситуация рисовалась в таких документах усредненной, сглаженной. Между тем в фондах федеральных архивов историки работали именно с такими группами источников. Существовали значительные временные лакуны для сводной экономической информации: первые обобщающие отчеты по экономической деятельности спецпереселенцев появились только в 1935 г., а 1937-й год стал последним для документов такого рода. Но и эти годовые отчеты отражали лишь производственную и финансовую деятельность т. н. сельскохозяйственного сектора спецпоселений и не затрагивали использование труда спецпереселенцев в сферах промышленности, строительства и транспорта. То же касается и режима спецпоселений: удовлетворительный учет движения «спецконтингента» был налажен только с 1932 г., тогда как первые два года существования спецпоселений характеризовались состоянием хаоса. Весьма специфично отражена в официальных источниках и повседневная сторона жизни спецпереселенцев. Настроение и поведение последних характеризовалось либо через перечень примеров (положительной или отрицательной направленности с точки зрения интересов власти), либо в очень обобщенной форме.

Вместе с тем очевидно, что имеется громадный по своему источниковому разнообразию и потенциалу корпус документов, вовлечение которого в научный оборот только начинается. Речь идет о массовых источниках, хранящихся в фондах местных государственных и ведомственных архивов, — это списки и документация, сформированные в процессе высылки крестьянских семей, восстановления спецпереселенцев в избирательных правах, личные дела глав семей, находившихся на спецпоселении. Именно такого рода источники содержат разнообразную и важнейшую информацию о настроениях и повседневной жизнедеятельности крестьян — спецпереселенцев, которая попросту растворялась в недрах официального делопроизводства, не доходя до «верхнего», директивного уровня. Значимость и ценность этого вида источников еще и в том, что только путем обработки и систематизации содержащейся в них информации можно получить новые знания, не содержащиеся в директивной информации.

Для карательной статистики крестьянская семья являлась не более чем формальной единицей учета. Однако из-за специфики данного вида репрессий (высылка семьями) именно семья являлась своего рода интегративной микросистемой, изучение которой позволяет оценить не только результативность государственной репрессивной политики (успехов или провалов), но и ответную реакцию крестьян на действия политического режима. Именно на этом, первичном,

уровне проявлялись стратегии и тактики, к которым прибегали крестьяне в экстремальных условиях спецпоселения.

Ниже мы рассмотрим основные характеристики указанных выше массовых источников, структуру, источниковый потенциал и методы их обработки.

Территория Сибири являлась одной из регионообразующих для формирования и эволюции системы крестьянских спецпоселений. Сюда наряду с севером Европейской России и Уралом направлялся основной поток репрессированных крестьян с запада на восток и с юга на север: на протяжении 1930-х гг. в сибирских комендатурах обреталось от 25 до 35 % спецпереселенцев страны. Вместе с тем в комендатурах Сибири находились преимущественно сибирские же крестьянские семьи. За счет проводившихся т. н. внутрикраевых высылки доля сибиряков в составе спецпереселенцев достигала двух третей. Практиковалась «переброска» крестьян из южных и западных районов Сибири в северные и восточные. Сказанное не исключает обратного: в 1933 г. в ходе «зачистки» приграничных территорий в Забайкалье около 2 тыс. семей были депортированы с востока на северо-запад Сибири в комендатуры Нарымского края.

Карательные органы в ходе высылки — и массовых, и локальных — стремились «перебросить» крестьянские семьи не только за пределы района прежнего проживания, но и округа и даже области. Это создает основные трудности при восстановлении судеб крестьянских семей. Как правило, информация об этом разорвана на два крупных блока и хранится в разных ведомственных архивохранилищах. В местных районных и областных (краевых) государственных архивах отложились, и далеко не в полном объеме, документы о высылках крестьянских семей. Первичная документация содержит обоснование для применения высылки и оформлена в виде протоколов местных органов власти, списков на высылку, карточек учета высылаемых и т. д. Они содержат первичную информацию о репрессированных крестьянских семьях на «входе» в систему спецпоселений.

Второй информационный блок составляют документы делопроизводства собственно карательного ведомства ОГПУ — НКВД — МВД. Они отражают период пребывания крестьянских семей на спецпоселении и являются ключевыми для восстановления персоналий жертв политических репрессий. Основную роль здесь играют документы регистрационного и учетного характера, представленные картотекой и личными делами спецпереселенцев, хранящимися ныне в архивных отделах (спецфондах) информационных центров УВД разных областей и краев.

Характеристика источников, хранящихся в государственных архивах. Наибольшую трудность для выявления, обработки и систематизации сведений об антикрестьянских репрессиях представляют хранящиеся в местных государственных архивах материалы о высылках крестьянских семей. Первичный эмпирический материал, представленный протоколами сельских сходов, заседаний групп бедноты, решениями районных чрезвычайных органов, созданных «под высылку» («троек», «пятерок»), а также сводные списки на высылку по отдельным сельсоветам и затем сведенные в порайонные списки, — все это, некогда громадное по объему, делопроизводство оказалось либо «распыленным» между районными и областными органами, либо уничтожено или утрачено в ходе реорганизаций местных органов. Так, практически исчезли (за редкими исключениями) списки на конфискацию имущества «раскулаченных» хозяйств, поскольку сама экспроприация проводилась без соблюдения формальных процедур и ее организаторы на местах либо ее не документировали вовсе, либо постарались от списков избавиться тотчас же как от компрометировавших власть сведений.

Крайне непростой является работа со списками на высылку, особенно применительно к 1930 г., когда существовало разделение крестьянских семей на две категории: 2-ю, куда определяли тех, кто высылался за пределы прежнего места проживания в отдаленные территории, и 3-ю, куда включали семьи, расселяемые в пределах того же административного района как менее опасные для властей. Необходимость проводить весьма зыбкую и нечеткую грань между этими двумя группами в сочетании со спешкой и субъективизмом в отношении между высылавшими и высылаемыми приводила к процедурной пестроте и неразберихе в составлении списков. Последние, как правило, изобиловали многочисленными уточнениями, вопросами на полях. При этом нередко имели место переводы семей из одной категории в другую, оставляя непонятной для исследователя дальнейшую судьбу семьи. Весьма важное значение имеют пометы на протоколах и списках на высылку: об арестах и содержании под стражей глав семей, о бегстве глав или семей целиком с мест своего проживания и т. д. Дополнительную сложность в выяснение судеб семей вносят резолюции типа «выяснить», «отложить решение» и т. д. Доля таких помет на страницах документов весьма велика.

Необходимо учитывать и крайнюю фрагментарность сведений о самих высылаемых семьях. Устойчивой и бесспорной можно считать лишь информацию по следующим трем параметрам: фамилия,

имя, отчество главы крестьянской семьи; количество членов семьи (душ, едоков); место высылки. Однако не во всех протокольных записях и списках на высылку упомянутые выше сведения даны с требуемой полнотой. Так, вместо полного написания имени и отчества встречаются сокращения альтернативного толкования (например, Ан. или Ал.), или только инициалы. Напротив, в ряде протоколов и списков на высылку встречаются более полные сведения о составе семьи, включающие имена членов семьи с указанием их возраста. Тем не менее, сам факт перечисления членов семьи еще не означал того, что все они подлежали высылке. Место высылки обозначалось в документах с разной степенью подробности. Нередко указывались данные только о сельском совете и районе без указания конкретного населенного пункта, откуда осуществлялась высылка.

Вместе с тем в местных государственных архивах содержатся комплексы документов, позволяющие дополнить и перепроверить имеющиеся в протоколах и списках на высылку сведения о высылаемых семьях. Это разного рода документы о сельских «лишенцах» (протоколы о лишении глав семей избирательных прав, списки, личные дела сельских «лишенцев»). Поскольку круг высылаемых, как правило, определялся исходя из имевшихся в тот момент в деревне «лишенцев», то персонально эти две категории, за редкими исключениями, совпадали. Это обстоятельство и позволяет проводить процедуру сравнения и дополнения требуемой информации.

Кроме того, в отдельных делах фондов райисполкомов (РИК) оказались личные учетные карточки на глав семей, поскольку эти карточки заполнялись при высылке в двух экземплярах, один из которых должен был храниться в сельсовете по месту высылки, а другой оказывался документом № 1 в личном деле депортированного. При этом следует констатировать ничтожно низкий процент сохранности этих ценнейших первичных источников в фондах райисполкомов: из рассмотренных в ГАОУ 30 таких фондов карточки были выявлены лишь в двух из них, да и то не по всем сельсоветам.

Таким образом, можно констатировать, что при обращении к материалам фондов государственных архивов удастся реконструировать далеко не все, да и то не с требуемой полнотой и достоверностью, общие и персонифицированные данные о высылке крестьянских семей. В процессе сопоставления, перепроверки и дополнения одних источников другими появляется возможность дать лишь неполный список глав крестьянских семей с указанием места и времени их высылки. Отмеченное обстоятельство повышает роль и значение такого массового

источника как личные дела глав семей или одиночек, хранящиеся в информационных центрах УВД областей и краев России и сопредельных территорий, входивших ранее в состав СССР.

Личные дела крестьян-спецпереселенцев. Личные дела, формировавшиеся делопроизводством ОГПУ–НКВД–МВД на глав семей или одиночек, имели различную по объему и структуре документную базу; внутри некоторых из них хранятся следственные дела, заведенные в случае побега и поимки спецпереселенца. Однако в основном личные дела включают сравнительно небольшой перечень документов как официального делопроизводства, так и личного происхождения. Среди делопроизводственных материалов необходимо учитывать сопровождавшие спецпереселенца и его семью в момент отправки в ссылку и являвшиеся основанием для высылки документы: справку о лишении избирательных прав, выписку из постановления РИК о высылке главы семьи вместе с домочадцами и личную карточку главы семьи, заполнявшуюся представителями сельсовета и карательного органа в двух экземплярах. Наиболее информативной из них является личная карточка главы семьи или одиночки, фиксировавшая состояние главы семьи и ее членов на момент депортации.

Личная карточка, или форма № 1, была введена в оборот в феврале 1930 г. и служила основным документом, с которого начиналось формирование личного дела на главу крестьянской семьи. Будучи регистрационным документом, личная карточка не претерпела существенных изменений на протяжении первой половины 1930-х гг. Изменялись только должности лиц, проводивших высылку или проверявших на сборных пунктах достоверность сообщаемых в карточке сведений. Так, в 1930 г. карточку подписывал уполномоченный, проводивший высылку, а ниже ставилась подпись уполномоченного следственной группы ОГПУ. В 1931 г. личную карточку подписывал также уполномоченный «райпятарки по выселению», а в процедуре проверки данных участвовали комендант сборного пункта и райуполномоченный ОГПУ. В ходе высылки 1935 г. первую подпись ставил представитель управления НКВД, затем начальник сборного пункта и начальник райотдела НКВД.

Личная карточка включала 11 пунктов, подлежавших заполнению, фактически же их насчитывалось 12, поскольку под заглавием и без нумерации помещалась графа о районе и селе, где проживал глава высылаемой семьи. Ниже приводим перечень пунктов:

1. Фамилия, имя и отчество.
2. Год и место рождения.

3. Состав семьи (указать имя, отчество, возраст, где проживает, перечислив всех членов семьи).

4. Национальность, бывшая сословная принадлежность и социальное положение.

5. Лишен ли избирательных прав.

6. Род занятий (основной и подсобный).

7. Служба в старой и (особо) белой и др. контрреволюционных армиях, формированиях, бандах и т. п. (в каких частях, в каком чине и в какое время).

8. Есть ли члены семьи, служащие в Красной армии (кто и где).

9. Подвергался ли суду или адм. взысканиям (подробно, где, за что, какой приговор и отбыл ли наказание).

10. Состоял ли к моменту выселения членом колхоза, работал ли к моменту выселения в госпредприятиях, совхозах и прочих госкоопучреждениях (указать подробно, где именно).

11. Политхарактеристика (здесь указать сущность постановления бедняцко-батрацкого актива в отношении данного лица, его общую характеристику и перечислить имеющийся конкретный материал).

Из перечисленных выше параметров сущностными для целей создания базы данных являются первые пять, а также зафиксированная без номера информация о месте высылки. Остальные графы карточки фактически служили подтверждением «правильности» или «неправильности» высылки: например, п. 8 позволял выявлять на сборных пунктах те семьи, члены которых служили в Красной армии и не попадали под высылку и т. д.

При поступлении на поселение на глав семей заводилась семейная карточка (форма № 8), формуляр которой также практически не подвергался изменений на протяжении 1930–1940-х гг. Лицевая сторона (в верхней части содержались графы без нумерации: дата прибытия на поселение, место поселения (область, район, поселок) и основание к вселению, далее шла информация по пунктам):

1. Фамилия.

2. Имя, отчество.

3. Национальность.

4. Год рождения.

5. Место рождения.

6. Местожительство до переселения.

7. Образование.

8. Социальное происхождение.

9. Социальное положение.

10. Специальность общая — узкая — стаж.

11. Служба в армии.

12. Судимость.

13. Трудоспособность.

14. Местопребывание главы семьи.

Оборотная сторона содержала графы без нумерации: ф. и. о. членов семьи, степень родства, пол, год рождения, образование, специальность, кем работает, прибытие и выбытие из состава семьи.

Семейные карточки были заведены не сразу: в просмотренных делах первые карточки датированы 1933–1934 гг. В личном деле встречается несколько семейных карточек. Если глава семьи — как основная единица учета — не менялся на протяжении всего пребывания семьи на спецпоселении, то карточка только одна. Новая заводилась в случае смерти, побега, призыва в армию в годы войны или ареста и т. д. В таком случае главой семьи становилась жена, об этом на карточке мужа делалась соответствующая помета. Если что-либо происходило с женой, то роль главы семьи начинал выполнять кто-то из сыновей или дочерей. Семейная карточка является более информативным документом, т. к. в нее вносились все происходившие с семьей на поселении события — от смерти одних до рождения новых членов семьи.

Следующим по времени введения в карательное делопроизводство документом общего характера стала анкета главы семьи о пребывании на поселении, которая была разработана и введена предположительно в 1940 г. (датирована по наиболее ранней дате заполнения) в связи с проводившимися в этот период проверкой и переучетом спецпереселенцев. В отличие от предыдущих документов, анкета не имела типографского бланка и изготовлялась машинописью без нумерации, но информация излагалась в следующем порядке:

1. Ф. И. О. главы семьи.

2. Год рождения.

3. Место рождения.

4. Откуда высылался.

5. Место проживания до момента выселения (подробно место проживания и в каком году).

6. Кем выселялся (сельсоветом, райисполкомом, тройкой по выселению, органами НКВД).

7. Дата выселения, Ф. И. О., сколько лет главе семьи в момент выселения.

8. Состав семьи, их возраст в момент выселения, кто из семьи выехал на поселение, кто остался на старом месте и почему.

9. Объем хозяйства до революции и после революции.

10. Был или нет в хозяйстве наем рабочей силы, как постоянной, так и временной, указать сколько.

11. Кто из семьи лишился голоса.

12. Занимался или нет торговлей.

13. Куда первоначально был поселен, указать районную, поселковую и участковую комендатуру, район и поселок.

14. Указать все перемещения из комендатур с подробным адресом.

Все указанные выше регистрационно-учетные документы общего характера заполнялись на основании информации самих спецпереселенцев и проверялись, а подписывались только работниками спецорганов. Ситуация несколько изменилась в конце 1940-х гг., когда для спецпереселенцев была введена новая анкета, в которой обобщались все наиболее значительные сведения о жизни переселенцев до и после депортации. Впервые была предусмотрена личная подпись под анкетой самих спецпереселенцев: тем самым на них возлагалась ответственность за правильность сообщаемых ими о себе и своих близких сведений.

Анкета конца 1940-х гг. содержала 21 пункт (помимо этого существенное значение имели предварявшие анкету графы о месте заполнения анкеты — местоположение и номер спецкомендатуры и категория учета). Данная анкета дополняла и уточняла предыдущую только в части учета событий Великой Отечественной войны (вопросы о службе в армии, о пребывании на временно оккупированной территории и т. д.).

Помимо карточек и анкет в личных делах спецпереселенцев сохранялись и другие документы, отражавшие изменение положения, статуса спецпереселенца. К их числу следует отнести запросы о розыске бежавших из комендатур крестьян, справки и удостоверения о восстановлении переселенцев в избирательных правах, о снятии со спецучета (по достижении совершеннолетия, в связи с призывом в армию и т. д.). Эта делопроизводственная документация является вспомогательной при проверке сведений общего характера, т. к. содержит обязательные персональные данные: о возрасте спецпереселенца, месте и времени высылки, о том, где находится семья в данный момент. При этом подобные документы содержат подтвержденную информацию о существенных событиях в жизни спецпереселенца (побег, восстановление в избирательных правах, призыв в армию, снятие с учета, выезд на учебу и т. д.).

Таким образом, в своей совокупности документы официального делопроизводства, которые составляют подавляющую часть в личных делах спецпереселенцев, позволяют реконструировать основные сведения о семьях крестьян — спецпереселенцев в следующем виде:

1. Фамилия, имя, отчество главы семьи.
2. Год рождения.
3. Место рождения.
4. Место проживания в момент высылки.
5. Дата высылки (год, месяц).
6. Состав семьи (ф. и. о., степень родства, дата рождения/возраст, изменения в составе семьи в период пребывания на поселении — смерть, рождение, побег, призыв в армию и т. д.).
7. Место поселения (первоначальное и далее на момент снятия с учета).
8. Основание и дата снятия с учета главы семьи.
9. Архивный номер дела.
10. Примечания (изменения в статусе главы семьи в период пребывания на поселении — смерть, побег, арест, призыв в армию, восстановление в правах и т. д.).

Отмеченное выше свидетельствует о том, что подлежащие внесению в базу данных сведения делятся на два информационных блока: общие сведения о главе семьи и ее членах; сведения о пребывании главы семьи и ее членов на спецпоселении.

Опыт работы с личными делами крестьян-спецпереселенцев позволяет выделить ряд специфических трудностей, которые связаны прежде всего с общим низким уровнем делопроизводства карательных органов, недостаточной квалификацией работников низового звена спецпоселений, а также рядом особенностей традиционного крестьянского мировоззрения (преувеличивать одни факты и замалчивать другие). Разнобой в написании фамилий, имен и отчеств можно объяснить тем, что работники карательных органов вносили непредумышленные искажения в тексты, записывая их со слов спецпереселенцев. Однако разночтения в датах рождения или в возрасте встречаются еще более часто, и в этом свою роль играли мотивы самих спецпереселенцев: увеличение возраста стариков давало возможность ходатайствовать об их передаче на иждивение родственникам, а увеличение возраста детей на несколько лет (от 1 до 3 лет) позволяло последним сняться с учета спецпоселений по достижении 16-летнего возраста раньше действительного срока. В случаях расхождений в написании фамилий и имен, а также дат рождения, следует брать правилом передачу альтернативной информации в скобках.

Большую трудность представляют допускаемые работниками органов искажения в написании географических названий территорий и мест рождения глав семей, а также территорий и мест высылки семей. Нередко в карточках и анкетах указываются и старые и новые (советские) названия административно-территориальных образований, когда речь идет о дореволюционном времени (Вятка — Киров, Оренбург — Чкалов и т. д.). Еще больше искажений допускается при передаче географических названий более низкого уровня (район, сельсовет, селение). Неразборчиво написанное или данное в сокращении в карточке на высылку название создает почву для дальнейших искажений при воспроизводстве информации в карточках и анкетах более позднего времени. Вероятно, данное обстоятельство и послужило причиной того, что в конце 1940-х гг. для остававшихся на учете крестьян была введена необходимая ознакомительная подпись самого спецпереселенца, дабы устранить искажения, накопившиеся при переносе информации в предыдущие годы. Поэтому наиболее достоверными географическими названиями следует считать те, что фиксировались органами при высылке, и те, что фиксировались анкетами последних лет. То же справедливо и в отношении информации о месте спецпоселения.

При выявлении состава семьи спецпереселенцев и степени их родства исследователь нередко сталкивается с расхождением данных, указанных в разных документах. В личных карточках на высылку отмечалась информация, которая далее могла не совпадать (порой существенно) с данными семейной карточки, заполнявшейся на поселении через 2–3 года. Имели место случаи высылки неполных семей, часть членов которых в момент депортации успевала скрыться, однако в последующем члены семьи могли вновь воссоединиться на поселении (из лагерей возвращались мужчины, родственники привозили родителям малолетних детей и т. д.). В этих случаях возникает необходимость в просмотре и сопоставлении всей имеющейся в деле информации о составе семьи и изменениях в ней на протяжении длительного времени. Наибольшей полнотой здесь обладают семейные карточки с теми дополнениями, которые вносились туда в 1930–1940-е гг. Самые точные и документированные свидетельства в личных делах затрагивают факты смерти, рождения, ареста и призыва в армию. Все сведения такого рода являются официально зарегистрированными и датированы с точностью до дня и месяца события.

В процессе работы с источниками появилась потребность в сокращении числа параметров, необходимых для внесения в будущую базу данных. Так, нами признаны малоинформативными либо пред-

ставленными весьма фрагментарным образом следующие общие сведения: национальность, сословная принадлежность, лишение избирательных прав, род занятий, судимость (до высылки). Практически идентичными для всех репрессированных крестьян являются такие признаки как сословная принадлежность и род занятий. То же касается и графы о лишении избирательных прав (практически в 100 % случаев базовым признаком для отправки на поселение служило лишение ранее главы семьи избирательных прав).

Сказанное выше позволяет считать, что материалы делопроизводства карательных органов (карточки и личные дела) в соединении с материалами делопроизводства государственных органов дают возможность создать информационную основу для создания базы данных о репрессированных крестьянах на спецпоселении. Результаты проведенного на этой основе исследования представлены в гл. 4 данной работы.

Глава 2. СЕЛЬСКИЕ «ЛИШЕНЦЫ» (1926–1936 гг.)

2.1. Демографические и социальные характеристики

Исследование сельских «лишенцев» проводилось на примере трех районов Новосибирской области — Кочковского, Мошковского и Черепановского. В 1925–1930 гг. они входили в состав двух округов — Новосибирского (Мошковский и Черепановский) и Каменского (Кочковский).

Тенденции изменения численности лишенных избирательных прав, типичные для сельской местности страны, республики и Сибирского края, получили полное отражение в Новосибирском и Каменском округах. В 1926/27 гг. в Новосибирском округе «лишенцев» насчитывалось 9 010 чел. (3 % от взрослого населения округа), в Каменском — 6 469 чел. (3,2 % от взрослого населения округа), в Сибирском крае — 102 489 чел. (2,9 % от взрослого населения края)¹. В 1929 г. численность «лишенцев» в этих округах значительно выросла, в Новосибирском округе она составила 14 226 чел. (4,2 % от взрослого населения округа), Каменском — 7 685 чел. (4 % от взрослого населения округа), в Сибирском крае — 165 866 чел. (4,4 % от взрослого населения края)². Достоверные сведения о численности лишенных избирательных прав в кампанию 1930/31 гг. и в 1934 г. отсутствуют; официальная статистика показывала уменьшение этой категории в 1931 г. до 3,5 %³, в 1934 г. — до 2,6 %⁴. Эти данные вызывают сомнения, поскольку не известны основания для сокращения численности «лишенцев» во время проводившихся «раскулачивания» и высылки «кулаков».

В ГАНО в составе 32 архивных фондов хранится 28 965 личных дел, заведенных на лиц, лишенных избирательных прав. Для исследования были отобраны три описи фондов Кочковского (Ф. Р-440. Оп. 1), Мошковского (Ф. Р-400. Оп. 1) и Черепановского (Ф. Р-489. Оп. 1) районов. Принципы выбора указанных районов и репрезентативности выборки личных дел сельских «лишенцев» подробно рассмотрены при характеристике источников и методики их обработки. Составлялась районированная, серийная, случайная 20 %-я выборка из личных дел, заведенных на лиц, лишенных избирательных прав.

Она включает 716 дел (211 дел из Кочковского, 200 — из Мошковского и 305 — из Черепановского районов). Указанный массив личных дел сельских «лишенцев» явился источником для составления базы данных и расчетов. Описи всех перечисленных районов охватывают 1926–1936 гг.

В информативном плане личные дела сельских и городских «лишенцев» существенно различаются. Особенность дел горожан — подробное изложение биографий, из которых можно почерпнуть весьма полные персональные данные социально-демографического характера. В делах сельских «лишенцев» акцентируется внимание на характеристике хозяйства (особенности становления и изменения), составе и численности семьи. Подробные данные о хозяйстве приводятся лишь в качестве дополнения. Сведения о возрасте, образовании, заслугах перед новой властью включены в дела даже «бывших», священнослужителей, которых лишали избирательных прав по иным, нежели крестьян, мотивам.

Деление сельских и городских «лишенцев» на категории происходило по-разному. Так, среди новосибирских «лишенцев» власти в сводках выделяли две категории «бывших»: белых офицеров и полицейских. «Бывшие» среди сельских «лишенцев» составляли столь малую долю (2,06 %), что необходимости в их дополнительном разделении не было. В группе городских «лишенцев» не выделялись в отдельную категорию владельцы сельскохозяйственных «предприятий» (мельники, владельцы кожевенных, маслодельных и прочих предприятий), тогда как среди сельчан они представляли значительную по численности категорию (более 14 %).

Разделение на пункты оснований для лишения избирательных прав сельчан было достаточно условным. Очень редко людей лишали прав, исходя из одного пункта ст. 65 Конституции или инструкции. Обычно лишали прав по двум-трем пунктам. Многих из этих пунктов, например «участие в Колыванском восстании», «агитация против советской власти», «антисоветский элемент», «агитация против коллективизации с библией», «злостный убой скота и сокращение посева», «неуплата индивидуального обложения» никогда не существовало в официальных избирательных инструкциях. Даже против «бывших» и священнослужителей, помимо основного, выдвигали обвинения в эксплуатации наемного труда, сдаче внаем сельскохозяйственных машин, ведении торговли и т. п. Поэтому при группировке категорий выделялся основной пункт лишения (ведение торговли, служба в царской полиции и т. д.) или два, как в случае с «кулаками» (эксплуатация наемного труда и сдача сельскохозяйственных машин в аренду).

В Новосибирске второй половины 1920-х гг. значительную по численности категорию составляли «бывшие», которые заметно выделяясь по целому ряду характеристик, влияли на картину в целом. Сельские «лишенцы» разительно отличались от городских. На первый взгляд, доля торговцев, владельцев, «бывших» и священнослужителей в 1930-е гг. была значительно ниже, нежели в 1920-е (табл. 1).

Доля «бывших» и священнослужителей была незначительной (в совокупности эти две категории составляли лишь 6 %). Владельцы сельскохозяйственных «предприятий», торговцы, псаломщики, начетчики баптистов, председатели религиозных общин, бывшие полицейские и жандармы по основным социально-демографическим параметрам мало отличались от обычных крестьян. Иными словами, по социально-демографическому облику изучаемая группа была достаточно однородной — как в 1920-е гг., когда «кулаки» составляли лишь 35 %, а доминировали другие категории, так и в 1930-е гг., когда «кулаков» среди сельских «лишенцев» было 66 %. Вместе с тем нельзя сказать, что сельские «лишенцы» 1920-х и 1930-х гг. не различались вовсе. Значимые различия (не столько между категориями, сколько внутри них) прослеживаются по уровню доходности хозяйств, количеству посева, скота и т. д. Ввиду большого сходства сельских «лишенцев» двух десятилетий по социально-демографическим параметрам, все данные приводятся отдельно по категориям в целом за весь изучаемый период.

Таблица 1

Распределение сельских «лишенцев» по категориям и по годам подачи апелляций*, % к итогу**

Год лишения	«Кулаки»	Торговцы	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	Бывшие белые офицеры и служащие полиции	Члены семей	По всем категориям
1927	1,1	12,5	6,2	25,9	35,7	0	5
1928	10,6	30,2	44,3	63	35,7	15,4	21,5
1929	21,8	26	33	11,1	14,3	13,4	22,2
1930	31	11,5	10,3	0	14,3	46,4	25,9
1931	12	12,5	4,1	0	0	11,3	10,2
1932	6,8	4,2	1	0	0	4,1	4,9

Год лишения	«Кулаки»	Торговцы	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	Бывшие белые офицеры и служащие полиции	Члены семей	По всем категориям
1933	13,7	2,1	0	0	0	4,1	8
1934	2,6	1	1	0	0	3,1	2
1935	0	0	0	0	0	2	0,3

* Как правило, годы лишения избирательных прав и подачи первой апелляции совпадали (мы учитывали первую по времени апелляцию, если отсутствовали достоверные сведения о годе лишения).

** Составлена на основании базы данных, составленной по результатам обработки личных дел сельских «лишенцев».

Доля женщин среди сельских «лишенцев» была существенно ниже, чем среди городских и составляла лишь 7 % от общей численности изучаемой группы. Как и среди городских «лишенцев», женщины-сельчанки лишались избирательных прав в основном как члены семей (73 %). Это были матери, жены, дочери, снохи глав семей, которые по разным причинам самостоятельно подавали заявления на восстановление в правах. «За эксплуатацию наемного труда», т. е. как «кулаки», было лишено избирательных прав 10 % женщин. В отличие от горожанок женщины в сельской местности редко лишались избирательных прав за занятие торговлей, их доля составляла лишь 4 % (как правило, торговля велась совместно с мужем). Даже сдача жилья внаем (нетрудовые доходы) являлась более распространенным мотивом для лишения прав женщин-сельчанок (8 %). Как «священнослужители» были лишены прав 4 % женщин, ранее бывшие монахинями и в 1920-е гг. вернувшиеся на прежнее место жительства. Среди таких категорий «лишенцев» как «бывшие» и владельцы сельскохозяйственных «предприятий», женщины отсутствовали.

Женщины, лишённые избирательных прав в сельской местности и в городе, были моложе мужчин-«лишенцев». Треть составляли женщины 1900–1918 гг. рождения, в основном дочери и снохи глав семей. По уровню грамотности женщины рассматриваемой группы значительно уступали мужчинам. Так, неграмотных женщин было 64,5 % (мужчин в 3 раза меньше — 19 %), малограмотных — 19, с начальным образованием — 12 и со средним и средне-специальным — 3 %. Впро-

чем, низкий уровень грамотности женщин в сельской местности был типичен для того времени. По данным переписи 1926 г. в Новосибирском округе неграмотными оставались 81,7 % женщин, т. е. даже больше, чем в изучаемой группе⁵. Как и в городе, представительницы молодого поколения сельских женщин-«лишенков» были более образованными, многие из них имели начальное образование, что позволило им впоследствии устроиться на предприятия и заводы.

Женщины-«лишенки» в сельской местности традиционно занимались домашним хозяйством, участвовали в полевых работах, воспитывали детей. Самостоятельной деятельностью (например, торговлей) деревенские жительницы в отличие от горожанок почти не занимались. Дочери «кулаков» после лишения и высылки родителей старались устроиться в городе в качестве прислуги, няни, рабочими на заводах; практически никто из них позже не остался жить в той же деревне.

Ввиду низкого уровня грамотности, большой занятости в домашнем хозяйстве женщины-«лишенки», проживавшие в сельских районах, не проявляли общественной активности: из всей рассматриваемой группы лишь одна занимала выборную должность — в 1924 г. была членом сельсовета.

Некоторые различия прослеживаются в возрастной структуре сельских и городских «лишенцев»: среди первых выше доля старших возрастных групп (старше 50 лет) — 25,8 % против 19 %, а доля молодых людей до 30 лет, напротив, ниже — 16,7 % против 21 % (табл. 2). Это свидетельствовало отнюдь не о том, что членов семей в деревне лишали избирательных прав меньше, а о том, дети «лишенцев»-сельчан реже подавали заявления о своем персональном восстановлении в правах — ждали, когда восстановят главу семьи. В городе, напротив, обычным явлением была подача заявлений детей о восстановлении в правах отдельно от своих родителей. В этом смысле в сельской местности сохранялась и соблюдалась определенная патриархальность.

Таблица 2

Возрастная структура сельских и городских «лишенцев», % к итогу

Годы рождения	Сельские	Городские
1850–1860	1,3	1
1861–1870	9	5
1871–1875	5,5	5
1876–1880	10	8

Годы рождения	Сельские	Городские
1881–1885	14	11
1886–1890	18,5	15
1891–1895	12	18
1896–1900	12	16
1901–1905	6	8
1906–1916	10,7	13

Среди «лишенцев» в сельской местности, как и в городе, преобладали люди наиболее социально активных возрастов: 1881–1900 гг. рождения (те, кому в 1930 г. было от 31 до 50 лет), они составляли соответственно 56,5 % и 60 %. При сравнении архивных документов с данными Всесоюзной переписи 1926 г. выясняется, что удельный вес людей средних возрастов среди взрослого сельского населения (старше 18 лет) значительно ниже, чем среди представителей изучаемой группы «лишенцев». При этом особенно выделяется группа 40–50-летних: ее доля среди взрослого населения составляла 16,72 %, а среди «лишенцев» — 32,5 %, т. е. почти в 2 раза больше. Среди «лишенцев»-сельчан и всего взрослого сельского населения почти одинаково в относительных величинах представлены 30–40- и 55–60-летние. Молодежи (до 30 лет) среди сельских «лишенцев» было более чем вдвое меньше, чем среди взрослого населения⁶. Подобное соотношение возрастных групп — не случайность. Причина преобладания среди сельских «лишенцев» лиц 1881–1890 гг. рождения очевидна: они являлись главами хозяйств, и в 40–50 лет имели взрослых (детей) работников, а следовательно, и достаточный опыт сельскохозяйственных работ, могли расширять посевы, увеличивать размеры хозяйства. В городе и деревне в равной мере под лишение избирательных прав в первую очередь попадали люди, находившиеся на пике социальной и хозяйственной активности, именно их власть сознательно старалась исключить из общества.

Городские «лишенцы» при заполнении анкеты обязательно указывали место своего рождения, сельским «лишенцам» сообщать такую информацию было необязательно, поэтому в 23 % случаев выяснить, были ли эти сельчане коренными сибиряками или приехали из других регионов, не представляется возможным. Достоверно известно, что только 37 % сельских «лишенцев» в изучаемой группе родились

в Западной Сибири. При этом во всех категориях сельских «лишенцев», кроме членов семей, доля коренных сибиряков не превышала трети. Лишь в категории членов семей местные уроженцы составляли большинство — 82 %. И сельские, и городские «лишенцы» были, как правило, выходцами из Европейской России. Однако если среди горожан доминировали представители Поволжского, Уральского, Волго-Вятского и Центрального регионов, то среди сельчан лишь 1,5 % были уроженцами Урала и 4 % — Поволжья. Наиболее высокой была доля выходцев из Центрального (8,5 %) и Центрально-Черноземного (8 %) регионов. Среди сельских «лишенцев» также достаточно много было родившихся на Украине и в Белоруссии, в частности, удельный вес мигрантов из Донецко-Приднепровского района составил 6 %, из Юго-Западного — 5, Белорусского района — 4 %. Сибирские демографы отмечают традиционно значительную роль в формировании сельского населения Сибири аграрных переселенцев из европейской части России, а также Украины и Белоруссии⁷. Уроженцы других регионов среди сельских «лишенцев» представлены единицами.

Абсолютное большинство переселенцев оказалось в Сибири в начале XX в., во время проведения столыпинской аграрной реформы. В ходатайствах о восстановлении в правах «лишенцы» подробно описывали свои злключения при переселении, сложность обзаведения хозяйством, непростые взаимоотношения со старожильческим населением.

Среди категорий сельских «лишенцев» — в отличие от городских — выходцы из различных регионов распределялись достаточно равномерно. Примерно равные доли уроженцев Европейской России, Украины, Белоруссии зафиксированы в категориях «кулаков», торговцев и владельцев сельскохозяйственных «предприятий».

Группы как сельских, так и городских «лишенцев» включали достаточно много выходцев из западных регионов, но по этническому составу они значительно различались. Главным образом тем, что среди «лишенцев»-горожан выходцев из Украины и Белоруссии представляли преимущественно евреи, а среди сельчан — исключительно украинцы и белорусы. Кроме того, по этническому составу сельские «лишенцы» отличались меньшим разнообразием, чем городские. Русские составляли 86 % от всей группы, украинцы — 10 %, белорусы — 3,5 %. Удельный вес каждой из национальностей среди «лишенцев» и всего сельского населения (по переписи 1926 г.) был примерно одинаковым (русские — 78 %, украинцы — 9,5 %, белорусы — 3,7 %⁸). Из этого можно сделать вывод о том, что при лишении избиратель-

ных прав власть не проводила сознательной дискриминации по этническому принципу.

Сословная принадлежность сельских «лишенцев» очевидна: из них 99,2 % до революции относилось к крестьянскому сословию. Исключение составили два бывших белых офицера из мещан и три священника, представлявшие бывшее привилегированное сословие — духовенство. Таким образом, абсолютное большинство сельских «лишенцев» принадлежало к самому многочисленному до революции в России низшему сельскому сословию — крестьянству и не имело никакого отношения к бывшим «эксплуататорским классам».

Очевидно, что формальное отнесение почти всех сельских «лишенцев» к крестьянству не позволяет увидеть соотношение социальных групп среди них. Выявить же реальную картину невозможно из-за крайней противоречивости сведений, содержащихся в личных делах. Власти, часто использовали термин «исторический кулак» и таким образом относили часть крестьян к дореволюционным зажиточным слоям деревни. Сами же крестьяне категорически опровергали подобный перенос статуса, поскольку считали, что были «вечными середняками» или даже бедняками. Установить истину без документального подтверждения чаще всего невозможно.

Уровень грамотности сельских «лишенцев» можно оценить как достаточно высокий для рассматриваемого периода. Неграмотных было 22,5 %, об образовании 6,8 % «лишенцев» нет сведений, они, вероятнее всего, были неграмотными. То есть в общей сложности неграмотные составляли около 30 %. Для сравнения укажем, что по данным переписи 1926 г. в Новосибирском округе неграмотными оставались 63,5 % сельских жителей обоего пола, мужчин — 44,2 %⁹ (мужчины составляли основную массу сельских «лишенцев»). Таким образом, неграмотных среди сельских «лишенцев» было примерно в 1,5 раза меньше, чем среди всего населения округа. При этом малограмотные (умевшие читать и расписываться) преобладали, их было 37,5 %; имевших начальное, сельское образование — 30 %, лиц со средним, средне-специальным или высшим образованием — лишь 3,2 %.

Показатель уровня грамотности зависит прежде всего от пола и возраста «лишенца». Неграмотных женщин среди сельских «лишенцев» было в 3 раза больше, чем мужчин (64,5 % и 19 % соответственно). Чем моложе были «лишенцы», тем меньше среди них неграмотных и малограмотных, основная масса молодежи имела начальное образование. Среди старшего поколения, напротив, преобладали неграмотные (табл. 3).

**Распределение сельских «лишенцев» по годам рождения
и уровню грамотности, % к итогу**

Годы рождения	Неграмотные	Малограмотные	Имеющие образование			Нет сведений
			начальное	среднее	средне-специальное, высшее	
1850–1860	66	11	22	0	0	0
1861–1870	45	31,6	8,3	0	0	15
1871–1875	43	40,5	2,7	0	0	13,5
1876–1880	36	40	15,7	4	0	4
1881–1885	24	41,6	25	1	0	8
1886–1890	17,5	44,4	31	1,6	0	5,5
1891–1895	19,5	41,4	33	5	0	1,2
1896–1900	10	42	31,3	2,4	0	14,6
1901–1905	12	41,8	42	2,3	0	2,3
1906–1917	7	12,3	68,4	9,5	2,7	0

Вопреки первоначальным представлениям уровень грамотности среди «лишенцев» практически не зависел от места рождения: он оказался почти одинаковым как у выходцев из Европейской России и западных регионов, так и у старожильского населения.

К занятиям городских «лишенцев» власть всегда проявляла пристальный интерес, сельские «лишенцы» в этом отношении ее заботили меньше. Пункт о занятиях присутствовал в карточке сельчанина, но на него отводилось так мало места, что запись обычно была краткой: «хлебопашество», «торговля» и т. п. Бесценным источником информации о занятиях представителей изучаемой группы на протяжении 20–25 лет, предшествовавших лишению прав, являются ходатайства крестьян о восстановлении в правах. Некоторые заявители рассказывали о своей судьбе, описывали основные моменты биографии, заслуги перед новой властью. Конечно, в этих материалах нет столь подробных сведений по годам и месяцам, как в делах городских «лишенцев», но они позволяют составить общее представление о занятиях сельчан.

До 1914 г. большая часть «лишенцев» занималась крестьянским трудом (79 %), остальные учились (8,3 %), работали по найму (5,3 %), занимались торговлей и предпринимательством (1,7 %), работали в государственных учреждениях и церквях (по 1 %), служили в карательных органах, занимались кустарным трудом (по 0,6 %) (Прил. I). В годы Первой мировой войны три четверти будущих сельских «лишенцев», в отличие от городских, не изменили своим занятиям. Продолжали трудиться на земле 85,8 % и работать при церкви 85,7 % «лишенцев». По-прежнему занимались торговлей и предпринимательством 9 %, состояли на государственной службе — 16 %, в карательных органах — 25 % сельчан. Война явилась причиной изменения занятий 14,3 % сельских «лишенцев». На фронты были мобилизованы 12,5 % ранее занимавшихся крестьянским трудом, 5,7 % учившихся в учебных заведениях, 50 % работавших в государственных учреждениях и служивших в карательных органах, 30 % работавших по найму и т. д. Смена занятий остальных не была связана с мировой войной. Более половины ранее учившихся и треть торговавших занялись крестьянским трудом. Нельзя не отметить, что в этот период служба в карательных органах и торговля не привлекали будущих сельских «лишенцев». В целом до 1917 г. видами деятельности, за которые впоследствии будут лишать избирательных прав (работа при церкви, торговля, предпринимательство, служба в полиции или жандармерии), занималось лишь 4,5 % представителей рассматриваемой группы.

Во время революций, в годы Первой мировой и Гражданской войн сельчане, в отличие от горожан, как правило, не меняли свои занятия (Прил. II). За этот период сменили вид деятельности менее трети сельских «лишенцев» (29,8 %) и более половины городских. В 1917–1920 гг. 88,8 % сельских жителей продолжали заниматься хлеборобством, 75 % — работать при церкви.

Демобилизованные из царской армии крестьяне либо возвращались к своему традиционному занятию — хлеборобству (65 %), либо начинали работать в советских учреждениях (5,6 %), по найму (4,4 %), заниматься единоличным трудом (4,4 %). Часть демобилизованных была вновь призвана в Красную (25 %) и белые (5,6 %) армии, 2,2 % приняли участие в партизанском движении.

В 1917–1920 гг. сельчане, служившие в годы Первой мировой войны в карательных органах, работавшие в государственных учреждениях, торговавшие, работавшие по найму и на заводах, вернулись к крестьянскому труду. Трудности революций и Гражданской войны не способствовали спокойному занятию торговлей и даже работе на за-

водах. Перипетии легче было пережить в деревне, поэтому туда возвращались даже те, кто некогда уехал в город.

Во время Гражданской войны было мобилизовано в Красную армию 6,3 % ранее занимавшихся земледелием, в белые армии — 2 %, участвовали в партизанском движении и «контрреволюционных восстаниях» — около 2 % земледельцев — будущих «лишенцев». В целом, в отличие от горожан, лишь 13 % сельчан, ставших «лишенцами», принимали непосредственное участие в Гражданской войне — как на стороне белых, так и красных. Служили в белых армиях 2,2 %, в Красной армии — 8,6 %, участниками партизанского движения были 1,3 %, «бандформирований» — 0,6 %. Примечательно, что будущие «лишенцы» охотнее сражались за новую власть (9,9 %), чем за белых (2,8 %). На стороне белых пятеро служили офицерами, остальные были рядовыми.

После окончания Гражданской войны сельские «лишенцы» вернулись к своим прежним занятиям (Прил. III). Одни из служивших во время Гражданской войны в Красной (84,6 %) и белых (78,5 %) армиях, а также все участники партизанского движения и контрреволюционных мятежей после окончания боевых действий вернулись к традиционному крестьянскому труду, другие устроились на работу в советские учреждения, занялись торговлей, кустарным или единоличным трудом.

В отличие от «лишенцев»-горожан, многие из которых неоднократно меняли вид деятельности в годы нэпа, сельчане не столь активно стремились к перемене занятий, лишь 31,2 % крестьян сменили за этот период вид деятельности (с учетом вернувшихся из армий). В 1920-е гг., как и прежде, стабильной оставалась численность тех, кто трудился на земле и работал при церкви.

Крестьяне вообще неохотно меняли свои занятия и с большим недоверием относились к перемене вида деятельности. Лишь 15,4 % из них смогли оставить (временно или постоянно) свою традиционную деятельность и начать торговать (7,5 %), работать при церкви (1 %), в советских и кооперативных организациях (1 %), заниматься кустарным (1,3 %) и единоличным трудом (1,2 %); 2,3 % были призваны на службу в Красную армию. При этом лишь единицы из сельских «лишенцев» бросили свое хозяйство; даже служащие советских и кооперативных учреждений, хотя и были заняты на основной работе, вели хозяйство при помощи наемных работников (за что впоследствии, как правило, и были лишены прав). Труд торговцев зачастую носил сезонный характер; торговцы продавали продукты своего хозяйства и, конечно, не бросали его. Псаломщики и церковные старосты, куз-

нецы, пимокаты и прочие также продолжали вести хозяйство. Таким образом, несмотря на все жизненные перипетии, войны, революции, до конца 1920-х гг. сельские «лишенцы» оставались верными своим традиционным занятиям.

Рубеж 1920–1930 гг. стал поистине переломным для большинства сельских «лишенцев»: 97,6 % сменили вид деятельности (Прил. IV). В деревне произошла катастрофа: крестьяне, десятилетиями занимавшиеся хлеборобством, в одночасье оказались насильственно высланными либо были вынуждены сами изменить занятия. Лишь 1,3 % крестьян по-прежнему оставались хлеборобами, ни один человек в изучаемой группе не продолжил заниматься торговлей, не работал при церкви. На спецпоселение было выслано 33 % ранее занимавшихся крестьянским трудом, 39,5 % торговцев и 42,8 % работавших при церкви. Были осуждены и отбывали наказание в тюрьмах 7 % крестьян, около 2 % сбежали из ссылки. Реальная численность избежавших «раскулачивания» (или высылки) была больше: устроились в городе по найму 3,3 %, на заводы — 6 %, занялись кустарным и единоличным трудом в городе — 2 %. Почти 19 % будущих «лишенцев» вступили в колхозы.

Молодые люди, ранее учившиеся, были высланы с семьями на спецпоселения либо отправились в поисках работы в города. Из тех, кто в годы нэпа был занят в сельских советских и кооперативных организациях, потеряли работу 25 %, были высланы 15 %, остальные работали в колхозе, по найму и т. п.

В 1930 г. самыми распространенными занятиями сельских «лишенцев» становятся: работа в колхозе (15,3 %), на заводе (6,6 %), по найму (4,6 %). Кроме того, на спецпоселении оказался 31 % представителей изучаемой группы, около 7 % отбывало наказания в тюрьмах. Занятия 23 % сельских «лишенцев» в этот период не известны.

Если в 1929–1930 гг. абсолютное большинство сельских «лишенцев» было вынуждено радикально изменить вид деятельности, то в 1931–1936 гг. занятия 60 % представителей группы остались неизменными (Прил. V). По-прежнему 80 % крестьян, высланных в предыдущий период, оставались на спецпоселении, 6 % бежали, 3,3 % умерли в ссылке, некоторые (8 %) по разным причинам оказались освобождены и либо вернулись на прежнее место жительства и вступили в колхоз, либо, оказавшись в городе, устроились на заводы, занялись единоличным или кустарным трудом. Многие из тех, кто отбывал наказание, умерли в тюрьмах; выжившие, как правило, возвращались к семьям на спецпоселения.

В 1930-е гг. продолжали работать на заводах и в артелях крестьяне, сумевшие в конце 1920-х гг. перебраться в город. Исключение составили те, кого уволили «за сокрытие социального положения» или призвали в тылоополчение (дети «кулаков», работавшие на предприятиях).

Судьбы сельских «лишенцев», вступивших в 1930 г. в колхозы, но в 1931–1935 гг. вышедших или исключенных из них, индивидуально обложенных, подвергшихся «раскулачиванию» и лишению избирательных прав, сложились по-разному. Более половины из них остались работать в колхозе: они смогли доказать, что не относятся к «кулакам», или же им позволили остаться в деревне. Остальных ожидала участь ранее «раскулаченных»: около 4 % попало в тюрьмы и лагеря, 16,5 % было отправлено на спецпоселение, остальные, став отходниками, устроились в городах на стройках, заводах, занялись кустарным трудом, работали плотниками, извозчиками и т. п.

В 1931–1936 гг. на спецпоселение выслали 10 % сельских «лишенцев» (по сравнению с 1930 г. втрое меньше). Остальные в этот период были призваны в тылоополчение, смогли устроиться работать на предприятия, заводы, стройки, шахты. Безработными оставались немногие сельские лишенцы» (1,2 %), преимущественно бывшие белые офицеры, ранее работавшие в советских учреждениях.

До 1929–1930 гг., в отличие от городских «лишенцев», которые в первой четверти XX в. неоднократно изменяли род своей деятельности, демонстрировали мобильность и адаптируемость в постреволюционном обществе, сельские проявляли постоянство в занятиях. Даже Первая мировая и Гражданская войны не внесли радикальных изменений в традиционные занятия 75 % сельских «лишенцев». На рубеже десятилетий абсолютное большинство сельских «лишенцев» ожидала подлинная катастрофа, прервавшая привычное течение жизни, заставившая радикально изменить многое, в т. ч. занятия. В дальнейшем судьба этих людей сложилась по-разному, но преобладающая их часть к традиционному крестьянскому труду уже не вернулась.

В 1920-е гг. 16 % будущих сельских «лишенцев» занимали различные выборные должности. Как оценить этот показатель общественной активности? С одной стороны, по сравнению с городскими «лишенцами» сельчане (до своего лишения) значительно менее активно участвовали в общественной жизни, но с другой, самих возможностей проявить себя на общественном поприще у них было намного меньше. В городе люди, работая на предприятиях или в советских учреждениях, зачастую были вынуждены выполнять общественные поручения, вести кружки, участвовать в ликвидации неграмотности, читать лек-

ции и т. п. В деревне ситуация складывалась совершенно по-иному, количество выборных должностей здесь было меньше. Из будущих сельских «лишенцев», занимавших выборные должности, 34,6 % составляют члены сельсоветов (волисполкомов), 17 % — председатели сельсоветов (волисполкомов), 10,4 % — сельские исполнители, 12 % — члены правления, председатели различных кооперативных обществ (маслоартелей, потребительских обществ, кредитных товариществ), 7,2 % — члены сельских комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (СККОВ), 5,6 % — члены школьных советов. Несколько человек были уполномоченными по землеустройству, членами (председателями) ревизионных комиссий и т. п. В 1930-е гг. 8 человек до лишения избирательных прав входили в правления колхозов.

Справедливости ради отметим, что выборные должности занимали чаще всего представители самого многочисленного слоя сибирской деревни — середняки. Многие из них, действительно, были уважаемыми, хорошими хозяевами, иногда даже «культурниками»¹⁰, авторитетными среди своих односельчан. Поэтому не случайно, что именно они, несмотря на свою общественную активность, оказались лишенными избирательных прав — власть в известной мере опасалась их влияния на окружающее население.

Собственно политическая активность сельских «лишенцев» в рассматриваемой группе была невысокой, впрочем, как и среди всего крестьянского населения. В отличие от городских «лишенцев», среди которых встречались члены различных российских партий, среди сельских были только члены большевистской партии. В ВКП(б) состояли 1,6 % от рассматриваемой группы, еще 0,4 % являлись членами ВЛКСМ. Все члены ВКП(б) и ВЛКСМ были грамотными, 70 % — с начальным образованием. Вступили в партию в начале 1920-х гг. 45 % (половина из них впоследствии «механически» выбыла из рядов, остальные стали членами ВКП(б) в конце 1920-х гг.). Утрату избирательных прав члены ВКП(б) объясняли местью, ненавистью односельчан, родственников, которых (или их самих) они недавно «раскулачивали». После выяснения обстоятельств дела члены партии, как правило, восстанавливались в правах.

В Первой мировой войне участвовало 13,7 % сельских «лишенцев». Лишь около трети из них позже приняли участие в Гражданской войне. После 1917 г. около 13 % в совокупности служили в Красной (до 1930 г.) и белых армиях. Были эти люди насильственно мобилизованы или служили добровольно — выяснить не удалось; власти обвиняли их в активной, добровольной поддержке белых, а сами крестьяне утверждали, что были мобилизованы насильственно.

Служба в Красной армии всегда особо подчеркивалась в ходатайствах «лишенцев» в качестве доказательства активной поддержки советской власти «с оружием в руках». Сами избирательные комиссии также интересовались, служил ли «лишенец» в Красной армии и был ли членом семьи красноармейца. Однако служба в Красной армии далеко не всегда служила залогом положительного решения при восстановлении в правах. С учетом семей красноармейцев более 15 % «лишенцев» оказывали военную поддержку советской власти.

И для горожан, и для сельчан лишение избирательных прав имело массу негативных последствий, но жители сельской местности воспринимали эту дискриминационную меру особенно болезненно, поскольку отсутствие избирательных прав влекло за собой «раскулачивание», выселение из жилья, конфискацию имущества и т. д. Поэтому ходатайства сельских «лишенцев» о восстановлении в правах пронизаны таким горем, болью о собственной судьбе и судьбе членов своей семей, своих хозяйств. В 1935–1936 гг. крестьяне, давно жившие на спецпоселении или работавшие на предприятиях, в шахтах, упорно требовали справедливости: признания властями ошибки при лишении их прав, при этом они подробно перечисляли все экспроприированное имущество (до последней курицы и ягненка).

Ходатайства и жалобы «лишенцев» достойны самого подробного и внимательного изучения. Благодаря им можно представить доводы, которые с точки зрения «лишенцев» должны были убедить комиссии в необходимости восстановить человека в правах, а также реакцию представителей власти, их предпочтения при принятии решения о том, кто был достоин избирательных прав. Какие же аргументы при восстановлении учитывались избиркомами? Желая восстановиться в избирательных и обрести все остальные гражданские права, более трети ходатаев опровергали саму правомерность лишения. Каждая категория приводила в свою пользу характерные для нее доводы. Это было отрицание или эксплуатации наемной рабочей силы, получения прибыли от деятельности сельскохозяйственных «предприятий» и сдачи в аренду машин, или факта торговли, или исполнения религиозных обязанностей. Около 15 % всех сельских «лишенцев», хотя и признавали доводы к лишению прав, но оправдывались определенными обстоятельствами. Особенно часто ссылались на вынужденные обстоятельства крестьяне, обвиненные в эксплуатации наемного труда, а также торговцы и предприниматели. Первые доказывали, что прибегнуть к труду наемных работников их заставили уважительные причины: призыв в армию кормильца, собственная нетрудоспособность, болезнь, отсутствие рабочих рук в хозяйстве, выполнение

обязанностей, связанных с выборной должностью. Торговцы и предприниматели приводили в качестве основного оправдания безработицу, отсутствие средств и возможности прокормить себя и свою семью. В основном крестьяне, обвиненные в получении прибыли от деятельности сельскохозяйственных «предприятий» и эксплуатации сельскохозяйственных машин, и торговцы упрекали власть в значительном преувеличении их дохода или размеров хозяйства.

Были такие заявления, в которых авторы доказывали свой бедняцко-середняцкий статус или трудовой характер хозяйства, опровергая предъявленные им обвинения (14 %). На этом прежде всего настаивали крестьяне, обвиненные в эксплуатации наемного труда, владении сельскохозяйственными «предприятиями» и обогащении от сдачи в аренду сельскохозяйственных машин, т. е. «кулаки». Иногда подобное встречается и в заявлениях торговцев, священнослужителей и т. п. Около 10 % сельских «лишенцев» мотивировали обоснованность своего восстановления наличием трудового стажа или успехами в труде. Чаще всего этот довод встречается в заявлениях «лишенцев» и их детей, которые заработали трудовой стаж на заводах и предприятиях либо на спецпоселении. Мотивация экономической независимостью встречается исключительно в заявлениях членов семей «лишенцев» (6 %). На сочувствие со стороны власти рассчитывали 9 % сельских «лишенцев», ссылавшихся на болезнь, инвалидность, старость.

Из всех доказательств, которые приводились в ходатайствах, наиболее вескими сельские «лишенцы» считали «особые заслуги перед советской властью». Такие заслуги, по мнению крестьян, имели те, кто занимал выборные должности (16 %). Некоторые заявители указывали, что сами или их близкие родственники служили в Красной армии, были членами партизанских отрядов (15 %). В заявлениях всегда особо подчеркивалось бедняцкое или батрацкое происхождение (12 %), часто с подробным описанием прошлого: тяжелая жизнь семьи, безземелье, засилье помещиков (работа батраками). Членство в ВКП(б) самих или близких родственников сельским «лишенцам» также представлялось серьезным доводом при обосновании необходимости восстановления, но лишь менее 2 % могли «похвалиться» членством в ВКП(б) или ВЛКСМ.

Теперь коснемся вопроса, насколько удачными были апелляции сельских «лишенцев». Смогли восстановиться в правах лишь менее трети подававших заявления. В отличие от «лишенцев»-горожан, к которым избирательные комиссии относились со значительно большей снисходительностью, для сельчан добиться восстановления прав представляло огромную трудность (табл. 4).

Структура сельских «лишенцев», восстановленных в избирательных правах по категориям и районам, % от подававших апелляции

Район	«Кулаки»	Торговцы	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	«Бывшие»	Члены семей	Всего
Мошковский	39,7	20,6	17	0	12,5	76,6	35,5
Черепановский	24,3	25	0	12,5	0	63	27,6
Кочковский	30	35	10,7	0	0	80,9	32,5
Итого	30	22,9	9,7	3,7	7	71	31,2

Большая часть «лишенцев» добивалась своего восстановления на протяжении всей первой половины 1930-х гг., вплоть до 1936 г. Сложности с восстановлением в правах сельчан были обусловлены в основном тем, что в случае признания лишения избирательных прав и «раскулачивания» неправомерными восстановленному в правах полагалось вернуть имущество. Каждое подобное решение местные власти воспринимали «в штывы». Численность восстановленных по разным районам не совпадает, что свидетельствует о различиях в позициях местных властей, районных избирательных комиссий (РИК), решавших вопрос о восстановлении в правах или подбиравших документы для окружной или краевой комиссий. Алексеевская (Мошковская) РИК либеральнее других подходила к вопросу о восстановлении: по ее решению были восстановлены в правах 35,5 % «лишенцев». Черепановская РИК занимала наиболее жесткую позицию по отношению к «лишенцам»: из всех изучаемых районов в нем оказалось менее всего восстановленных в правах — 27,6 % (см. табл. 4).

Наиболее высокой доля восстановленных среди сельских и городских «лишенцев» была в категории «члены семей». В сельской местности, в отличие от города, к восстановлению «бывших» и священнослужителей относились крайне настороженно. Положительные решения в отношении их принимались чрезвычайно неохотно: они коснулись лишь 7 % «бывших» и 3,7 % священнослужителей (см. табл. 4). Среди «крестьянских» категорий с особым «пристрастием» относились к владельцам сельскохозяйственных «предприятий» (владельцы мельниц, шерсточесалок, маслобойных заводов

и пр.). Из них прежний статус получило менее 10 %, в Черепановском районе — ни один человек. К тем, кто занимался торговлей, власти относились также с большим подозрением, вследствие чего доля восстановленных в этой категории составила лишь 27,08 % от подававших апелляции. Легче было восстановиться «кулакам», хотя восстановленных среди них было всего 30 %, в Мошковском районе — 40 %.

Насколько совпадало представление сельских «лишенцев» и властей всех уровней об условиях, необходимых для восстановления в правах? Четкой связи между восстановлением в правах и каким-либо фактором на рассматриваемых материалах установить не удалось, но некоторые тенденции очевидны: среди сельских и городских «лишенцев», восстановленных в правах, преобладают представители самых старших (старше 70 лет) и самых молодых (моложе 25 лет) возрастных групп. В остальных возрастных группах доля восстановленных колеблется от 14 % до 35 %.

**Среди лиц разных возрастов доля восстановленных
в правах составила, %:**

1850–1860	55
1861–1870	25
1871–1875	27
1876–1880	14
1881–1885	25
1886–1890	29
1891–1895	22
1896–1900	32
1901–1905	35
1906–1917	70

Грамотному крестьянину было проще писать жалобы, собирать разные документы для восстановления в правах, однако избирательные комиссии предпочитали не доверять сведениям, изложенным в жалобах и ходатайствах «лишенцев». Видимо, по этой причине уровень грамотности сельских «лишенцев» не оказывал существенного влияния на положительный исход дела при восстановлении. Так, среди восстановленных в правах неграмотные составляли 33 %, грамотные — 29 %, имевшие начальное образование — 38 %, среднее — 36 %.

Основания для апелляции, %

Довод, указанный в апелляции	Доля восстановленных, %
служба в Красной армии	39,7
занимали выборные должности	40
были членами ВКП(б) или ВЛКСМ	78
бедняцко-батрацкое происхождение	32
инвалидность, болезнь	37
отрицали нетрудовой статус	24
утверждали трудовой статус или что их хозяйство середняцкое	25
имели пятилетний трудовой стаж	71
были экономически независимы от главы семьи	71
вынужденные обстоятельства	22

Важным условием принятия избирательными комиссиями положительного решения было членство заявителя в ВКП(б) или ВЛКСМ. Сам факт членства в правящей партии уже гарантировал внимательное разбирательство дела. Достаточно высокие шансы на восстановление в правах были у имевших пятилетний трудовой стаж. В этой связи отметим, что власти, даже при наличии установленного законом пятилетнего трудового стажа и ударной работы, отказывали в восстановлении почти трети сельских «лишенцев», ссылаясь либо на «антисоветские настроения» заявителей, либо на их недостаточную активность на общественной работе. Положительного решения добивались и те, кто свидетельствовал о своей экономической независимости от главы семьи. Постановление ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. давало возможность молодежи восстановиться, порвав отношения с родителями.

Вопреки надеждам «лишенцев», избирательные комиссии не относились серьезно к сообщениям заявителей об «активной поддержке» советской власти, о службе в Красной армии, участии в партизанском движении, работе на выборной должности. Лишь в 40 % случаев власть учитывала эти аргументы. Среди тех, кто не служил в Красной армии и не занимал выборные должности, восстановленных было не намного меньше. Крестьян, рассчитывавших доказать «нечуждость» советской власти утверждением о своем бедняцко-батрацком происхождении, также ожидало разочарование: из них было восстановлено менее трети.

Наиболее часто авторы ходатайств отрицали основания для лишения прав, подчеркивали трудовой или середняцкий характер

хозяйства или оправдывались вынужденными обстоятельствами. Однако это избирательными комиссиями, как правило, не учитывалось. Удивительно, но более эффективными были апелляции к состраданию, сочувствию, призывы пожалеть, а также ссылки на преклонный возраст, болезни и инвалидность. Обращения, в которых выражено желание «строить социализм вместе со всеми», «не быть отбросом общества», составляют десятую часть. Они написаны преимущественно молодыми «лишенцами» и наглядно демонстрируют, что их авторы успешно усвоили навязывавшиеся штампы. Однако положительное решение получали менее половины таких заявителей.

Следует признать, что самой неэффективной была тактика отрицания признаков лишения прав, утверждения трудового характера своего хозяйства или занятия и тем более оправдания определенными обстоятельствами. Тем, кто настаивал на последнем, не помогала в этом случае даже ссылка на бывшие заслуги перед советской властью. Значительно более удачной можно признать линию поведения, состоящую в признании своих ошибок, покаянии перед советской властью за «бывшие грехи», а также в доказательстве своих трудовых заслуг и лояльности власти. Фактором, влиявшим на принятие положительного решения, был возраст; более всего восстановленных — в группах молодежи и пожилых людей. С детьми «лишенцев» все очевидно: власть стремилась расколоть поколения. Пожилых же восстанавливали, вероятно, из соображений «прагматического гуманизма». Представители этой категории уже не могли сколько-нибудь реально влиять на ход событий и в поведенческом плане не представляли для никакой угрозы. Кроме того, власть, снимая с себя всякую ответственность о стариках, перекладывала ее на родственников.

В общей сложности, как отмечалось выше, только 31,2 % сельских «лишенцев» удалось вновь обрести гражданские права. На разных уровнях избирательных комиссий к восстановлению подходили с разной степенью строгости. Хотя через райизбиркомы проходили все жалобы «лишенцев», шансы восстановиться в этой инстанции были невелики. Райизбиркомы утверждали списки по отдельным селениям и впоследствии неохотно меняли свои решения; положительный исход имели 20,3 % дел. Новосибирская окружная комиссия до своей ликвидации в 1930 г. рассматривала более половины жалоб сельских «лишенцев», но принимала положительные решения нечасто, их доля составляла 24,6 %. До краевой избирательной комиссии доходило 41,3 % жалоб сельских «лишенцев». Надежды крестьян на эту инстанцию были небезосновательны: ею принималось 40,5 % положительных решений. До ВЦИК дошло 5,5 % жалоб. У их авторов

шансы на восстановление были выше, чем у тех, кто апеллировал к районным и окружным комиссиям. ВЦИК удовлетворил 38 % жалоб. Вопреки строжайшему запрету пересматривать решения вышестоящих комиссий и лишать прав на прежних основаниях вторично, районные избиркомы, полагая, что краевая комиссия и ВЦИК «не знают всех обстоятельств дела», сопротивлялись выполнению их решений.

2.2. Категории сельских «лишенцев»

«Эксплуататоры наемного труда». Лишенные избирательных прав за использование наемного труда («кулаки») не являлись самой многочисленной категорией среди сельских «лишенцев» ни во второй половине 1920-х, ни в первой половине 1930-х гг. В 1925–1926 гг. в целом по стране их было 3,7 %, в 1927 г. — 11,1 %, в 1929 г. — 10,5 %, в 1931 г. — 20,1 %¹. В Сибирском крае доля этой категории была несколько выше, чем в целом по стране: в 1927 г. она составляла 14,4 % от общей численности «лишенцев», в 1929 г. — 16,2 %².

Как отмечалось выше, советское избирательное законодательство в разные периоды причисляло к «кулакам» различные группы крестьян. До 1926 г. применение сезонного наемного труда не каралось лишением избирательных прав. Позже список «признаков» т. н. кулаков стал увеличиваться. Наконец, постановление ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1930 г. об утверждении нового Положения о едином сельскохозяйственном налоге и введении его в действие на 1930/31 г. причислило к «кулакам» практически все категории сельских «лишенцев», включая «владельцев промышленных предприятий», торговцев, «сдающих внаем жилье», и даже служителей религиозного культа. Если исходить из духа и логики последнего документа, то всех сельских «лишенцев» можно рассматривать как некую единую группу.

Деление сельских «лишенцев» на категории было очень условным. Наибольшие сомнения у нас возникали при разделении крестьян на «эксплуататоров наемного труда», владельцев сельскохозяйственных «предприятий» и торговцев, потому что крестьянин, торговавший на рынке или имевший лавку, вел хозяйство и мог использовать наемный труд. Владельцы сельскохозяйственных «предприятий» также имели хозяйства и, как правило, прибегали к наемному труду и т. д. При анализе личных дел сельских «лишенцев» выяснилось, что избирательные комиссии обычно выделяли главный пункт лишения и уже «под него» собирали доказательства. При причислении к торговцам обычно указывали вид и размер торговли (патент, доход,

налогообложение и т. п.), к владельцам сельскохозяйственных «предприятий» — род, доход, налогообложение «предприятия», иногда год приобретения, использовался ли наемный труд. К «классическим кулакам» относили тех, кто привлекал наемных работников и сдавал внаем сложные сельскохозяйственные машины. В качестве доказательства рассматривались договоры о найме труда (или свидетельские показания), карточки неземледельческих заработков, сведения о доходности и т. п.

К категории «кулаков» мы отнесли сельских «лишенцев», которым вменяли в вину эксплуатацию наемного труда и сдачу в наем сельскохозяйственных машин. Эти два основания для лишения прав практически всегда сопутствовали друг другу; редко прав лишали по одному из них. По двум пунктам лишили прав 88,5 % представителей данной группы, только за эксплуатацию наемного труда — 9,7 %, за сдачу внаем сельскохозяйственных машин — 1,8 %. В изучаемой нами группе сельских «лишенцев» «эксплуататоры наемного труда и сдававшие внаем сельскохозяйственные машины» были самой многочисленной категорией: в 1920-е гг. они составляли 35 % от общей численности группы, в 1930-е гг. — 66 %. Представители данной категории впервые были лишены избирательных прав в ходе избирательной кампании 1926/27 гг., их доля в общей массе «лишенцев» составила 1 %; в кампании 1928/29 гг. — 33 %, в 1930 г. — 31 %. В дальнейшем число вновь лишенных прав «эксплуататоров» сократилось: в 1931 г. оно составило 12 %, в 1932 г. — 7 %, в 1933 г. — 14 %. Поиск «кулаков» не прекращался и в дальнейшем; в 1934 г. лишенными прав за принадлежность к «кулакам» оказалось еще 2 % «лишенцев» (см. табл. 1).

Среди «кулаков» преобладали мужчины, женщины составляли лишь 1,4 %. Ситуация, когда женщина являлась главой хозяйства, была совершенно нетипичной и складывалась лишь ввиду отсутствия (утраты) мужа или взрослых сыновей. В этом случае, как верно отметил В. П. Данилов, женщина оказывалась скорее эксплуатируемой и была вынуждена нанимать работников³. В своем ходатайстве Евдотья Егоровна Каргина, лишенная прав «за эксплуатацию наемного труда», с возмущением писала: «После смерти мужа жила с малолетними детьми в такой бедности работала больше лошади, и исплотировала [так в документе. — М. С.] только саму себя»⁴.

Главами зажиточных хозяйств являлись люди преимущественно среднего и старшего возрастов, т. е. те, у кого были взрослые (подрастающие) дети-работники и опыт ведения хозяйства. Не случайно, что 30–49-летние составляли 64,2 %, 50–80-летние — 27,4 %, молодые хозяева — лишь 8 % (табл. 5).

Возрастная структура разных категорий сельских «лишенцев», % к итогу

Годы рождения	«Кулаки»	Торговцы и «жившие на нетрудовые доходы»	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	«Бывшие» *	Члены семей	По всем категориям
1850–1860	1,1	3,1	1	4	0	0	1,3
1861–1870	9,7	10,4	11,3	7	28,5	2	9,2
1871–1875	6	6,3	8,2	7	21,4	0	5,8
1876–1880	10,6	14,6	7,2	22	21,4	3	10,3
1881–1885	17,2	14,6	14,4	15	21,4	1	14,1
1886–1890	21,6	20,8	19,6	15	7,1	4,1	18,2
1891–1895	11,7	13,5	18,6	18	0	2	11,6
1896–1900	13,7	13,5	11,3	7	0	9,3	12,2
1901–1905	6,3	2	6,2	4	0	12,4	6,3
1906–1917	1,7	1	2	0	0	66	10,7

* Учитывались бывшие белые офицеры, служащие полиции и жандармерии царской России.

Более четверти «кулаков» не указали в ходатайствах места своего рождения, поэтому не ясно, кто преобладал в этой категории — коренные жители или мигранты. Достоверно известно, что около трети «кулаков» являлись старожилами, родились в Сибири. Как правило, в одной деревне жили их родственники. В 1929–1930 гг. в вину «кулакам» нередко ставилась зажиточность хозяйств их дедов или прадедов. Переселенцы из центральных и западных регионов среди «кулаков» составляли 42,2 %. Более всего было выходцев из Европейской России (в основном из Центрального и Центрально-Черноземного регионов). Доля прибывших из Украины и Белоруссии достигала почти 15 %. Большая часть «кулаков» оказалась в Сибири в начале века, во время столыпинской реформы. Поскольку категория «кулаков» включала достаточно много выходцев из западных регионов, то по национальному составу она была весьма разнородной. В ней преобладали русские (83,6 %), значительную

долю составляли другие восточно-славянские народности: украинцы — 11,8 %, белорусы — 4,8 % (табл. 6).

Таблица 6

Структура разных категорий сельских «лишенцев» по национальности, % к итогу

Националь- ность	«Кулаки»	Торговцы	Владельцы «предпри- ятий»	Священно- служители	«Бывшие»	Члены се- мей	По всем ка- тегориям
Русские	83,6	87,5	87,6	81,4	78,5	88,6	84,6
Украинцы	11,8	9,3	9,3	14,8	7,1	10,3	11,5
Белорусы	4,6	1,1	3	3,7	7,1	1	3,5
Другие	0	2	0	0	0	0	0,3

До революции все «кулаки» принадлежали к самому массовому российскому сословию — крестьянству. Однако выяснить реальную социальную принадлежность этих «лишенцев» невозможно. Сами «эксплуататоры наемного труда» не только решительно опровергали свое якобы «кулацкое» происхождение, но и утверждали, что до революции были батраками, бедняками или «вечными середняками». Многие подробно описывали, что именно крайняя бедность, нужда и малоземелье заставили их переселиться из родных мест в Сибирь. Однако избирательные комиссии имели прямо противоположное мнение о социальном происхождении лишенных прав за эксплуатацию наемного труда. По мнению официальных лиц, и сами крестьяне, и их родители являлись «кулаками».

Уровень грамотности «кулаков» можно оценить как сравнительно высокий; неграмотные составляли около трети (достоверно известно, что неграмотных было 25,5 %, однако необходимо учесть еще и тех, о ком сведений нет, но которые также, вероятнее всего, являлись неграмотными). Поскольку в данной категории преобладали мужчины, то показатели корректнее сравнить с данными по мужскому населению. Так, среди взрослых мужчин Новосибирского округа в сельской местности неграмотных было 44,2 %, т. е. примерно на 13–15 % больше, чем в рассматриваемой группе, 41 % «кулаков» не оканчивали школ, но умели читать и с трудом писать (были малограмотными). Около четверти окончили до революции церковноприходские школы (табл. 7).

Структура разных категорий сельских «лишенцев» по уровню грамотности (образования), % к итогу

Образование	«Кулаки»	Торговцы и жившие на не- трудовые доходы	Владельцы «предприятий»	Священно- служители	«Бывшие»	Члены семей	По всем катего- риям
Неграмотные	25,5	27,1	16,5	0	0	22,6	22,5
Малограмотные	41,1	37,5	54,6	14,8	14,2	17,5	37,5
Начальное	24,4	25	24,7	70,4	50	46,3	30
Среднее	0	3,1	0	14,8	35,7	7,2	3
Средне- специальное	0	0	0	0	0	2	0,2
Нет сведений	8,9	7,3	4,1	0	0	4,1	6,8

Большинство крестьян исследуемой группы основную часть жизни занималось хлеборобством. Для некоторых из них переселение в Сибирь, судя по ходатайствам, стало тяжелым испытанием. Многие не ожидали тех трудностей, с которыми они столкнулись на новом месте: непростые отношения со старожильческим населением, другая климатическая зона (для приехавших с Украины, из Центрально-Черноземного региона), нехватка хорошей пахотной земли, отсутствие сельскохозяйственного инвентаря и пр. Поэтому далеко не все смогли сразу адаптироваться на новом месте, некоторые работали батраками. Благодаря огромному трудолюбию и желанию работать на земле переселенцам удалось обзавестись хозяйствами. Мирное хозяйство прервалось войнами: сначала Первой мировой, затем Гражданской. В годы Первой мировой войны 14 % будущих «кулаков» сражались на фронтах, некоторые получили увечья, попали в плен. Во время Гражданской войны служили в Красной армии 10,3 % (одного из крестьян, будущего «лишенца» П. П. Можарова даже наградили орденом Красного Знамени⁵), в армии Колчака — 1,4 %, участвовали в партизанском движении 4,2 %, Колыванском восстании — 1,1 %.

После окончания Гражданской войны крестьяне вернулись к своим хозяйствам, занялись земледелием. К тому времени хозяйства пришли в упадок и, как писали сами крестьяне, только к 1923–1924 гг.

они начали «вставать на ноги». В 1920-е гг. некоторые землепашцы стали «культурниками». Один из крестьян Мошковского района А. А. Базуев описывал причины, по которым занялся внедрением новых методов в сельское хозяйство, так: «Во время империалистической войны мне пришлось побывать в Австрии и Румынии и познакомиться с заграничной культурой сельского хозяйства. Когда вернулся, стал развивать культуру в своем хозяйстве»⁶. До 1927 г., когда его впервые лишили избирательных прав, А. А. Базуев расширял и внедрял многопольный посев, испытывал новые сорта, выписывал журналы, сотрудничал с «Крестьянской газетой». Все «культурники» были лишены избирательных прав в первую очередь, уже в 1927–1928 гг. Многие крестьяне, хотя и не являлись «культурниками», но активно участвовали в кооперативном движении. В основном они были рядовыми членами товариществ и артелей, но около 2 % из них вошли в руководство различных кооперативных организаций (чаще всего маслоартелей). Например, С. П. Денисенков сначала был председателем правления Алексеевского общества потребителей, затем работал председателем правления Алексеевского кредитного товарищества; в 1928 г. его избрали членом правления Новосибирского окружного союза сельскохозяйственных кредитных кооперативов⁷.

В 1920-е гг. пятая часть крестьян, впоследствии причисленных к «кулакам», занимали различные выборные должности. Чаще всего крестьяне являлись членами (председателями) сельсоветов, сельскими исполнителями, членами СККОВ или школьного совета и т. д. В 1920-е гг. некоторые крестьяне (около 7 %), работая на земле, имели дополнительный заработок — занимались различными ремеслами: пимокатным, плотницким делом, пчеловодством, извозом.

Начиная с 1928 г. часть крестьян, лишенных избирательных прав, в надежде их обрести вновь начала сокращать свои хозяйства. В 1929 г., когда были лишены прав более трети представителей группы, этот процесс стал массовым: более 40 % сельских «лишенцев» сократили свое хозяйство. Одни крестьяне (самые дальновидные) уже в 1929 г. перебирались в город к детям, покупали там дома и устраивались на работу. Другие, стремясь восстановить справедливость, чаще всего писали ходатайства в разные избирательные комиссии. Третьи пытались расправиться с председателем сельсовета (сельизбиркома), который, по их мнению, неправильно лишил их избирательных прав. Так действовали И. А. и Л. А. Абраменко из Мошковского района и в 1929 г. были за это осуждены⁸.

В 1930 г. крестьяне, лишенные избирательных прав еще в 1927–1929 гг., а также в 1930 г., подверглись «раскулачиванию». Около

7 % крестьян рассматриваемой группы были осуждены, а их семьи высланы на спецпоселение. Остальных крестьян вместе с семьями отправили на спецпоселение, часть из них сбежала по дороге или в первый год высылки. Некоторым, скрыв свое прошлое, удалось устроиться в городах, на новых стройках.

В 1931 г. часть крестьян изучаемой группы, не попавших под «раскулачивание», продолжала вести единоличное хозяйство, но большая часть была вынуждена вступить в колхозы. В 1931–1934 гг., когда поиски «кулаков» продолжались, власти лишали избирательных прав в первую очередь крестьян, не желавших вступать в колхозы. Немало проработавших в колхозах один-два года отнесли к «кулакам». Причины причисления к «кулакам» были порой нелепыми: вспомнили всех дальних родственников крестьян, «раскулаченных» ранее, отдаленные (дореволюционные) события (например, «нанимал борновола в 1909 году»). Случались и казусы: Г. К. Еремина лишили избирательных прав за то, что он в 1928 г. якобы держал батрака; при проверке выяснилось, что это был его внук⁹. Из колхозов «кулаков» исключали по надуманным обвинениям, с формулировками «за вредительство колхозу», «злостное нежелание работать», «воровство»¹⁰ и т. д. Крестьян, лишенных избирательных прав в 1931–1934 гг., как правило, высылали на спецпоселение. Некоторые смогли опровергнуть обвинение в принадлежности к «кулакам». Были и те, кто смог вовремя уехать в города. Судьбы многих неизвестны.

В первой половине 1930-х гг. основная масса крестьян изучаемой группы продолжала оставаться на спецпоселении. Немногие из них по разным причинам были возвращены со спецпоселений; позже они работали в колхозах, но чаще устраивались на предприятия, в шахты, поскольку возможности вернуть конфискованное имущество у них не было.

Личные дела крестьян позволяют составить достаточно полное представление как об их семьях, так и хозяйствах, поскольку содержат подробную информацию об уровне доходности хозяйства, о наличии в нем сельскохозяйственных машин и использовании наемных работников. Для характеристики хозяйств «кулаков» мы выделили следующие показатели: число в семье едоков, работников, поголовье рабочего и молочного скота, площадь посева, наличие сельскохозяйственных машин (сдача их внаем), применение наемного труда.

Специалисты по аграрной истории неоднократно отмечали зависимость уровня крестьянского хозяйства от состава семьи, т. е. количества едоков и работников. В. А. Ильиных, например, отмечает, что «демографическая дифференциация крестьянства (различия отдель-

ных хозяйств по размеру и составу семьи) во многом детерминировала его имущественную дифференциацию»¹¹. В среднем в хозяйстве «кулаков» исследуемой группы были 5,1 едока и 2,23 трудоспособных работника (табл. 8, 9). Считается, что примерно столько насчитывало средняцкое, но отнюдь не зажиточное крестьянское хозяйство (по данным В. П. Данилова, «хозяйство типично средняцкой группы имело 5,7 едока и 3–4 полных работника (1–2 работника, 2–3 работницы, 1–2 подростка)»¹².

Таблица 8

Количество едоков в хозяйствах сельских «лишенцев» разных категорий*, %

Число едоков в семье, чел.	«Кулаки»	Торговцы и жившие на «нетрудовые доходы»	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	«Бывшие»	Члены семей	Всего по категориям
1	0	2	0	0	7,1	4,1	1
2	1,7	9,4	3,1	14,8	7,1	7,2	4,4
3	3,4	9,4	6,2	18,5	21,4	17,5	7,4
4	12,3	15,6	9,3	11,1	14,2	9,3	11,9
5	15,2	23,9	17,5	3,7	7,1	8,2	15,2
6	20,1	9,4	24,7	29,6	14,2	5,1	16,9
7	18,3	16,7	15,5	3,7	14,2	3,1	15,2
8	14,7	6,3	10,3	14,8	7,1	1	10,8
9	6,3	2,1	5,2	0	0	0	4,3
10 и более	7,5	4,2	7,2	0	0	0	5,6
Нет сведений	0,3	1	1	11,1	7,1	44,3	7,4
В среднем на хозяйство	5,1	5,2	6,07	4,6	4,2	3,7	5,86

* Число едоков в семье учитывалось по окладным листам за 1927–1928 гг., а при их отсутствии — на момент лишения избирательных прав (высылки).

Крестьянские хозяйства, причисленные к «кулацким», были очень разными по числу едоков и работников (см. табл. 8, 9). По этим

показателям менее трети хозяйств следовало отнести к условно зажиточным: 28,5 % хозяйств имели более семи едоков в хозяйстве, 26,1 % — трех и более работников. Встречались, конечно, огромные семьи, например, семья М. С. Аболмосова (Кочковский район) насчитывала в 1928 г. 18 едоков и 10 работников¹³, М. Е. Бондарева (Кочковский район) — 14 едоков и пять работников¹⁴. В основной массе хозяйств было от четырех до семи едоков (65,9 %), два взрослых работников (около 60 %).

По мнению В. П. Данилова, одного из ведущих специалистов по аграрной истории России рассматриваемого периода, «при экстенсивном характере крестьянского хозяйства посевная площадь относилась к числу основных показателей размеров его земледельческого производства»¹⁵ (хотя по его же мнению, группировать хозяйства только по этому признаку нельзя). В среднем одно хозяйство «лишенца», причисленного к «кулакам», заседало 7,9 дес.; по меркам Сибирского региона это уровень середняцкого, а не зажиточного хозяйства. На середняцкое хозяйство Юго-Западной Сибири приходилось 8,2 га посева¹⁶ (7,52 дес.)¹⁷.

Таблица 9

Число трудоспособных работников в хозяйствах сельских «лишенцев» разных категорий*, %

Число работников в семье, чел.	«Кулаки»	Торговцы и жившие на «нетрудовые доходы»	Владельцы «предприятий»	Священнослужители	«Бывшие»	Члены семей	По всем категориям
1	13,5	30,2	16,7	25,9	42,9	35,1	20,5
2	59,8	59,4	65,9	55,5	42,9	17,5	53,9
3	18,1	9,4	12,4	3,7	7,1	2	13
4	5,7	0	1	3,7	0	2	3,7
5	1,4	0	0	0	0	0	0,8
6 и более	0,9	0	3,1	0	0	0	0,9
Нет сведений	0,6	1	1	11,1	7,1	43,3	7,4
В среднем на хозяйство	2,23	1,78	2,12	1,8	1,6	1,63	2,06

* См. прим. к табл. 8.

Хозяйствами с большой площадью посева (свыше 10 дес., т. е. таких, которые власти могли отнести к числу зажиточных), владели 23 % представителей рассматриваемой нами группы. Тех, кто засевал более 16,1 дес., было лишь 1,7 % (табл. 10), но их посев не превышал 20 дес., единственным исключением было хозяйство Т. А. Гурашкина (Кочковский район), который в 1927 г. засевал 24 дес.¹⁸ Основная масса причисленных к «кулакам» (68,5 %) засевала от 4 до 10 дес., среди них самую многочисленную группу составляли те, кто засевал от 7,1 до 8 дес. (см. табл. 10).

Таблица 10

Хозяйства разных категорий сельских «лишенцев», имеющие посевы, %*

Количество посева, дес.	«Кулаки»	Торговцы и жившие на «нетрудовые доходы»	Владельцы «предприятий»	Священнослужители
Без посева	0	8,2	1	25,9
1–2	1,1	11,7	14,4	14,8
2,1–3	1,7	12,9	7,2	18,5
3,1–4	5,7	15,3	7,2	7,4
4,1–5	12,4	3,5	13,4	0
5,1–6	11,2	14,1	11,3	7,4
6,1–7	11,1	5,8	8,2	11,1
7,1–8	17,2	8,2	9,3	11,1
8,1–9	8	5,2	9,3	0
9,1–10	8,6	1,2	5,1	0
10,1–12	10,4	2,3	6,2	0
12,1–16	10,9	1,2	4,1	0
Более 16,1	1,7	0	0	0
В среднем на хозяйство (дес.)	7,9	3,93	6,21	3,1

* Размер посева учитывался по окладным листам и динамике хозяйств (по наибольшему значению, зафиксированному в документах, как правило, в 1927–1928 гг.).

Как отмечает В. П. Данилов, «распределение рабочего скота как основной тягловой силы в сельскохозяйственном производстве того времени являлось одним из главных факторов имущественной и со-

циальной дифференциации крестьянства»¹⁹. На одно хозяйство в изучаемой группе приходились в среднем 2,18 лошади и 2,07 коровы (табл. 11, 12), что в целом близко к показателям среднего сибирского хозяйства. В районах Юго-Западной Сибири на одно середняцкое хозяйство приходились 2,3 лошади и 2,8 коровы²⁰.

Таблица 11

**Поголовье рабочего скота в хозяйствах разных категорий
сельских «лишенцев»*, %**

Количество лошадей	«Кулаки»	Торговцы и жившие на «нетрудовые доходы»	Владельцы предприятий	Священнослужители	«Бывшие»
Без лошади	0	8,2	1	11,1	14,3
1	13,7	24,7	34	48,1	28,6
2	62,3	43,5	44,3	14,8	28,6
3	14,9	8,2	16,5	11,1	0
4 и более	8,3	1,2	4,1	0	0
Нет сведений	0,6	14,1	1	14,8	28,6
В среднем на хозяйство, ед.	2,18	1,4	1,9	1,2	1,1

* Здесь и далее количество скота учитывалось по окладным листам и динамике хозяйств (по наибольшему значению, зафиксированному в документах, как правило, 1927–1928 гг.).

Таблица 12

**Количество коров в хозяйствах разных категорий сельских
«лишенцев»*, %**

Количество коров	«Кулаки»	Торговцы и жившие на «нетрудовые доходы»	Владельцы предприятий	Священнослужители	«Бывшие»
Без коровы	0	5,9	0	11,1	21,4
1	28,7	43,5	39,2	55,6	35,7
2	45,4	31,8	43,3	29,6	14,3
3	19,3	7	14,4	0	0
4 и более	6,3	1	2	0	0
Нет сведений	0,3	10,6	1	3,7	28,6
В среднем на хозяйство, ед.	2,07	1,3	1,6	1,1	0,9

Владельцы хозяйств, в которых было более двух лошадей и коров (их условно можно было бы отнести к зажиточным), в изучаемой группе составляли около четверти (более двух лошадей в хозяйстве — 23,2 %, более двух коров — 25,6 %). Среди них лишь трое имели хозяйства, в которых насчитывалось по пять лошадей, и один — шесть лошадей (И. А. Енин, Кочковский район)²¹. Хозяйства с пятью коровами были также редкостью; они имелись у шести «кулаков», шесть коров насчитывалось только в хозяйстве Т. А. Гурашкина (Кочковский район)²². «Кулаки» владели, как правило, двумя лошадьми (62,3 %) и одной-двумя коровами (74,1 %). В 1929–1930 гг. примерно четверть хозяйств сократила поголовье скота. Таким образом, по основным показателям (число едоков, работников, площадь посева, поголовье рабочего и молочного скота) около двух третей хозяйств, принадлежавших лицам рассматриваемой категории, относились к типично середняцким, не более трети — к зажиточным (даже с учетом, что часть скота и посева крестьяне могли скрывать от налогообложения).

Обеспеченность сложными сельскохозяйственными машинами, сдача их внаем и применение наемного труда в хозяйстве являются важнейшими характеристиками материального положения представителей изучаемой группы, поскольку именно они служили формальным основанием для лишения прав и давали возможность причислить крестьян к категории «кулаков». По статистике того времени, 68,7 % сложных сельскохозяйственных машин принадлежало крестьянам-середнякам²³, потому что причисление владельцев техники в разряд зажиточных крестьян было явно надуманным.

Следует признать, что хозяйства, причисленные к «кулацким», в среднем были неплохо обеспечены сельскохозяйственными машинами. Те, у кого их не было вообще, составляли 9,7 %, владевшие машинами совместно с родственниками или соседями — 43,3 %, единолично — 47 %. На одно хозяйство приходилось в среднем 1,4 сельскохозяйственной машины. Самыми распространенными машинами в крестьянских хозяйствах представителей изучаемой группы являлись конные молотилки (30,8 %), косилки всех видов (26,2 %), жнейки (25,1 %), конные грабли (8,3 %). Все остальные машины — сеялки, веялки, сноповязалки, триеры — встречались значительно реже. Тракторы и паровые молотилки не использовались в хозяйствах крестьян изучаемой группы. Конные молотилки (самые дорогостоящие машины) находились в основном в совместном пользовании.

Обвинение в сдаче машин внаем крестьяне, как правило, отвергали. Во-первых, примерно 50 % крестьян владело машинами совместно с двумя-тремя хозяйствами, что исключало возможность сдачи

вваем — «свое еле успевали обработать»; во-вторых, значительная часть (до 40 %) машин была произведена и куплена до революции и к концу 1920-х гг. пришла в «ветхость и полную негодность». Как заметил один из крестьян Мошковского района, «в колхоз машину не взяли за ветхостью, и я ее сдал в утильсырье, но почему-то комиссия решила, что кто-то бы ее мог взять внаем»²⁴. Владельцы новых машин обосновывали невозможность сдачи в наем экономической нецелесообразностью — «невыгодно разбивать свою машину»²⁵. Признавали факт сдачи в наем 7,7 % крестьян, отрицали — 83,8 %. Однако первые категорически не соглашались с суммой дохода, которую они якобы получили от сдачи сельскохозяйственной техники внаем. Так, Ф. О. Ермилов (Черепановский район) писал, что «молотилкой заработал 4 рубля 50 копеек, а написали будто 200 рублей»²⁶, И. З. Кабанов (Черепановский район) признавал, что заработок от жнейки составил 5 руб., сельсовет посчитал, что его заработок составил не менее 80 руб.²⁷ Доход от сдачи машин составлял в среднем 27 руб., а максимальный не превышал 87 руб. В 1928–1929 гг. избирательные комиссии, хотя и завышали доход от сдачи внаем машин в несколько раз, но не выходили за рамки реальных сумм (в пределах 100 руб.), однако с 1930 г. они стали записывать суммы, нередко превышавшие всю доходность хозяйств (от 200 до 800 руб.). Некоторые крестьяне в своих заявлениях пытались доказать невозможность заработать такие деньги на машинах, даже если бы они работали весь сезон. В 20 % случаев власти не обременяли себя вычислением суммы дохода от предполагаемой сдачи внаем сельскохозяйственных машин, и писали просто: «эксплуатировал машины на стороне». Более 90 % крестьян, лишенных избирательных прав за «сдачу внаем сельскохозяйственных машин», было дискриминировано без каких-либо документальных обоснований. Лишь в 7,7 % дел «кулаков» имелись карточки неземледельческих заработков или иные документы. Основная масса была лишена прав на основании свидетельских показаний или голословных утверждений руководства сельсовета, т. е. незаконно. По инструкции 1930 г., лишению избирательных прав подлежали лишь «систематически сдававшие внаем сложные сельскохозяйственные машины»²⁸. Ни в одном из личных дел, просмотренных нами, доказательств этой «систематичности» не было.

Крестьян огульно обвиняли и в применении наемного труда. Из всей группы ни один человек не согласился с тем, что использовал постоянный наемный труд, хотя власти утверждали это в 11,5 % случаев. Применение сезонного наемного труда подтверждали сами крестьяне в 34 % и категорически опровергали сам факт применения

сезонного наемного труда в 54,4 % случаев. При этом во всех рассмотренных нами личных делах имеется лишь восемь трудовых договоров, подтверждавших срок сезонного найма. В ходе изучения дел удалось определить, что труд сезонных рабочих использовали главы не зажиточных, а небольших (в лучшем случае середняцких) хозяйств. Последние объясняли, что были вынуждены нанимать рабочую силу из-за своей инвалидности, болезни, службы в армии сына или главы семьи, занятости на выборной должности, смерти жены (мужа) и т. п. Те, кто признавал факт найма труда, в основном нанимали боронволока, поденных рабочих или няню для малолетних детей. Например, крестьянин Я. В. Колпашиков (Черепановский район) ежегодно нанимал сезонного работника, поскольку после ранения в Первой мировой войне²⁹ был инвалидом; жена М. Ф. Кузина (Черепановский район) в 1924 г. нанимала батрака из-за отсутствия главы семьи (служил в Красной армии)³⁰; К. П. Крисковец (Черепановский район) нанимал боронволока, т. к. «землю взяли, надо было сеять, а сына забрали в армию»³¹; И. Г. Малахов (Черепановский район), оставшийся после смерти жены с четырьмя малолетними детьми, нанимал на полгода няню³². Эти и другие аналогичные ситуации особо оговаривались избирательными инструкциями: крестьяне, использовавшие наемный труд в подобных случаях, не должны были лишаться избирательных прав.

Зажиточные многодетные хозяйства, где, как правило, было достаточно рабочих рук, лишь в редких случаях использовали наемный труд. Один из крестьян Мошковского района писал: «Нынче дорого нанимать батраков, своими руками в хозяйстве обходимся»³³. Однако крестьяне не всегда давали правдивую информацию об использовании наемного труда, поскольку наем рабочей силы советская власть никогда не приветствовала. Нельзя отрицать, что широкое использование в деревне наемного труда было делом обыденным, однако это был скрытый найм, не фиксировавшийся документально. Ведущие отечественные специалисты по аграрной истории констатируют в этот период «массовый недоучет наемного труда благодаря сохранению его скрытых форм»³⁴. Причем в Сибири наемный труд использовался, как считают историки, даже в большей степени, чем в среднем по РСФСР. Н. Я. Гущин отмечал, что в 1927 г. в регионе доля крестьянских хозяйств, нанимавших рабочих, была в 1,8 раза выше, чем в среднем по РСФСР³⁵. В том же году к найму рабочих на срок в два месяца и более в крае прибегали, по мнению В. П. Данилова, 81,3 % зажиточных хозяйств³⁶. Наем рабочих рук официально фиксировался крайне редко, поэтому сельсоветы испытывали трудно-

сти при сборе документальных доказательств. Крестьяне лишались прав при отсутствии документальных подтверждений, все обвинения строились на свидетельских показаниях.

Крестьянам, причисленным к категории «кулаков», было достаточно сложно восстановиться в избирательных правах. К середине 1930-х гг. были удовлетворены лишь 30,2 % их ходатайств. Во многих заявлениях крестьян сквозила обида на советскую власть, высказывались обвинения в том, что их обманули. Один крестьянин (Черепановский район) писал: «Сначала советская власть сказала расширьте посев, развивайте свое хозяйство, а потом лишила избирательных прав, да если бы я знал, что мне дадут позорную кличку лишенца разве бы я стал работать от рассвета до заката?»³⁷ «Давали награды на выставках, — писал другой крестьянин-культурник (Мошковский район), — был уважаемым человеком, все спрашивали совета, а теперь сказали, что кулак, выходит, прав был тот бездельник, что лежал на печи и ничего не делал, он — бедняк, его превозносит советская власть»³⁸. Оказавшись «лишенцами», крестьяне находили этому разные объяснения: «Советская власть понаобещала с три короба, а выполнить не может, вот и нашли козлов отпущения — кулаков»³⁹, «В деревне 78 дворов, надо было кого-то лишить прав, вот и решили, что я больше всего подхожу»⁴⁰. Изменение своего гражданского статуса люди часто объясняли сведением личных счетов, местью, плохими отношениями с представителями власти, соседями и т. п.

Владельцы сельскохозяйственных «предприятий». К какой категории «лишенцев» относились владельцы сельскохозяйственных «предприятий»? Пунктом «б» ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. лишение прав «лиц, живущих на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, на доходы с предприятий». Но можно ли относить к этой категории владельцев мельниц, крупорушек, маслобоек? Будучи хозяевами предприятий, где должен был применяться наемный труд, они могли лишаться прав как «лица, прибегающие к наемному труду», т. е. по ст. 65, п. «а» Конституции РСФСР 1918 г. Но четких указаний в отношении владельцев таких предприятий избирательные инструкции до 1926 г. не давали. Разработчики инструкции 1926 г. ввели в ст. 15 формулировку об «отдельных категориях граждан, которые не могут пользоваться избирательными правами». В п. «б» ст. 15 интересующая нас группа оговаривалась особо: «Земледельцы, имеющие наряду с земледельческим хозяйством собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т.п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда»⁴¹. В 1930 г.

эта категория была причислена к «кулакам». В Положении о едином сельскохозяйственном налоге от 23 февраля 1930 г., принятом постановлением ЦИК и СНК СССР, наличие в хозяйстве мельницы, крупорушки, маслобойни, шерсточесалки и т. д. являлось признаком «кулацкого» хозяйства⁴².

Как уже отмечалось, грань между категориями «эксплуататоры наемного труда», владельцы «предприятий», «живущие на нетрудовые доходы», и «торговцы» была тонкой. Владельцы сельскохозяйственных «предприятий» представляли своего рода промежуточную категорию между «кулаками» и владельцами промышленных предприятий. Следует, однако, иметь в виду, что сельскохозяйственные «предприятия», учитывая их размеры и получаемый доход, нельзя в полной мере считать предприятиями.

В изучаемой нами группе сельских «лишенцев» владельцы сельскохозяйственных «предприятий» составляли 14,3 %. В ходе избирательной кампании 1926/27 гг. утратили гражданские права 6,2 % представителей этой категории, в 1928 г. — 44,3 %, в 1929 г. — 33 %, в 1930 г. — 10,3 %, в 1931 г. — 4,1 %, в 1932 г. — 1 %, в 1934 г. — 1 %. По сути, еще в 1920-е гг. избирательных прав лишили всех, кто имел хотя бы небольшую долю в сельскохозяйственном «предприятии». В 1930-е гг. лишали прав за владение «предприятиями», выдуманными избирательными комиссиями. В группу владельцев «предприятий» включали крестьян, катавших валенки, приписывая им владение пимокатными мастерскими, или имевших сепаратор — как хозяев «маслобойных заводов» и т. д.

Среди «владельцев», в отличие от большинства категорий сельских «лишенцев», не было ни одной женщины. Хозяевами мельниц, крупорушек, шерсточесалок являлись исключительно мужчины. В целом по основным изучаемым социально-демографическим характеристикам владельцы сельскохозяйственных «предприятий» мало отличалась от «кулаков». Обе категории были близки по возрастному составу. Среди владельцев сельскохозяйственных «предприятий» преобладали люди среднего возраста — 63,9 %, хозяева старше 50 лет составляли 27,7 %, до 30 лет — 8,2 % (см. табл. 5).

Можно было бы предположить, что среди «владельцев» было больше, чем среди представителей других категорий, сибиряков не в первом поколении, ведь чтобы построить мельницу или другое «предприятие», нужен капитал, чем не могли похвастать бедные переселенцы. Однако среди указавших место своего рождения коренные жители составили около трети, т. е. не больше, чем среди «кулаков». В данной категории, как и в других, наибольшую долю составляли выходцы из

Европейской России (29,8 %) и западных регионов (из Украины — 10,3 %, Белоруссии — 3 %) страны. Следует отметить, что примерно 25 % «владельцев» не указали места своего рождения, поэтому нельзя точно определить, кто преобладал в этой группе — старожилы или мигранты. По национальному составу данная категория мало отличалась от других категорий «лишенцев». Преобладали русские — 87,6 %, украинцы составляли 9,3 %, белорусы — 3 % (см. табл. 6).

Категорию «владельцев» представляли выходцы из самого массового дореволюционного сословия — крестьянства. Их реальное социальное положение до революции неизвестно. Применительно к «владельцам» власти категорически настаивали на формулировке «исторически богатый», имея в виду, что они и ранее являлись зажиточными крестьянами. Однако «владельцы», по их же утверждению, обзавелись «предприятиями» в годы советской власти и вообще являлись середняками или даже бедняками.

Уровень грамотности этой группы был более высоким, чем у представителей других «крестьянских» категорий. Так, среди «владельцев» неграмотные составляли 16,5 %, тогда как среди «кулаков» и торговцев — около 25 %. Большая часть «владельцев» просто имела навыки чтения и письма. Начальное образование получили 24,7 % (см. табл. 7).

На протяжении рассматриваемого периода хозяева сельскохозяйственных «предприятий» занимались тем же трудом, что и обычные крестьяне. До революции, судя по ходатайствам, все они трудились на земле, часть переселенцев до тех пор, пока не обзавелась собственным хозяйством, работала по найму. Лишь пятеро владели мельницами еще до революции. С началом Первой мировой войны «владельцы», как и другие крестьяне, оказались на фронте (12,4 %). В Гражданской участвовали 17,5 % представителей данной категории. Трудно сказать, каким было доминирующее отношение этой группы крестьян к новой власти в 1917–1920 гг. Как утверждали позже сами «владельцы», они поддерживали ее, хотя избирательные комиссии обвиняли их во враждебном отношении к советам с самого начала. Власти подозревали «владельцев» в «контрреволюции» значительно чаще, чем всех остальных крестьян, и здесь логика власти очевидна: раз крестьянин богатый, значит должен выступать против советской власти. Действительно, среди «владельцев» численность служивших в армии Колчака и участвовавших в Колыванском восстании была больше, чем среди других «крестьянских» категорий. Однако все не столь однозначно. Среди «владельцев» воевавшие на стороне армии Колчака составляли 5,1 %, участники Колыванского восстания — 4,1 %,

при этом в Красной армии служили 12,4 % из них и участвовали в партизанском движении 4,1 %. Поэтому говорить, по меньшей мере, о резком неприятии советской власти «владельцами» не приходится.

После окончания Гражданской войны «владельцы» вернулись к своим хозяйствам. Именно в этот период большинство обзавелось мельницами, маслобойнями, шерстобитками и прочими «предприятиями». В годы нэпа 12,4 % «владельцев» занимали различные выборные должности. Свое не очень активное участие в общественной жизни преобладающая часть представителей этой категории объясняла постоянной занятостью на мельнице или другом «предприятии».

Во второй половине 1920-х гг. владельцы сельскохозяйственных «предприятий» в основной массе были лишены прав. В 1928–1929 гг. у них конфисковали имущество (одно- и двухпоставные мельницы и часть другой недвижимости). Не дожидаясь дальнейшего развития событий, некоторые «владельцы» распродали оставшееся имущество и предпочли уехать в город. Пытаясь устроиться на заводах или стройках, они столкнулись с проблемами, поэтому стали работать извозчиками, плотниками и т. д. Как ни парадоксально, но конфискация «предприятий» в конце 1920-х гг. спасла часть «владельцев» от тюрем и спецпоселений. «Владельцы», оставшиеся в деревнях, в 1930 г. первыми попали под «раскулачивание». Очень многих представителей этой категории арестовали, а их семьи выслали на спецпоселение (затем глав семей отправили из лагерей в спецпоселки для соединения с семьями); некоторых выслали вместе с семьями. Такая же участь ожидала всех «вновь» выявленных «владельцев» в 1930-е гг.

До 1928 г. в одном хозяйстве «владельцев» в среднем было 6,07 едока и 2,12 работника; они засевали 6,21 дес., имели 1,9 лошади и 1,6 коровы (см. табл. 8–12). Таким образом, это были типично середняцкие хозяйства⁴³. Они достаточно сильно различались: 16 % хозяйств имели лишь одного взрослого работника, 28,9 % засевали менее 4 дес., 39,2 % владели одной коровой и 34 % — одной лошадью. Однако большинство хозяйств «владельцев» нанимало двух взрослых работников (66 %), засевало в среднем 4,1–10 дес. (60,8 %), имели две коровы (43,3 %), две лошади (44,3 %). Среди них были и более зажиточные хозяйства: 12 % имели трех и 1 % — четырех работников, 16,4 % — трех коров и более, 20,6 % — трех лошадей и более, 10,3 % засевали свыше 10 дес. Для многих владельцев сельскохозяйственных «предприятий» (особенно небольших или находившихся в совместной собственности), основным являлся доход от сельского хозяйства. Однако имелись хозяйства, благосостояние которых отражали не только размер посевной площади или число коров и лошадей. Для

определения уровня их состоятельности было важно выяснить размер получаемого ими дохода от «предприятий».

В группе «владельцев» преобладали мельники — 63 %, хозяева шерсточесалок и кожевенных «предприятий» составляли по 9,3 %, маслобоек (маслобойные заводы) — 8,2 %, крупорушек, кирпичных заводов, смолокуренно-скипидарных производств — по 2 %, пимокатных мастерских — 3 %; 1 человек владел паточным заводом. При этом 64 % владели «предприятиями» единолично, а 36 % — совместно.

Доходы от сельскохозяйственных «предприятий» у большинства крестьян были небольшими, и их можно считать скорее дополнительной, а не основной статьей дохода. Так, 59 % имели доход от «предприятий» менее 500 руб., в т. ч. 5 % — до 100 руб., 36,1 % — от 101 до 300 руб., 19,6 % — от 301 до 500 руб. около 25 % — от 501 до 1 тыс. руб., в т. ч. 9,3 % — от 501 до 600 руб., 7,2 % — от 601 до 700 руб., 2 % — от 701 до 800 руб., 3 % — от 801 до 900 руб., 2 % — от 901 до 1 тыс. руб. Больше 1 тыс. руб. дохода получали немногие «владельцы» — 6,2 %, при этом всего у четырех мельников доход составлял ок. 1,5 тыс. руб. Например, двухпоставная мельница М. С. Крутских (Черепановский район) приносила дохода 1 420 руб.⁴⁴, мельница О. И. Кузнецова (Черепановский район) — 1 440 руб.⁴⁵ В 1927 г. самый большой доход (3 530 руб.) в изучаемой группе получил от своего маслодельного завода Ф. В. Кияница (Кочковский район)⁴⁶. Доход 9,3 % «владельцев» неизвестен, возможно, из-за стремления приписывать или значительно завышать показатели доходов владельцев «предприятий».

Одним из оснований для лишения избирательных прав выступало применение наемного труда на «предприятии». То, что на «предприятии» (в основном на больших мельницах и маслобойных заводах) постоянно использовали наемный труд, признавали 11,3 % «владельцев». Категорически отвергали обвинение в этом 14,4 % «владельцев», признавали, что привлекали на свои «предприятия» сезонных рабочих — 21,6 %, отрицали даже временный найм — 18,6 % (они утверждали, что работу выполняли силами своих семей). Не использовали наемный труд 8 % «владельцев», о трети других «владельцев» в делах сведений нет. Примерно половина «владельцев» признавала применение наемного труда от нескольких дней до лет. Многие мельники писали, что не могли обойтись без наемных рабочих по «природным» условиям (затопило мельницу или, напротив, высохла река и т. п.). О. И. Кузнецов (Черепановский район) в ходатайстве указывал: «Нанимал работников по необходимости, поскольку подтапливало берег и его нужно было укреплять»⁴⁷. И. В. Космынин (Черепановский

район) отмечал: «Нанимал рабочую силу из-за того, что река высохла, и было нужно делать запруды»⁴⁸.

При причислении крестьян к «кулакам» власти иногда сомневались в правильности своей оценки уровня их достатка, но что касается «владельцев», их уверенно связывали с зажиточными хозяйствами. Однако по размеру дохода хозяйства около половины «владельцев» были середнячками. Приведем характерный пример «семейного предприятия». Пятеро братьев Мазаловых в Кочковском районе в наследство от отца получили мельницу, доля каждого составляла пятую часть, младший брат уехал в город учиться еще в 1926 г. и передал свою долю старшему брату, в результате доход каждого из владельцев составлял от 110 до 220 руб. Хозяйства братьев, за исключением старшего, относились к маломощно-середняцким. Суммарный доход в хозяйствах (от сельского хозяйства и мельницы) Мазаловых колебался в пределах 267–487 руб.⁴⁹, т. е. они не попадали в группу зажиточных⁵⁰.

Восстановиться в избирательных правах владельцам сельскохозяйственных «предприятий» было значительно сложнее, чем «кулакам» или торговцам. Власти были уверены, что их хозяйства — зажиточные, и переубедить их в обратном в конце 1920-х гг., а тем более в 1930-е гг. было невозможно. Всего удалось восстановиться 9,7 % «владельцев», в частности, в Мошковском районе, где либеральнее всего относились к этой группе, — 17 %, в Кочковском районе — 10,7 %. В Черепановском районе не восстановили ни одного «владельца» (см. табл. 4).

Торговцы, торговые посредники. В 1920–1930-е гг. торговцы представляли одну из самых многочисленных категорий сельских «лишенцев». В 1925 г. в целом по стране она составляла 33,5 %, в 1927 г. ее доля сократилась до 18,5 %, а в 1929 г. — до 15,3 %. В 1931 г. в связи со значительным ростом категории «эксплуататоры наемного труда» доля торговцев снизилась до 10,8 %⁵¹. В Сибирском крае она была несколько ниже, чем в среднем по стране и РСФСР, и составляла в 1927 г. — 14,8 %, в 1929 г. — 6,9 %⁵².

Живших на «нетрудовые доходы» было всего 11 чел., поэтому мы сочли возможным включить их в группу торговцев. К жившим на «нетрудовые доходы» власти причисляли лиц, державших постоянные дворы и сдававших дома (комнаты). Последние жили (или имели собственность) в основном в населенных пунктах, расположенных рядом с городами (Черепановский и Мошковский районы).

В изучаемой группе сельских «лишенцев» торговцы и жившие на «нетрудовые доходы» составляли 14,1 %. Всех торговавших по

патентам, имевших лавки лишили прав еще в 1920-е гг. (68,7 %) (см. табл. 1). В 1930–1931 гг. «лишенцами» стали еще 24 % лиц, торговавших либо в отдаленном прошлом, либо непродолжительное время. Однако в личных делах и у тех, и у других отсутствовало документальное подтверждение фактов торговли. В 1932–1934 гг. выявили и лишили прав еще 7,3 % торговцев, вероятно, по надуманным и ложным обвинениям.

В сельской местности, как и в городе, категория торговцев была достаточно разнородной. Почти все сельские торговцы и жившие на «нетрудовые доходы» трудились в сельском хозяйстве, это был основной вид их деятельности. Торговлей они занимались временно или от случая к случаю. Некоторые, хотя держали подсобное хозяйство, но основной доход получали от торговли. Занимавшихся торговлей до революции в изучаемой группе оказалось немного (11 %). Основная масса начала торговать в годы нэпа (69,4 %), лишь 16,5 % занимались этим до 1929–1930 гг. Предпринимателей с дореволюционным опытом, продолживших торговлю и после революции, было всего трое.

В отличие от города, в сельской местности торговцев представляли в основном мужчины, лишь две женщины были лишены прав вместе с мужьями за совместную торговлю, и еще четыре оказались в этой категории за получение «нетрудовых доходов» от сдачи жилья в наем.

По возрастному составу представители рассматриваемой категории практически не отличались от «кулаков» и «владельцев». Среди торговцев также преобладали люди среднего возраста: те, кому в 1930 г. было от 31 до 49 лет, составляли 62,5 %. Представителей старших возрастов здесь было несколько больше, чем среди «кулаков» и «владельцев» (34,5 против 27 %). Сельская молодежь явно не стремилась заниматься торговлей, доля молодых людей (18–30 лет), лишенных прав за торговлю, не превышала 3 % (см. табл. 5).

Место своего рождения не указали 22,9 % торговцев. Поэтому определить соотношение переселенцев и коренных жителей Сибири не представляется возможным. Среди торговцев, указавших место рождения, 31,3 % составляют сибиряки, 31,2 % — мигранты из европейской части страны. Более всего выходцев было из Центрально-Черноземного региона (12,5 %) и Поволжья (7,3 %), а также приехавших из западных регионов (11,4 %).

Среди торговцев, как и среди представителей других категорий сельских «лишенцев», преобладали русские — 87,5 %. Примерно десятую часть составляли украинцы (9,3 %) и белорусы (1,1 %) (см. табл. 6). Зафиксированы татарин и чех. Последний попал в Си-

бирь во время Гражданской войны, продолжая оставаться поданным Чехии, он отказался принять гражданство СССР, женился и поселился в Мошково⁵³.

Почти все лишённые избирательных прав за торговлю и нетрудовые доходы по сословной принадлежности до революции относились к крестьянству. Выяснить их настоящее социальное положение невозможно из-за неполноты сведений.

Поскольку занятие торговлей предполагает умение писать и знание основ математики, можно было бы предположить, что грамотных в категории торговцев должно быть больше, чем в других «крестьянских» категориях. Однако, как и в категории «кулаков», около трети торговцев были неграмотными, умели читать и писать 37,5 %, имели начальное образование 25 % и среднее — 3 % (см. табл. 7).

Рассматриваемая категория была разнородной по занятиям. В ней следует выделить прежде всего крестьян, которые и до, и после революции трудились главным образом в сельском хозяйстве. В 1920-е гг. крестьяне в силу разных причин, как правило, непродолжительное время занимались торговлей. Это была мелкая или мельчайшая торговля продуктами. Заняться торговлей сельских тружениковставляло тяжелое материальное положение или стихийное бедствие. А. С. Еремин (Черепановский район) в ходатайстве писал: «Был вынужден заняться торговлей, поскольку лошадей украли, а хлеб то высохнет, то вымерзнет»⁵⁴. Ему вторил Н. П. Михайлутин (Черепановский район): «...никогда не занимался торговлей, но был вынужден ею заняться, поскольку погиб весь урожай»⁵⁵. «Получил ранение на германской войне, — указывал К. А. Седелев, — заниматься сельским хозяйством не мог, начал небольшую торговлю, по состоянию здоровья тоже не смог, держал в 27–28 годах постоянный двор»⁵⁶. На протяжении 1920-х гг. зажиточные крестьяне, продолжая заниматься сельским хозяйством от случая к случаю, торговали (в основном мясом) на рынках. К концу десятилетия они свернули торговлю.

Среди сельских торговцев были и те, кто занимался торговлей (в основном держали винные, бакалейные лавки) до революции. Однако после революции их трудовая деятельность была связана только с сельским хозяйством. Отдельные предприниматели, правда, продолжали заниматься торговлей и в 1920-е гг. Они, как правило, имели несколько лавок в разных деревнях, нанимали продавцов. В. Е. Абламский (Мошковский район) до революции владел постоянным двором, занимался винной торговлей, имел четыре лавки, в годы нэпа он вернулся к торговой деятельности, но уже в меньших масштабах⁵⁷. К концу 1920-х гг. все эти лица прекратили занятие торговлей.

Многие представители рассматриваемой категории до революции трудились исключительно в сельском хозяйстве; предпринимательской же деятельностью они занялись в годы нэпа. Эти крестьяне имели, как правило, небольшое подсобное хозяйство, но главы хозяйств и члены их семей занимались торговлей. Так, Д. Ф. Епатин (Черепановский район) всегда занимался сельским хозяйством и был середняком (с его слов), а «когда случился недород, по примеру соседа занялся торговлей»⁵⁸. Сначала торговал мясом на рынке. Видимо, торговля пошла успешно, и Епатин, решив расширить торговлю, в 1926 г. открыл лавку сначала в своей деревне, а уже в следующем году в Черепаново; работал сам и все члены его семьи.

Наконец, в категории лишенных прав за торговлю в 1930-е гг. следует выделить крестьян, которые собственно торговлей никогда не занимались. Принимая решение об их правовой дискриминации, власти обычно использовали такие формулировки: «продал корову и двух овец»; «продал восемь поросят»; «продал своего жеребенка» и т. д. Группу составляли обычные крестьяне, всю жизнь занимавшиеся крестьянским трудом. Мотивы лишения их прав были явно вымышленными.

Судьбы значительной части лишенных прав за торговлю, особенно тех, кто подавал заявления в 1927–1929 и в 1930-е гг., неизвестны. Около 40 % торговцев были «раскулачены» и высланы на спецпоселение, некоторые вскоре умерли. Крестьяне преклонного возраста жили на иждивении у родственников.

По состоятельности хозяйства, принадлежавшие «лишенцам» данной категории, были очень разными. В одном хозяйстве насчитывалось в среднем 5,2 едока, 1,78 работника, 1,4 лошади, 1,3 коровы, засеивалось 3,93 дес. (см. табл. 8–12). В Юго-Западной Сибири на одно середняцкое хозяйство приходилось 8,2 га (7,52 дес.) посева, 2,3 лошади, 2,8 коровы⁵⁹. Иначе говоря, по формальным показателям хозяйства причисленных к категории «торговцы» относились даже не к середняцким, а скорее к бедняцким. Однако, как отмечалось выше, для этой группы «лишенцев» сельское хозяйство не всегда являлось основным источником дохода, поэтому только по уровню хозяйства о доходах торговцев судить не следует. Впрочем, Е. В. Байда, исследовавшая данную проблему на материалах Урала, делает вывод о том, что «у сельских торговцев по характеру хозяйство являлось бедняцким или середняцким... для крестьянина-бедняка или середняка торговля была вспомогательным источником дохода в самые критические моменты»⁶⁰. Однако в литературе высказывается и другая точка зрения: торговлей занимались в основном «кулаки», они вкла-

дывали свои капиталы в торговлю⁶¹. Представляется, что оба мнения верны лишь отчасти. Торговлей, если отвлекаться от ее масштабов и продолжительности деятельности, занимались как бедняки, желавшие поправить свое положение, так и зажиточные крестьяне.

Об уровне доходов большинства торговцев правомерно судить не по уровню и величине их хозяйств, а по размерам и оборотам торговли. Около десятой части представителей изучаемой группы занималась сравнительно крупной для деревни торговлей (9,4 %). Имея патенты третьего и четвертого разрядов, они в основном владели лавками, в которых продавались различные товары — от бакалеи до церковной утвари. Получившие патент второго разряда торговали чаще всего мясом, преимущественно на рынках. У 12,9 % торговля была очень мелкая, в разнос: торговали по патентам первого разряда на рынках и базарах в основном «съестными припасами». Вовсе без патентов торговали 28,2 %. Нет сведений о разрядах патентов у 28,2 % «торговцев»: либо потому, что они торговали еще до революции, либо потому, что их дела были сфабрикованы избирательными комиссиями, которые, не имея документального подтверждения, «приписывали» торговлю крестьянину.

Сведения об оборотах торговли, хотя и указываются в личных делах торговцев, но являются весьма условными (торговля могла вестись как до революции, так и в годы нэпа), и сравнивать их проблематично. Поэтому мы приводим лишь данные о торговавших в годы нэпа (суммы на 1925–1928 гг.). Обороты торговли свыше 3 тыс. руб. были лишь у одного человека в изучаемой группе, еще у 9,4 % они составляли от 1501 до 3 тыс. руб. Около 10 % торговцев имели торговлю с оборотом от 1201 до 1,5 тыс. руб., 4,7 % — от 1001 до 1,2 тыс. руб. Обороты торговли большей части торговцев в изучаемой группе (45,8 %) не превышали 1 тыс. руб., при этом у 11,7 % торговцев они достигали от 701 до 1 тыс. руб., у 12,9 % — от 501 до 700 руб., у 15,3 % — от 301 до 500 руб., у 5,9 % — менее 300 руб. Сведений об оборотах торговли у 23 человек нет.

Доход сдававших дома и комнаты не превышал 680 руб. в год, но в большинстве случаев он оказывался просто мизерным — от 80 до 220 руб. в год. Такую деятельность лишь с большой натяжкой можно назвать предпринимательской. Зачастую помещения сдавали пожилые, одинокие люди, не способные заниматься сельским хозяйством.

Советская власть относилась к торговле с особым подозрением, потому сельским торговцам восстановиться в правах было достаточно сложно. Авторы трети заявлений отрицали свою причастность к торговле или утверждали, что продавали излишки продукции своего

хозяйства. Представителям этой группы порой приходилось опровергать нелепые обвинения со стороны властей. Например, С. М. Сениякин (Черепановский район) узнал, что его лишили избирательных прав «за продажу арбузов и прессованного сена и применение наемного труда при прессовке сена». Возмущению крестьянина не было предела: «Откуда в деревне арбузы, до момента лишения я даже не знал ни о каких арбузах, никакого сена в жизни не прессовал»⁶². Остальные две трети заявителей признавали, что занимались торговлей, и в качестве оправдания ссылались, как правило, на бедность, неурожай, «нечем кормить семью». Один из торговцев (Черепановский район) писал: «Торговля мне совершенно чуждое занятие, но не мог же я семью оставить голодной»⁶³. Некоторые делали акцент на неграмотности, незнании законов. А. П. Калинкина (Черепановский район) в заявлении писала: «Не знала, что торговля карается по закону, торговала съестными припасами по безграмотности»⁶⁴. Для отдельных «лишенцев» занятие торговлей было событием прошлого. Е. Д. Силин (Черепановский район) отмечал: «Если я занимался частной торговлей до 1916 года, то в то время государственной торговли и не было, прошло уже 13 лет и должно прощаться за давностью»⁶⁵. Некоторые заявители возмущались несправедливостью советских законов. Так, И. И. Ишутинов (Мошковский район) писал: «Торговал лишь потому, что торговля была разрешена повсюду с оплатой по патенту, до 1927 года у меня был взят патент на право торговли, за который оплачивалось государству, разве я мог подумать, что лишат прав за разрешенную государством деятельность»⁶⁶.

Избирательными комиссиями было восстановлено в правах 22,9 % сельских торговцев. При этом в Мошковском и Черепановском районах этот показатель составил около 20 %, а в Кочковском районе — 35 %. Более высокий процент восстановленных торговцев в последнем объясняется, видимо, тем, что там дискриминационные решения в отношении значительной части представителей рассматриваемой категории принимались без какого-либо документального подтверждения, следовательно, крестьянам было проще опровергнуть основания для их лишения. Однако если в городе избирательные комиссии снисходительно относились к мелким торговцам, ссылавшимся на вынужденные обстоятельства и непродолжительность своей торговой деятельности, то в сельской местности комиссии вели себя более жестко и не принимали в расчет особые обстоятельства и незначительность масштабов торговли. Восстанавливались лишь пожилые люди, получавшие мизерные доходы от сдачи комнат, и те,

кто сумел доказать ложность представленных сельхозбирками сведений о торговой деятельности.

Священнослужители. В 1920-е гг. категория «служителей религиозного культа» в сельской местности была достаточно многочисленной. В 1925–1926 гг. в целом по стране она являлась второй по численности после «торговцев» и составляла 21,2 %. Позже ее доля сокращалась (хотя численность увеличивалась): в 1927 г. — до 10,2 %, в 1929 г. — до 9,3 %, в 1931 г. — до 7,6 %⁶⁷. В Сибирском крае численность лишенных прав по религиозным мотивам была несколько ниже, чем по стране и РСФСР, и достигала в 1927 г. 7 %, в 1929 г. — 5 %⁶⁸.

В рассматриваемой нами группе категория лишенных по п. «г» ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. составляла 3,9 %. Все священнослужители в сельской местности были лишены прав в 1920-е гг. (см. табл. 1). В кампанию 1927 г. впервые подали апелляции 26 % (когда они были лишены неизвестно), в 1928–1929 гг. — 74 % служителей культа. Доля сельских священников в группе составляла 27 %, вспомогательного персонала церквей (дьяконы и псаломщики) — 34,5 %. В отличие от города, в деревне не лишали прав хористов, сторожей и др. Церковные старосты составляли 7,7 % от численности группы, столько же — бывшие монахини. Все остальные являлись членами различных сект: 19,2 % — председатели, начетчики члены баптистских общин, 7,7 % — члены группы евангельских христиан и 3,8 % — члены группы иеговистов.

В категории священнослужителей преобладали люди среднего и старшего поколений (35–70-летние составляли 88 %), убеждения которых сформировались задолго до революции. Молодежи среди священнослужителей (25–30 лет) было немного — около 4 % (см. табл. 5). Активная антирелигиозная агитация большевиков достигла своей цели. Несмотря на присущий деревне традиционализм и консерватизм, молодежь в сельской местности отказывалась работать при церкви.

Категория священнослужителей на треть состояла из уроженцев Сибири. Доля родившихся в Европейской России достигала 25,9 % (преимущественно выходцы из Волго-Вятского и Центрально-Черноземного регионов). В отличие от других категорий сельских «лишенцев», в анализируемой группе были широко представлены коренные жители западных регионов страны: Украины (14,8 %) и Белоруссии (3,7 %). Места рождения остальных неизвестны. По национальному составу «служители религиозного культа» среди остальных категорий не выделялись. Преобладали русские — 81,4 %. Поскольку выходцев из западных регионов в этой категории было больше, чем

в других, доля украинцев и белорусов оказалась несколько выше. Украинцы составляли 14,8 %, белорусы — 3,7 % (см. табл. 6).

«Служители религиозного культа» — единственная категория сельских «лишенцев», которая включала представителей дореволюционного привилегированного сословия — духовенства. Впрочем, собственно к духовенству по происхождению относилось лишь 11 % лиц этой категории. Остальные принадлежали к крестьянскому сословию.

По уровню грамотности (образования) священнослужители выделялись на фоне всех остальных категорий. Со средним образованием были только священники, но никто из них не заканчивал духовную семинарию. Вспомогательный персонал, монахини, руководители общин, начетчики баптистов имели, как правило, начальное (сельское) образование. Лишь 14,8 % составляли просто грамотные, в основном это были церковные старосты. Характерно, что в данной категории отсутствовали неграмотные (см. табл. 7).

Для многих городских священнослужителей работа в церкви являлась временной и обуславливалась вынужденными обстоятельствами. Сельские священники служили в церквях, как правило, с начала века, и внешние катаклизмы не внесли в их занятия каких-либо изменений. В конце 1920-х гг. сельские священники были обложены непосильным налогом; они не смогли его выплатить, и их имущество распродали. К сожалению, дальнейшая судьба этих людей, как правило, неизвестна.

Одни псаломщики и дьяконы как до революции, так и в годы нэпа, служили при церкви и имели свое небольшое хозяйство, поскольку вознаграждения за службу в церкви для содержания семьи не хватало. Другие до революции занимались сельским хозяйством или работали по найму и лишь в годы нэпа стали служить при церкви. Некоторые из них в годы Гражданской войны активно поддерживали советскую власть и участвовали в партизанском движении. Так, И. В. Головки переселился в Сибирь в 1909 г., имел бедняцкое хозяйство, во время революции поддержал советскую власть, в годы Гражданской войны партизанил, в 1920-е гг. занимался сельским хозяйством, в 1922 г. после смерти своего отца, служившего в церкви дьяконом, стал дьяконом, продолжая заниматься сельским хозяйством. В 1930 г. был выслан в Нарым⁶⁹. Хозяйства псаломщиков и дьяконов, хотя в основном считались середняцкими или бедняцкими, были, как правило, обложены индивидуальным налогом. В 1930 г. около трети вспомогательного персонала выслали на

спецпоселение⁷⁰. А. И. Копылова «по старости и болезни» вернули со спецпоселения, он жил на иждивении дочери⁷¹.

Председатели и члены различных религиозных общин (в изучаемой группе это церковные старосты православных общин, руководители групп иеговистов и евангельских христиан, а также начетчики и председатели общин баптистов) никогда в церквях не служили и вознаграждения за свой труд не получали. Свои обязанности в общине они выполняли в свободное время от основного занятия — сельского хозяйства. Позже эти люди, как псаломщики и дьяконы, также были индивидуально обложены налогом, за его неуплату лишились имущества, а сами оказались на спецпоселении⁷².

Причисленные к категории «служителей религиозного культа» в сельской местности пытались оспаривать решение об обложении их индивидуальным налогом; в их личных делах имеются подробные описания хозяйств. В среднем на хозяйство священнослужителя приходилось 4,6 едока, 1,8 работника, 3,1 дес. посева, 1,2 головы рабочего скота и 1,1 коровы, т. е. хозяйства являлись скорее бедняцкими (см. табл. 8–12). При этом хозяйства были очень разными по уровню состоятельности. Священники имели, как правило, небольшие хозяйства (посева либо не было, либо он не превышал 1–2 дес., скот либо отсутствовал, либо имелась лошадь или корова). Доход они получали от церкви; судя по документам, он составлял от 267 до 420 руб. в год. У вспомогательного персонала были в основном бедняцкие хозяйства: засевалось 2–3 дес., имелась одна корова, рабочий скот зачастую отсутствовал. Представители этой группы получали от церкви значительно меньше, чем священнослужители: около 50–70 руб. в год. Хозяйства же членов религиозных общин (председатели, старосты, начетчики баптистов), имевших большие семьи, были в основном середняцкими: 5–8 дес. посева, одна-две лошади и столько же коров. Таким образом, по размерам хозяйства основная масса «служителей религиозного культа» даже не приближалась к зажиточным. Вместе с тем большинство из них было обложено индивидуальным налогом, в облагаемую сумму включался т. н. доход от культа. Сельские священники облагались налогом в 970–1420 руб., что значительно превосходило не только размер доходов, но и стоимость всего имевшегося имущества. Псаломщики, дьяконы, члены религиозных общин были обложены на меньшую сумму (170–360 руб.), но также превышавшую доходы от их хозяйств. Выплатить такие суммы налогов они были не в состоянии.

Неудивительно, что в своих заявлениях священнослужители требовали главным образом не восстановления в правах, а снятия с них

непосильного налогового бремени. Сельские священники, в отличие от городских, в своих апелляциях не допускали даже намека на раскаяние в своей деятельности. Они лишь старались избежать разорения своей семьи. Сельский священник А. П. Дзубенко на восьми страницах заявления подробно описывал собственные доходы (прежние и настоящие), возмущался недостоверными сведениями избирательной комиссии и сообщал, что, если даже продаст свой дом и все свое скромное хозяйство, то 1 260 руб. налога все равно уплатить не сможет⁷³.

К восстановлению в правах «служителей религиозного культа» в сельской местности избирательные комиссии подходили очень сурово. Несмотря на все приводимые аргументы, лишь в отношении одного человека из всей группы было принято положительное решение. Им оказался представитель баптистской общины, доказавший, что никогда не являлся ее председателем и вообще давно порвал с ней⁷⁴.

Бывшие белые офицеры и бывшие полицейские. Лишенные избирательных прав по п. «д» ст. 65 Конституции 1918 г., т. н. бывшие, никогда не представляли значительную группу. Их доля среди сельских «лишенцев» в 1925–1926 гг. составляла 12,9 %, в 1927 г. — 7,4, в 1929 г. — 6,5 %, в 1931 г. — 4,6 %⁷⁵. В Сибирском крае этот показатель был ниже, чем в среднем по стране и РСФСР, и достигал в 1927 г. 6,3 %, в 1929 г. — 3,3 %⁷⁶.

В изучаемой нами группе сибирских сельских «лишенцев» эта категория была самой малочисленной — 2,06 %. В ней 85,6 % составляли лишенные прав и подававшие заявления в 1927–1929 гг. и 14,4 % — в 1930 г. В отличие от города, в сельской местности проживали единицы бывших белых офицеров. Это были в основном бывшие урядники, приставы, стражники, сторожа, которые до революции относились к мелким служащим или техническому персоналу карательных органов.

В этой категории «бывших» преобладали люди старшего поколения: 71,3 % — старше 50 лет, от 46 до 50 лет — 21,4 %; самому «молодому» из них было 42 года (см. табл. 5). Большинство бывших служащих карательных органов царской России и бывших белых офицеров (92,9 %) — неместные уроженцы, более всего среди них выходцев из Европейской России (из Центрального региона — 21,4 %, Волго-Вятского — 21,4, Центрально-Черноземного — 7,1, Поволжья — 7,1 %) и западных регионов (из Белоруссии — 14,2 % и Украины — 7,1 %). Бывшие белые офицеры оказались в Сибири в годы Гражданской войны, а бывшие служащие карательных органов — до революции. По национальному составу эта категория мало отличалась от осталь-

ных: преобладали русские (78,6 %), были также представлены украинцы (7,1 %) и белорусы (7,1 %) (см. табл. 6).

Среди «бывших» в сельской местности не зафиксированы выходцы из привилегированных сословий. Все бывшие служащие карательных органов представляли крестьянское сословие. Среди бывших белых офицеров встречались выходцы из мещанства и крестьянства.

По уровню грамотности (образования) «бывшие» значительно выделялись на фоне сельского населения, среди них не было неграмотных. Малограмотные составляли 14,2 %, лица с начальным образованием — 50 %, со средним — 35,7 %. Начальное образование имели бывшие служащие полиции и жандармерии, а среднее — бывшие белые офицеры (см. табл. 7).

Работа в полиции или жандармерии для большинства лиц в изучаемой группе не являлась постоянной. Многие, переехав в Сибирь, по разным причинам отошли от сельского хозяйства; они работали по найму, занимались кустарным трудом, затем оказались на службе в полиции. Судя по заявлениям, эти люди не воспринимали службу в полиции или жандармерии как достойную и почетную, работать некоторое время в этой системе их заставили обстоятельства. Так, В. С. Ивашутин, служивший сторожем в полиции один год, писал в ходатайстве: «Пошел на такую позорную службу из-за крайней нужды»⁷⁷. В группе лишь один человек до революции проработал урядником в полиции более 15 лет⁷⁸. Для всех остальных работа в карательных органах являлась временной.

В сельской местности, как и в городе, большая часть бывших полицейских, советскую власть не воспринимала враждебно: два человека в годы Гражданской войны даже служили в Красной армии⁷⁹, никто не воевал в белых армиях. Во время Гражданской войны и в годы нэпа все бывшие служащие полиции и жандармерии занимались сельским хозяйством. К сожалению, неизвестно, как сложилась судьба этих людей в 1930-е гг. Достоверные сведения имеются лишь о судьбе двух бывших полицейских. Так, В. С. Ивашутин после ранения в Первой мировой войне начал слепнуть, в 1930-е гг. находился на иждивении дочери⁸⁰. И. А. Енин был осужден в 1930 г., семья выслана в Нарым⁸¹. С достаточной степенью уверенности можно предполагать, что судьбы остальных также сложились трагически, поскольку в 1928–1929 гг. «бывшие», будучи обложенными индивидуальным налогом, не смогли его уплатить. Их имущество конфисковали, а самих либо осудили, либо выслали на спецпоселение.

Бывшие белые офицеры до революции работали в частных фирмах или состояли на государственной службе. Все они принимали

участие в Первой мировой войне. В годы Гражданской войны были мобилизованы в белые армии. Впоследствии все служили в Красной армии (в принципе они не подлежали лишению прав). В. А. Врублевский, несмотря на то что в армии Колчака «служил» десять дней, в Красной — два года, а в 1922–1927 гг. являлся членом РКП(б), был лишен избирательных прав в 1927 г. и вторично — в 1930 г.⁸² После Гражданской войны бывшие белые офицеры, оказавшись в деревне, занялись сельским хозяйством. В годы нэпа они работали учителями или в кооперативных организациях (главными бухгалтерами, председателями маслоартелей, заведующими складами) и имели небольшое хозяйство. В 1930-е гг. один из бывших белых офицеров К. Н. Воробьев был «раскулачен», поскольку нанимал сезонных рабочих, но «скрылся в неизвестном направлении»⁸³. Судьбы остальных неизвестны.

Прав был А. С. Енукидзе, когда в «Докладной записке» писал о тяжелейшем положении «лишенцев» (подвергнутых дискриминации не за «эксплуатацию наемного труда» или торговлю) в сельской местности⁸⁴. Хозяйства бывших служащих полиции и жандармерии в основном сопоставимы с бедняцкими, в среднем на хозяйство приходились 1,1 лошади, 0,9 коровы и 2,5 дес. посева. Бывшие белые офицеры вели, как правило, подсобное хозяйство и жили в основном на зарплату. Естественно, что «бывшие» не могли уплатить индивидуальный налог, которым были обложены наравне с зажиточными крестьянами.

Занятие сельским хозяйством не засчитывалось им в трудовой стаж, поэтому «бывшие», проживавшие в сельской местности, не могли рассчитывать на восстановление в правах. Доказывая несправедливость принятого властями решения, бывшие белые офицеры ссылались на пятилетний трудовой стаж (работа в кооперативных организациях или в низовом советском аппарате) и службу в Красной армии. Они недоумевали, на каких основаниях их лишили прав, оправдывались, что были мобилизованы в белые армии насильно и находились на этой службе недолго. Бывшие белые офицеры категорически требовали снять с них индивидуальное обложение.

Несмотря на все вышеперечисленные аргументы убедить избирательные комиссии удалось лишь одному бывшему белому офицеру, который служил в армии Колчака десять дней, и одному бывшему сторожу полиции, который на момент подачи заявления являлся инвалидом первой группы (слепой).

Члены семей «лишенцев». Категория членов семей, введенная инструкцией 1925 г., во второй половине 1920-х гг. в целом по стране

и РСФСР оказалась самой многочисленной в группе сельских «лишенцев». Так, если в 1925–1926 гг. она составляла 6,5 %, то в 1927 г. — 40,4, 1929 г. — 47, в 1931 г. — 44,5 %⁸⁵. В Сибирском крае доля этой категории среди «лишенцев» была выше, чем в среднем по стране. В 1927 г. она равнялась 37,9 %, в 1929 г. — 55,9 %⁸⁶. В анализируемой группе сельских «лишенцев» удельный вес членов семей достигал лишь 14,2 %. Столь небольшой показатель объясняется тем, что многие члены семей, надеясь на восстановление в правах главы семьи (в этом случае они автоматически восстанавливались в правах), не подавали ходатайств. В 1928–1929 гг. с апелляциями в избирательные комиссии обратилось 28,8 % членов семей. Пик подачи заявлений иждивенцев пришелся на 1930 г. — 46,3 %. Лишать же избирательных прав их продолжали до 1935 г. — по достижении детьми «лишенцев» совершеннолетия (см. табл. 1).

Члены семей являлись единственной категорией «лишенцев», в которой треть составляли женщины. В основном это были пожилые матери, жены, дочери или снохи глав семей. По возрастному составу данная группа разительно отличалась от всех остальных. В ней преобладала молодежь (до 30 лет — 78,4 %). В категории членов семей в сельской местности меньше, чем в городе, оказалось людей старше 50 лет (5 против 11 % соответственно) и средних возрастов (16,4 % против 32 % соответственно) (см. табл. 5). После выхода постановления ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. у детей «лишенцев» появился реальный шанс на восстановление в правах. У всех же остальных членов семьи он был ничтожен без восстановления прав главы семьи, поэтому ходатайства подавали в основном представители молодого поколения.

В отличие от остальных категорий сельских «лишенцев» среди членов семей доминировали местные сибирские уроженцы — 82,4 %. Дети «лишенцев» родились преимущественно в Сибири. Остальные члены семей были выходцами из Центрального и Центрально-Черноземного регионов (6 %), Поволжья (2 %) и Западного региона (1 %). По национальному составу категория членов семей ничем не отличалась от прочих. Преобладали русские — 88,6 %, украинцы составляли 10,3 % и белорусы — 1 % (см. табл. 6).

Уровень грамотности (образования) членов семей был различным. Старшее и среднее поколения в этой категории почти поголовно были неграмотными, среди детей «лишенцев», напротив, неграмотные являлись исключением. Дочери «лишенцев» были грамотными или имели начальное образование. Среди сыновей «лишенцев» отсутствовали неграмотные, большинство составляло окончившие

начальную школу. Часть детей «лишенцев» старалась продолжить образование. В категории иждивенцев неграмотных насчитывалось 22,5 %, малограмотных — 17,5 %, получивших начальное образование — 46,3 %, среднее или средне-специальное — 9,2 % (см. табл. 7).

Судьбы людей, лишенных избирательных прав за принадлежность к семье «лишенцев», складывались по-разному. Женщины среднего и старшего поколений (жены и матери глав семей) вплоть до момента «раскулачивания» помогали главам семей вести хозяйство: занимались крестьянским трудом и вели дом. В отличие от горожанок, они в качестве основного занятия указывали не домашнее хозяйство, а хлеборобство, в ссылке оказались с главами семей, работали на спецпоселении. Эти женщины подавали ходатайства о восстановлении лишь после смерти (получения инвалидности) глав семей.

В 1920-е гг. дети сельских «лишенцев» учились в школах и помогали родителям вести хозяйство. Многие из них, отвергая присвоенный им «нетрудовой» статус, отмечали, что работали с восьми — десяти лет (некоторых родители отдавали внаем в другие хозяйства или на обучение кузнечному, пимокатному, плотницкому делу). Лишь единицы детей «лишенцев» до «раскулачивания» уехали от своих родных в город.

В 1930-е гг. значительная часть детей «лишенцев» вместе с родителями оказалась на спецпоселении и была вынуждена там трудиться. Девушки выходили замуж и пытались покинуть места высылки. Однако третья часть детей «лишенцев» никогда не была на спецпоселении: одних взяли родственники, оставшиеся в деревне, другие, избежав ссылки, вместе с родителями смогли уехать на стройки и шахты. Несмотря на нехватку рабочей силы на стройках первых пятилеток, детям сельских «лишенцев» из-за своего неполноправного статуса и отсутствия необходимой квалификации зачастую было очень сложно устроиться на работу. Многие сначала нанимались на временную тяжелую работу; только получив квалификацию, они становились шахтерами, рабочими. Судя по представленным грамотам, книжкам ударников и прекрасным отзывам руководства шахт и заводов, дети «лишенцев» работали не просто хорошо, а «ударно». Они всеми силами стремились «влиться в рабочий класс». Получив жестокий жизненный урок, никто из них не хотел работать на земле, продолжать дело родителей (по крайней мере, они не высказывали подобного желания в ходатайствах о восстановлении в правах).

Дочерям сельских «лишенцев» адаптироваться в городе в начале 1930-х гг. было очень трудно. Свою трудовую деятельность они чаще всего начинали с работы прислуги, няни. Снохи высланных «кула-

ков» (особенно недавно оказавшиеся в их семьях) пытались развестись с высланными мужьями, отмежеваться от «чужой» семьи, чтобы на них не распространялся «кулацкий» статус.

Члены семей являлись единственной категорией, в заявлениях которых не содержались подробные описания хозяйств или требования снять с них индивидуальное обложение. В их ходатайствах преобладали иные аргументы. Женщины среднего и старшего поколения подавали заявления, как правило, после смерти главы семьи и потому не пытались доказать свою независимость или несправедливость лишения. Если в городе ради восстановления женщины довольно часто расторгали брак с мужем-«лишенцем», то на селе разводов ради обретения полноправного статуса не было. Многие женщины ссылались на преклонный возраст, нетрудоспособность, большую семью и просили избирательные комиссии пожалеть их. Более 60 % подобных ходатайств было удовлетворено с формулировкой «в связи со смертью главы семьи».

Главное, чем аргументировали дети «лишенцев» возможность восстановления прав, — независимость от родителей, наличие трудового стажа и служба в тылоополчении. Немногие из них решались доказывать, что их родители были лишены прав несправедливо. Сын мельника Г. Ф. Захаров (Мошковский район), служивший в Красной армии (не в тылоополчении) и лишенный избирательных прав вместе с семьей, писал в ходатайстве: «Разве можно мстить беспомощному, болезненному, жалкому старику только за то, что он когда-то владел мельницей?»⁸⁷ Более половины детей «лишенцев» в своих апелляциях, к сожалению, отрекались от своих родителей, называли их эксплуататорами, просили снять с них «грязное пятно». Бывали случаи, когда дети «лишенцев» прекращали любое общение с семьей и лишь от избирательной комиссии узнавали о смерти своих родителей⁸⁸. Трудно сказать, насколько эти люди, заявляя об отречении, были искренними, но их судьбы служат подтверждением того, что власти удалось разъединить поколения.

В отличие от города, где комиссии в итоге восстановили в правах почти всех детей «лишенцев», в сельской местности остались невосстановленными 30 %. Власти, не имея серьезных оснований для отказа в ходатайстве, находили разные отговорки, например, «контрреволюционно настроен», «опасный элемент» (враждебный), «неисправимый кулак» и т. п. Кроме того, они учитывали, что сыновья «лишенцев», оставшись лишенными избирательных прав, подлежат призыву в тылоополчение, а если их права восстанавливались, то — в РККА. Желая пополнить ряды тылоополчения, из-

бирательные комиссии при наличии всех необходимых условий для восстановления (независимость от родителей, наличие трудового стажа, членство в профсоюзах) отказывали сыновьям «лишенцев» в восстановлении в правах.

Изучение группы сибирских сельских «лишенцев» дает основание сделать вывод, что избирательных прав лишались, как правило, самые активные, предприимчивые и трудолюбивые крестьяне. Не случайно доля «лишенцев» среди 40–50-летних почти вдвое выше, чем среди взрослого населения Западно-Сибирского региона. Власть сознательно исключала из жизни людей, находящихся на пике социальной и хозяйственной активности. Уровень грамотности сельских «лишенцев» был значительно выше, чем взрослых жителей изучаемой территории. Часть из них принадлежала к «культурникам», многие занимали различные выборные должности, иными словами, они были влиятельны и уважаемы среди своих односельчан. Крестьяне исследуемой группы в основной массе вполне лояльно относились к советской власти, не участвовали в контрреволюционных выступлениях и не служили в армии Колчака, платили все налоги; выступить против советской власти их могли вынудить только исключительные обстоятельства. Возможно, власти не видели в них опасности, но предпочли заблаговременно лишить этих крестьян избирательных прав и тем самым дискредитировать их в глазах односельчан.

Несмотря на то, что многие сельские «лишенцы» не являлись коренными сибиряками, благодаря своему трудолюбию они смогли быстро обзавестись хозяйством и успешно развивать его. Впрочем, к собственно зажиточным слоям деревни относилось, по нашим подсчетам, около половины категории владельцев сельскохозяйственных «предприятий», около трети категории «эксплуататоров наемного труда» и около трети категории торговцев. Остальные представляли середняцкую (а иногда бедняцкую) группу хозяйств. В большинстве случаев лишение избирательных прав происходило незаконно, без документального подтверждения, а в первой половине 1930-х гг. сельсоветы и РИК широко практиковали фальсификацию свидетельских показаний, на основании которых принимались дискриминационные решения.

В отличие от города, где для обретения статуса полноправного гражданина зачастую было достаточно сменить вид деятельности (устроиться в государственный сектор), в деревне, несмотря на сокращение хозяйств, крестьяне не смогли избежать лишения прав (или восстановиться). Даже сократив хозяйства, крестьяне продолжали оставаться единоличниками, что не устраивало государство, заинте-

ресованное в ликвидации единоличного сектора в деревне. Именно с этой целью крестьян сначала лишили избирательных прав, а в 1930-е гг. подвергали различным видам репрессий.

Лишение избирательных прав жители сельской местности воспринимали очень болезненно, поскольку уже в конце 1920-х гг. эта дискриминационная мера влекла за собой необходимость выплаты индивидуального налога, отказ государства в предоставлении льгот при выплате налогов и кредитов, а начиная с 1928–1929 гг. — первые конфискации имущества (у владельцев «предприятий»). В первой половине 1930-х гг. крестьяне уже хорошо знали, какие последствия имеет отсутствие избирательных прав: самыми мягкими из них были служба в тылоополчении и исключение из колхозов. Лишение избирательных прав, как правило, влекло за собой «раскулачивание», конфискацию имущества, высылку на спецпоселение или заключение и отбывание наказания в тюрьмах.

Глава 3. «РЕЖИМНАЯ» ЭКОНОМИКА

3.1. Спецпереселения в Сибири в контексте становления репрессивной экономики в СССР (январь — август 1930 г.)

С начала 1990-х гг. в отечественной исторической литературе достаточно быстро и прочно укоренился тезис о том, что на рубеже 1920–1930-х гг. в стране возникла и стремительно наращивала свою мощь система принудительного труда, включавшая лагеря ОГПУ и комендатуры для крестьян-спецпереселенцев. Сформированные таким образом лагерно-комендатурные территориально-производственные комплексы в течение последующей четверти века занимали устойчивое положение и играли существенную роль в экономике восточных регионов страны. Разветвленная и разнообразная по формам своего существования система принудительного труда оказалась базовым фактором колонизации и освоения труднодоступных территорий с богатейшими сырьевыми ресурсами, повлиявшим на социально-экономическую, демографическую, культурную и организационно-управленческую ситуацию в восточных регионах.

Общепризнанность вышесказанного не только не снимает, но придает дополнительную остроту и актуальность вопросу о природе возникновения и причинах длительного существования феномена репрессивной экономики (РЭ). Этим термином мы обозначаем институционально оформленную социальную систему, обладающую только ей присущими базовыми признаками: она имеет особую подсистему организации и управления, снабжена всеми видами ресурсов, основана на эксплуатации труда различных групп «спецконтингента» и призвана обеспечить достижение тех или иных целей и результатов в сроки и в масштабах, не достижимых обычными, ординарными экономическими средствами. РЭ может служить инструментом решения задач общеэкономических и военно-оборонного характера, и поэтому сферы ее распространения и приложения универсальны, как универсальна сама «рабсила», которую она эксплуатирует. Репрессивная экономика режимна, поскольку регулируется не экономическими, а внеэкономическими регуляторами — установлениями и нормами

«режимных», специальных управляющих органов. Репрессивная экономика взаимосвязана и взаимодействует со структурами репрессивной политики: устойчивость и перманентность массовых репрессий придает устойчивость и обеспечивает воспроизводство данной системы. Созданная в результате политических решений как элемент карательной системы государства РЭ впоследствии сама становится одной из причин, постоянно действующим и самодовлеющим фактором последующих репрессий. И в этом аспекте она уязвима и является тупиковой в перспективе, поскольку основана на несвободе — ограничениях, принуждениях и дискриминациях. РЭ обладает признаками и чертами мобильности и при необходимости комбинируется — в различных сочетаниях — с другими видами институциональной экономики. РЭ органична для советской модели экономики директивно-мобилизационного типа, будучи одной из разновидностей последней в широком типологическом смысле. РЭ обладала чертами замкнутости, организационно-управленческой экстерриториальности.

В новейшей отечественной исторической литературе проблематика репрессивной/режимной экономики, как правило, рассматривается в рамках изучения становления и эволюции системы принудительного труда. Соответственно, ключевой категорией выступает здесь «принудительный труд», вокруг которого выстраиваются другие понятия (лагерный труд, спецконтингент и т. д.). Исследователи, изучающие замкнутые территориально-производственные комплексы, базировавшиеся исключительно на труде «спецконтингента» либо при значительном его доминировании в структуре рабочей силы (Дальстрой, Норильск и др.), для обозначения организационных форм принудительного труда используют, в частности, термин «репрессивно-производственный комплекс».

Известный российский экономист Б. Д. Бруцкус, депортированный из страны в 1922 г., в ряде работ, написанных в первой половине 1930-х гг., при характеристике советской экономической модели и стадий ее эволюции после окончания Гражданской войны использовал следующий понятийный ряд: смешанная (рыночная) — планируемая — принудительная (насильственная) экономика¹. В этих же терминах (насильственная, принудительная) Б. Д. Бруцкус характеризовал коллективизацию². Причины и взаимосвязи, а также логику перехода от одной стадии к другой Б. Д. Бруцкус кратко описывал следующим образом: «...было невозможно основывать плановую экономику на одном лишь свободном труде. Чтобы важные отрасли экономики не были запущены, государству пришлось создать армии принудительных рабочих. Принудительный труд, дополняющий труд свободных рабочих,

получался за счет «раскулаченных» крестьян и политически неблагонадежных»³. Выявленный и систематизированный эмпирический материал позволяют современным историкам реконструировать то, что было невозможно осуществить известному экономисту, написавшему эти строки в эмиграции 70 лет назад: генезис идеи репрессивной экономики, основанной на труде «раскулаченных», и первые практические шаги по ее реализации в Сибири в начале 1930-х гг.

Новизна, масштабность и сжатые сроки решения проблемы использования труда репрессированных крестьян привели к тому, что эти организационно-экономические аспекты оказались органично встроены в формат самой операции по «ликвидации кулачества как класса», и первыми ее разработчиками стали непосредственные в дальнейшем исполнители — высокопоставленные чекисты. Зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода в своей записке от 11 января 1930 г., направленной членам Коллегии ОГПУ, предлагал: «Подход такой: 1) особо злостных — в лагерь, семья выселяется, 2) кулак, ведущий антисоветскую агитацию[,] — на поселение и т. д. Это примерно. Важно учесть количество с семьями и места ссылки, районы Крайнего Севера и пустынные места Казахстана и других районов. Необходимо наметить их <...> нельзя ли организовать не тип лагеря, а организованное поселение, где можно добровольно их (кулаков) организовать на работах, без охраны, давая первое время продовольствие и одежду. Используя их не только для разработки природных богатств, но и с/х работы — запашка земли и т. д. Надо подойти к вопросу использования со всех сторон, подсчитав примерно сумму денег как на переселение, так и на организацию лагерей»⁴. Из этой записки следует, что чекисты воспринимали высылку, размещение и использование труда репрессированных крестьян как технологические звенья единой операции под руководством ОГПУ.

Следующая стадия участия чекистов (Г. Г. Ягоды и Е. Г. Евдокимова) в разработке модели репрессивной экономики, основанной на труде «кулаков», заключалась в совместной с партийными функционерами работе в составе подкомиссии ЦК ВКП(б) под руководством И. Д. Кабакова, разработавшей предложения о расселении и сферах применения «кулацкого» труда. В начале 20-х чисел января документ был представлен в комиссию В. М. Молотова. Из сформулированных в нем 12 пунктов большая часть относилась к регламентации процедуры расселения «кулаков» «на необжитых землях (с целью эксплуатации природных богатств, рыбы, леса, недр) поселками без сельсоветов», вся выработанная ими продукция должна была передаваться государственным и кооперативным организациям⁵.

В сложившихся условиях, когда сроки поджимали, и необходимо было принимать конкретные решения, к обсуждению этих вопросов были подключены полномочные представители ОГПУ трех основных регионов предполагаемого размещения крестьянской ссылки: Л. М. Заковский (Сибирь), Р. И. Аустрин (Северный край), Г. П. Матсон (Урал). Все трое — уроженцы Латвии, почти одного возраста, с примерно схожими биографиями: выходцы из низов, не получившие систематического образования, рано включившиеся в революционное движение. После 1917 г. — профессиональные чекисты, компенсировавшие недостатки образования жесткостью поведения, высокой работоспособностью и необходимостью ориентироваться и выступать экспертами по весьма широкому кругу задач (от карательных до экономических). Приблизительно в одно время разработанные ими предложения поступили в адрес Г. Г. Ягоды (25 и не позднее 30 января 1930 г. два документа от Л. М. Заковского и 29 января от Р. И. Аустрина и Г. П. Матсона). Решая поставленную перед ними задачу высылки, расселения и использования труда «кулаков», чекисты несколько по-разному расставили приоритеты. Г. П. Матсон акцентировал внимание на технических сторонах предстоящей операции (организация внутриобластной высылки, прием и расселение «кулаков» из других регионов). Организационно-экономический аспект сводился к тезису: «Вся ссылка, кроме Тобольского окр., предназначена для использования на лесозаготовках. Тобольская же ссылка предназначена как для лесозаготовок, так и для рыбных промыслов: в этот округ ссылка в большинстве намечается с самого Урала, чтобы подальше изолировать от места прежнего жительства»⁶.

Принципиально иначе к решению этой задачи подошли Р. И. Аустрин и Л. М. Заковский. В своей докладной записке Р. И. Аустрин представил развернутую схему производственного использования «кулацких семейств» в конкретных сферах экономики Северного края, а также принципы организации принудительного труда. Предложения чекиста базировались на основной посылке о том, что расселение в регионе 70 тыс. хозяйств означает стратегическое решение проблемы колонизации края. Во главу угла ставилась задача обеспечения постоянными, а не сезонными кадрами лесоразработок как базовой отрасли экономики Севера. Другая сфера, требовавшая внимания, — лесохимия:

«Эти промысла (смоло-дегте-курение, скипидарно-терпентильное и канифольное производство и т. д.), вырабатывающие экспортную продукцию, в настоящее время занимают еще незначительное место в экс-

порте Севкрая, но имеют с притоком свежей силы, осваивающей районы развития, промыслов большие перспективы на увеличение удельного веса в экспорте. <...> Высланные кулаки могут частично включиться в производственную программу л[есо-]х[имической] кооперации, но частично необходимы дополнительные ассигнования, которые возмещаются валютой.

Прямое привлечение кулачества уже теперь к разработке недр не может быть осуществлено, но расселение их на Севере предусматривает освоение и колонизацию этих районов с тем, чтобы поставить в ближайшем будущем на реальную почву разработку горючих сланцев, медной и свинцовой руды, фосфоритов, серного колчедана и др.

В этих районах высланное кулачество может заняться частично сельским хозяйством, рыболовством и охотой»⁷.

В отдельном разделе «Поселение. Условия работы» Р. И. Аустрин описал свое видение организации труда и режима «раскулаченных»:

«Высылаемые размещаются временно в имеющихся жилых помещениях и в указанных местах приступают к постройке жилищ.

Жилища строятся отдельными небольшими поселками. Выборных органов Советской власти в этих поселках не имеется. Вся административная власть принадлежит Коменданту, назначаемому органами ОГПУ. Все дела поселков, впредь до отмены, разбираются органами ОГПУ во внесудебном порядке.

Привлечение поселков к производственной деятельности происходит на особых договорных условиях, через коменданта, обеспечивающих жителям необходимый прожиточный минимум.

Из этих же соображений может быть оказана некоторая производственная помощь на первое время: отпуск леса, выдача орудий производства и необходимые строительные материалы и т. д., которая потом возмещается. Вся выработанная продукция у поселенцев забирается государством.

В поселках поселенцам разрешается заниматься сельским хозяйством. Так как в условиях севера зерновое хозяйство не обеспечивает продовольствием семьи на весь год, поселки должны снабжаться по особым нормам пропорционально увеличению их неземледельческих заработков.

Выселяемые прикрепляются к поселкам на всю жизнь и самовольный уход рассматривается как государственное преступление. Отлучка на заработки (лесозаготовки, рыбные промыслы и др.) происходит с разрешения Коменданта.

При поселках должны быть организованы школы, культурно-просветительные и общественные организации, главная задача которых — заниматься с молодежью и откалывать их от своих семей. Оказание помощи происходит на особых условиях.

Подробные правила жизни поселков должны быть выработаны и изданы особым законом»⁸.

Наиболее логически законченная и развернутая программа организации и использования труда «кулаков» представлена в записке Л. М. Заковского. Полпред по Сибири, по сути, сформулировал модель «штрафной» (репрессивной) колонизации региона руками «кулачества». В записке от 25 января 1930 г. он проанализировал возможные сценарии развития событий, меры по минимизации могущих возникнуть рисков и предложил оптимальный, по его мнению, план организации освоения Севера силами нового «спецконтингента»:

«Для того чтобы ликвидировать кулачество как класс, необходимо срочно разрешить организационные принципы этого мероприятия.

Ликвидируемому кулачеству как классу необходимо дать перспективы и определить формы его дальнейшего существования.

В противном случае экспроприированное кулачество[,] оставленное без нашего воздействия[,] будет организовываться для активной борьбы с Советской властью[,] используя все возможности.

Простое переселение кулачества из районов сплошной коллективизации на Север этого вопроса не разрешит, в лучшем случае может произойти не ликвидация, а переселение кулачества как класса.

Переселенному кулачеству на Севере при слабости советского аппарата и прочих специфических условий будут представлены неограниченные возможности по эксплуатации богатств Севера (лес, пушнина, золото, орех, рыба) и закабалению туземного населения.

Простое переселение и концентрация кулаков в разных районах Севера создаст своеобразные кулацкие республики, где более способная и [изво]ротливая часть кулачества будет эксплуатировать разорившуюся часть кулачества.

Часть кулачества[,] переселенная на Север[,] не имея эксплуататорских перспектив[,] будет заниматься бандитизмом, борьба с этим явлением на Севере сопряжена с огромными трудностями (опыт Якутии).

Поэтому ликвидируемому классу кулачества необходимо дать ясную перспективу его дальнейшего существования. В основном она должна сводиться к следующему.

1) Часть кулачества с семьями должна быть переселена на Север в организовываемые трудовые колонии.

2) Другая часть переселена на неосвоенные земли своего же или близлежащего округа в совхозы особого типа.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ*

Трудовые колонии организуются в тех местах Севера, где есть необходимость в рабочей силе по перспективным предположениям развития хозяйства. Лесоразработки, лесозаводы, добыча слюды, графита, золота, строительство железных дорог и пр.

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

В зависимости от планов развития того или другого района расселяются и организуются колонии с учетом потребного количества трудоспособной рабочей силы.

1) Все трудоспособное мужское население привлекается к обязательному труду определенное количество дней в году по выполнению государственных работ.

2) Устанавливаются определенные нормы производительности труда[,] которые должны быть [в] $1\frac{1}{2}$ — 2 раза выше существующих (ориентировочно).

3) Устанавливается оплата труда, которая должна быть около 50 % расценок[,] существующих сейчас.

4) Для каждой трудовой колонии устанавливаются твердые задания по развитию и производству возможных по местным условиям продуктов питания, огороды, скотоводство, зерновые культуры и пр. Такие же задания в зависимости от местных условий даются по устройству предприятий кустарного типа по переработке лесных отходов, мелкая хим[ическая] пром[ышленность], сбору экспортного сырья: грибов, ягод и пр. Эти работы выполняются членами семьи иждивенцами[,] не занятыми на основных промыслах.

5) Трудовые колонии должны быть охвачены культурно-просветительными мероприятиями и здравоохранением. Для этой цели преимущественно использовать привлечение ссыльных соответствующих категорий.

6) Выселяемое кулачество лишается права голоса. Трудовая колония не имеет никаких выборных органов по линии управления таковой.

Управление осуществляется назначенным по линии ОГПУ начальником колонии. Из числа переселенных кулаков могут быть назначены старшие, десятские и пр. должности[,] осуществляющие руководство по выполнению обязательных трудовых процессов колонии.

7) Все случаи нарушения правил колонии и противодействия со стороны переселенных кулаков разрешаются органами ОГПУ как путем вынесения мер наказания судебного, так и административного порядка.

8) В местах временного расселения кулачества (строительство железных дорог и пр.) по окончании работ по строительству органы ОГПУ решают вопрос о возможности оставления всего или части кулачества на месте нахождения трудовой колонии, а также вопросы дальнейших форм использования трудовой колонии. В случае необходимости вся трудовая колония или часть ее перебрасывается на новые места, освобождаемые частично обжитые земли и постройки представляются для плановых переселенцев.

9) В зависимости от продолжительности срока (не менее 3-х лет) существования той или другой трудовой колонии, приспособления кулачества к трудовой жизни и политических процессов[,] происходящих в ней, могут быть изменены формы управления отдельных колоний и переводом таковых на коллективные хозяйства, совхозы или другого типа хозяйства в зависимости от новых форм реконструкции сельского хозяйства. В этих случаях одновременно решается вопрос возвращения избирательных прав.

10) Финансовая база трудовых колоний должна быть создана из средств[,] отпускаемых правительством по линии отдельных ведомств ВСНХ[,] НКПС[,] Комсеверпуть и др. В зависимости от приема отдельных производственных заданий, от отдельных хозяйственных предприятий механически передаются ассигнованные средства. В зависимости от увеличения существующих производственных программ или новых видов работ отпускаются дополнительные средства»⁹.

Завершалась записка изложением некоторых технических процедур организации и функционирования трудколоний (предусматривалась высылка на Север сначала трудоспособных членов семьи — мужчин — с временным оставлением иждивенцев «на прежних местах жительства до устройства и укрепления трудовых колоний»; производственная база колоний должна формироваться за счет передачи части конфискованного у выслаемых «кулаков» имущества, инвентаря, скота; «колонии должны быть снабжены необходимыми продуктами питания (хлеб)[,] так как на Севере таковых нет[,] и трудовые колонии создаются на неосвоенных землях»)¹⁰.

Записка сибирского полпреда примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, тем, что в ней предельно четко излагается тезис о создании «всерьез и надолго» в целях колонизации неосвоенных территорий Севера новой экономической системы, базирующейся на принудительном труде репрессированного «контингента». В данном случае Л. М. Заковский не был оригинален и развивал идею Г. Г. Ягоды (см. выше) о создании в этих регионах репрессивно-производственного комплекса из лагерей и поселений (колоний). В чекистских кругах еще не улегся дух жесткой полемики 1929 г. с руководством НКВД РСФСР вокруг создания лагерной системы и передачи туда для содержания заключенных с большими сроками (свыше трех лет)¹¹. После принятия Политбюро 27 июня 1929 г. положительно-го для ОГПУ решения о создании лагерной сети в распоряжении НКВД остались заключенные со сроками до трех лет, содержавшиеся в тюрьмах и трудовых колониях. Теперь же Л. М. Заковский полагал возможным создать особый тип трудовых колоний из ссыльных «кулаков» под эгидой ОГПУ, развивая тем самым ведомственный натиск на позиции НКВД в отношении распоряжения судьбами репрессированных «контингентов». Как показали последующие события, Л. М. Заковский предвосхитил события примерно на год: организационная форма управления «кулацкой ссылкой» получила официальное наименование «специальное поселение», а не «трудовая колония» и поначалу была передана в подчинение НКВД РСФСР, но после его расформирования на рубеже 1930–1931 гг. крестьянские спецпоселения весной 1931 г. были переданы в ГУЛАГ ОГПУ.

(Термин «колония» впоследствии оказался востребован системой спецпоселений, внутри которой возникли «спецколонии» из мало-пригодных к труду и инвалидов из числа спецпереселенцев.) Поскольку на Урале большинство спецпереселенцев было «приписано» к промышленным и лесозаготовительным предприятиям, занятое в аграрном секторе меньшинство объединялось не в неуставные артели, как в других местах, а в сельхозколонии¹².

Используя термин «обязательный труд», полпред обозначал крайне жесткий подход к установлению норм и расценок его оплаты (нормы выше, чем у вольнонаемных рабочих, а оплата вдвое ниже). В подобном направлении двигались и директивные органы, пока не были вынуждены опытным путем прийти к принципу выравнивания указанных показателей для спецпереселенцев с вольнонаемными рабочими при удержании из заработка репрессированных вначале 25 %, снизив затем отчисления в 1931 г. до 5 %.

Вариант Л. М. Заковского (рационального использования труда «кулаков») также предвосхитил дальнейший ход событий: комендатуры и входящие в них поселки были профилированы и делились на сельскохозяйственные, лесные и промышленные. Труд не занятых на основном производстве членов семей и иждивенцев использовался в подсобных хозяйствах и промыслах. На территориях, позволявших развернуть промыслы на промышленной основе (лесохимия), впоследствии формировались промысловые артели, хозяйствовавшие более успешно, чем земледельческие.

Л. М. Заковский предугадал и то, что развертывание в местах массовой ссылки социально-культурной и медико-санитарной инфраструктуры потребует привлечения квалифицированных специалистов из «спецконтингента» (ссылные). К ним впоследствии прибавятся и заключенные медики, инженеры и пр. По его «рецепту» шло также формирование аппарата надзора и контроля над ссылными: помимо профессиональных кадров из карательного ведомства (комендант, помощник) внутри поселков выстраивалась соответствующая подсистема из числа «старших десятидворок», противопобеговой агентуры¹³.

В оценках перспектив и направления развития хозяйственных и организационно-статусных форм крестьянских спецпоселений Л. М. Заковский заглянул дальше коллег-полпредов и своего руководства. Действительно, после почти двухгодичных колебаний, в 1932 г. руководством ОГПУ было принято решение избрать основной для сельскохозяйственной и промысловой деятельности спецпереселенцев организационно-хозяйственной единицей артель, назвав ее неуставной, фактически запустив и в этой среде процессы

принудительного кооперирования. В качестве стимулирующей принудительный труд меры Л. М. Заковский предлагал использовать восстановление «кулаков» в избирательных правах даже в более короткие сроки (3 года), нежели затем это было принято законодательно в 1931 г. (5 лет). Помимо этого Заковский поставил весьма важную организационную проблему: каким должен быть механизм финансовой устойчивости колоний-поселений. Он полагал возможным осуществлять финансирование колоний по линии наркоматов и ведомств, использовавших труд репрессированных крестьян. Они же обязывались брать на себя ответственность за содержание жителей колоний на период их становления. Снабжение спецпереселенцев продовольствием и предметами первой необходимости на этой стадии полпред считал государственной обязанностью.

Следует отметить, что, предугадав в большинстве случаев параметры и тенденции формирования принудительного сектора экономики Сибири и, шире, страны в целом, Л. М. Заковский вскоре допустил ряд тактических просчетов, недооценив в одних случаях и переоценив в других действие субъективного фактора в процессе реализации собственно высылки и расселения «кулацких» семей на Север. В частности, в следующей докладной записке, представленной руководству ОГПУ в конце января 1930 г., при проектировке предполагаемых районов расселения и затрат на устройство высылаемых крестьян он взял за основу модель ординарных переселений в Сибирь, используя разработки и предложения Сибирского районного переселенческого управления (СибРПУ). Исходя из неготовности крупных ведомственных хозяйственных организаций, работавших в Сибири («Сиблестрест», «Союззолото», Комсеверопуть и др.), принять и разместить десятки тысяч человек в зимне-весенний период (высылка приходилась на февраль — апрель 1930 г.), Заковский делал логичный вывод: «Переселение кулачества в Сибири сейчас возможно только по линии колонизации необжитых районов Севера, учитывая перспективы развития этих районов. Колонизация этих районов связана с большими денежными тратами и снабжением продовольствием, т. к. районы эти необжиты[,] и нет на севере продовольствия». Намечая далее три разведанных СибРПУ района — Васюганский, Томско-Енисейский и Чуно-Ангарский для возможного размещения там до 70 тыс. хозяйств с учетом их занятости в сельском хозяйстве, дорожном и транспортном строительстве, на лесозаготовках, промыслах, Заковский приводил далее расчеты затрат на размещение и первоначальное хозяйственное устройство «кулаков» по нормам СибРПУ: «<...> ориентировочно все расходы можно ис-

числить: на подготовку территории 14 милл. руб. и на хозяйственное устройство переселенцев 27 милл. руб., а всего 41 милл. рублей»¹⁴.

Несколько дней спустя представитель Сибкрайисполкома в Москве В. А. Ветров в письме на имя председателя СНК РСФСР С. И. Сырцова называл уже уточненную и скорректированную в сторону повышения цифру расходов в сумме около 60 млн руб., «из них 26.167.0 т. рубл. стоимость рабочей силы включается условно, так как должен быть использован бесплатный труд самих переселяемых. Отсюда общая затрата на 1 хозяйство около 824 рубл., а за вычетом стоимости рабочей силы около 428 рубл.

Затраты на продовольственный и семенной фонд, на заготовку гужтранспорта, производственного скота и с.-х. инвентаря в сумме 28.516 тыс. рубл. должны быть временными, возвратными, всю стоимость заготавливаемого переселяемые должны по мере прибытия покрывать из своих средств. При этом некоторая часть средств должна быть обращена в долгосрочный кредит...»¹⁵. Свое письмо В. А. Ветров закончил прогнозом влияния спецпереселения на экономику региона:

«Конкретными производственными результатами заселения этих северных районов Сибкрая можно считать:

1) почти полное обеспечение лесозаготовок в [19]30/31 году, а частично в [19]29/30 г. рабочей силой как для нужд промышленности, так и Карской экспедиции и Ср. Азии, при этом то колоссальное напряжение, какое имеется сейчас при отсутствии рабочей силы в лесозаготовках[,] будет значительно смягчено в связи с появлением этих переселенцев;

2) полное обеспечение рабочей силой постройки Томской Енисейской ж. д., что снизит стоимость постройки и ускорит ее сооружение;

3) развитие в Крае древесно-химической промышленности;

4) осуществление культурно-хозяйственного освоения громадной новой территории, что явится базой для интенсивного развития сельского и лесопромышленного хозяйства северных районов в дальнейшем»¹⁶.

События февраля — первой половины марта 1930 г. показали, насколько далекими от жизни оказались сделанные карательными и переселенческими органами Сибири проектировки. Так, в этот период региональные органы столкнулись с невозможностью в конкретных условиях реализовать «бумажные» планы. Вместо первоначального замысла депортировать в таежные районы Сибири 25 тыс. хозяйств удалось «протолкнуть» на Север только 16 тыс., на что ушли все усилия региональных органов. Под жестким давлением Москвы удалось найти компромисс в деле приема части «кулаков» из-за Урала (вместо 18 тыс. семей из Украины и Белоруссии в регион были депортированы только главы семей, т. н. особовцы — для работы в золотопро-

мышленности). С определением направленных Л. М. Заковским и В. А. Ветровым в Москву расчетов финансовых средств для перевозки, размещения и трудоустройства «кулаков» разразился настоящий скандал. 17 марта 1930 г. председатель СНК СССР А. И. Рыков, озабоченный «торгом» региональных лидеров Сибири вокруг приема одиночек-особовцев из западных регионов и стремлением получить под это из Центра дополнительные ресурсы, не скрывая крайнего раздражения телеграфировал секретарю Сибкрайкома Р. И. Эйхе:

«Высылаемых Вам ГПУ кулаков вы обязаны принять тчк К Вам выезжают вначале одиночки в размере 18 тысяч тчк Семейства к ним придут весной тчк Считаем целесообразным расселение их по северным районам Енисея и Оби тчк Ваши органы повидимому не понимают важности задачи зпт предъявляют часто ни с чем несообразные денежные требования доходящие до одной двух тысяч на семью тчк Такие требования можно рассматривать только как попытку сорвать выселение кулаков тчк Эшелоны с выселяемыми из пограничных районов к Вам выходят тчк Приготовьтесь к принятию тчк За отсутствием разумных требований на ассигновки и каких либо расчетов ГПУ переводит Вам пятьсот тысяч рублей тчк Приготовьте бараки тчк Наряд на хлеб вышлем на днях зпт об остальном озаботьтесь сами»¹⁷.

Очевидно, что директивный окрик из Центра относительно расчетов затрат на спецпереселение был по меньшей мере несправедлив, поскольку во всех расчетах сибирские функционеры исходили из необходимости выделять в структуре госрасходов безвозвратные и возвратные средства, причем последние должны были преобладать. Описанный выше инцидент, однако, весьма примечателен для характеристики атмосферы, царившей во взаимоотношениях регионов и Центра на начальном этапе формирования системы репрессивной экономики. Вначале Центр требовал от регионалов максимально подробных расчетов «на бумаге», но как только выяснялась предполагаемая «цена вопроса» и начинался процесс бюрократического торга за ресурсы, ставивший карательную операцию под угрозу замедления или частичного срыва, директивные органы обязывали регионалов выполнять директивы любой ценой, по возможности перекладывая проблему ресурсного обеспечения операции на места. Стремление к минимизации расходов на спецоперации на деле оборачивалось ухудшением условий существования самих спецпереселенцев, но, впрочем, до известного предела, за которым начиналась гуманитарная катастрофа; на предотвращение или ликвидацию ее последствий уходили весьма значительные финансовые и материальные ресурсы.

В 1930 г. для осуществления депортации и расселения в спецпоселках «кулаков 2-й категории» СНК СССР из резервного фонда выде-

лил несколькими частями более 40 млн руб. Первоначальным целевым ее получателем и распорядителем выступало руководство ОГПУ. Средства предназначались для финансирования прежде всего самой карательной операции силами ОГПУ и частично НКВД РСФСР (милиции). Так, согласно справке начальника финансового отдела ОГПУ Л. Берензона, составленной 9 февраля 1931 г., для проведения «первой операции» (зима — лето 1930 г.), по постановлению СНК СССР ОГПУ получило в свое распоряжение фонд «К» в размере 43 млн. 150 тыс. руб. Из них только для увеличения штата ОГПУ из средств на проведение карательных операций в деревне было отпущено более 6 млн. руб.¹⁸ 3,8 млн. руб. отпускатось на «особые расходы» (без расшифровки назначения. — С. К.). Далее предусматривались расходы на «расширение лагерей», куда направлялись «кулаки 1-й категории». Наибольшие же расходы предусматривались на проведение самой операции по высылке, размещению и хозяйственному устройству спецпереселенцев — 24,2 млн. руб. Сюда входили расходы на централизованные транспортные перевозки людей, хозяйственных и продовольственных грузов, на охрану, питание в пути и закупку запасов продовольствия, фуража, инвентаря, медико-санитарное обслуживание в период расселения на новых территориях. Номинально монополистом в распоряжении данными средствами являлась специальная комиссия правительства по спецпереселенцам под председательством В. В. Шмидта, но фактическим распорядителем было руководство ОГПУ. По данным Л. Берензона, из полученных средств в казну было возвращено 20,1 млн. руб.¹⁹ Таким образом, только ОГПУ израсходовало на депортационные цели около 23 млн. руб. Если из этой суммы вычесть расходы на расширение сети лагерей (9 млн. руб.), то расходы на спецпереселенцев составят 14 млн. руб.

Местным органам Северного края, Урала и Сибири на финансирование хозяйственного устройства репрессированных крестьян было отпущено около 12 млн. руб.²⁰ Начался отпуск средств крупным хозяйственным ведомствам, в чье распоряжение поступали спецпереселенцы (около 1 млн. руб. получило управление «Цветметзолото»).

Очевидно, что затраты на перемещение и устройство на новых местах в 1930 г. 100 тыс. крестьянских семей (550 тыс. чел.) не ограничивались 27 млн. руб., включающими только расходы, профинансированные из союзного и республиканских бюджетов. Несколько миллионов рублей составили расходы местных бюджетов и стоимость услуг (прежде всего гужевых перевозок), оказанных в форме трудовой повинности местными крестьянами. Перевозка «кулаков» внутри регионов на лошадях обычно не оплачивалась, хотя была крайне затрат-

ной: в марте 1930 г. для транспортировки 1,5 тыс. семей с грузами из одного района Сибири в другой потребовалась мобилизация у местных крестьян 12 тыс. подвод, что по тогдашним расценкам могло обойтись местной казне почти в 500 тыс. руб., но местные власти объявили перевозки бесплатной повинностью для крестьян (всего же внутри Сибири зимой — весной 1930 г. гужевыми перевозками вглубь тайги было перевезено 16 тыс. семей крестьян)²¹. Таким образом, можно предположить, что неучтенные расходы только внутри Сибири составили не менее 5 млн. руб., подобные расходы несли власти и Урала, и Северного края. Всего, следовательно, в 1930 г. государство затратило на спецпереселенцев примерно 27 млн. руб. прямых расходов из централизованного бюджета и не менее 15 млн. руб. «скрытых», которые складывались из нагрузки на местные бюджеты регионов, основных мест создания системы спецпоселений (для сибирских органов это были расходы по обеспечению высылаемых на Север семей инвентарем, запасами продовольствия, стоимость гужевых перевозок и т. д.).

Поскольку при организации и проведении в деревне массовой «антикулацкой» операции политические императивы доминировали над организационно-экономическими и финансовыми расчетами, то денежные вливания носили поспешный и бессистемный характер. По сути, проблемы, возникавшие при расселении, устройстве и использовании труда репрессированных крестьянских семей, выступали затратным сопровождением карательной операции, на тот момент явно приоритетной для сталинского руководства. В этих условиях специфический опыт проведения массовых депортаций, приобретенный чекистами в годы Гражданской войны («зачистка» одних территорий от конкретных «контингентов» и размещение их на других территориях с созданием соответствующего режима пребывания), начинал механически накладываться на принципы формирования и функционирования режимного сектора экономики — спецпереселенческого.

Карательно-изоляционный принцип доминировал над освоенческо-экономическим. Вектор принудительных переселений крестьян внутри Сибирского региона имел направленность с юга на север и с запада на восток, как правило, вглубь тайги, в районы не только неосвоенные, но и весьма слабо исследованные местными переселенческими органами. «Натиск на тайгу» времен столыпинских переселений, негативно оцененный до революции, в новых условиях получил свое практическое воплощение как «выброс в тайгу». Некоторые крупные комендатуры (Кулайская, Шерстобитовская и др.) или входившие в них поселки создавались там, где для изоляции высланных и предотвращения побегов имелись естественные природные условия

(непроходимая тайга и болота, удаленность от ближайших населенных пунктов старожильского населения), либо там, где обозы с высланными и охраной застигла весенняя распутица (Шегарская). Из-за грубых просчетов при выборе мест для крестьянской ссылки в практику формирования и эволюции системы спецкомендатур прочно вошло и с весны 1930 г. закрепилось осуществление вторичных переселений, требовавших крупных ресурсных затрат. В первые годы становления северных комендатур Западной Сибири (Нарымский край) внутри отдельных комендатур приходилось передислоцировать до четверти спецпоселков²².

Подобные передислокации затрагивали судьбы тысяч людей. Оценивая по прошествии нескольких месяцев опыт начального периода создания системы спецпоселений, на тот момент принявший руководство ею нарком НКВД РСФСР В. Н. Толмачев в своей докладной записке председателю СНК РСФСР С. И. Сырцову от 3 августа 1930 г. отмечал:

«При разработке планов и выборе пунктов, предназначенных для постоянного расселения спецпереселенцев[,] почти все заинтересованные краевые органы стояли на той точке зрения, что эти кулацкие хозяйства нужно как можно тщательнее изолировать от остального населения[,] и поэтому места для расселения выбирались наиболее глухие и удаленные.

Бесспорно выгадывая в смысле этой изоляции, краевые органы встретились с другой стороны с колоссальными затруднениями, когда стали эти планы проводить в жизнь. Недостаточный учет времени (оставшегося для навигации) и транспортных возможностей (которыми располагали места) привел к тому, что, например, по Северному Краю пришлось полностью пересмотреть перечень намеченных поселений и наиболее удаленные из них, не обеспеченные удобными путями сообщения[,] переменить на другие. В Сибирском Крае это обстоятельство своевременно учтено не было и мы сейчас имеем там ряд поселков (Шерстобитовская Комендатура, Кулайская, Маковская, Колочинская)[,] очень оторванных от своих довольствующих баз и трудно поддающихся сельскохозяйственному освоению из[-]за непригодности почвы (болота)»²³.

Трагична судьба спецпереселенцев, заброшенных в Кулайскую комендатуру (непроходимые болота на стыке Тарского и Томского округов), где к лету 1930 г. из почти 9 тыс. высланных осталось около 1,6 тыс. чел., остальные бежали или умерли²⁴. К осени 1930 г., по оценкам ОГПУ, бегство крестьян из мест ссылки приняло громадные масштабы: по Сибири они оценивались цифрой не менее 21 тыс. чел., из этого числа только треть (около 7 тыс.) была задержана и возвращена в комендатуры²⁵. Из-за отсутствия налаженного учета в комендатурах количество умерших для 1930 г. точной

оценке не поддается. Если воспользоваться данными по Северному краю, где из 230 тыс. спецпереселенцев в течение 1930 г. умерли 21 тыс. чел., а бежали около 40 тыс. чел. (соотношение 1:2)²⁶, то для сибирских комендатур можно оперировать цифрой в 10 тыс. умерших. Всего же суммарно количество бежавших и умерших в регионе в 1930 г. спецпереселенцев следует оценить примерно в 30 тыс., что составило до трети от численности депортированных крестьян с семьями (100 тыс. чел.). При столь масштабных прямых и косвенных потерях о стабильности потенциала рабочей силы в комендатурах региона не могло быть и речи.

При проведении первых массовых депортаций в Сибири приоритет изоляционных предпочтений перед экономической целесообразностью базировался на причудливом переплетении прагматизма и идеологии. Как отмечалось выше, в своей второй докладной записке (конец января 1930 г.) Л. М. Заковский мотивировал необходимость высылки кулаков на север региона, помимо прочего, не только колонизационной стратегией, но и тем, что самые крупные хозяйственные организации региона были не в состоянии в столь стремительные сроки «освоить» крестьянский «спецконтингент», и маневрировать «рабсилой» можно будет позднее, на следующей после изоляционной стадии «освоения» ссыльных. На принятие решений о районах дислокации и сферах использования труда «кулаков» серьезное воздействие наряду с карательным оказывал идеологический изоляционизм — представление о недопустимости размещения спецпереселенцев на крупных объектах промышленного и транспортного строительства из опасения деморализующего влияния «кулаков» на кадровых рабочих. Однако логика принятого таким образом решения рождала новые проблемы. С окончанием весны и началом лета 1930 г. стало очевидным, что изолированные в местах северного таежного расселения «кулаки» в силу сочетания ряда факторов оказались новой массовой, полностью дотационной группой, для обеспечения которой требовались громадные материальные и продовольственные ресурсы.

В упомянутой выше записке С. И. Сырцову нарком В. Н. Толмачев акцентировал особое внимание на данном аспекте проблемы, при этом используя минимальные, но выразительные показатели:

«Значительно сложнее обстоит сейчас дело с той частью переселенцев, которая устраивается краями по линии сельского хозяйства. Именно потому, что это связано с временем и с огромными затратами по снабжению спецпереселенцев орудиями сельско-хозяйственного производства, тяг[л]овой силой, семенами и с подготовкой необходимых колонизационных фондов.

Те средства, которые отпущены на эти цели по линии органов НКЗема[,] являются крайне недостаточными и они не смогут в первые два года дать того хозяйственного эффекта, который так необходим в условиях очень стесненного положения с довольствием спецпереселенцев, не способных еще прокормить себя своим собственным трудом.

Текущий с/х. год в отношении организации труда спецпереселенцев по линии сельского хозяйства местами был использован очень слабо и дал поэтому крайне незначительные результаты.

По Сибири, например, где наиболее выгодно складывалась для этого обстановка (пригодность земель, наличие у 7.289 семейств — 4.979 лошадей, около 2.500 комплектов обрабатывающих с/х. орудий, 12.042 центнера семенного материала, обеспечивающего 57 % хозяйств посевом, из расчета 1 га на хозяйство и проч.) удалось засеять только 2.053 га, что составляет (на 15.704 поселенных хозяйств) по 0,13 га на одно хозяйство и даст валовой продукции около 23.017 центнеров хлеба (на 79.874 едока поселка), т. е. по $1\frac{1}{3}$ пуда на человека.

Совершенно очевидно, что этот результат свидетельствует об огромных непроизводительных затратах, которые государству придется еще нести на эту часть спецпереселенцев в течение по крайней мере ближайших 2-х лет»²⁷.

По подсчетам карательных органов Сибири, с лета 1930 до осени 1931 г. (времени возможного, да и то гипотетического получения урожая) в комендатуры на севере требовалось завезти не менее 12 тыс. т хлеба²⁸. Это, для сравнения, равнялось объему хлебозаготовок, выполненных «кулацкими и зажиточными хозяйствами» одного из основных зернопроизводящих округов Сибири — Славгородского в виде «твердых заданий» в ходе хлебозаготовительной кампании 1929/30 г.²⁹ Кроме того, из-за просчетов при расселении невозможно было задействовать, как это предусматривалось «на бумаге», спецпереселенцев ни на сельхозработах, ни на лесозаготовках, ни на промыслах. В итоге, как отмечал в своем докладе руководству НКВД РСФСР начальник Сибкрайадмтдела Ф. П. Скрипко 8 июля 1930 г., в комендатурах «образовался огромный избыток рабочей силы, не могущей найти применения»³⁰.

Для того чтобы выйти из тупиковой ситуации, карательные органы пошли по пути контрактации спецпереселенцев хозорганами края, подчеркивая при этом временный и вынужденный характер этих решений³¹. В итоге к осени 1930 г. дислокация спецпереселенцев и сферы использования их труда вместо первоначальной схемы карательной колонизации представляла в Западной Сибири весьма сложную и даже мозаичную картину: большинство «кулаков» с семьями и одиночек (2/3) продолжало размещаться в северных комендатурах (профиль деятельности — сельское хозяйство, лесозаготовки,

промыслы), оставшаяся часть спецпереселенцев размещалась на приисках «Союззолото» (юг региона), а также в сфере промышленного строительства (Кузнецкстрой)³². Это служило подтверждением того, что, однажды возникнув как прямое следствие репрессивной политики, спецпереселенческий сектор репрессивной экономики в полном соответствии с логикой своего развития стал неотъемлемой частью экономики восточных регионов, встраиваясь во все ключевые сферы производства, где имелся дефицит «рабсилы». В 1930 г. председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов обратил внимание на опасность широкого использования труда заключенных и спецпереселенцев. Спустя несколько лет, когда «спецконтингент» стал органичной частью рабочей силы, его одинокое предупреждение в виде секретного информационного письма, разосланного 29 июля 1930 г. руководителям хозяйственных наркоматов и ведомств, оказалось пророческим:

«В последнее время наблюдается усиливающаяся, безусловно ненормальная, тенденция хозорганов к использованию в качестве рабочей силы заключенных и спец. переселенцев. Об этом свидетельствуют чрезвычайно участвовавшие случаи обращения хозяйственных органов к НКВД с соответствующими требованиями.

Широкое и неумело организованное использование заключенных и спецпереселенцев в качестве рабочей силы, как показала практика, зачастую приводит СССР к осложнениям в международных отношениях.

Сам факт расширяющегося применения труда заключенных и спецпереселенцев хозорганами свидетельствует о недостаточности мероприятий хозяйственных органов в деле вербовки нормальной рабочей силы, а в отдельных случаях и ^{*}в обеспечении надлежащих условий труда согласно трудового законодательства СССР^б ^{**}на предприятиях.^г

Поэтому Совет Народных Комиссаров РСФСР, обращая Ваше внимание на необходимость усиления работы по вербовке рабочей силы и обеспечению надлежащих условий труда, предлагает не обращаться без достаточных оснований к использованию труда заключенных и спец. переселенцев, ограничиваясь районами и пределами, определяемыми общими планами НКВД».³³

Приведенные выше документы показывают, что дискуссии в верхних эшелонах власти вокруг перспектив возникновения репрессивной/режимной экономики, основанной на принудительном труде «спецконтингентов», проходившие в 1929 г. по поводу создания системы лагерей, фактически получили продолжение в 1930 г., теперь уже в связи с созданием системы крестьянских спецпоселений. Как и годом

---

^{*} а-б В документ внесена правка недостаточном обеспечении надлежащих (согласно трудового законодательства СССР) условий труда.

^{**} в-г Вписано от руки.

ранее, обозначились те же две группы: чекисты во главе с Г. Г. Ягодой, видевшие в модели колоний-поселений возможность создания лагерно-комендатурного производственного комплекса как идеального инструмента колонизации труднодоступных, но стратегически важных для экономического «рывка» территорий страны, и руководство НКВД РСФСР (В. Н. Толмачев), поддержанное С. И. Сырцовым. Не преувеличивая степень расхождений между ними в оценках правомерности политики «раскулачивания» (в этом вопросе Толмачев и Сырцов не являлись оппонентами сталинского курса), в документах можно проследить полемику в вопросах методов и последствий осуществления массовых крестьянских депортаций. Фактически Толмачев и Сырцов оказались единственными, кто, хотя и в крайне осторожной форме и внутри управленческой корпорации, высказали опасение, что, однажды сформировавшись, репрессивная экономика изменит и деформирует модель «социалистической» экономики.

3.2. Практика хозяйствования в северных комендатурах Западной Сибири в 1930 г.

Поскольку на начальном этапе создания системы спецпоселений экономические задачи были подчинены репрессивно-изоляционным, то возникал комплекс проблем, в центре которых оказывалось нахождение оптимального в сложившихся условиях сочетания принципов территориального размещения (дислокации) спецпоселков с хозяйственной специализацией расселенного «контингента». Опыт массовых переселений прежних десятилетий, базировавшийся на заселении минимально подготовленных для освоения участков, включавший деятельность переселенческих структур по созданию дорог, колодцев и других первичных элементов производственной и бытовой инфраструктуры, а также начальную фазу строительства жилья силами рабочих дружин из числа самих переселенцев, был изначально отвергнут по политическим соображениям. В итоге первое расселение «контингентов», производившееся в Сибири с середины февраля 1930 г., пришлось на период весенней распутицы, а высылка второй половины мая — июня 1931 г., приуроченная к навигационному периоду на реках, имела целью успеть «протолкнуть» в таежные, необжитые районы Западной Сибири крестьянский «спецконтингент», насколько это позволяло состояние транспортных коммуникаций («зимники» и «большая вода»). Перевозки хозяйственных и продовольственных грузов, скота и инвентаря одновременно с людьми свидетельствовали о намерениях организаторов депортации совместить расселение и хозяйственное использование труда репрессированных.

Вместе с тем становилось очевидным, что для эффективного решения данной проблемы требовалось сочетание таких факторов, как правильный выбор места для поселка и территории для освоения, состояние трудового потенциала высланных семей, необходимое количество и качество орудий труда и средств производства, настроения и мотивации деятельности как самих переселенцев, так и надзорного аппарата. Реальность же свидетельствовала скорее об обратном.

Вне зависимости от времени вселения в значительных масштабах воспроизводились просчеты в выборе территории для поселков и хозяйственной деятельности, что влекло за собой громадные затраты на вторичные переселения, осуществлявшиеся в Нарымском крае на протяжении всех 1930-х гг. Высланные семьи в значительной массе оказывались неполными, разъединенными (главы семей, как правило, были уже репрессированы либо находились в бегах), что делало их «неполноценной рабсилой». Привезенные скот и инвентарь после их «фильтрации» в местах высылки представляли печальное зрелище. Состав аппарата комендатур, по оценкам самих чекистов, не выдерживал никакой критики и требовал радикальной «чистки». Мотивация производительного труда имела деформированный характер, поскольку основным стимулом являлось не качество труда, а работа как средство выживания.

Следует отметить, что в обстановке поиска форм организации хозяйственной деятельности и при отсутствии жестких директив «сверху» в данной области местные органы пытались отыскать в труде репрессированных сочетание начал обязательности и инициативности. В постановлении Сибирской краевой комиссии «по расселению и устройству кулаков 2-й категории» от 18 июля 1930 г. краевое адмуправление обязывалось «немедленно ликвидировать методы сибулоновского [Сибирского управления лагерей особого назначения. — С. К.] администрирования поселками, организовав управление на принципе индивидуального устройства с обязательством доведения сельскохозяйственных и промысловых заданий до двора согласно производственному плану комендатур, с обязательством сдачи с/х и промысловых излишков государству через товаропроизводящую сеть»¹. В «Инструкции комендантам по управлению кулацкими поселками 2-й категории», утвержденной упомянутой выше комиссией 2 августа 1930 г., раздел о «хозяйственном устройстве» содержал ряд необычайно «либеральных» и вскоре «забытых» положений:

«35. Вся хозяйственная жизнь поселков организуется на принципах развития хозяйственной инициативы самих расселенцев.

36. По отдельным хозяйственным вопросам комендатуры могут давать конкретные производственные задания с доведением плана этих заданий до двора, станка и пр. Все работы выполняются расселенцами индивидуально на стимуле личной заинтересованности, причем для большого производственного эффекта расселенцами могут организоваться на добровольных началах трудовые группы, артели, товарищества, рабочие бригады и проч. в составе 10–20 человек, преимущественно из молодежи, выполняющие работы под руководством назначенного из их среды старшего. Настоящие группы, бригады, товарищества, артели имеют целью привитие населению, в особенности молодежи, навыков коллективного сельскохозяйственного и производственного труда и никакими правами самоуправления и юридического труда не пользуются.

37. Исходя из изложенного, комендант всемерно способствует развитию хозяйственной деятельности расселенцев, проявляя собственную инициативу по организации их труда, изысканию наиболее эффективных форм производства»².

Ситуация, сложившаяся в сибирских комендатурах в первый год их существования (1930 г.), действительно демонстрировала слабость административно-режимного ресурса, что не позволяло аппарату комендатур не только держать под контролем переселенческую массу, но и эффективно организовать производственную жизнь в спецпоселках. Посетивший с инспекционной целью Шегарскую комендатуру зам. Новосибирского окружного адмотдела Кейсел в докладной записке от 27 июля 1930 г. констатировал почти полный организационно-хозяйственный развал комендатуры. Из высланных весной 6754 чел. (1326 хозяйств) к концу июня на учете комендатуры осталось 5098 чел.: «С момента поселения по 25 июня сбежало: мужчин 301, женщин 246, детей и молодежи 685, всего 1232 человека. Умерло за это же время 123 чел., большинство умирают дети в возрасте до 1 года и старики. Освобожден с места поселения как восстановленные в правах голоса 301 чел.». Далее проверяющий отметил отсутствие четкой организации труда «кулаков». По его данным, около 350 чел. работали по договорам в различных хозорганах, включая и расположенные в Новосибирске, «остальная рабочая сила занята на постройке жилищ, уборке сена и прополке хлеба. Точного учета рабочей силы, учета специалистов, комендатура не имеет. <...> Силами кулаков на земельных участках местного населения посеяно овса 217 га, льна 177 га, проса 3,25 га, и пшеницы 217 га, виды на урожай на овес хорошие (90–100 пудов с га), на лен — плохие, объясняется это тем, что посев льна был произведен с большим опозданием. Отведены сенокосные угодья в казенных дачах — 205 га, на расстоянии от расположенных поселков 30–40 км. Земельных угодий для пахо-

ты не отведено, при поселках имеются лишь небольшие участки для огородов. Заготовлено паров на крестьянских участках для посева ржи 30 га, семена не имеются <...> Продовольственные запасы все кончились, хлебом кулаки удовлетворены до 1 августа, выдача производилась из расчета 300 г на взрослого и 200 г. на ребенка всем без исключения, тогда как необходимо было бы выдавать только тем, у кого не имелось хлеба. Благодаря одинаковой выдаче в данное время получается такое положение, что те, которые имели некоторые запасы, имеют хлеба, которые не имели — остались без хлеба, ходят собираются. Промтовары кооперация кулакам не отпускает».

Кейсел обнаружил несколько признаков саморегуляции в поведении переселенцев: «Организовано 5 кузниц, в коих работают 10 чел., в кузницах производится ремонт с/х инвентаря для коммун, местного населения и самого кулачества. Учет работы, выработка, стоимость работы со стороны комендатуры не установлен, кулаки сами определяют и получают непосредственно деньги, так что кузнецы находятся вне поля зрения комендатуры, предоставлены сами себе <...> За последнее время бегство значительно прекратилось, объясняется это тем, что кулаки узнали о том, что при возвращении обратно на постоянное место жительства их арестовывают, местное население не стало содействовать побегам...»³ Наблюдения проверяющего весьма ценны для понимания механизма взаимодействия комендантов с крестьянами, когда надзорный аппарат становился лишь регистратором ряда поведенческих линий внутри самого репрессированного крестьянства, хотя соотношение инициативности и покорности, подчинения складывалось явно в пользу второй линии: большинство крестьян, лишившись активной протестной части (бежавшие), смирилось со своим репрессивным положением и искало способы адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

«Сшибка» двух взаимоисключающих задач, решавшихся властью в ходе высылки, — карательно-изоляционной и хозяйственной — в ряде комендатур проявлялась настолько отчетливо, что вынуждала власть идти на экстренные меры, связанные с передислокацией не отдельных поселков, а их групп, расположенных в совершенно непригодном для жизни месте. Выше упоминалось о драме спецпереселенцев, направленных в Кулайскую комендатуру по зимним дорогам и расселенных в бассейне р. Ягыл-Яг (территория васюганских болот). Комиссия, изучившая летом 1930 г. перспективы производственной деятельности переселенцев на этой территории, пришла к категорическому выводу о том, что сельскохозяйственное освоение территории невозможно: «...почвы слишком слабы и требуют боль-

ших капиталовложений при применении сельского хозяйства, а также и больших раскорчевок стоимостью от 150 до 200 рублей за га, что при длительной и усиленной разработке будет получена бесплодная почва, не оправдывающая сельского хозяйства...». Далее приводилась статистика убыли «контингента»: «К расселению кулаков предназначалось 11600, а на место прибыл 8891 человек, сбежали — 6622 человека, померло 80 человек, освобождены — 208 человек и осталось на месте к моменту обследования — 1607 человек. Оставшиеся кулаки из себя представляют старые, малые, больные и те, которые предполагают, что они должны будут быть освобождены, на что имеют сведения о восстановлении их в правах голоса».

Примечательно, что, исходя из поставленных перед ней задач (фиксация и оценка ситуации в комендатуре), комиссия невольно проводила сравнение состояния населения и рабочего скота (лошадей) и перспектив выживания тех и других в зависимости от запасов продовольствия и фуража: «До 1 мая получали по 15 фунтов [муки] на члена семьи и 30 фунтов муки на главу семьи. С 1 мая и по сие время за отсутствием муки получают немолотую рожь... Ввиду малоколичественного получаемого пайка для увеличения мешают в муку всевозможные травяные и древесинные суррогаты. Приварка никакого нет, вместо чая употребляют березовые перегнившие шишки... с момента заброски кулаков сена совершенно не было, а был доставлен один только овес, которого выдавали на каждую лошадь по 5 фунтов, кормили лошадей, раскапывая снег, собирали листья. Комендатура же имела часть сена. В данный момент осталось кулацких лошадей 333, а было приведено 2254 штуки, пало — 877, с бежавшими кулаками уведено — 895...». Признаки тяжелейшего кризиса проявлялись в невозможности организовать какое-либо разумное производство, даже если это пытались сделать сами переселенцы: «Совершенно отсутствуют правила внутреннего распорядка для кулаков, с кулаками собраний каких-либо, в смысле чем они должны заниматься, не проводились, а имевшиеся попытки со стороны кулаков организовать рыбную ловлю вниз по реке Ягыл-Яг на 150–200 км, а также и заниматься посевом с целью выезда за болота в Тарский район комендатурой воспрещались. Были случаи в момент бегства кулачества комендатурой задерживались до 500 человек бежавших... Бежавшее кулачество из-за болот и проявление их в опухшем и пожелтевшем виде среди населения Тарского района и вообще среди тех районов, в которых оно появилось, вело живую агитацию[.] что, полагаю, ни для советской власти, ни для партии не полезно» — резюмировал председатель комиссии Белокобыльский, предложивший «все кулацкие хо-

зяйства перевести в другое, более подходящее для занятия сельским хозяйством место».

Другой участник обсуждения вопроса о кулайских поселках на заседании краевой комиссии «по хозяйственному устройству кулаков» 19 августа 1930 г., представитель ОГПУ Помялов внес предложение, вобравшее в себя подходы «чекизма» и прагматизма: «Ликвидировать комендатуру не следует, [надо] освежить ее состав, начать хозустройство, оценку местности пока не производить, акт комиссии весьма односторонен, не указывает положительных фактов этой местности, обязать РПУ и СКАУ [Сибирское краевое адмуправление. — С. К.] продвинуть их [“кулаков”] дальше к месту указанного поселения. Срочно продвинуть детский паек, бежавшие 6600 человек пересылать [обратно] не следует, часть их использовать на промышленных работах, часть использовать их на внешних работах в округе, а если переселить, тот они опять будут бежать»⁴. В итоге, несмотря даже на некоторый прирост «контингента» осенью 1931 г., когда на 24 сентября статистика зафиксировала 1387 семей (4253 чел.), все попытки сохранить комендатуру оказались безуспешными. По данным на декабрь 1932 г., здесь оставалось уже 2822 чел., а с лета 1933 г. упоминания о Кулайской комендатуре исчезли из документов СибЛАГ⁵.

Примечательно, что именно системное противоречие между режимно-изоляционными и экономико-хозяйственными функциями, возникшее на начальной стадии формирования сети комендатур ввоенческих регионах, постоянно воспроизводилось на протяжении 1930-х гг. Невозможность организации не только сельскохозяйственной и промысловой деятельности, но и вообще социально-бытовой инфраструктуры в значительной части мест, куда расселяли депортированных крестьян (затопляемые в паводок территории, отсутствие пригодной для питья воды, невозможность дорожного строительства и устойчивых коммуникационных связей и т. д.), приводила к затратным массовым вторичным переселениям. В частности, на территории соседней с нарымскими комендатурами Омской областью, где также функционировали две крупные комендатуры — Тарская и Тевризская, местное руководство, пытавшееся, несмотря на все возраставшие издержки, сохранить в них аграрно-промысловую специализацию, к середине 1930-х гг. пришло к выводу о необходимости радикального пересмотра хозяйственной ориентации спецпоселков. По согласованию с ГУЛАГ большинство населения этих поселков подлежало передислокации для использования на предприятиях лесной и рыбной промышленности, а 300 семей были переброшены в Таджикистан «для освоения Вахшской долины»⁶. Последствия вторичных переселений, связанных

с вынужденно-принудительными перемещениями репрессированных крестьянских семей внутри и между комендатурами Западной Сибири и сопредельных регионов, необходимо оценивать не только с экономической, но и с поведенческой точки зрения. Экономически «цена» затратного и неэффективного характера действий органов власти, ответственных за депортацию, расселение и рациональное использование трудового потенциала ссыльных крестьян определяется в стоимостных показателях перебросок и повторного устройства спецпереселенцев. Настроения апатии и конформизма, блокировавшие хозяйственную инициативу спецпереселенцев, следует рассматривать в качестве мотивационно-поведенческих последствий нерациональных и даже преступных действий властных органов.

3.3. Неуставные артели. Нормы и практика

Уже на стадии расселения спецпереселенцев вставал вопрос о формах организации их производственной деятельности. Характер специализации имел здесь определяющее значение. В сфере промышленного производства или строительства основной производственной единицей становились бригады, в аграрной и промысловой сфере за основу принимались сельскохозяйственные и промысловые артели. Первоначально при решении вопроса о формах хозяйствования в спецпоселках некоторые руководители-коммунисты и чекисты-исполнители на местах сомневались в возможности использовать колхозную модель для организации деятельности «кулаков-эксплуататоров». Выход из конфликта между доктринальными принципами и прагматикой был найден в лозунге «трудового перевоспитания бывшего кулачества», позволившем приступить на практике к организации «кулацких колхозов» в оригинальной форме «неуставных артелей», или, точнее, спецартелей.

Данный процесс прошел несколько стадий. На стадии создания спецпоселений (весна — лето 1930 г.), в отсутствии централизованной регламентации режима и производственной деятельности переселенцев региональные органы руководствовались принципами организации труда последних по модели исправительно-трудовых колоний (самоокупаемость, хозрасчет, плановость заданий и т. д.). Во «Временном положении об управлении кулацкими поселками», утвержденном Сибкрайисполкомом 19 июня 1930 г., указывалось:

«... Вся хозяйственная жизнь поселков регулируется комендатурами и соответствующими выше стоящими инстанциями на основе: стимулирования тех видов производств, которые являются наиболее хозяйст-

венно и политически целесообразными в каждой данной комендатуре; преподанных каждому поселку и каждому двору планов; обязательной сдаче товарных излишков продукции государству; целесообразного использования излишков рабочей силы поселков на отхожих промыслах, кустарных производствах и государственных предприятиях <...> При хозяйственных предприятиях комендатур, там, где это является экономически и политически целесообразным, могут быть организованы производственные бригады в составе 10–20 человек, преимущественно из поселенческой молодежи для выполнения работ под руководством назначенного из их среды старшины. Настоящие бригады, не являясь организациями кооперативными (лишены прав самоуправления и т. д.), имеют целью привить молодежи навыки коллективного труда»¹.

Четкие директивные очертания механизм использования труда спецпереселенцев получил в ходе работы комиссии Политбюро по спецпереселенцам («комиссии Андреева»). В ключевом постановлении Политбюро от 10 августа 1931 г. («О спецпереселенцах»), подготовленном комиссией, указывалось: «7. Хозяйственное устройство спецпереселенцев проводится: а) путем использования спецпереселенцев в промышленности, с одновременной организацией для них небольшого подсобного сельского хозяйства (огородно-овощное); б) организации совхозов, в которых спецпереселенцы используются как основная наемная рабочая сила; в) организации спецпереселенцев в неуставные артели, с передачей им на договорных началах с. х. инвентаря и тягла». Постановлением предусматривалось сосуществование в течение некоторого времени в спецпоселках индивидуального труда наряду с коллективным, о чем свидетельствовал пункт, регламентировавший порядок приема и содержания на поселении рабочего скота и инвентаря: «4. Весь прибывающий в районы выселения продуктивный и рабочий скот, с. х. инвентарь... передается на договорных началах или в личное пользование спецпереселенцев, если они ведут индивидуальное хозяйство, или обобществляется, если хозяйство ведется на артельных началах»².

«Неуставные артели» на деле являлись квази-коллективами, поскольку создавались «сверху» и в принудительном, а не добровольном порядке. Принципиальных отличий между экстраординарными и ординарными (уставными) артелями оказывалось на практике не столь много. Единые для всех коллективов принципы этатизированного труда в аграрной сфере послужили основой для перевода в конце 1930-х гг. «неуставных артелей» на положение ординарных хозяйств, что не оказало значительного влияния на экономическую жизнь спецпоселков. И все же отличия как содержательного, так и формального порядка в организации «комендатурной» экономики были. Изна-

чально нормативную сторону спецартелей определяли не т. н. уставы, а инструкции и циркуляры, издававшиеся ГУЛАГ совместно с профильными ведомствами (НКЗем, Всекопромсовет). Разработка и уточнение в 1931–1934 гг. нормативных документов осуществлялись не в направлении усиления мотивации труда, а его регламентации. Рассмотрим далее данный тезис на основе положений инструкции ГУЛАГ ОГПУ и Наркомзема СССР об организации «неуставной сельхозартели» 1933 г., сравнивая их с принятым 17 февраля 1935 г. «Примерным уставом сельскохозяйственной артели», который определял структуру и принципы деятельности колхозов.

Инструкция состояла из следующих разделов: I. Общее положение; II. Состав артели и обязанности ее членов; III. Средства артели; IV. Организация хозяйства артели; V. Организация и оплата труда и распределение дохода; VI. Управление делами артели³. Структура «Инструкции об организации неуставных кооперативно-промысловых артелей спецпереселенцев», датированной 19 марта 1932 г., была несколько иной: I. О промысле; II. Об организации труда; III. Состав артели, права и обязанности ее членов; IV. О средствах артели; V. Управление делами артели; VI. О ликвидации артели⁴. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» — имел такую рубрику: I. Цели и задачи; II. О земле; III. О средствах производства; IV. Деятельность артели и ее правления; V. О членстве; VI. Средства артели; VII. Организация, оплата и дисциплина труда; VIII. Управление делами артели⁵.

Безусловно, в «Примерном уставе...» подробнее описаны вопросы организации и деятельности артели, в т. ч. принципы землепользования, разграничение между обобществленными и не обобществленными средствами производства, управление делами артели, включая круг полномочий правления колхоза, т. е. те организационно-производственные стороны, где теоретически действовали кооперативные принципы. В то же время в спецартелях нормативная сторона преобладала во всех разделах. Принцип добровольности упоминался в «Инструкции...» 1933 г. лишь однажды, в разделе «Состав артели»: «...3. Сельскохозяйственные неуставные артели организуются исключительно на добровольных началах, причем членом артели может быть каждый трудпоселенец, достигший 16-летнего возраста»⁶. Пункт 6 наделял трудпоселенцев правом выхода из артели (но не ранее окончания сезонных полевых работ). В разделе «Управление делами...» есть упоминание о функциях общего собрания, но с пояснением: «...27. Общие собрания артели для разрешения хозяйственных, производственных и технических вопросов созываются только с

разрешения поселковой комендатуры. Постановления общего собрания считаются действительными и проводятся в жизнь только после утверждения комендатурой». Таков же был и регламент созыва и работы производственных совещаний («с разрешения коменданта»)⁷.

Очевидно, что все рудименты «колхозной демократии», попавшие в текст «Инструкции...» для спецартелей, не имели сколько-нибудь реального воздействия на производственные процессы. Центральной и руководящей структурой здесь выступала комендатура. Комендант осуществлял руководство производственной деятельностью артели (п. 2). Хотя всю практическую организационную работу проводил уполномоченный артели из числа трудпоселенцев, однако он утверждался комендатурой и был во всем ей подотчетен (п. 26). Обязанности членов спецартели и хозяйственная деятельность соотносились с режимными принципами трудпоселений:

«12. Все работы хозяйства артели производятся личным трудом ее членов и их семей согласно правил внутреннего распорядка, утвержденных комендатурой.

В основу организации труда артели должно быть положено 100 % использование всего трудоспособного населения артели и максимальное использование неполноценной рабочей силы из членов семейств в течение круглого года как на работах в артели, так и вне ее путем выделения свободной рабочей силы для нужд комендатур по строительству и организации трудпоселений.

13. Работа артели ведется по годовому производственному плану, утвержденному комендатурой»⁸.

Примечательно, что практика наказания колхозников и трудпоселенцев не содержала радикальных различий: за нарушение трудовой дисциплины на них налагались замечания, штрафы и т. д.; за более тяжкие «проступки» (порча имущества и т. п.) полагалось привлечение к суду. Только в спецартелях любое взыскание или наказание должно было быть санкционировано комендантом, который обладал правом административного воздействия на переселенцев, вплоть до кратковременного ареста⁹.

Разработанная органами промкооперации и утвержденная ГУЛАГ 19 марта 1932 г. «Инструкция...» для «неуставных кооперативно-промысловых артелей» фактически представляла собой слегка переработанный устав промартели. В ней оказались изначально не применимые к спецпоселению положения, расписывающие полномочия общего собрания («рассматривает сметы, отчеты и планы деятельности артели» и т. д.), предусматривалось наличие в артели ревизионной комиссии, а также имелся пункт о выборности старосты артели («делами артели управляет староста, выдвижимый общим собранием артели и утвер-

ждаемый комендантом поселка и промсоюзом») ¹⁰. Очевидно, что в практической деятельности промысловых спецартелей не могло быть места для этих кооперативных начал.

Необходимо отметить, что с момента организации и вплоть до перехода в статус «уставных» (1938–1939 гг.) спецартели существовали в особом «нормативном» пространстве, регулируемом различными инструкциями или циркулярными письмами ГУЛАГ ОГПУ–НКВД и НКЗем, определявшими специфику применения к спецартелям процедур, регулировавших деятельность колхозов. Об этом весьма красноречиво свидетельствовали, в частности, различные распоряжения, касающиеся реализации сельхозпродукции. Так, весной 1932 г. центральные партийно-советские органы в целях стимулирования сельскохозяйственного производства в колхозах приняли ряд решений о предоставлении права колхозам и колхозникам после выполнения обязательств перед государством самостоятельно реализовывать «излишки» произведенной ими сельхозпродукции ¹¹. В ответ на запросы региональных отделов по спецпереселенцам о том, в какой мере эти решения применимы для спецартелей, ГУЛАГ и НКЗем СССР циркулярным письмом от 3 июля 1932 г. разъяснили в преамбуле, что «... широкое толкование и перенесение принципов колхозной торговли на спецпоселки... допущены быть не могут». Далее в письме излагался порядок реализации животноводческой продукции:

«5... а) Спецпереселенцы, ведущие хозяйство единолично и имеющие собственный скот и птицу, самостоятельного вывоза тех или иных с/х продуктов на колхозные базары, хотя и расположенные вблизи спецпоселка, не имеют и реализуют эти продукты лишь в пределах территории спецпоселков.

б) Спецпереселенцы, ведущие хозяйство в форме неуставных с/х артелей, право самостоятельного вывоза на рынок продуктов также не имеют, но им может быть предоставлена возможность реализовать свою продукцию через кооперативные и колхозные организации на договорных началах или в порядке контракции

6. В целях стимулирования к получению дополнительных с/х продуктов (овощи, грибы, ягоды и др.), а также различных мелких кустарных изделий (лапти, корзины, ложки и др.), добытых или изготовленных личным трудом, последние являются собственными продуктами спецпереселенцев и могут свободно продаваться на территории спецпоселка» ¹².

Механизм распределения урожая и доходов в колхозах и спецартелях также имел определенные различия. Так, доля отчислений из произведенной продукции в неделимые фонды в спецартелях оказывалась больше, чем в колхозах. В частности, если в колхозах фонд

помощи инвалидам, старикам, сиротам и другим категориям иждивенцев не превышал 2 % от валовой продукции, то в спецартелях аналогичный продовольственный фонд достигал 5 % и предназначался для «а) многосемейных спецпереселенцев, которые при малом количестве трудоспособных не выработали нужное количество трудодней для обеспечения своей семьи продовольствием по установленным нормам душевого потребления; б) отходников, состоящих членами неуставных артелей, отзываемых на известный срок для работы в промышленности; в) престарелых членов неуставных артелей и временно нетрудоспособных»¹³. В отличие от спецпереселенцев, работавших в промышленности и других производственных сферах и отчислявших 5 % от своего заработка для содержания надзорного аппарата, в спецартелях таких денежных отчислений не было, но сама практика максимального обобществления произведенной продукции и ее натурализация позволяли содержать чекистский аппарат за счет артельного труда.

Распределение урожая и доходов в неуставных артелях Нарыма осенью 1932 г. В созданных в начале 1930-х гг. спецартелях полноценный цикл сельскохозяйственных работ развернулся с началом весенней посевной кампании 1932 г. и в течение последующих летних и осенних месяцев практически не прерывался. Районные партийные и советские организации находились под прессом жестких директив из краевого центра, обязывавших не только контролировать организацию экономической деятельности в комендатурах, но фактически отвечать за результаты хозяйственно-политических кампаний в спецпоселках, беспрерывно сменявших одна другую либо шедших одновременно. О том, насколько скрупулезно районные структуры должны были выполнять спускаемые сверху краевые директивы, свидетельствует «проработка» утвержденной крайкомом партии 25 августа 1932 г. инструкции о распределении урожая и доходов в комендатурах на закрытом заседании бюро Кривошеинского РК ВКП(б) от 5 сентября 1932 г.

«ПОСТАНОВИЛИ:

1/ Из валового сбора урожая подлежит выделить:

а/ семенной фонд для обеспечения обсеменения площади озимых 1932 года и яровых 1933 года, при чем предусмотреть расширение посевной площади яровых на 25 % <...>;

б/ страхфонд 10 % от семенных фондов на случай возможного пересева в части посевных площадей;

в/ специальный фонд в размере 5 % от валового сбора для снабжения по установленным нормам для престарелых и временно нетрудоспособ-

ных многосемейных с/переселенцев, которые не могут выработать нужное количество продовольствия для обеспечения своей семьи;

г/ неделимый фонд 5 % от валового сбора на развитие и расширение с/х производства (покупка лошадей, скота, с/х инвентаря и т. п.).

2. Оставшаяся после образования указанных выше фондов часть урожая составляет продовольственный фонд неуставных артелей, рассчитываемый до 1-го сентября 1933 г. исходя из средних норм душевого прод. пайка в 1,5 центн. в год на человека и товарные излишки.

3. Все указанные выше фонды (отдельно продовольственный с товарными излишками и отдельно семенной) хранить в общественных артельных амбарах <...>

4. Вся потребительская часть с/х продукции, подлежащая распределению между членами артели переводится на ценностное выражение (по средним существующим в данном районе заготовительным ценам).

5. Денежная стоимость с/х продукции, подлежащая распределению делится на количество выработанных с/х артелью трудодней, чем определяется денежная стоимость одного трудодня для членов артели, после чего подсчитывается доход каждого члена с/х артели по количеству затраченных трудодней.

6. Оплата доходов отходника, состоящего членом с/х артели[,] производится в зависимости от затраченных им в артели трудодней и аккуратного платежа им в кассу артели 10 % заработка во время отходничества. Отходник — член с/х артели, не имеющий отработанных в артели трудодней, но аккуратно вносящий в артель 10 % своего заработка, снабжается продовольствием за счет образованного с/х артелью специального продфонда по установленным потребительским нормам.

7. Выдача дохода члену с/х артели производится после того, как она полностью покроеет свои обязательства по созданию указанных в п. 1 фондов. В период уборки — обмолота член неуставной артели имеет право на получение натурального аванса в размере 10–15 % от обмолоченного хлеба, с условным погашением такового в рассрочку до 1 сентября 1933 года. Полное распределение доходов должно быть закончено к 1 февраля 1933 г.

8. В тех случаях, когда учет труда в неуставных артелях не поставлен, распределение доходов производится по едацкому принципу (с учетом, однако, затрат труда члена неуставной артели за текущий период). Выдача полагающегося продовольственного хлеба производится два раза в месяц.

9. В целях дальнейшего стимулирования труда с/п коменданты совместно с уполномоченными с/х артелей, устанавливая с/п, достигшим на артельных работах высоких качественных показателей <...> повышенную норму выдачи продпайка, но не выше 20 кгр. муки и 1,5 кгр. крупы в месяц, за счет снижения норм пайка плохо работающих с/п.

10. Товарные излишки продаются артелями и единоличниками с/п потребкооперации, причем в отличие от общепринятого порядка сдачи их по заготовительным ценам, для с/п в целях стимулирования их труда в дальнейшем, устанавливается:

а/ за сдаваемые хлебные излишки уплачивается продажная цена на хлеб местной кооперации, включая нее все расходы по доставке хлеба в данный район;

б/ расчет за стоимость сданных хлебных излишков производится в размере 25 % в счет стоимости деньгами, а остальные 75 % выдаются промтоварами, предметами ширпотреба и хозобихода.

11. С/п, занимающихся с/хозяйством, освободить от взносов в ОГПУ 5 % отчислений от их заработка по с/хозяйству.

12. Для определения излишков в неуставных артелях и у единоличников посевщиков создать районную комиссию <...> При с/п поселках создать поселковые комиссии в составе уполномоченного райкомиссии, поселкового коменданта, зав. многолавкой с привлечением на заседание комиссии уполномоченного данной неуставной артели. Обязать последнюю вокруг вопросов, связанных с реализацией урожая и доходов среди с/п развернуть широко массовую разъяснительную работу.

13. Излишки овса, оставшегося после удовлетворения всех нужд внутренних потребностей, использовать по соответствующим нарядам для удовлетворения фуражных потребностей лесозаготовок.

14. Возврат полученных спецпереселенцами ссуд на семена установить в денежной форме по инструкции КрайЗУ и Сиблага»¹⁴.

Столь подробная регламентация распределения урожая и образующихся от экономической деятельности доходов сельскохозяйственных спецартелей не была случайной. Тяжело налаживаемая «сверху» хозяйственная жизнь в комендатурах, проходившая в условиях освоения новых территорий и практически одновременного развертывания как производственной, так и социально-бытовой и культурной инфраструктуры, имела под собой и определенное подкрепление в виде мотивации деятельности трудоспособной части спецпереселенцев. Для основной массы депортированных в Нарымский край летом 1931 г. именно весенне-осенний цикл сельскохозяйственных работ в 1932 г. определял их дальнейшие перспективы и возможности для выживания в экстремальной обстановке. С данной мотивацией труда как средства выживания у репрессированных крестьян связывались и завышенные сезонные осенние ожидания. Из приведенной выше инструкции, между тем, следовало, что распределение урожая и возможных доходов спецпереселенцев предусматривалось производить по жесткой вертикали «сверху вниз»: после сбора урожая зерновых культур вначале формировались целевые фонды (семенной, страховой, специальный и неделимый). Оставшаяся зерновая продукция составляла продовольственный (потребительский) фонд и товарные излишки, подлежащие реализации по особым процедурам. Основная часть инструкции посвящалась регламентации того, как распределять продфонд и доходы от реализации товарных излишков.

Еще не было ясности в том, будут ли излишки, но директивно уже предписывалось создание в районах дислокации комендатур районных и поселковых комиссий. При неналаженном в течение первого сельскохозяйственного года в спецартелях учете количества и качества труда преобладающим становился фактически уравнилельный принцип распределения по трудодням и едокам. Директивный принцип распределения урожая и доходов от него распространялся и на единоличников-посевщиков, доля которых среди семей спецпереселенцев составляла в 1932 г. почти две трети (62 %). Как одни (артельщики), так и другие (единоличники) оказались психологически не готовы к принятым властью решениям. Наибольшее недовольство вызывала необходимость передать все зерно, за исключением выданного авансом во время уборки урожая, в общественные амбары, тогда как его последующее распределение между членами артели растягивалось до февраля следующего года. Спецпереселенцы могли рассчитывать только на выдачу продовольственного пайка, и то лишь для трудоспособных членов семьи. Данная ситуация означала чрезвычайную неопределенность в оценках перспектив продовольственной безопасности для каждой крестьянской семьи — артельной или единоличной.

Сохранилась интенсивная переписка (четыре информационных письма за период с 6 по 20 сентября 1932 г.) секретаря Чаинского РК ВКП(б) Осипова с секретарем оргбюро крайкома Беляевских о ситуации в спецпоселках района в связи с начавшейся уборкой урожая зерновых. Осипов весьма откровенно делился многочисленными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться впервые и каждый день. В письме от 6 сентября он сообщал, что об излишках хлеба и их хранении говорить рано, «а вот с засыпкой всего хлеба это не так легко сделать»: «<...> единоличники общие амбары строить не будут. Мы обязали строить их на каждом поселке многолавку, т. е. под хлеб продовольственный и фуражный, а РайЗО под хлеб семенной. Будут строить и ремонтировать, но здесь нужны деньги и кроме того это дело громоздкое, много нужно амбаров — вывозить же продовольственный, фуражный и семенной фонд из поселков — будут встречные перевозки и отразится сильно на настроениях, да и куда вывозить — амбаров-то все равно нет»¹⁵.

Спустя десять дней Осипов констатировал, что аврал со строительством общественных амбаров уже начал приводить к отрицательным последствиям: «<...> амбары строятся и ремонтируются без всякого технического наблюдения и уже есть такой факт — в Бундюрской комендатуре когда в амбар высыпали 1500 пудов ячменя,

у этого амбара провалился пол». Далее партфункционер анализировал царившие в спецпоселках настроения, отмечая, что массовыми являются как позитивные настроения (главным образом в артелях), так и отрицательные (прежде всего в среде единоличников). В качестве позитивного примера он привел ситуацию в отдельных артелях, где был получен неплохой урожай и комиссии сделали предварительные подсчеты излишков, реализация которых может дать до 300 руб. на трудоспособного члена артели. Осипов вполне резонно полагал, что успех артельного хозяйствования позволит вскоре обеспечить массовый приток в спецартели единоличников.

Однако затем секретарь райкома цитировал и «прямо контрреволюционные речи», причем и членов артелей: «Мы думали, что поедем вволю, а оказывается нужно заготовить мох и гнилушки, т. к. пайка не хватит»; «Надо раздать хлеб на руки, иначе с голоду подохнем — не дадут нам хлеба, не будем работать»; «Где мы будем чего брать, разутые, раздетые — ботинки — 30 руб., скажут что я лодырь, а я бос и голодный»; «Только появился хлеб, нас снова удивили — если бы мы были на своих старых местах, хлеб не был бы 150 руб. пуд»; «Если имеете право, берите хлеб силой, а я ссыпать его не буду, почему не делается как говорил Ленин “Крестьянин у хлеба — должен есть хлеба вволю”»¹⁶.

20 сентября 1932 г. секретарь Чаинского РК Двоглазов в письме в крайком отмечал, что «настроение с/переселенцев в большинстве остается здоровым, особенно по неуставным артелям, большинство членов артели в своих выступлениях дают решительный отпор отрицательным настроениям, происходящим со стороны отдельных единоличников»¹⁷. Совершенно очевидно, что райкомовский работник использовал в письмах «наверх» стандартный бюрократический отчетный «новояз», построенный на штампованных схемах «свои — чужие, союзники — противники». Противопоставление «здоровых» настроений «отрицательным», а артельщиков — единоличникам становилось здесь обыденным, а от многочисленных повторений в обязательных сводках, которые райуполномоченные, направленные на время уборки урожая в спецпоселки, посылали каждые пять дней в райком партии, штампы и схемы приобретали осязаемость и реальность. Единоличник начинал превращаться едва ли не в «контрреволюционера»: «Есть в отдельных неуставных артелях попытки со стороны отдельных членов и единоличников к разложению артелей. Все это говорит о проявлении активности контрреволюционной верхушки»¹⁸. Между тем, приведенные в данном письме высказывания конкретных, а не анонимных лиц свидетельствовали не о «контр-

революционности», а о желании спецпереселенцев хозяйствовать в привычных формах: «Например, в пос. Чернышевка с/п Репин на собрании заявил: “Мы не хотим жить в бараках, работаем и не знаем на кого. Если бы дали нам возможность жить так[,] как мы жили дома, то этот план ерунда — мы не такие планы выполняли”»¹⁹. Таким образом, в первый период пребывания и адаптации крестьянских семей к условиям спецпоселения возникла острая коллизия, имевшая не только организационно-производственный, но и психолого-поведенческий характер, между прививавшимися спецпереселенцам «сверху» установками на государственный патернализм (артельная форма) и стремлением крестьян к сохранению традиционных единоличных форм труда и быта. Однако если патернализм грозил развитием иждивенчества, то «персонализм» единоличников был изначально тупиковой траекторией в условиях спецпоселений (даже отходничество должно было быть санкционировано комендатурой).

Согласно докладной записке начальника ГУЛАГ М.Д. Бермана руководству ОГПУ «Об освоении спецпереселенцев в Нарыме» от 1 ноября 1933 г. устоявшиеся принципы распределения урожая и доходов в нарымских спецартелях выглядели летом 1933 г. следующим образом:

«ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УРОЖАЯ И ДОХОДОВ»

В течение двух лет урожай с/переселенцев и доходы, получаемые от сельского хозяйства[,] распределяются так:

Из валового сбора урожая в первую очередь засыпаются:

а) семенной и страховой фонды, потребные для обсеменения посевной площади будущего года;

б) фонд на возврат взятой с/переселенцами ссуды;

в) неделимый 10 % фонд, идущий на дальнейшее развитие и расширение с/х производства;

г) специальный продфонд, не превышающий 5 % от валового сбора на снабжение за плату по установленным нормам временно нетрудоспособных, старательных-многосемейных с/переселенцев, не обеспечивающих всю свою семью от выработанных трудодней продовольствием.

Оставшаяся после засыпки указанных фондов сельхозпродукция распределяется между с/переселенцами в соответствии с количеством и качеством выработанных каждым трудодней.

Причитающийся к выдаче доход с/переселенцев хранится в общественных хранилищах и выдается по указанным выше нормам в виде продпайка один раз в два м-ца. Продовольственные излишки (разница между причитающимся доходом по трудодням и установленной нормой душевого потребления) сдаются снабженческой организации ОГПУ по местным продажным ценам. За сдаваемые излишки с/переселенцы получают 50 % деньгами и на 50 % промтоваров.

С/переселенцам, достигшим на с/хоз. работах высоких качественных показателей[,] допускается повышенная норма выдачи хлеба, не превышающая 2,5 центнеров (15 пудов) в год за счет снижения нормы выдачи лодырям»²⁰.

Осень 1933 г. внесла определенные коррективы в прошлогоднюю практику распределения урожая и доходов от него. Так, среди первоочередных отчислений появились новые: обязательные засыпки зерна в фонд на возврат взятой в предыдущие годы у государства семенной ссуды. Увеличились вдвое (с 5 до 10 %) размеры засыпки зерна в неделимые фонды. Что касается поощрительных норм выдачи хлеба хорошо работавшим переселенцам, то по сравнению с 1932 г. (около 240 кг) эта норма практически не увеличилась (250 кг). Основное же организационно-хозяйственное противоречие в комендатурах на начальном его этапе по-прежнему состояло в том, что сельскохозяйственное производство базировалось на двух основах (артельной и индивидуальной). На момент сбора урожая 1933 г. в артели уже входило более половины семей, трудом которых обрабатывалось до $\frac{2}{3}$ посевных площадей; оставшаяся треть посевов зерновых обрабатывалась усилиями индивидуальных хозяйств. Однако в дальнейшем собранный урожай, в т. ч. произведенный в единоличном секторе, фактически отчуждался от работников, концентрировался и распределялся аппаратом комендатур, что порождало конфликтные ситуации по поводу невозможности производителей влиять на распоряжение произведенной ими сельхозпродукцией. Обратной стороной зависимости крестьян-спецпереселенцев от государства стало распространенное убеждение в том, что государство обязано обеспечивать снабжение переселенцев продовольствием на определенном потребительском уровне при всех обстоятельствах.

Весной 1934 г. ГУЛАГ выпустил для аппарата спецпоселений распоряжение о принципах распределения в спецартелях будущего урожая. В нем, в частности, отмечалось: «...Каждый спецпереселенец, член сельхозартели и единоличник должен твердо знать и помнить, что полученное им при распределении урожая количество сельхозпродуктов (хлебное и крупяное зерно, картофель, овощи и фуража для продуктивного скота) должно хватить ему до нового урожая.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, ИЗРАСХОДОВАВШИЕ ПОЛУЧЕННЫЕ ИМИ СЕЛЬХОЗПРОДУКТЫ РАНЕЕ ЭТОГО СРОКА НИКАКОЙ ПОМОЩИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ ОТ ГОСУДАРСТВА ПОЛУЧАТЬ НЕ БУДУТ <...> ЧЛЕНЫ НЕУСТАВНЫХ С/Х АРТЕЛЕЙ, НЕ ВЫРАБОТАВШИЕ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА ДОСТАТОЧНОГО ДЛЯ СВОЕГО ПРОКОРМЛЕНИЯ ТРУДОДНЕЙ ПО НЕРАДИВОСТИ, ЛОДЫРНИЧЕСТВУ, НИКАКОЙ ПОМОЩИ ОТ ГОСУ-

ДАРСТВА НЕ ПОЛУЧАЮТ» (выделено в документе. — С. К.). Этот документ содержал и рекомендацию сокращать расходы на управленческий аппарат, но за счет спецпереселенцев: «Учитывая, что во многих комендатурах ОГПУ и неуставных с/х артелях административно-управленческий аппарат, укомплектованный из спецпереселенцев, чрезвычайно велик, что ложится бременем на неуставные с/х артели, так как эта категория спецпереселенцев за свою работу получает зарплату, исчисляемую в трудоднях, Вам надлежит принять меры по сокращению этого аппарата до минимума, переводя сокращенных спецпереселенцев на основные сельскохозяйственные работы в артелях»²¹.

Статистика карательных органов отразила тенденцию роста количества спецартелей и численности их членов в Нарымском крае. Так, в начале 1932 г. в нарымских комендатурах насчитывалось 78 артелей (8992 чел., или 5,5 % от общей численности спецпереселенцев), в конце года — 146 (20 110 чел., 13,3 %), а в начале августа 1933 г. — 386 (66 649 чел., 59,6 %). В сфере кустарных промыслов к лету 1933 г. было организовано 192 артели, объединявшие 7384 чел.²²

В отчетном докладе от 5 февраля 1938 г. начальник Отдела трудпоселений (ОТП) УНКВД по Новосибирской области И. И. Долгих так характеризовал обстановку первого периода карательной колонизации региона:

«Кооперирование трудпоселенцев прошло сквозь этап ожесточенной борьбы и саботажа со стороны значительной части контингента, переходившей в отдельных случаях в открытое сопротивление (Галкинское восстание).

В отношении особо злостных противников кооперирования были приняты меры к их изоляции, а также переселения в отдельные комендатуры — Александровскую и Васюганскую.

Положительное значение в деле кооперирования имело досрочное восстановление в правах трудпоселенцев, показавших в условиях общественного труда наличие трудовых навыков и сознательное отношение к коллективному труду.

К фактам, отрицательно влиявшим на кооперирование, необходимо отнести то обстоятельство, что среди трудпоселенцев имелась уверенность в возвращении в прежние места расселения по окончании 3–5 лет нахождения в трудпоселках. Эта уверенность рассеялась только по прошествии значительного времени, после чего трудпоселенцы активно стали заниматься своим хозяйством и вступать в артели. Таким образом, сочетание административного воздействия к особо злостным противникам коллективного труда с политико-просветительной работой среди контингента и особенно молодежи, неуклонно давало положительные результаты. Кроме того, освоение тайги в условиях севера показывало все преимущество артельного труда, что также способствовало развитию кооперирования»²³.

Удовлетворенность высокопоставленного чекиста результатами деятельности комендатурной системы по созданию сети неуставных артелей, хозяйствовавших достаточно успешно, имела под собой вполне понятное ведомственное корпоративное основание. Спецартели оказывались удобным и отлаженным механизмом, где все стадии — от производства до распределения произведенной продукции были подконтрольны аппарату комендатур и управляемы им. Однако за пределами чекистской логики оказывалась суровая экономическая реальность. По данным, которыми оперировали сами чекисты для внутренних целей, результаты аграрной деятельности нарымских спецпереселенцев свидетельствуют о том, что, хотя спецартели и производили сельхозпродукцию, она в значительной мере шла на потребление внутри комендатур. Так, хлебный баланс нарымских спецартелей в конце 1933 г. выглядел следующим образом: из собранных примерно 2 млн. пуд. зерна около 0,6 млн. пуд. шли как отчисления в обязательные фонды (страховой, семенной, неделимый). Оставшаяся часть урожая (до 70 %) направлялась на потребительские нужды²⁴. Предпринятая государством в 1934 г. попытка взимать со спецпереселенцев ссудные задолженности, налоги и платежи поставила под сомнение способность спецартелей сохранить даже такой крайне скудный потребительский фонд. В связи с этим 22 марта 1935 г. руководство ГУЛАГ направило наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде справку о том, что нарымские спецартели не в состоянии будут выполнить государственные обязательства в 1935 г. Для выполнения государственного плана и всех налоговых обязательств и задолженностей они должны были произвести более 14 тыс. т зерна, тогда как в 1934 г. ими было собрано только около 10 тыс. т зерна. Руководство НКВД сумело добиться от правительства отсрочек по выплатам и списания с артелей отдельных задолженностей²⁵. Сказанное выше свидетельствовало о том, что комендатурная экономика была весьма уязвимой и требовала непрерывной ведомственной защиты от других звеньев государственной машины (налоговых, финансовых и других контрольных структур). Ниже рассматривается межведомственный конфликт финансового и карательного ведомств вокруг и в связи с функционированием комендатурной системы в нарымских спецпоселках сельскохозяйственного типа.

3.4. Нарымские спецпоселки глазами московского инспектора М. Е. Портнянского (1936 г.)

Середина 1930-х гг. оказалась своеобразным рубежом в истории системы крестьянских спецпоселений. Попытка чекистского руководства использовать ситуацию глобальной «чистки» приграничных территорий, режимных местностей, крупных городов от маргиналь-

ных, «социально-опасных» и «вредных элементов» для тиражирования признанного удачным опыта создания в начале 1930-х гг. сети «кулацких» поселений потерпела в 1933 г. очевидный провал. Это заставило отказаться от экстенсивного варианта штрафной колонизации необжитых восточных территорий страны и по-новому взглянуть на перспективу крестьянской ссылки в рамках уже сложившегося лагерно-комендатурного комплекса. После того как в начале 1935 г. ЦИК СССР было принято принципиальное решение о прикреплении спецпереселенцев к поселкам (с запрещением права выезда из территории, подконтрольной комендатуре, даже в случае восстановления в гражданских правах), руководство НКВД всерьез озаботилось проблемой «разгрузки» своего ведомства от руководства хозяйственно-производственными функциями в аграрно-промышленной сфере (спецартели), сохранив за собой только режимные функции. На этот путь подталкивала практика использования принудительного труда крестьян в других секторах экономики (промышленность, строительство, транспорт), где отказ карательных органов от регулирования производственной деятельности спецпереселенцев давал ожидаемые результаты: «бывшие кулаки» превращались в «постоянные кадры» лесных, строительных, горных и др. рабочих; коменданты не отвечали за производственный процесс и его результаты, а штат комендатур содержался за счет стабильно поступающих 5 %-ных отчислений от заработков переселенцев.

Как показывает анализ документов, первая серьезная попытка передачи спецартелей в ведение гражданских хозяйственных органов была предпринята чекистами во второй половине 1935 г., когда над решением данного вопроса работала межведомственная комиссия под руководством зам. председателя СНК РСФСР Д. З. Лебеда¹. В частности, из текста письма Д. З. Лебеда от 15 августа 1935 г. в СНК СССР об изменении административно-хозяйственного управления трудпоселками следовало, что комиссией подготовлен «проект постановления о передаче трудовых поселений из ведения НКВД в ведение СНК республик, краевых и областных исполкомов», обязывавшее «принять к 1 января 1936 г. в свое ведение полностью административно-хозяйственное и культурное обслуживание трудовых поселений, находившихся до настоящего времени в непосредственном ведении Наркомвнудела».

Всего в масштабах страны предполагалось передать в ведение республиканских, краевых и областных исполнительных органов власти 1797 трудовых поселений «с общим контингентом в 459 675 чел., охваченных 1245 неуставными сельско-хозяйственными артелями.

Вся уборочная площадь в трудовых поселениях в 1935 г. составляет свыше 383 тыс. га. Неуставные сельско-хозяйственные артели трудпоселенцев обслуживаются 18 МТС, в которых имеется 660 колесных тракторов, 10 гусеничных тракторов, 87 грузовых автомашин и 32 комбайна. В артелях имеется свыше 40 тыс. голов рабочего скота и около 92 тыс. крупного рогатого скота. Медико-санитарная сеть в трудовых поселениях составляет 187 больниц и заразных барачков и 709 амбулаторий. Школьная сеть составляет 1514 школ всеобщего обучения и 136 школ и курсов профтехнического образования». Согласно данному проекту Сельхозбанк СССР должен был принять в свое ведение от НКВД СССР «все операции по ссудам, выданным на нужды трудпоселенцев за время с 1931 по 1935 г. включительно. К настоящему моменту задолженность трудпоселенцев по ссудам, выданным в 1931–32 гг., составляет 11 704 тыс. руб., по ссудам, выданным в 1933–34 г., — 39613 тыс. руб., всего свыше 51 мил. руб.».

В целях более «мягкого» вхождения спецсектора в колхозную систему и «стимулирования дальнейшего роста обобществленного сельского хозяйства в трудовых поселениях» комиссия признала целесообразным предоставить неуставным сельскохозяйственным артелям трудпоселенцев ряд льгот по обязательным государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов. При этом комиссия установила «освобождение посевов этих артелей, производимых на свежескорченных землях, от обязательных государственных поставок на 2 года (вместо 3-х лет по проекту НКВД), ввиду того, что соответствующая льгота постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9.VIII-1935 г. № 1756 предоставляется колхозам также на срок не свыше 2-х лет.

В тех же целях проектируется продление сроков погашения ссуд, выданных из госбюджета неуставным сельско-хозяйственным артелям на сельско-хозяйственное устройство и на жилищное строительство — до 31 декабря 1937 г. по ссудам, выданным в 1931–1932 гг., и до 31 декабря 1939 г. по ссудам, выданным в 1933–34 гг.»²

Внимание к проблеме спецпереселенцев на партийно-государственном уровне было продиктовано несколькими обстоятельствами. С одной стороны, как отмечалось выше, руководство НКВД СССР настойчиво ставило вопрос об изменении организационно-хозяйственного статуса спецпоселений, полагая в основном решенной задачу закрепления ссыльных крестьян в местах их вынужденного размещения и потому считая возможным передачу всех своих функций, за исключением режимных, соответствующим государственным органам

в местах крестьянской ссылки. С другой стороны, сами государственные структуры, в частности финансовые, испытывали потребность в более эффективном контроле над расходованием средств, отпускаемых для содержания системы спецпоселений. Требовалась фактическая инвентаризация, которая позволила бы оценить ситуацию в целом, начиная с состояния «ссудного портфеля». По сведениям Сельскохозяйственного Банка (Сельхозбанка) СССР, только на кредитование деятельности спецартелей за период с 1933 по 1936 гг. через банк было отпущено около 130 млн. руб.³ Поскольку кредитные потоки шли из бюджета через разные наркоматы, использовавшие труд переселенцев (более десятка, в т. ч. НКТП, НКЛес и др.), то Сельхозбанку предстояла трудная работа по выявлению ссудных задолженностей (возвратных кредитов) системы спецпоселений и разработке механизма их погашения. Хозяйственные наркоматы обязывались выдавать банку гарантийные обязательства на сумму задолженностей. При этом одним из основных гарантов возврата взятых кредитов оказывался НКВД, в ведении которого находилась основная масса спецартелей. Весной 1936 г. в места концентрации последних был направлен ряд эмиссаров (инспекторов) банка с целью разобраться в реальном положении дел в сфере финансирования спецартелей, состоянии их экономической деятельности и перспективах ликвидации накопленной за несколько лет ссудной задолженности государству. Одним из эмиссаров стал главный инспектор Правления Сельхозбанка СССР М. Е. Портнянский, находившийся в двухмесячной командировке в Новосибирске, а затем в нарымских комендатурах. В делопроизводстве банка сохранились его конфиденциальные письма и телеграммы управляющему М. В. Выносову за период с 20 апреля по 23 июня 1936 г.

Информативность данных документов весьма высока, поскольку, имея широкие полномочия в сфере урегулирования с краевыми органами вопроса о многомиллионной задолженности спецартелей Западно-Сибирского края банку и выработке механизмов ее погашения, автор должен был каждое предлагаемое им самим или чекистами решение согласовывать с руководством банка, то же делали чекисты по линии НКВД. В результате переговоры, длившиеся несколько недель, периодически заходили в тупик, межведомственные интересы требовали поиска компромиссов и недюжинных, почти дипломатических способностей от самого финансиста. В одном из писем М. Е. Портнянский грустно пошутил, что если командировка окончится благополучно, «то можно будет мне идти в помощники

к ЛИТВИНОВУ [нарком иностранных дел СССР. — С. К.]»⁴. Письма прекрасно передают атмосферу чекистского прессинга, когда спецорганы, работавшие в условиях закрытости своей финансовой отчетности, с крайней неохотой шли на «внешнюю» проверку. Так, после завершения первых предварительных переговоров по определению суммы реальной задолженности ОТП банку М. Е. Портнянский, отправив об этом телеграмму, написал 20 апреля М. В. Выносову: «Я считаю, что большего получить, чем указано в моей телеграмме, нам не удастся, тем более, что поддержки здесь я ни от кого не получу»⁵. Будучи опытным финансистом, Портнянский быстро обнаружил, что финансовая отчетность в Отделе труд(спец)поселений в Западной Сибири велась бессистемно и крайне небрежно, а учет ссудной задолженности находился в хаотичном состоянии. Начав проверку с состояния документации по ссудам, выданным в 1931 и в 1932 г., возврат которых должен был взять на себя ОТП, обе стороны столкнулись с невозможностью оперативного решения вопроса, о чем Портнянский проинформировал свое руководство в письме от 29 апреля 1936 г.: «Дело в том, что обязательства по этой ссуде хранятся в филиалах Банка, многие обязательства дефектны и с пропущенной давностью, многие заемщики умерли и бежали. ОТП может принять лишь реальную задолженность, а для того, чтобы установить сумму реальной задолженности по ссудам 1931–32 г.г.,] требуется проведение инвентаризации, на что потребуется несколько месяцев, а потому по предложению т. КАРУЦКОГО [нач. УНКВД Запсибкрая. — С. К.] этот вопрос оставлен открытым до нашего возвращения из Нарыма»⁶. В том же письме он красноречиво описывал другую спорную ситуацию — о размерах и составе т. н. безнадежной задолженности в сумме около 7 млн. руб.: «Я потребовал от ОТП предъявления мне для проверки всех первичных документов по этой семи миллионной безнадежной задолженности. Ознакомление с этими документами вызвало у меня сомнение в правильности этой суммы. Сумма эта получалась из данных инвентаризации задолженности н/уставных артелей и единоличников трудпоселенцев, куда, как я установил, входит 1) часть ссуд, выданных в 1931–32 г.г. и числящихся на балансе Сельхозбанка (через Райзо), 2) ссуды, выданные Сельхозбанком в 1933–1934 г.г. через ОТП и 3) ссуды за счет собственных средств ОТП. Если это мое предположение верно, то положение с семи миллионами в корне изменится. Сейчас бухгалтерский аппарат ОТП усиленно работает над сверкой этой задолженности <...> Задолженность эта подтверждается годовым отчетом

ОТП за 1935 г., а поэтому, если отправим это дело в арбитраж, то обеспечены выигрышем»⁷. Через две недели проверок и переговоров вокруг соотношения сумм по общей, безнадежной и реальной задолженности, позиция Портнянского смягчилась, поскольку чекисты взяли на себя решение в Москве проблемы списания с ОТП безнадежной задолженности. 14 мая 1936 г. в очередном письме в Москву финансист сообщал:

«Всего задолженности за ОТП Запсибкрая на 1 января 1936 г. числится 16 841 т. р. Согласно справки № 5[,] банковская ссуда использована для кредитования не только с/х. артелей, но и единоличников[,] и не только в порядке долгосрочных ссуд, но и краткосрочных. Между тем, как я Вам уже писал, согласно инструкции 1933 г. ссуды должны выдаваться лишь с/х. артелям, а не единоличникам[,] и только долгосрочные, а не краткосрочные. Лишь 6348 т. р. выданы в соответствии с инструкцией 1933 г.

В общей сумме ссудной задолженности, как видно из этой же справки № 5, числится безнадежной задолженности 7022 т. р. Прохождение этой безнадежной задолженности видно из письма от апреля прошлого года ОТП и конторы ЗСК в адрес Сельхозбанка и ГУЛАГа. Почти вся сумма безнадежной задолженности образовалась от питания и снабжения т/поселенцев в период их нахождения в пути до нового местожительства и до вступления их в члены н[е]/уст[авных] артелей, причем ссуды эти выдавались сроком до шести месяцев, но не более уборки первого урожая. Банк же выдавал ОТП ссуды лишь долгосрочные сроком до 4-х лет.

Одно то, что безнадежная задолженность образовалась из краткосрочной ссуды и в основном из расходов на питание т/поселенцев до вступления их в члены н[е]/устав[ных] артелей, говорит за то, что эта безнадежная задолженность никакого отношения к Сельхозбанку не имеет»⁸.

После труднейших переговоров с чекистами М. Е. Портнянский выехал в середине мая 1936 г. в нарымские комендатуры в сопровождении зам. начальника ОТП И. И. Долгих, помощника начальника финотдела ОТП Сергеенко и инспектора ГУЛАГ Попова. Находясь в стрессовой ситуации и сталкиваясь с бесконечной чередой финансовых нарушений и приписок, московский фининспектор ожидал столкновения с очередными «потемкинскими деревнями». Однако то, что он увидел в комендатурах (а конкретные комендатуры он, во избежание «очковтирательства» со стороны руководства ОТП, выбирал сам), повергло его в удивление, которое вылилось в письмо, где смешались эмоции и сухие цифровые выкладки (приводится полностью):

**Письмо главного инспектора
Правления Сельхозбанка СССР М. Е. Портнянского
председателю Правления банка М. В. Выносову
об обследовании неуставных артелей Нарымского округа**

26 мая 1936 г.

Не подлежит оглашению

Михаил Васильевич!

Я пока обследовал три артели — Колпашевской учкомендатуры. Завтра выезжаю в Тоинскую учкомендатуру.

Среди дикой тайги Нарыма в 800 тыс. кв. метров созданы прекрасные хозяйства, которые могут служить образцом для всех виденных мною колхозов и совхозов.

Почти все эти хозяйства разбросаны по тайге вдали от центральной водной магистрали[,] и чтобы добраться до некоторых из них приходится помимо траты по несколько дней, прибегать ко всем видам транспорта: пароход, катер, лодка, обласок, верхом и пешком.

В артель «Колос» мы поехали из Колпашево на катере, затем пересели на лодку, оттуда на обласок и далее до артели пешком, 5 километров.

Всего населения в Нарыме немного более 300 тыс. человек, из них около двух третей трудпоселенцев.

Богатства Нарыма лесом, химвыпукцией, мехами, рыбой неисчерпаемы. Развитие этих отраслей хозяйств, в частности животноводства, отстает еще от дореволюционного.

Урожайность пшеницы и ржи 16—18 центн.

Край этот весьма богатых перспектив и отсюда понятно, какое государственное значение имеет закрепление трудпоселенцев на постоянное жительство в новых хозяйствах. В первые годы организации трудпоселенческих артелей все внимание было сосредоточено на создании обществленного хозяйства, в ущерб личным интересам трудпоселенцев. С 1935 года началось улучшение материального положения самих трудпоселенцев путем повышения стоимости трудодня.

Трудпоселенцы в настоящее время восстанавливаются в гражданских правах. Есть уже целые артели, полностью восстановленные.

Это, если не будет создано условий для добровольного прикрепления основной массы жителей Нарыма — трудпоселенцев, может вызвать стремление последних уехать из Нарыма и многомиллионные государственные средства, вложенные в хорошо организованное новое хозяйство, как и все богатство округа, останутся неиспользованными.

Этими соображениями я руководствовался при даче нижеуказанных заключений по обследованным трем неуставным артелям, в части погашения ими своей задолженности по просроченным и срочным 1936 года ссудам. Обследование неуставной артели «Новая жизнь» Первомайской пос[елковой] комендатуры показало:

1) что доходная часть сметы должна быть увеличена на 27 тыс. рублей, в том числе 5 тыс. рублей от доходов на стороне и от прочих поступлений, 15 тыс. руб. от ликвидации дебиторов и 7 тыс. руб. от животноводства.

2) Производственным заданием комендатуры намечено на конец 1936 г. иметь 273 гол. овец и 21 гол. крупного рогатого скота, фактически будет к концу года 500 гол. овец или увеличение на 217 гол. и 32 гол. круп. рогатого скота или увеличение на 9 коров, общей стоимостью в 12 тыс. рублей.

3) Приходится на трудодень:

	<u>Фактически в 1935 г.</u>	<u>По плану в 1936 г.</u>
Денег	30 к.	65 к.
Зерна	4,2 кг	8,5 кг

4) Задолженность артели Сельхозбанку по просроченным ссудам 44,8 тыс. руб. и срочным 1936 г. — 4,9 тыс. руб., а всего 49,7 тыс. руб.

Намечено по плану погасить 5 тыс. руб., а с поправкой, согласно пункту 1-го / 5-19 <... > 24 тыс. руб.

5) Для полного погашения задолженности по просроченным ссудам и ссудам со сроком платежей в 1936 г., артели не хватает 25,7 тыс. руб. Эта сумма может быть покрыта за счет сокращения выдачи денег на трудодень из 65 коп. до 40 коп., против 30 коп. в 1935 г.

Обследование неуставной артели “Колос” той же учкомендатуры показало:

1) Число хозяйств в 1935 г. было 102, а в 1936 г. 82.

2) Число трудодней начислено в 1935 г. 45,7, а на 1936 г. намечено 51,4, увеличение на 12,5 %.

3) Должно быть дополнительно внесено в приходе-расходную смету:

от реализации 2-х производителей	—	7 тыс.
от других поступлений от <u>животновод.</u>	—	3,7 «
	~	10,7 «

Должно быть исключено из сметы: покупка 3 лошадей — 3,6 «

Всего — 14,3 «

В том числе — 11,3 т. руб. на кап./вложение и 3 т. р. на погашение краткосрочной ссуды.

4) Задолженность по краткосрочным ссудам составляет 22 т. руб. Из них погашаются по плану — 18 тыс. руб. плюс 3 тыс. руб. / п. = 21 тыс. руб.

5) Задолженность по долгосрочным ссудам составляет 79 т. руб., из них погашается по плану 4 тыс. руб. и + 11,3 тыс. руб. / п. = 15,3 тыс. руб.

Остается задолженность по долгосрочным ссудам 54,7 тыс. руб. А всего долгосрочной и краткосрочной ссуды — 66,4 тыс. руб.

6) Натуральная и денежная стоимость трудодня:

	<u>Фактич. в 1935 г.</u>	<u>По плану в 1936 г.</u>
зерном	3,67 кг.	5,67 кг.
деньгами	14,3 коп.	30 коп.

* Неразборчиво.

7) Валовый доход:	<u>1934 г.</u>	<u>1935 г.</u>	<u>1936 г.</u>
1-го хозяйства	261	739	1 337
1-го трудоспо-			
собного	116	332	577
1-го едока	60	177	311
8) Чистый доход:			
На хозяйство		218	530
На трудоспособного	—	98	239
На едока	—	52	129

9) Чтобы не приостановить *^би в дальнейшем^в значительный рост обобщественного хозяйства и доходности членов артели (более чем вдвое против прошлого года)[,] артель нуждается в пролонгации ее ссудной задолженности 56,2 тыс. руб. сроком на 2–3 года.

Обследование неуставной артели “Объединение” той же учкомендатуры показало:

1) Всего хозяйств в артели 55, артель организована в 1934 г.

2) Следует изменить прихода-расходную смету:

а) расходную часть сократить **^г:

покупка кормов на	— 1,4 тыс. руб.
строительство	— 1,7 « «
капремонт	— 1,4 « «
Итого	— 4,5 тыс. руб.

б) приходную часть увеличить:

от реализац[ии] скота чл[енов] артели — 0,1 тыс. руб.

от реализации льна — 2,0 « «

от заготовок дров — 1,2 « «

от животноводства — 7,7 « «

Итого — 11,0 тыс. руб.

А всего — 15,5 тыс. руб.

3) Приходится на трудодень:	<u>1935 г.</u>	<u>1936 г.</u>
зерновых	0,7	4,4
крупяных	—	1,7
картофеля	1,6	3,0
деньгами	54 к.	98 к.
4) Валовый доход:		
на 1 хозяйство	782	1 600
на 1 трудоспособн[ого]	464	960
на 1 едока	188	380
5) Чистый доход:		
на 1 хозяйство	252	647
на трудоспособн[ого]	149	391
на едока	60	156

* ^{б-в} Вписано над строкой от руки.

** ^г Слово вписано от руки.

6) Задолженность артели на 1 апреля 1936 г.:

	Всего	Просроч[енных] и срочн[ых] 1936 г.	
		СХБанку	ОТП
Долгосрочных	19,6	19,6	–
Краткосрочн[ых]	80,0	22,6	57,4
Всего	99,6	42,2	57,4

7) Задолженность артели по ссудам в 99,6 тыс. руб. может быть покрыта за счет предусмотренной в плане для этой цели суммы 13,4 тыс. руб. плюс выявленных (п. 3) 15,5 тыс. руб., а всего 28,4 тыс. руб.

8) Остальная непокрываемая часть ссудной задолженност[и] в 7,7 тыс. руб. может быть покрыта с учетом значительных доходов артели от подсобных предприятий и возможности развития животноводства в течение двух — трех лет, не приостанавливая значительный рост обобщественного хозяйства артели и стоимости трудодня.

О всем этом акта обследования не составлял и ни с кем не делился, так как не знаю[,] будет ли Вами одобрена моя точка зрения, а следовательно, и выводы по обследованию артелей или нет.

Так как не знаю через сколько времени получите это мое письмо и где я в то время буду, то прошу Вас Ваш ответ обязательно мне сообщить по телеграфу по адресу: Колпашево, Запсибкрая, Сельхозбанку, откуда мне его передадут.

По окончании работы в Нарыме я должен буду докладывать о результатах обследования Нарымскому Окружному комитету партии, а поэтому Ваш ответ с установкой мне крайне необходимо получить к моменту моего доклада Окружному.

Контора мне телеграфировала, что 17/V послано мне в Колпашево Ваше директивное письмо. Этого письма до сих пор не получил.

С ком[мунистическим] приветом
г. Колпашево
26 мая 1935 г.⁹

Портнянский

Завершая свой затянувшийся вояж по комендатурам, благодаря которому удалось запустить механизмы погашения срочных задолженностей спецартелей банку через ОТП, а также принципиально договориться об инвентаризации задолженности прошлых лет, М. Е. Портнянский понимал, что инерционность карательной системы велика, и следует торопиться, о чем писал 23 июня 1936 г.:

«Нам крайне необходимо, чтобы инвентаризация задолженности артелей была проведена не только в сжатые сроки, но как можно лучше, как по расчетам с Сельхозбанком, так и по расчетам с комендатурами, ибо без хорошо проведенной инвентаризации нам трудно будет правильно произвести передачу ОТП задолженности артелей и единоличников, с одной стороны, и, что не менее важно, необходимо добиться уже сейчас,

на основе инвентаризации, реальности ссудного портфеля самих уч. комендатур, с другой, ибо, как надо полагать и что несомненно вытекает из проекта конституции, еще к концу текущего года весь ссудный портфель ОТП, в том числе и переданный нами, будет затем передан нам, т. к. артели превратятся в колхозы. И если мы не добьемся хороших результатов от этой, вторичной инвентаризации, то повторится, возможно, и еще в худшем виде то, что имело место при передаче Райзо нам ссудной задолженности [19]31–33 гг., ибо не будет такого организованного хозяина, как комендатуры»¹⁰.

«Личное» письмо М. Е. Портнянского завершалось совершенно прозаическими суждениями, передающими настроения человека, исполнившего свой долг перед организацией: «За эти три месяца я до отказа оборвался и нуждаюсь в отпуске, должен отчитаться в авансовых суммах, тем более что у меня имеются непредвиденные расходы, так например, по окончании нашей работы я в Колпашеве пригласил участников на ужин, который обошелся в 1300 рублей. Правда, я сэкономил в 2 раза больше на транспорте. Затем, и что самое главное, необходимо обменять партбилет»¹¹.

Примечательно, что проблема погашения ссудной задолженности спецартелей Западной Сибири государству приобрела летом 1936 г., по сути, политическую окраску, перейдя с межведомственного на правительственный уровень. Руководство НКВД СССР в лице зам. наркома Г. Е. Прокофьева в письме в СНК РСФСР от 15 августа 1936 г. представило свои расчеты, показывавшие, что погасить ссудные кредиты в полном объеме и в ранее назначенные сроки (до конца 1937 г.) без угрозы подрыва пока еще неустойчивой экономики трудпоселений невозможно. Более того, по мнению чекистов, требовалось применить к трудпоселенцам в Нарымском крае ряд дополнительных льгот:

«Трудпоселенцы осваивают под сельское хозяйство болотно-таежные районы Нарыма и близлежащие необжитые окраины, производя на занимаемых землях сплошную раскорчевку, осушение болот, постройку поселковых и полевых дорог, что связано с значительными капиталовложениями и медленной их окупаемостью. После 5 лет освоения земельных фондов на 1 семью приходится всей земли 4.2 гектара, из которых под посевами занято по 2.3 гектара на одно хозяйство.

После выполнения государственных хлебопоставок и натуроплаты МТС, урожай с этой площади удовлетворяет только потребность трудпоселенцев в продовольствии, в семенах и фураже для скота. Товарных излишков почти не остается. Трудовые поселения, расположенные в наиболее северных районах Нарыма — Александрово-Ваховском, Карга-сокском по реке Васюгану, производят посевы зерна в незначительном количестве и пользуются завозным хлебом.

От животноводства трудпоселенцы товарных излишков не имеют, так как их стадо комплектуется преимущественно из молодняка, завозимого в Нарым из других районов.

На одну семью приходится в среднем:

Крупного рогатого скота, включая молодняк	– 1.1 головы
В том числе коров	– 0.48 «
овец и коз	– 0.60 «
свиней и поросят	– 0.37 «

Низкая обеспеченность скотом вызывает необходимость оказать помощь животноводству трудпоселенцев отпуском в 1936 г. долгосрочного кредита до 500.000 рублей и освободить на 2 года от госпоставок мясомолочных продуктов и шерсти.

Для выполнения предложения НКФина СССР и Сельхозбанка о погашении ссудной задолженности в 1936 и 1937 году потребовалось бы распродать скот, семенные запасы и другие средства производства и этим подорвать сельское хозяйство трудпоселенцев*.

Учитывая экономическое положение неуставных с/х артелей трудпоселенцев, считаю необходимым пролонгировать платежи по ссудам до 1941 года.

Необходимо также по аналогии с трудпоселенцами Казахстана списать задолженность в сумме 7.022.000 руб., числящуюся за умершими, бежавшими, переданными в лагеря и в инвалиддома трудпоселенцами, как безнадежную. <...>

Заявление Сельхозбанка в письме СНК СССР о причитающихся ему 2.255.100 руб., взысканных с трудпоселенцев Отделом Трудовых Поселений УНКВД по Западной Сибири и оставленных в его обороте — не соответствует действительности. Комендатуры Нарыма получили в 1935 г. от трудпоселенцев хлебное зерно на сумму 2.255.100 руб. и обратили его полностью на выдачу продфуражных ссуд в тех трудовых поселках, где трудпоселенцы пострадали от наводнения и августовских морозов, во время которых погибло 13.000 га посевов».

Далее зам. наркома пояснял, что, за вычетом необходимых денежных платежей Заготзерну и торговой сети (чуть больше половины указанной выше суммы), остальная сумма будет внесена Сельхозбанку «в погашение ссуд трудпоселенцев». К письму Г. Е. Прокофьева прилагался проект постановления СНК СССР «О пролонгации ссуд, списании задолженности и предоставлении льгот трудпоселенцам, занимающимся сельским хозяйством в северных районах Западной Сибири», основные положения которого излагались в пояснительном письме¹².

В результате длительных межведомственных согласований позиций с участием НКФин, Комитета по заготовкам и НКВД 2 октября

---

* Подчеркнуто в документе.

1936 г. появилось постановление СТО СССР «О задолженности и о льготах трудпоселенцам, занимающимся сельским хозяйством в северных районах Западной Сибири»¹³, имевшее компромиссный характер. Пролонгация ссуд была сделана не по 1941 г. включительно (предложение НКВД), а до конца 1939 г. В пользу НКВД решился спорный с точки зрения финансовых органов вопрос о т. н. безнадежной задолженности трудпоселенцев за ранее выданные ссуды (более 7 млн. руб.). Однако ряд льгот и списание других задолженностей, о чем ходатайствовало руководство НКВД, в окончательный текст решения правительственного органа не вошли.

Межведомственная полемика вокруг проблемы выравнивания принципов и условий хозяйствования колхозов и спецартелей, проведенная в традициях «бюрократического торга», вскрыла несколько характерных черт во взаимоотношениях репрессивных и хозяйственных ведомств. Руководство НКВД стремилось сдать свой хозяйственный комплекс государственной экономике, по максимуму избавившись от долговых обязательств. Финансовые органы, напротив, считали, что только репрессивные органы в состоянии осуществить исполнение обязательств спецартелей перед государством в пределах некоторого переходного периода.

Не менее важно отметить присутствие в аргументах НКВД по поводу невозможности предъявления к спецартелям в полном объеме тех требований, которыми руководствовалась тогдашняя налогово-податная система. В одних документах «наверх», предназначенных для демонстрации успехов и достижений в освоении северных территорий силами трудпоселенцев, упор делался на количественные показатели особого рода: какие площади раскорчеваны, заняты под посевы, усадьбы и сенокосы, каковы успехи в коллективном земледелии и животноводстве по выполнению поставок продукции государству, натуроплаты МТС, строительству жилья, дорог, производственной и социально-культурной инфраструктуры и т. д. Тем самым обосновывался тезис об успешности реализации программы «штрафной колонизации» Севера под эгидой спецорганов.

Однако совершенно другая система аргументов выдвигалась в тех случаях, когда руководство НКВД обосновывало необходимость продления тех или иных преференций и отсрочек по различным выплатам для спецартелей. Рисовалась весьма реалистичная картина фактического экономического состояния данного хозяйственного комплекса: капиталовложения государства в спецартели окупались существенно медленнее ожидаемых сроков, что обуславливалось объективными, в т. ч. природно-климатическими причинами. Одновременное выпол-

нение в полном объеме налогово-податных обязательств и погашение трудпоселенцами ссудных обязательств государству неминуемо должно было повлечь за собой через некоторое время ликвидацию хозяйств в спецпоселках (на это прямо указывал в процитированном выше документе Г. Е. Прокофьев). За приведенными цифрами стояла суровая экономическая реальность: земледелие практически не давало товарных излишков, а произведенная продукция зачастую даже не доходила до государственных фондов и употреблялась внутри самой системы спецпоселений для продовольственного обеспечения комендатур, имевших несельскохозяйственный профиль, и т. д. Продукция животноводства удовлетворяла потребительские нужды той же системы. Таким образом, репрессивная экономика оказалась представленной в данном регионе в виде фактически замкнутой на себя модели сельскохозяйственного производства, продукция которого в основном потреблялась внутри комендатур, имевших разный производственный профиль, обремененных к тому же собственной инфраструктурой, включая инвалидные и детские дома и т. д. Иными словами, сталинским режимом на территории Нарымского округа в первой половине 1930-х гг. ценой значительных и прежде всего безвозвратных капиталовложений была сформирована система аграрно-комендатурного спецпроизводства для собственного потребления, прежде всего внутри комендатур.

3.5. «Врастание кулака в социализм» в отдельно взятом Пихтовском районе (декабрь 1936 г. — январь 1937 г.)

Как отмечалось выше, проблема перспективы существования и развития крестьянских спецпоселений обсуждалась и решалась на двух уровнях — в масштабах страны и отдельных регионов с высокой концентрацией поселений (Северный край, Урал, Сибирь, Казахстан). Задачу создания устойчивых механизмов использования труда репрессированных крестьян для освоения северных и восточных территорий чекисты считали в целом выполненной в середине 1930-х гг. Логика принятых в начале «раскулачивания» решений, нацеленных на пятилетний цикл «трудового перевоспитания бывших кулаков» в местах их нового расселения, продолжала действовать по инерции. Как ни парадоксально, но в основе директив об использовании труда репрессированных крестьян лежала ранее категорически неприемлемая, приписываемая Н. И. Бухарину теория «мирного врастания кулака в социализм», взятая на вооружение с некоторыми модификациями. Чекисты в первую очередь оказывались заложниками сложившейся ситуации, поскольку были обязаны обеспечить данное «врастание» и ежегодно докладывать о прогрессе в решении поставленных задач.

Летом — осенью 1935 г. аппаратом спецпоселений была принята кампания по подготовке передачи поселений в ведение гражданских структур. В частности, в Западной Сибири перед начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю В. А. Каруцким и начальником ОТП И. И. Долгих ставилась задача согласовать ведомственное решение с краевым руководством. Последнее в лице Р. И. Эйхе (крайком) и Ф. П. Грядинского (крайисполком), в свою очередь, проявляло крайне высокую заинтересованность в том, чтобы система поселений не просто сохранялась, но могла бы и в дальнейшем стабильно и устойчиво развиваться, однако смотрело на ситуацию шире, надеясь, благодаря хлопотам чекистов, получить от государства ресурсы для дальнейшего освоения северных территорий (Нарымский округ) в целом. Согласованность действий двух структур проявилась в создании и активной работе осенью 1935 г. «Северной комиссии» крайкома, рабочую часть которой обеспечивал аппарат трудпоселений во главе с И. И. Долгих. В результате появились две аналитические записки, поданные чекистами по своим каналам «наверх» в ноябре 1935 г. В частности, И. И. Долгих подготовил документ, подводивший итоги пятилетней работе нарымских спецартелей, ставший основой докладной записки начальника ГУЛАГ М. Д. Бермана наркому Г. Г. Ягоде от 5 ноября 1935 г. Она начиналась преамбулой: «Расселенные в Нарымском Севере трудпоселенцы закончили в 1935 г. пятую сельскохозяйственную кампанию. За эти годы в Нарыме проделана огромная работа», содержала перечень основных показателей работы производства, состояния инфраструктуры, а также перечисление «необходимых мер для дальнейшего укрепления хозяйства трудпоселенцев» (сюда входили испрашиваемые у государственных органов льготы и преференции для системы поселений). Завершался документ примечательным абзацем: «Кроме того, считаем необходимым выдать ряд наград чекистам и специалистам, работавшим над освоением Нарыма в течение пяти лет и добросовестно выполнявшим в течение этих пяти лет Ваши директивы по освоению Нарыма»¹.

Наряду с этим 19 ноября 1935 г. И. И. Долгих подал на имя Р. И. Эйхе «материал для докладной записки в ЦК». В преамбуле также отмечалось значение «спецконтингента» для региона: «Подъем уровня производительных сил Нарыма и проч[их] Северных районов Края связан с резким увеличением количества населения благодаря вселению труд-переселенцев. В результате почти удвоившегося числа населения явилась возможность практического разрешения ряда проблем колонизационного освоения природных богатств этих рай-

онов»². Далее «кулацкий» вопрос вновь фигурировал при оценке состояния «спецконтингента» и «вклада» в освоение территории:

«Выселенные в 1930–1931 г.г. трудпоселенцы на Нарымский Север и др[угие] Северные районы, показав высокую производительность труда, в большей своей части изменили отношение к мероприятиям Советской власти, отказались от вредительской деятельности против колхозов.

К настоящему моменту 82 % т/п хозяйств, ориентированных на сельскохозяйственной деятельности и расселенных в северных районах — объединены в неуставные сельско-хоз[яйственные] и промысловые артели. Из массы работающих т/п — 12.339 человек составляют кадры ударников, показывая образцы трудового энтузиазма, увлекая за собой остальную массу на борьбу за хорошую артель и зажиточного артельщика. В результате во многих артелях в этом году выдача на трудодень составляет 8–12 килограмм»³.

Завершался данный раздел документа достаточно радикальным (учитывая инициатора в лице спецоргана) предложением: «Все это позволяет считать возможным встать на путь широкого восстановления в правах трудпереселенцев, особенно молодежи, разрешить восстановленным в правах гражданства свободное передвижение из района в район в пределах Нарымского округа, а по истечении 5 лет с момента восстановления — разрешить им переезд в любой район СССР»⁴.

Примечательно, что такого рода решение не являлось экспромтом самого И. И. Долгих, поскольку вытекало из ранее высказанного, хотя и в несколько более мягкой форме, предложения комиссии Д. З. Лебеда от 15 августа 1935 г., одоббившей инициативу НКВД о передаче спецартелей и всей инфраструктуры поселений в ведение гражданских структур: «Всеми этими мероприятиями имеется ввиду облегчить для трудпоселенцев переход к нормальной трудовой жизни, в связи с предполагаемым уже в 1936 году в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 27.V–34 г. (С[обрание] Зак[онов] 1934 г. № 33, ст. 257) восстановлением в гражданских правах значительной части бывших кулаков-трудпоселенцев»⁵.

Атмосфера ожидания социальных перемен, возникшая в 1936 г. в связи с «всенародным обсуждением», а затем и принятием «сталинской» Конституции, позволяла предполагать и определенную либерализацию отношения в обществе и во власти к «перекованным» чекистами «бывшим кулакам». Надежды руководства НКВД на скорое освобождение от груза забот по спецартелям не оправдались (в окончательном тексте постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1936 г. «О мероприятиях по организации и хозяйствен-

ному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края» присутствовала формулировка о том, что директивные органы «считают несвоевременной в настоящий момент передачу обслуживания трудпоселенческого населения органам Наркомзема и предлагают сохранить существующий порядок»)⁶. Однако движение в данном направлении продолжалось, а на местах началась черновая работа по сближению спецартелей и колхозов — работая на принципиальное, но отложенное решение о переводе спецартелей на положение уставных сельхозартелей, местные органы власти совместно с чекистами пытались осуществлять их соединение там, где для этого были достаточно весомые условия. Все это укладывалось в процитированное выше предложение комиссии Д. З. Лебеда о проведении мероприятий, чтобы «облегчить для трудпоселенцев переход к нормальной трудовой жизни».

Начальник ОТП УНКВД по Западно-Сибирскому краю И. И. Долгих, естественно, действуя с санкции своего руководства, начал локальный эксперимент по слиянию нескольких спецартелей с колхозами в Пихтовском районе, находившемся на стыке южных и северных районов края. Здесь попавшие в тяжелые экономические условия колхозы смогли существенно укрепиться благодаря вхождению в них спецартелей. Служебным расследованием, проведенным партийными и судебными органами в сентябре — октябре 1937 г., почти годичной давности история слияния двух колхозов с неуставными артелями представлялась как «враждебная колхозно-му строю». В информации, собранной инструктором крайкома Рутбергом и представленной в докладной записке от 2 октября 1937 г., ход событий кратко излагался так:

«ДОЛГИХ был в сентябре 1936 г. в Пихтовке (был командирован по уборочной). Просил созвать узкий актив. На совещании были: секретарь РК т. Сумцев, предрика Голиков, нач. НКВД Евсеев и комендант Беликов. На этом совещании Беликов, приехавший из комендатуры с Долгих говорил о 2-х неуставных колхозах, которые хорошо работают и вносил предложение о слиянии с уставными колхозами как не способными освоить массивы (людей и инвентаря, тягла мало) <...>

В декабре 1936 г. Беликов приехал в Край по вопросу о передаче МТС от ОТП в земельные органы. До этого зашел к секретарю РК т. Сумцеву посоветоваться о слиянии артелей. Сумцев указал, что в уставе с/х артели есть параграф 7 п. б) о том, что кулаки, если в течение 3-х лет добровольно проработали могут быть приняты в артель, предложил посоветоваться в крае. Беликов затем сообщил, что говорил в НКВД в управлении трудпереселенцев с Долгих. На совещании при Крайзу с участием Фомина и Долгих, а от района — Беликов, решение принято 11 декабря 1936 года.

На декабрьский пленум Крайкома т. Сумцев приехал в Новосибирск. Затем был на курсах секретарей РК, без него провели собрание, вынесли решение о слиянии колхозов. Говорил, по его словам, о слиянии колхозов с Колотиловым [зав. с/х отделом крайкома. — С. К.]. Комиссия была выбрана для проведения практических вопросов и закончила работу к 7 января 1937 г. 7 января 1937 г. этот вопрос рассматривался на президиуме РИКа с участием 2-х председателей уставных колхозов “2-я Пятилетка” и “Красный колос” <...> Сам т. Сумцев не выяснял и не проверял настроений колхозников по поводу слияния. 2-й секретарь РК Замятин тоже не был в этих колхозах.

В результате слияния спецпереселенцы получили хорошие жилищные условия: оставили свои поселки и поселились — во “2-ю Пятилетку” из неуставной артели “Трудовик” — 49 семейств, в “Красный колос” из “Сибиряка” — 32 семьи. Расчистили 20 км дороги, которой соединили спецпереселенцев с основным населением района. <...>

После слияния выявились к.-р. настроения в обоих уставных колхозах, которые были слиты.

Несмотря на выступление т. Эйхе на ... пленуме Крайкома о том, что это слияние — на руку классовым врагам, т. Сумцев не выполнил прямой директивы Роберта Индриковича. Мало того, т. Сумцев оправдывает факт слияния в своей докладной записке от 11/IX-37 г.,] пытаюсь доказать по существу Бухаринскую к.-р. установку о вращении кулака в социализм: “Уставные колхозы остались в глубоком прорыве (а Райком ничего не сделал, чтобы их вывести из прорыва) и по существу были бесперспективны в развитии и даже создавалась угроза к их развалу”.

А в колхозе “Красный колос” пред. РИКа Голиков доказывал колхозникам необходимость слияния с неуставными колхозами “для поднятия трудовой дисциплины в уставных колхозах и чтобы сделать колхозы большевистскими”⁷.

Более подробно фактическая сторона событий изложена в записке краевого прокурора В. В. Баркова, направленной в крайком и крайисполком в 20-х числах сентября 1937 г. (датирована по содержанию документа). В ней отмечалось, что вопрос о законности слияния артелей «вскрылся» в процессе плановой проверки работниками прокуратуры постановлений Пихтовского РИК «с точки зрения ответственности их с законами советской власти». В качестве отправной точки действия указывалось совещание в КрайЗУ 11 декабря 1936 г., где помимо основного вопроса о передаче от ОТП в ведение земельных органов трех МТС решался вопрос о целесообразности вхождения двух спецартелей Пихтовского района, находившихся в зоне обслуживания одной из МТС, в соседние колхозы. В. В. Барков сознательно акцентировал внимание на том, что данное решение было «по сути враждебное колхозному строю», поскольку совещание проводилось «под председательством врага народа Фомина [зав. КрайЗУ,

арестованный летом 1937 г. — С. К.] с участием другого врага народа Рейхбаум [зав. планово-финансовым отделом КрайЗУ. — С. К.].» Далее в записке указывалась дальнейшая последовательность событий. 30 декабря 1936 г. в колхоз «2-я пятилетка» выехал с группой районных работников председатель РИК Голиков, «задачей которых, — указывал прокурор, — видимо было уговорить колхозников на слияние с кулаками»: «Голиков мотивировал необходимость слияния тем, что неуставная артель “Трудовик” <...> имеет хороший состав трудоспособных, досрочно выполнивших, надо разуместь, государственные планы, а в колхозе “2-я пятилетка” <...> как раз наоборот имеется много прекрасной земли, но состав людей и тягловая сила слабы», что слияние необходимо «для оздоровления и укрепления колхоза». «Такая точка зрения, — утверждал прокурор, — об укреплении колхозов путем соединения их с кулаками, не наша, а враждебная нам».

31 декабря 1936 г. та же группа посетила колхоз «Красный колос» с целью обсудить с колхозниками вопрос о слиянии со спецартелью «Сибиряк»:

«В колхозе “Красный колос” Голиков необходимость слияния мотивировал тем, что в колхозе надо «...использовать землю и поднять трудовую дисциплину, чтобы сделать колхозы большевистскими», а в неуставной артели, как он говорил, «люди трудолюбивые» и к ним «есть доверие».

Таким образом, и на сей раз Голиков высказывал контрреволюционную мысль, так как кулакам органы советской власти доверия никогда не оказывали[,] и партия никогда не мыслила сделать наши колхозы большевистскими руками кулаков. Вся эта контрреволюционная болтовня об укреплении трудовой дисциплины и большевизации колхозов кулацкими кадрами, видимо была поддержана и другими потерявшими всякую бдительность районными работниками».

В начале января 1937 г. в неуставных артелях были также проведены собрания по данному вопросу: «В кулацкой артели “Трудовик” дело со слиянием было изображено так, что будто-бы по этому вопросу уже состоялось решение Краевого исполнительного комитета и что трудпоселенцы сливаются с колхозниками за заслуги трудпоселенцев». 7 января состоялось то самое решение Пихтовского РИК о слиянии артелей, которое В. В. Барков квалифицировал как контрреволюционное: «Мы считаем, что руководство Пихтовского района, видимо, согласно с врагами народа Фоминым и Рейхбаумом, и тем самым, встав на путь контрреволюционной бухаринской программы мирного врастания кулака в социализм, сделало это в прямую угодку кулацким элементам». Предложение крайпрокурора содержало два пункта:

«1. Немедленно очистить колхозы “Красный колос” и “2-я пятилетка” от кулацкого элемента, водворить кулаков в участковую комендатуру под охрану и контроль коменданта.

2. Расследовать это дело и привлечь виновных в слиянии кулацких артелей с уставными колхозами к судебной ответственности»⁸.

Очевидно, что обвинительный уклон записки В. В. Баркова диктовался конъюнктурой начавшегося «Большого Террора». Тем более значимой в контексте происходивших событий являлись аргументация и тональность объяснительной записки, подготовленной секретарем Пихтовского РК ВКП(б) Сумцевым и направленной в крайком партии 11 сентября 1937 г. В ней Сумцев, осознавая нависшую над ним опасность репрессии, излагал обстоятельства слияния артелей и свою роль в этом, исходя из экономической целесообразности, т. е. стремился придать событиям почти годовой давности политически нейтральный, по сути, «технический» характер. В изложении Сумцева (впрочем, также не избежавшего соблазна политизировать обстановку, доказывая, что ему досталось сельское хозяйство района в виде колхозов на грани развала) иного выхода, кроме как слияние артелей, попросту не существовало:

«Колхозы “2-я пятилетка” и “Красный колос” Атузинского сельсовета еще до создания Пихтовского района были доведены до грани развала кулацкими и враждебными элементами и к моменту организации района в обоих колхозах было очень мало трудоспособных колхозников, совершенно была подорвана конская тяговая сила. По-существу, некому и не на чем было работать. Лето 1936 г. нам с большими трудностями пришлось в этих колхозах проводить весенне-посевную кампанию и в обоих колхозах из-за недостатка тягла, семян и рабочих рук, был недосев. Сеноуборку и хлебоуборку проводили еще с большими трудностями, с работой эти колхозы не справлялись, оба колхоза не выполнили плана сеноуборки, хлебоуборку затянули до поздней осени, план хлебосдачи и возврат ссуды не выполнили вследствие того, что убрать хлеб и отгрузить зерно не хватало людей и тягла. При наличии недосева и медленной уборки, сопровождавшейся потерями, хлеба на сдачу не хватило. Одновременно оба колхоза имели животноводческие фермы, которые обслуживать также было некому.

Со стороны райорганизаций принимался ряд мер по оказанию помощи этим колхозам рабочей силой и тяглом других колхозов (МТС у нас не было и эти колхозы не обслуживались). Однако при всем этом колхозы остались в глубоком прорыве и по-существу были бесперспективны к развитию и даже создавалась угроза их развалу.

После завершения летне-осенних кампаний колхозники неоднократно высказывали предложение о том, чтобы влить в их колхозы другие какие-либо колхозы, чтобы увеличить число рабочих рук и конское тяг-

ло <...> В комендатуре нашего района имелось две артели “Трудовик” и “Сибиряк”, в которых было много рабочих рук, было тягло, но они находились в такой местности, где совершенно не было условий вести хозяйство, эти артели работали хорошо, являлись передовыми по выполнению всех кампаний и многие из трудпереселенцев (кулаков) были досрочно восстановлены в правах».

Завершалась записка Сумцева не раскаянием, а фактическим утверждением правильности принятого тогда решения: «Эти колхозы сейчас значительно укреплены рабочей силой, тяглом. Обслуживаются МТС, которая в прошлом обслуживала неуставные артели, и была в ведении комендатуры. Сейчас МТС передана в ведение земельных органов»⁹.

Рассматривая обстоятельства «Пихтовского дела» (а именно так оно именовалось в переписке крайкома), нельзя не увидеть, что в нем воплотились, по сути, разнонаправленные тенденции, существовавшие в социально-экономической и политической обстановке кануна и периода «Большого Террора». Слияние артелей как типично организационно-производственная процедура начиналось и происходило в условиях ожидания социальных перемен, порожденных «конституционными иллюзиями» конца 1936 г. Ситуация в Пихтовском районе соотносилась с двумя комплексами решений, вытекавших из обсуждения будущего спецартелей: поэтапная передача производственной деятельности и социально-культурной инфраструктуры поселений в ведение гражданских органов и массовое восстановление в гражданских правах значительной части трудпоселенцев летом — осенью 1936 г. Инициатива слияния исходила от руководства комендатур, считавшего необходимым взаимоувязывать передачу техники (МТС) и «рабсилы» (спецартели). Пихтовское районное руководство в свою очередь исходило из экономической целесообразности слияния артелей: тем самым осуществлялось бы столь желаемое укрепление потенциала слабых колхозов. Из обзора документов, сделанных инструктором крайкома Рутбергом, следует, что секретарь райкома Сумцев, санкционируя слияние артелей на своем функциональном уровне, действовал в том правовом пространстве, которое позволял «Примерный устав сельскохозяйственной артели», утвержденный высшими партийно-государственными органами 17 февраля 1935 г. В разделе «О членстве» наряду с п. 7 («В артель не принимаются кулаки и все лица, лишенные избирательных прав») имелось весьма либеральное примечание:

«Изъятие из этого правила допускаются:

а) для детей лишенцев, которые в течение ряда лет занимаются общественно полезным трудом и добросовестно работают;

б) для тех бывших кулаков и членов их семейств, которые, будучи высланы за противосоветские и противоколхозные выступления, в местах новых поселений в течение трех лет своей честной работой и поддержкой мероприятий Советской власти показали, что они исправились»¹⁰.

«Пихтовское дело» не стало бы таковым, не изменись радикально обстановка в стране. Экономическая целесообразность, которой руководствовались обе стороны «бюрократического торга», оказалась принесенной в жертву политической конъюнктуре. Позже в расчет принималась уже не производственная рациональность (колхозы в их новом составе, по оценкам Сумцева, справлялись с планами), а «поиски и происки врагов народа».

В документах «дела» отложились протоколы заседаний колхозов и спецартелей, позволяющие в известной мере реконструировать социальные настроения низовой номенклатуры и колхозников в отношении трудпоселенцев. 30 декабря 1936 г. на общем собрании колхозников «2-й пятилетки» присутствовали 27 из 34 трудоспособных членов артели, выступили 9 чел., и все высказались в пользу слияния артелей. При этом никакой спешки в данном вопросе не предполагалось, учреждались комиссия «для точного выяснения имущества и ценностей» спецартели, а также «бригады в обеих артелях для ознакомления хозяйством той и другой». Примечательно, что обсуждался механизм погашения задолженности спецартели «Трудовик» государству (практически все артели, как уставные, так и неуставные, имели ссудные задолженности; в данном случае «Трудовик» при оценке своего имущества в 43 тыс. руб. был обременен задолженностью в 54 тыс. руб.). Обсуждение этих и других деталей слияния свидетельствовало о весьма конструктивном восприятии предстоявшего слияния рядовыми колхозниками¹¹.

Через несколько дней состоялось общее собрание трудпоселенцев артели «Трудовик» с участием 62 членов артели и председателя колхоза «2-я пятилетка» Балабы. Открывая собрание, уполномоченный спецартели Коссихин отметил добровольность предстоявшего слияния и наличие на это санкции районных и краевых органов. Балаба сделал акцент на то, что трудпоселенцы вместо разработки «болот и кочек» получают возможность трудиться на «хороших массивах разработанных земель», «и если взяться за работу по[-]деловому, то действительно страстей никаких не будет». Трудпоселенцев интересовали в большей степени проблемы бытового устройства на новом месте (отремонтированные дома, устройство детей в новые школы, снабжение продуктами питания на время переезда и др.). Вопросы и ответы на них функционеров (районного агронома Амелина и упомянутого

выше Балабы) свидетельствовали о том, что последние оказались в достаточно сложном положении, когда вынужденно касались перспектив изменения статуса поселенцев. Амелин делал упор на то, что «вас не бросают лицом в грязь, а все же желают для Вас лучшего. Партия и правительство стараются сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, поэтому стараются и переселить Вас на хорошие массивы как Вы заслуживаете этого», хотя тотчас добавил: «вы товарищи восстановлены без права выезда и Вы можете двигаться только по Пихтовскому району». Впрочем, Балаба поспешил несколько сгладить возникшее напряжение: «Нельзя сказать[,] что не будет выезда, он будет, но все же Север осваивать нужно и сделать так же как на Юге, и задаваться таким вопросом, где хочу, там и живу и работаю[,] пока еще этого нет <...>»¹².

Весьма примечательным оказался ход общего собрания колхозников артели «Красный колос» 31 декабря 1936 г. с участием группы районных работников во главе с Голиковым. Собрание отличалось высокой явкой (43 из 49 трудоспособных колхозников). Говоря о необходимости слияния колхоза со спецартелью «Сибиряк», Голиков подчеркивал, что оно является «вполне целесообразным» и укрепит колхоз «организационно и экономически»: «Колхоз “Красный колос” имеет большой участок земли, а рабочей силы мало, у артели “Сибиряк” плохой участок земли, а потому вам нужно слиться, чтобы использовать полностью землю и поднять трудовую дисциплину, чтобы сделать колхоз большевистским. “Сибиряк” состоит из 35 дворов, лошадей 19 штук, коров 20 штук, трудоспособных 80 чел., люди трудолюбивые тоже[,] есть все доверие вам слиться».

Уполномоченный спецартели Зайцев подтвердил, что трудпоселенцы единогласно готовы перейти в колхоз, добавив: «Люди квалифицировались, все у нас есть и имеется дегте-курный завод, люди вечерами работают в мастерских». Некоторым диссонансом общему тону собрания прозвучало выступление начальника Пихтовского райотдела НКВД Евсеева, который предостерег трудпоселенцев от намерения использовать слияние с колхозом для выезда из комендатуры: «Нужно взяться работать как один, если будут у кого такие настроения [их] нужно разбить. Имеются разговоры, что имеется новая Сталинская Конституция, что люди свободны[,] можно бежать куда попало <...>». Выступавшие рядовые колхозники воспользовались присутствием районного начальства, высказывали свои обиды и претензии состоянием колхозной действительности («рабочих людей мало, колхозники не имеют дня отдыха», «летом были потравы хлеба, на сегодняшний день имеется хлеб не молоченный» и др.). Из ска-

занного вытекало, что колхоз действительно находился в кризисном состоянии, и приток в него трудового потенциала из успешно хозяйствовавшей спецартели всем сторонам тогда виделся очевидным выигрышем в районном масштабе¹³.

Зимой 1937 г. трудпоселенцы проложили через тайгу 20-километровую просеку, соединившую поселки Колыванской комендатуры с основным населением Пихтовского района. В течение весны Пихтовский райЗО провел необходимые землеустроительные работы, связанные со слиянием артелей. Однако последующие события «Большого Террора» свели на нет все предпринятые усилия по интегрированию спецартелей в колхозную систему в отдельно взятом Пихтовском районе, а осенью 1937 г. трудпоселенцы были водворены в ранее оставленные трудпоселки.

Между тем «Пихтовское дело» высветило весьма важный аспект сталинской действительности, который в 1937 г. оказался «благоразумно забытым»: почему в пределах одного административного района спецартели, объективно имевшие худшие условия для хозяйственной деятельности, сумели организовать последнюю достаточно рационально (в т. ч. наладить, помимо земледелия и животноводства, кустарные промыслы) в сравнении с колхозами, обладавшими достаточными ресурсами, но переживавшими очевидный глубокий кризис. Время для сравнительного анализа двух систем хозяйствования — колхозной и комендатурной — наступило на рубеже 1937–1938 г., когда в решающую стадию вступила процедура передачи хозяйственной деятельности и инфраструктуры трудпоселений от ОТП УНКВД по Новосибирской области в ведение гражданских органов на территории Нарымского округа. При этом выявилось, что по ряду основных показателей (количеству и профилю артелей, числу хозяйств в них, соотношения коллективизированных и единоличных хозяйств) правовое население округа и «бывшие кулаки» занимали приблизительно равное положение в экономике данного субрегиона. Так, по данным на 1 января 1938 г. среди 794 сельхозартелей и промартелей округа было 448 уставных артелей (372 сельхозартели и 76 промысловых объединений), 346 спецартелей (296 сельскохозяйственных и 50 промысловых неуставных). В уставных артелях насчитывалось 15 290, а в спецартелях — 13 809 хозяйств. Вместе с тем статистика выявила примечательное соотношение: из 7,6 тыс. единоличных хозяйств в деревне, сохранившихся на тот момент в округе, на долю трудпоселенцев приходилось 2 879 таких хозяйств, т. е. значительно меньше, чем среди правового населения. Следовательно, уровень кооперирования трудоспособного населения в комендату-

рах был выше соответствующего показателя среди коренных жителей Нарыма¹⁴.

Сохранившиеся в делопроизводстве краевых/областных органов списки артелей Нарымского округа на начало 1938 г. с указанием количества дворов, трудоспособных членов и рабочих лошадей дают возможность выявить определенные сходства и отличия в базовых параметрах колхозов и спецартелей того периода времени. Обращает на себя внимание символика, заложенная в названия артелей. Колхозы получали названия, главным образом связанные с революционной и советской символикой или с именами партийно-государственных деятелей примерно в равных пропорциях. Особое место занимали имена большевиков, входивших в первый ряд лидеров — вождей. В частности, в Колпашевском районе имелись колхозы имени Сталина, Кирова, Свердлова, Молотова, нередко хозяйства назывались именами героев Гражданской войны (Буденного, Ворошилова, Чапаева, Блюхера и др.). Один из колхозов носил недолго даже имя Ежова. Весьма стереотипным являлось использование прилагательного «красный»: «Красный Север», «Красный Октябрь», «Красный таежник» и т. д. В противовес этому ни одна из спецартелей не носила напрямую имя большевистских лидеров, здесь встречались изредка имена героев «второго ряда», да и то в трансформированном виде («Стахановка»), хотя один из поселков (но не артель!) в Васюганской комендатуре назывался «Сталинка». Немалая часть спецартелей именовалась так же, как и спецпоселки — по природно-климатическим особенностям («Проточная», «Белоярская», «Луговская», «Клюквинская», «Ягодная» и др.). Ряд названий спецартелей отражал территориальную или этническую связь с местом проживания до высылки: «Ангара», «Забайкалец», «Северная Украина», «Украина». Немалая часть спецартелей получала названия, в которых отражалась символика «перековки» или указывалась цель движения: «Освоим Север», «Новый путь», «Путь Ильича», «Новая жизнь», «Рассвет», «Новострой», «Ударник», «Новый труд», «Восход», «Расцвет Нарыма», «Труженик тайги», «Победитель Севера», «Верный путь», «Правильный путь», «Ударный труд», «Вперед», «Честный труженик», «Победа тайги» и др. Другие артели незатейливо именовались в честь праздничных дней («1-е Мая», «8-е Марта», «7-е Ноября», «16 лет Октября», «17-я годовщина Октября», «18-я годовщина Октября» и др.). Столь же просто назывались рыболовецкие артели: «Ерш», «Щука», «Красный осетр». Несколько особняком стояли такие названия артелей, как «Веселый труд», «Муравейник», «Пчелка», «Свой труд», «Клюквинская победа», «Боевик», «Культура Севера» (располага-

лась в пос. Калининск). При этом максимальные размеры колхозов и спецартелей имели далеко не сравнимые характеристики. В частности, в Колпашевском районе насчитывалось четыре крупных колхоза с числом 100 трудоспособных и более (макс. 132 чел.). В этом же районе имелось восемь спецартелей с числом более 100 трудоспособных членов, в т. ч. две артели (278 и 220 чел. соответственно). Аналогичная ситуация наблюдалась и в соседних Парабельском и Каргасокском районах, где доля крупных спецартелей вдвое превосходила долю крупных колхозов. В то же время обеспеченность крупных и средних колхозов рабочими лошадьми оказывалась выше, чем в спецартелях. Так, в колхозах количество дворов и поголовья лошадей были приблизительно равны, а в некоторых случаях лошадей было вдвое больше, чем дворов в колхозе. Для спецартелей, напротив, типичной оказывалась ситуация, когда дворов в артели было вдвое больше, чем рабочих лошадей¹⁵. В целом же на почти 18 тыс. хозяйств трудпоселенцев Нарымского округа в конце 1937 г. приходилось около 12 тыс. лошадей (в т. ч. 8,1 тыс. рабочих), 13,9 тыс. коров¹⁶.

3.6. Спецпоселки глазами партийной номенклатуры (1938 г.)

1937–1938 гг., вошедшие в отечественную коллективную память как годы «Большого Террора», для комендатурного производственного комплекса и составлявших его трудовой потенциал репрессированных крестьян стали весьма сложным периодом реформирования. Реформирования назревшего и осознанного «наверху» как движения в сторону поэтапного интегрирования режимной экономики в плановую и централизованную «социалистическую» экономику с переходом на общие организационно-хозяйственные принципы, с сохранением на неопределенное время режимных установлений (комендатурного учета и контроля над населением спецпоселков). Как уже отмечалось выше, экономические условия не служили препятствием для предполагаемой интеграции. Препятствием выступали внеэкономические установки и стереотипы, среди которых центральное место занимали политические воззрения: на спецпереселенцев смотрели как на потенциальную «пятую колонну» в случае экстремальных ситуаций. И если 1936-й год стал для ссыльных крестьян периодом массовых восстановлений в гражданских правах и надежд на изменение дискриминационного социального статуса, то 1937-й был отмечен диаметрально противоположной тенденцией — усилением государственного террора, одним из целевых объектов которого оказывалось взрослое население спец(труд)поселков.

В частности, одним из первых подготовленных руководством НКВД шагов для проведения массовых операций 1937 г. стало обоснование санкций на аресты «участников» «кадетско-монархической и эсеровской организации», якобы вскрытой на территории Западной Сибири. 17 июня 1937 г. начальник УНКВД по Запсибкраю С. Н. Миронов направил в адрес руководства НКВД СССР и краевого партийного руководства справку, в которой давал «сведения» об этой «организации»:

«Базой для формирования повстанческих кадров <...> являлись кулаки — спецпереселенцы, размещенные в Нарымском округе и городах Кузбасса. Командные кадры для руководства повстанческими формированиями вербовались из числа белого офицерства.

Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208.400 чел. высланного кулачества и находится в административной ссылке 5.350 чел. бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей, станет ясным[,] на какой широкой базе была построена повстанческая работа»¹.

Данная информация послужила основой для принятия Политбюро ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 г. постановления «О вскрытой в Западной Сибири контрреволюционной повстанческой организации среди высланных кулаков», санкционировавшего создание региональной «тройки» для проведения массовых арестов². Аресты в спецпоселках начались еще при Р. И. Эйхе, входившем в состав «тройки», и продолжились при сменившем его на посту секретаря теперь уже вновь созданной Новосибирской области И. И. Алексеева. Он проявил себя ярким проводником репрессивной политики Центра, для которого наличие в регионе системы лагерей и поселений продолжало служить обоснованием проведения особо жестких репрессивных действий. Массовые аресты распространились затем на все слои и группы номенклатуры, в т. ч. чекистские, что стало основанием для «выявления вредительства и ликвидации его последствий» в самых разных областях экономики, включая аграрный сектор. Поскольку ранее, 17 января 1936 г., по инициативе регионального руководства было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края», в успешной реализации которого значительная роль отводилась помимо колхозов «трудпоселенческому сектору» (предстояло к 1940 г. удвоить посевные площади под сельскохозяйственные культуры), новый лидер должен был нести ответственность за выполнение этой директивы. Летом 1938 г. истекла половина отведенного постановлением срока

для «аграрного рывка» Нарымского округа, что и послужило причиной инспекционной поездки И. И. Алексеева в северные районы. В ходе поездки секретарь обкома, так же, как и ранее М. Е. Портнянский, был удивлен уровнем хозяйственной деятельности ряда спецартелей, но сделал из этого совершенно другие выводы, фактически дав санкцию на максимальное усиление государственного давления на эти артели. Ниже с некоторыми сокращениями приведено обсуждение данного вопроса в узком номенклатурном совещании:

**Из стенограммы совещания секретаря
Новосибирского обкома ВКП(б) И. И. Алексеева
с партийно-советскими работниками о хозяйственном состоянии
артелей Нарымского округа***

23 июля 1938 г.

Тов. АЛЕКСЕЕВ**^a — [...] хотелось бы заслушать мнение товарищей по поводу неуставных артелей. Тов. Новиков поднял несколько вопросов, что у нас очень тяжелое положение в связи с внесением поправок в отношении руководства этими неуставными артелями, в связи с сокращением штата, что там дела хозяйственные очень пошатнулись и кое где имеются факты выхода из этих неуставных артелей, тяга в уставные артели, никто этим делом как следует не занимается.

Я был в другой артели, я хочу свое впечатление сказать о другой артели. Мы были в неуставной артели, где насчитывается большое количество хозяйств, примерно около 100 хозяйств. Эта неуставная артель имеет неплохое хозяйство, в частности молочно-товарную ферму, имеющую около 240 голов рогатого скота, кроме того эта артель имеет свиноферму, овцеферму и конеферму, тоже с хорошими лошадьми, эта артель имеет прекрасную мельницу, хорошо оборудованную, эта артель имеет прекрасную зерносушилку, прекрасные выстроенные амбары, хорошую маслобойку, эта артель имеет прекрасную выстроенную школу, клуб, ясли и т. д. На трудодень они в прошло году получили 5,5 или 6,5 килограмм хлеба, 1 руб. 01 коп. деньгами, 6 грамм шерсти, меду и мяса энное количество. Окружающие уставные артели, вот в частности «15 лет октября», они получили 3 килограмма на трудодень и больше ничего. Эти уставные артели находятся в полной зависимости от неуставных артелей и благодаря того, что там имеется мельница, маслобойка, молотилки. Кроме того там имеется Чежемтовская МТС, это наша МТС, она обслуживает неуставные артели и уставные артели, но в первую очередь и преимущественно она обслуживает неуставные артели. Почему? Потому, что неуставные

---

* Опущены данные о простейших кооперативных объединениях коренного населения округа.

**^a *Здесь и далее подчеркнуто в документе.*

артели самый исправный плательщик и очень во многом наши МТС зависят от неуставных артелей. Вот им надо было касторового масла, где?*^б в неуставной артели. У них неплохая кузнечная мастерская, а что касается расчетов, то там сейчас же. У меня складывается впечатление, хорошо, что [есть] такие артели, но нам надо сделать все для того, чтобы государство больше извлекало из этих артелей пользу. Помимо этих ферм в неуставной артели, они имеют каждый корову, теленка, поросят, овец, живут не плохо. Но тут складывается впечатление, что**^внекоторые члены колхоза^г идут из уставной артели в неуставную артель, тут уже дело политики, тут имеется извращение. Первое, что МТС допускают преимущество в обслуживании неуставных артелей за счет ухудшения обслуживания наших уставных артелей.

Я искал недостатков в этих неуставных артелях, трудно очень найти, у них и организация и выход на работу прекрасный, а наши уставные артели, конечно этому способствовали вредители, чтобы наши уставные артели влачили свое жалкое существование.

Возник вопрос, ни за счет ли государства эти неуставные артели имеют такое преимущество, да на все эти постройки им отпускались средства по линии наших политических органов, но на вопрос сколько вы должны государству? Они заявили, что в прошлом году уплатили 70 с лишним тысяч рублей, осталось 9 тысяч, уплотим и мы в расчете с государством. Значит и маслобойка и мельница, все это принадлежит артели. Действительно ли они рас[с]читались с тем, что вложено с начала? На этот вопрос ответа получить нам не удалось на месте и наше отношение и руководство конечно было неправильное. Если бы мы пошли на ущемление этих артелей, в наших интересах сделать все для того, чтобы больше получить государству хлеба из этих артелей, но все вы понимаете, что эти артели находятся в преимущественном положении, правильно ли это с точки зрения политической? Об этом надо здесь сказать. К нашему сожалению с этой обстановкой смирились, что эта рядом уставная артель «15 лет октября», где есть парторг Обкома партии, так у него такое настроение, что никакой Америки нет, что неуставная артель живет и получает в два раза больше чем уставная артель, это у него не вызывает тревоги.

В связи с этим я ставлю другой вопрос, вредители в нашей области сорвали постановление ЦК партии об освоении Севера. Мы должны были в 1940 году раскор[ч]евать 400 тысяч гектар за счет Севера, мы же раскор[ч]евали 55 тысяч гектар. Я этот вопрос ставлю в связи с тем, что надо посмотреть нет ли такого положения, что и план раскорчевки шел ни за счет неуставных артелей, ни за счет при[о]бщения некоторых, так называемых промысловых артелей, ни за счет втягивания их в сельское хозяйство, а за счет главным образом раскорчевки колхозов, тогда станет ясным почему в тяжелом положении оказались наши колхозы, тогда станет по-

---

*^б Так в документе.

**^{в-г} Вписано в документ от руки над строкой взамен напечатанного наши уставные артели.

нятым, что это явное извращение, как в этом деле шло на[п]равление, но факт остается фактом, что нам надо сейчас решить вопрос, что мы можем сделать в 1939 году и поставить в открытую перед Центральным Комитетом партии, что это постановление не будет выполнено в таком[-]то проценте, а может быть мы посмотрим и нужно будет поставить вопрос об отпуске дополнительных корчевальных машин и может быть мы сможем в 1939 году этот вопрос выполнить. Вот цель нашего совещания.

Тов. СИНИЦИН: [...] в каком положении находятся неуставные артели. В Нарыме там не только стирали грань между уставной и неуставной артелью, а даже ставили неуставные артели в преимущественное положение. Взять такой факт, как наличие средства производства. Если в уставной артели в среднем на колхоз средства производства составляют 20 тыс., то в неуставной 32 тыс.

Теперь если взять такой вопрос, как задолженность по ссудам. Неуставные артели должны государству 11 миллионов рублей, а уставные меньше миллиона должны. Все это говорит о том, что неуставные артели ставились в преимущественное положение, это ослабляло трудовую дисциплину в уставных артелях. Имелись факты, когда в ряде уставных артелей имелись выходы. Вот в Александровском районе была попытка перейти в артель неуставную.

Если взять вопрос, как выдача на трудодень. То положение, в котором были неуставные артели[,] приводило к тому, что по ряду районов в неуставных артелях выдавали на трудодень больше[,] чем в уставных артелях. Вот[,] например[,] в Кривошеинском районе, там в неуставных артелях на трудодень получили по 2,6*^д килограмма, а в уставных 1,8**^е килограмма. Такое же положение имеется по Парабельскому и Чаинскому районам. Для того, чтобы разрешить задачи, которые поставлены Центральным комитетом по Северным районам и в частности по Нарыму, надо быстрее ликвидировать эти последствия вражеской работы.

[...]

Тов. НОВИКОВ — Основной вопрос, который поставил здесь Иван Иванович, это вопрос о том, как выполнялось решение ЦК и СНК об освоении Севера и не только с 1936 года, тов. Синицин начал с 1936 года. Вопрос здесь основной и главный, о том каким образом <использовалось?> кулачество, высланное в Западную Сибирь на освоение Севера. Что собственно имелось ввиду, имелось ввиду это выселение кулачества направить в Северные районы для освоения сель[с]кого хозяйства. В 1936 году уже определялось количество земли, подлежащей раскорчевке, освоению засева пшеницы и прочее. Надо прямо сказать, что это не выполнялось, не выполнялось и вот почему. Немалая часть спецпереселенцев была снята с Нарыма Крайкомом партии и брошена в районы Кузбасса. Вот сейчас этот вопрос требуется обсудить, чем это вызывалось. Вызывалось ли это тем, что наши города Кузбасса, жемчужины Западной Сиби-

---

*^д Исправлено от руки взамен напечатанного 6,2.

**^е Исправлено от руки взамен напечатанного 1,9.

ри нуждались в кулачестве, очевидно нет. События последнего времени показывают, что если они там занимались, то занимались повстанческой организацией. Это очень правильно и надо сказать, около половины этого контингента были переброшены по постановлению Крайкома в города Кузбасса. Значит[,] о выполнении постановления ЦК и СНК очень мало думали и поэтому это важнейшее постановление ЦК партии и СНК осталось невыполненным.

Конечно но без участия вражеского руководства и Крайкома и Крайисполкома мы имеем такое положение, когда спецпереселенческий контингент оказался несравненно в лучшем положении, чем колхозы Нарыма. Почему эта задолженность? Разве ее нельзя взыскать, или у нас эти артели уставные маломощные, ничего подобного не взыскана потому, что этим делом не занимаются. Поэтому мне кажется совершенно правильно поставлен вопрос Иван Ивановичем — поставить этот вопрос перед Центральным комитетом партии, для того, чтобы водворить спецпереселенцев на свое место, т. е. там[,] где они должны быть.

Следующий вопрос, это вопрос о руководстве. Тогда когда это дело было сосредоточено в Отделе трудовых поселений НКВД, этим вопросом занимались и сельским хозяйством и промысловыми артелями. Были в этом управлении соответствующие отделы и Культпросветотдел работой занимался. Сейчас ОблЗО этим делом не занимается. Политическое руководство по сравнению с прошлым исключительно ослабло.

О зажиточности этих, так называемых членов неуставных артелей. Мы имеем данные по другой линии, что они имеют не мало денег и по линии сберегательных касс. Товарищи из отдела трудовых поселений обращаются ко мне и мы говорили, как сейчас готовятся к уборочной? Никак не готовятся. Райземотделы считают, что там есть коменданты. Таким образом ОблЗО и земельные органы на местах этими вопросами не занимаются.

Вот такой вопрос, как массово-политическая работа. В свое время до передачи, массово-политическая работа проводилась Отделом трудовых поселений, сейчас эта работа совершенно никем не ведется. Это же мы имеем, между прочим и по промышленным комендатурам. Там профсоюзы этим делом не занимаются. Остался один комендант, на которого к тому же приказом НКВД возложены иные задачи. Комендатура этим делом не занимается.

На школы по линии народного образования были израсходованы громаднейшие средства и школы в комендатурах Нарыма, они несравненно лучше[,] чем все другие школы Отдела народного образования. Но что сейчас получается? Сейчас ряд школ не готовы к учебному сезону, они требуют ремонта, ОблОНО палец о палец не ударяет по этому поводу.

О промкооперации, я помню, когда передавали в конце года, так Промкооперация показала свое лицо, т. е. получить побольше, взять с отдела трудовых поселений все, что можно, а как только приняли, так дело пошло на убыль. В частности такой пример, пихтовое масло, надо сказать, что пихтовое масло имеет оборонное значение. Когда руководство про-

мартелей находилось в Отделе трудовых пос[е]лений, эта выработка пихтового масла поднималась, а Лесхимпромсоюз этим делом не занимается. Мы имели массу случаев невыплаты зарплаты трудпоселенцам, задержка готовой продукции на местах и т. д. Лесхимпромсоюз надо призвать к порядку по советской линии.

Все эти факты свидетельствуют о том, что и Облисполком этим делом до сих пор не занялся вплотную. Мне известно и мы последнее время двойной тягой начали нажимать на отделы Облисполкома для того, чтобы Облисполком занимался этим вопросом.

И последнее, вражескую работу надо самым решительным образом ликвидировать, начиная с того, чтобы выполнить во что бы то ни стало постановление ЦК и СНК о раскорчевке. Для этого надо решить вопрос о выдворении спецпереселенцев с промышленных районов и организовать руководство этими неуставными артелями, так как оно осуществлялось в то время, когда они находились в Отделе трудовых поселений.

Тов. ИВАНОВ — Вопрос в отношении, как распределялось и шло выполнение плана раскор[ч]евки между артелями уставными и неуставными. Земорганы раскорчевку стали планировать с 1938 года, так что сравнительные данные, как распределялся план раскорчевки и как он выполнялся сейчас трудно сказать. Но если брать 1938 год, что уставным артелям давали больший план, чем неуставным — этого не было. Если посмотреть, как шла раскорчевка ряд лет в Нарыме, надо сказать, что раскорчевкой занимались южные районы, что техническая база сосредоточена в этих районах и планирование главным образом было напр[а]влено в эти районы и в результате этого мы имеем такое положение по Нарыму, что если южные районы достаточно насыщены посевными площадями, то продвижение посевов в Нарым замедлялось. Сейчас задача заключается в том, чтобы эту раскорчевку продвигать в северные районы. Для этого нужно, чтобы МТС продвигать в такие районы, как Колпашевский, Парабельский, Каргасокский. Такая возможность имеется. Надо создать техническую базу для этого. Нам надо идти со своих земель в северные районы.

[...]

Теперь в отношении руководства неуставными артелями. Неуставные артели располагаются в известной отдаленности от районных центров. Там были комендатуры, там были штаты, когда передали и передали тоже неправильно, когда передавали неуставные артели ставили задачу, что мы вам передаем сельскохозяйственную деятельность — это агрономы, зоотехники. Вот лошадь была закреплена за агрономом, так агронома передали, а лошадь не передали. Материальной базы не осталось. И в результате того, что райзо приняли такую деятельность, те агрономы, которые были, они их посадили к себе в райЗО, а на участках у них ничего не осталось. Необходимо ставить вопрос о том, чтобы нам определенные участки создавать[...]

Тов. МЕНЬЩИКОВ — Нас, как банковских работников, когда мы приняли ссуду от комендатуры, нас интересовало прежде всего, что пред-

ставляли из себя эти неуставные артели. Но имея директивы центра что комендатура передает обязательства и устанавливает срок, таким образом 1-го июля — первый срок на 8 миллионов и на 4 миллиона 1-го декабря и в 1939 году все остальные 7 миллионов. Таким образом перед нами стал вопрос о платежеспособности этих неуставных артелей. Принимая задолженность в сумме 13,5 миллионов рублей государственных средств, ясно, что стал вопрос о платежеспособности этих артелей. От Отдела трудовых поселений мы этих материалов не получили. Мы не знали, что представляет из себя Нарым, что представляют из себя неуставные артели. Когда мы получили такие материалы, мы сразу послали людей в Нарым, которые сейчас нам дали абсолютный материал об экономике этих артелей и мы имеем такое положение, что многие артели с нами в нынешнем году не рас[с]читываются. Есть такие артели, которые против своей доходности получили ссуду в ОТП на 150–300 % больше чем они имеют доходности.

Выступивший товарищ с обвинением, что банк не занимается сбором ссуд, это я отрицаю. Когда мы вас просили, помогите нам. Мы специально выехали в Нарым, побывали в колхозах и сейчас мы имеем картину, что из себя представляет каждая артель.

Меня интересует вот такое положение, что делать с теми артелями, которые в нынешнем году не смогут с нами рас[с]читаться. Этот вопрос мы поставили и перед своим управлением банками, ответа пока мы еще не получили. В Окружке поставили вопрос о том, чтобы исполнительный комитет оказал нам помощь, где было вынесено решение исполнительного комитета и записано, что в каждую артель создать комиссию, проверить еще раз каждую артель и еще помочь изыскать им доходность и таким образом приступить к взысканию.

Когда получили постановление партии и правительства от 19 апреля, здесь тоже получилось шарашанье райЗО. Стали планировать артелям неделимые фонды и в приходо-расходных сметах оказалось отчисление 10 % и сразу поставили вопрос, чтобы артели узаконить и мы вам больше платить 10 % не будем. Мы это решение опротестовали и с нами в Нарыме согласились, отменили это планирование и вынесли совершенно другое решение — изыскать все возможности в этих неуставных артелях для погашения ссуд. Вот то, что можно было сделать с нашей стороны. Отсюда мы ставим перед руководством ОблЗО, как дальше ОблЗО будет руководить этими неуставными артелями в сельском хозяйстве, направление этих неуставных артелей, чтобы в дальнейшем получить с них все остальные платежи, которые дало им государство (там по Сельхозотделу задолженность 42 миллиона рублей, по подоходному налогу 8 млн, по страхованию 11 млн[ ]). Сейчас то, что они должны государству, то, что не взыскивается с них, это есть прямое льготирование.

Мы вынесли решение, чтобы создать комиссию из райЗО, райФО, из Сельхозбанка и выяснить платежеспособность этих колхозов всем организациям.

Меня интересует такой вопрос, мы столкнулись в Нарыме с таким фактом по уставным артелям, что направление кредитов, которые отпус-

кает государство[,] шло неправильно, что выдавая кредиты этим уставным артелям, никто их не проверял, а отсюда мы установили, как факт, что в большинстве колхозов использование ссуд шло не по прямому назначению. В неуставных артелях, там шло по линии ОТП, там шло на обзаведение хозяйством, на строительство. Вот эти ссуды выдавались, мы имеем полную расшифровку, сколько и какому контингенту было выдано. По капиталовложениям у них большая часть была направлена и процентов около 10 на ..... *у мероприятия и обувь.

Сейчас по[.]моему задача состоит в том, чтобы укреплять наши сельскохозяйственные артели, которые имеются там с таким расчетом, чтобы в нынешнем году, те кредиты которые выдаются, а кредиты нынче в Нарым направлены в большей сумме, чтобы эти кредиты были использованы по прямому назначению. На освоение крайнего Севера отпущено 300 тысяч рублей, по животноводству около 280 тысяч рублей.

(ВОПРОС: Скажите, кто может сказать действительную задолженность государству, с чего она складывается, с какого периода по неуставным артелям?)

По неуставным артелям государственная задолженность складывается с начала их поселения — с 1930 года.

(ВОПРОС: Учет всех абсолютных ссуд?)

Сейчас 13,5 миллионов рублей всех абсолютных ссуд и по линии Сельхозбанка и по линии ОТП.

Тов. ПРУТОВЫХ — [...] Следующий вопрос об организационно-хозяйственном укреплении неуставных артелей. Здесь тов. Иванов останавливался на ряде мероприятий, я хочу внести ряд добавлений. Вопрос о проведении воспитательной работы с членами неуставных артелей. Уполномоченные выделенные такие, которые ведут формальную работу, ведут не нашу работу, а там есть молодежь 18–16 лет и с этой молодежью ни[ка]кой работы не проводится. Уполномоченные должны назначаться в советском порядке, уполномоченные должны подбираться и утверждаться райисполкомами.

Вопрос о разукрупнении района, об административном центре должен быть сейчас поставлен и в связи с усилением аппарата. В данном случае нужно Колпашевский район разделить[ь] на два района, Парабельский разделить на два района.

Еще один вопрос в связи с организацией МТС, обслуживания этих неуставных артелей. Мне кажется для усиления политического руководства, для воспитания молодежи, здесь нужно в нарымских МТС восстановить политотделы. Это даст усиление политической работы и в уставных артелях.

Тов. АЛЕКСЕЕВ. — Надо продумать вопрос о правильной эксплуатации механизмов, которые они приобрели. Вот мельницу построили, хороший локомотив поставили, конечно она в состоянии обслужить не только эту артель, а и все окружающие колхозы, на каких условиях окружающие колхозы эксплуатируют? Они могут эксплуатировать

---

*у Пропущено в документе.

мельницу в пределах потребности для артели, а остальное время на государственные нужды и могут например обслуживать 2 часа, а 6 часов в интересах эксплуатации и средства, которые получают вкладывать в эти артели, это пожалуй неправильно, потому, что эту мельницу им построило государство.

Я думаю еще один вопрос, мы должны действительно взять ответственность на себя и разгрузить наши комендатуры. Школы передали Отделу народного образования, но отдел народного образования этими школами не занимается. Надо этот вопрос разрешить и на бюро и на президиуме облисполкома, заставить заниматься этим делом. Надо взять руководство школой, руководство больницей. Надо взять руководство, потому, что до сих пор формально передано, не по существу. Надо назначить комиссию, проверить, как руководит ОблЗО, Облздравотдел, Отдел народного образования, как руководят принятыми артелями.

Надо будет поручить т. т. Шарапову, Романову, Громову, Прутовых, Меньшикову и представителю от НКВД проработать все эти вопросы с тем, чтобы поставить этот вопрос на президиуме Облисполкома и на бюро Обкома партии.

Поручить этой же комиссии подобрать бригаду и послать на места в порядке проверки, как руководят наши советские органы школами, учреждениями здравоохранения, земельные органы, финансовые органы. Сейчас можно поставить на бюро некоторые вопросы, в частности о порядке утверждения.

Поставить вопрос перед Центральным комитетом партии, так как до сих пор не получено ответа и внести ясность в вопросе отчислений от доходов этих артелей.

Поставить сейчас вопрос насчет промысловых артелей простейших форм и перевести их на примере 2-3 артелей, послать отсюда представителя, переключить на уставную артель смешанной формы. Это можно сейчас подготовить, этой комиссии проект.

С точки зрения руководства, укрепления руководства этими артелями и взаимоотношения их с МТС, выяснить куда идут средства от эксплуатации предприятий, которые построены. Все эти вопросы надо на месте уточнить. Послать 2-3 бригады, а потом вернуться к этому вопросу. Повторяю, независимо от этого можно целый ряд вопросов поставить перед Центральным комитетом партии.

Отдельный и самостоятельный вопрос — это освоение Севера. Этот вопрос нам придется поставить на бюро.

Необходимо создать тройку, которая бы проверила все наши ресурсы, массивы, подлежащие раскорчевке. Вот взимание попенной платы, существующие законы и практика, ежели действительно взимают с колхозов попенную плату, это препятствие в выполнении решения ЦК партии.

Наличие машин, что мы имеем. Составить план, что мы можем раскорчевать осенью. Что мы можем раскорчевать осенью 1938 года, весной 1939 года и весь 1939 год.

При напряжении известном и при ударе не только на колхозы уставные, но и на неуставные и промартели, все эти ресурсы рас[с]читать, если

мы в состоянии в 1939 году полностью выполнить решение партии и правительства об освоении Севера, при оказании нам помощи, которая должна выразиться в таком[-]то количестве корчевальных машин, мы в состоянии в 1939 году выполнить столько[-]то.

Надо проверить сколько спецпереселенцев подлежит использованию на освоение Севера.

Я считаю, что Облисполком не совсем себе представляет сложность и трудность управления в Нарыме, потому, что у них 50 на 50 получается. 50 % населения коренного и 50 % переселенцев. Это большая сложность в отношении управления для самих сельсоветов потому, что совершенно формы другие. С одной стороны они имеют право выбирать и быть избранными, а избирать их не надо. Этим вопросом надо специально Облисполкому заняться»³.

Ниже публикуется с некоторыми сокращениями ответ на директивное указание руководителя региона подчиненных ему функционеров, ответ с очевидным антиспецпереселенческим уклоном.

**Из докладной записки бригады Новосибирского обкома ВКП(б)
секретарю обкома И. И. Алексееву «Об организационно-хозяйственном
укреплении колхозов Нарымского округа»***

15 сентября 1938 г.

[...] Из коренного населения в округе организовано 365 с/х артелей, 28 промартедей и 56 простейших производственных объединений.^{**а}

На 1/VIII-1938 г. колхозам округа вручено 276 государственных актов на вечное пользование землей и 34 госакта подготовлены. Из 310 изготовленных госактов составлено вредительски 63 акта, замена их обойдется, помимо уже затраченных средств колхозами, еще дополнительно 50–60 тыс. рублей.

[...] Землеустройство в колхозах Нарымского округа было проведено вредительски и требует тщательного просмотра и исправления. Государственные акты выдавались колхозам без учета дальнейшего землеустройства в колхозах, поэтому часть государственных актов потребует огромных переделок, т. к. ни в одном кол. округе не проведено внутри-колхозное землеустройство. Землеустроительные работы в колхозах округа необходимо провести в ближайшие 1–2 года, без чего трудно будет проводить организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Это потребует затрат около 2,5 миллионов рублей, часть которых необходимо принять за счет госбюджета, кроме этого нужно усилить специалистами подраздел Землеустройства ОкрЗО.

---

* Опущены данные о сельскохозяйственной деятельности колхозов, не содержавшие сравнения с неуставными артелями.

**а Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Совершенно другую картину представляют собой землепользования неуставных спецпереселенческих артелей округа. Всех неуставных артелей в округе имеется 294 и 43 неуставных промартели. Вселение кулачества на труд[о]устройство в северные районы округа шло на редко залесенных землях или массивах гари, на высокоплодородные почвы, так называемые «таежный чернозем». (В Парабельском районе Пудинская комендатура — 48 артелей, Бакcharский р-н, Галкинская и Парбикская — 36 артелей, Чаинский район, Тоинская комендатура — 42 артели). В КОЛПАШЕВСКОМ и БАКЧАРСКОМ районах спецпереселенческие артели были организованы на территории бывших совхозов ОТП. Все это создало благоприятные условия для быстрого освоения площадей, получение высоких урожаев в спецпереселенческих артелях, при огромных затратах государства путем выдачи безвозмездных ссуд на землеустройство спецпереселенцев. Землеустройство по этим артелям проходило с 1932 г. по 1937 год. За эти годы на землеустройство артелей затрачено бюджетных средств государства около одного миллиона рублей, артели не несли расходов по их землеустройству.

Во всех спецпереселенческих артелях общие грани землепользования установлены. В 108 артелях проведено внутриартельное землеустройство, с полной инструментальной съемкой и разбивкой полей на севообороты, что обеспечило переход 25 артелей на севооборот и поставило спецпереселенческие артели в лучшие условия землепользования, чем колхозы коренного сектора округа.

РАСКОРЧЕВКА

Враги народа из года в год приводили колхозы коренного населения Нарымского округа к невыполнению планов раскорчевки и освоения новых земель. Так, в 1935 году было раскорчевано по колхозам округа 3 681 га, в 1936 году — 8 450 га и в 1937 году — 6 640 га. Всего за три года колхозы округа раскорчевано — 22.660 га, или 50 % плана. План раскорчевки был установлен 45.373 га.

Последствия этого вредительства не ликвидированы и в 1938 году. По плану колхозам и артелям было намечено раскорчевать 15.010 га, раскорчевано — 9.624 га, или 64,1 %.

Невыполнение плана раскорчевки является следствием отсутствия подготовительных работ в зимний период (отвод участков, вырубка леса и удаление его с площади раскорчевка), отсутствия руководства и определения массивов раскорчевки в каждом отдельном колхозе, отсутствия кадров корчевальщиков, а в связи с этим колоссальная порча машин (обрыв троса, срыв зубцов барабана и пр.) и плохое их использование, в силу чего нагрузка на корчевальную машину оказалась далеко недостаточной. Например, в ЧЕЖЕМТОВСКОЙ МТС, при наличии 5-ти корчевальных машин при плане раскорчевки в 200 га — на 25/VIII—1938 г. раскорчевано только 64 га.

ОКРЗО и РАЙЗО, давая планы раскорчевки земель, совершенно не руководили определением мест раскорчевки, в силу чего колхозы производят раскорчевку не сплошными массивами, а идут по линии наимень-

шего сопротивления и раскорчевывают участки в 0,5 га, 0,25 га и т. д., в результате чего пахотные поля оказались мелкими и распыленными на большой территории, что мешает переходу на правильный севооборот и внедрению механизации полеводства.

В результате такого «руководства» корчевальными работами со стороны земельных органов нарушены основные правила по оставлению лесозащитных зон (Бакчарский, Кривошеинский р-ны).

Отпущенные колхозам государством кредиты на раскорчевку земель не были полностью использованы.

По данным С/Х БАНКА[,] в 1937 г. по кредитам Крайнего Севера отпущено ПАРАБЕЛЬСКОМУ району 2.000 рублей, использовано — 594 руб., КАРГАСОКСКОМУ району — 3.000 рублей, использовано — 980 руб., ТЫМСКОМУ району — отпущено 3.000 рублей и использовано 3.000 руб. Между тем как посевная площадь в этом районе в 1937 году составляла 6 га, а в 1938 г. — 1 га зерновых.

Всего по округу было отпущено на раскорчевку — 17.570 руб., использовано же только — 14.094 рубля.

На освоение новых земель было отпущено 34.000 рублей, а использовано — 20.754 рубля. Ни ОкрЗО, ни С/Х БАНК до сих пор тщательного контроля за использованием полностью по назначению этих кредитов не установили.

По неуставным артелям за 3 года ([19]35, [19]36 и [19]37) раскорчевано 22.897 га, т. е. меньше чем колхозами коренного населения, несмотря на то, что эти артели в основном раскорчевывали гари, получили большую государственную помощь кредитами, тяглом и корчевальными машинами, имея к этому излишки рабочих рук, планы же раскорчевки ими ежегодно не выполнялись.

В основных районах расселения спецсектора (Чаинский, Бакчарский, Парабельский и Каргасокский районы), где должно было идти наиболее интенсивное освоение земель за счет раскорчевки, — планы раскорчевки также не выполнялись.

По БАКЧАРСКОМУ и ЧАИНСКОМУ районам, при наличии в артелях 6.207 хозяйств, было раскорчевано за 3 года ([19]35, [19]36 и [19]37) — 9 041 га. За эти же годы коренное население (колхозы), при наличии 3.045 хозяйств колхозников, раскорчевали — 6.116 га.

По КАРГАСОКСКОМУ и ПАРАБЕЛЬСКОМУ районам за эти три года на 1 хозяйство в с/хоз. артелях раскорчевано 1,3 га, так же всего лишь 1,3 га раскорчевано и в неуставных артелях, хотя эти артели, не имея общественного животноводства, будучи освобождены от лесопоставок[,] имели большую к этому возможность. Вместо раскорчевки они свободную рабочую силу использовали на выгодных для себя промыслах (деготь, смола, клепка и пихтовое масло).

Это второй раз подтверждает, что руководство ОТП УНКВД по Запсибкраю проводило вражескую линию, занижая планы раскорчевки и освоения новых земель по спецпереселенческим артелям, делая основной упор на увеличение личных доходов членов артели от подсобных предприятий.

РОСТ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ ПО КОЛХОЗАМ ОКРУГА.

[...] общий рост посевных площадей по колхозно-крестьянскому сектору за последние 4 года ([19]34–[19]37 г.), принимая 1934 г. за 100[%], увеличился на 188 %, или в абсолютных цифрах на 36.227 га. Посевная площадь льна в 1937 году, по сравнению с 1932 годом уменьшилась на 330 га, или 7 %.

Посевная площадь яровой пшеницы с 1932 года по 1937 год увеличилась на 15.804 га, или 997 %.

Посевная площадь озимых возросла за этот же период на 7 576 га, или на 55 %. Основной рост ее был за счет посева пшеницы в 1937 г.

Посев многолетних трав с 1932 года по 1937 год вырос на 1.723 га, причем посев беспокровных многолетних трав уменьшился на 192 га.

Динамика же развития посевных площадей по спецартелям выражается в следующем виде:

1934 г. — 60.925 га	1936 г. — 63.806 га
1935 г. — 60.620 га	1937 г. — 61.417 га

Это показывает, что посевная площадь неуставных артелей за эти годы не имела почти никакого роста.

Анализ нагрузки посева на 1 х[озяйст]во и трудоспособного подтверждает заниженность планов сева в неуставных артелях, так например: посевная площадь нсуставных труднпереселенческих артелей в 1937 году по округу составляла яровых и озимых — 61.417 га при наличии в артелях 13.473 хозяйств, а также 2.435 хозяйств единоличников, что даст в среднем 3,8 га на 1 хозяйство, тогда как посевная площадь в 1937 году на 13 797*⁶ х[озяйст]во колхозников составляла 77.211 га, или в среднем 5,6 га на хозяйство, при наличии развитого обобщественного животноводства в этих колхоза. А по отдельным районам эта нагрузка характеризуется так:

По ПАРАБЕЛЬСКОМУ району в 1937 году в с/х артелях нагрузка посева на 1 хозяйство составляла 3,9 га и в среднем на 1 трудоспособного — 2,25 га, а по неуставным спецпереселенческим артелям 3,7 га и на 1 трудоспособного 1,7 га.

В 1938 году в сел. хоз. артелях нагрузка на 1 хозяйство — в среднем 3,8 га и на 1 трудоспособного — 2,2 га, а в спецпереселенческих на 1 хозяйство — 4,1 га и на 1 трудоспособного — 1,9 га.

Колебание этой нагрузки на 1 трудоспособного в 1937 году в колхозах ПАРАБЕЛЬСКОГО района наблюдается от 0,5 га до 8,9 га, а в спецпереселенческих артелях — от 0,5 до 4 га.

По ЧАИНСКОМУ району в 1937 году в колхозах нагрузка посева на 1 хозяйство составляла в среднем 7,17 га и на 1 трудоспособного 4,5 га. По неуставным артелям в этом же году нагрузка на 1 хозяйство составляла 5,17 га и на трудоспособного 4,35 га.

Анализ нагрузки по районам показывает, что спецпереселенческий сектор в развитии посевных площадей из года в год имел заниженный план

---

*⁶ Цифра вписана в документ от руки в специально оставленное место.

сева. Паровой клин в округе оставался для посева яровых культур только в спецпереселенческих артелях. Вражеское руководство ОТП Управления НКВД Новосибирской области проводило линию льготирования спецпереселенческого сектора, давая полную возможность заниженными планами раскорчевки и посева развивать личное хозяйство членов спецпереселенческих артелей, в силу чего спецпереселенческие артели, используя огромные государственные кредиты, экономически стоят выше, чем колхозы коренного сектора.

[...]

ЖИВОТНОВОДСТВО.

Общее поголовье крупного рогатого скота в колхозах Нарымского округа на 1/І-1938 года — 23.980 голов (на хозяйство — 1,8 голов).

Свиней — 3.148 голов, овец — 4.075 голов, лошадей — 20.139 голов (в том числе рабочих 13.381 голова).

Поголовье крупного рогатого скота в неуставных спецпереселенческих артелях — 6.987 гол. (на хозяйство 0,5 гол.).

Свиней — 4.002 голов, овец — 10.679 голов, лошадей 9.834 гол. (в том числе рабочих лошадей 6.641 гол.).

В личном пользовании колхозников крупного рогатого скота — 25.120 голов, или на хозяйство — 1,8 гол.

Свиней — 16.221 гол., овец — 30.941 гол.

В личном пользовании членов неуставных спецпереселенческих артелей крупного рогатого скота — 21.909 гол. (на хоз-во 1,6 гол.), свиней — 8.847 гол., овец — 10.575 гол.

Количество обобществленного крупного рогатого скота в колхозах в три с половиной раза больше, чем в неуставных спецпереселенческих артелях.

В развитии животноводства была проведена вражеская линия в планировании и росте стада поголовья, создавшая в отдельных колхозах чрезмерную перегрузку ферм без наличия кормовой базы, а в отдельных колхозах необеспеченность скотными дворами и обслуживание этого скота рабочей силой.

В спецпереселенческих артелях, при наличии обеспечения скотными дворами, кормами и рабочей силой рост поголовья был резко занижен. Развитие же стада поголовья было направлено по линии индивидуального пользования.

Как пример, в ЧАЙНСКОМ районе 47 неуставных спецпереселенческих артелей (2.236 х[озяйств]в) имели следующее количество обобществленного и в личном пользовании скота:

Годы	Обобществленный	В личном пользовании
	а) Крупный рогатый скот	
1935 год	775	2.498
1936 «	675	2.804
1937 «	648	3.333

Годы	Обобществленный	В личном пользовании
	б) Свиньи	
1935 год	446	1.044
1936 «	420	1.469
1937 «	596	2.597
	в) Овцы	
1935 год	1.137	986
1936 «	1.304	1.143
1937 «	1.648	2.210

Колхоз «ТАЕЖНАЯ ЗАРЯ» Старицинского с/совета ПАРАБЕЛЬСКОГО района при 79-ти хозяйствах и 142 трудоспособных имеет в обобществленном пользовании молочно-товарную ферму — 89 голов; свиноферму — 257 голов (в том числе 26 свиноматок); овцеводческую ферму — 150 голов; конеферму — 147 голов и пасеку — 89 ульев, имея посевную площадь яровых и озимых в 1938 году — 537 га.

Рядом же расположенная неустановленная спецпереселенческая артель^{*в} «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» при наличии 68 хозяйств и 125 трудоспособных имеет обобществленного крупного рогатого скота только 2 коровы, 40 свиней (в том числе 4 свиноматки), овец — 105 голов, при посевной площади в 231 га, поэтому спецпереселенческая артель имела возможность выделять рабочую силу на организацию наиболее выгодных для себя подсобных промыслов и работала за деньги и натуру в колхозе «ТАЕЖНАЯ ЗАРЯ».

В связи с необеспеченностью сенокосными угодиями в 1936–1937 гг. этот колхоз купил грубых кормов на 22 тыс. рублей.

По плану развития животноводства на 1938 год, утвержденному Президиумом ПАРАБЕЛЬСКОГО РИК[а,] не предусмотрена организация животноводческих ферм в 6-ти колхозах и 70 неустановленных спецпереселенческих артелях.

В АЛЕКСАНДРОВСКОМ районе, при наличии богатой кормовой базы, заливных лугов, из 10-ти неустановленных спецпереселенческих артелей имеются только в 4-х артелях животноводческие товарные фермы, тогда как 17 колхозов этого района имеют развитое крупное животноводство.

В КАРГАСОКСКОМ районе в Наунакском сельсовете в 3-х колхозах обобществленное стадо крупного рогатого скота составляет 301 гол., а в 4-х неустановленных спецпереселенческих артелях, которые имеют одинаковые условия для развития животноводства, нет ни одной головы обобществленного стада.

[...]

^{*в} Слово вписано в документ от руки печатными буквами.

б) Кустарный промысел.

В Нарымском округе имеются неограниченные возможности развития кустарных промыслов, как-то: выгонка пихтового масла, спиртопорошка, дегтя, смолы, скипидара, выделка кустарных изделий из местных лесов (деревообделка) и т. п., но кустарный промысел развит слабо, особенно лесохимическая обработка.

Работающие в округе кустарные предприятия (пихто-заводы, спиртопорошковые и смоло-дегтекурные заводы) находятся главным образом у спецпереселенческих артелей. У уставных же колхозов этот вид промысла, дающий хорошие заработки, развит чрезвычайно слабо. Это видно из доходов, полученных в 1937 г. от этих промыслов:

Согласно данным годовых отчетов, спецпереселенческие артели в 1937 году получили дохода от промпредприятий 5.566.603 рубля, а колхозы 1.726.381 рубль.

Особенно ярким показателем является доходность от лесохимической обработки (пихтовое масло, смолокурение и дегтекурение), валовой доход от этой продукции составил в неуставных артелях 3.257.000 руб., тогда как в колхозах этот доход составил 364.000 рублей.

До 1936–1937 г. неуставные артели, не участвуя в лесозаготовках, все свое внимание сосредотачивали на развитии своих подсобных предприятий, как наиболее доходного вида производства.

Все это говорит за то, что вражеское руководство ставило развитие хозяйственной деятельности спецартелей в более выгодные условия, чем колхозы коренного населения.

[...]

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ И ССУДЫ.

Отделом Трудпоселений УНКВД по Новосибирской области с 1930 по 1937 г. было произведено безвозвратных затрат на труд[о]-устройство кулачества (336 поселкам в Нарымском округе, 88 поселкам других районов области) — 105.115.000 рублей.

Характер этих затрат:

1. Сельхозустройство	4.749.600 руб.
2. Землеустройство	922.600 «
3. Культобслуживание	16.499.600 «
4. Медобслуживание	13.619.200 «

и т. д.

Помимо безвозвратных затрат с 1930 г. по 1936 год артелям, членам артелей, единоличникам были выданы долгосрочные кредиты с началом погашения через пять лет на сумму — 35.198.000 руб., из которых в 1936 году было списано безнадежной задолженности только по артелям Нарымского округа 4.769.000 руб.

На 1/I–37 г. задолженность неуставных спецпереселенческих артелей Нарымского округа С/Х БАНКУ составляла 10.935.000 руб.

Задолженность колхозов 1.275.000 руб.

В течение 1937 г. неуставными спецпереселенческими артелями погашено 425.000 руб.

Колхозами

502.000 руб.

На 1/IX-1938 г. задолженность неуставных

с/п артелей составляет

10.140.000 руб.

Колхозов

1.750.000 руб.

Просроченн. ссуд по неупл. с/п. артелей

3.700.000 руб.

По колхозам

260.000 руб.

По данным годовых отчетов по состоянию на 1/I-1938 года доли и колхозников колхозам составляли 219.603 рублей, тогда как задолженность членов неуставных артелей своим артелям составляла 4.439.000 руб.

Это показывает, что со стороны СЕЛЬХОЗБАНКА и ГОСБАНКА была проведена вражеская линия в отношении контроля и своевременного взыскания долгов по ссудам, разрешив неуставным с/х. артелям производить все расчеты вне Банка.

В ПАРАБЕЛЬСКОМ районе из 108 неуставных артелей счета в Госбанке открыты только — 20 артелям.

В КОЛПАШЕВСКОМ районе из 46 неуставных артелей до сих пор не открыли счета в Госбанке 18 артелей. Такое же состояние и в других районах Нарымского округа. Капиталовложения и затраты, произведенные по обслуживанию спец переселенцев сетью школ, медицинским и культурным обслуживанием, в несколько раз больше[,] чем в коренном населении Нарымского округа.

Во всех крупных поселках выстроены медучастки, магазины, СельПО, мельницы (теперь куплены артелями с большой уценкой, или формально числятся за Райисполкомами, а фактически работают безконтрольно и обслуживают в первую голову спецпереселенческий сектор — Пудино).

Спецпереселенцы и артели получили миллионные кредиты на личное устройство (строительство домов, покупка породистого скота, птицы, семена, машины и т. д.), которые должны были гасить с 1936 г., но вражеское руководство ОТП УНКВД и С/Х БАНКА создавали все возможности бывшему кулачеству развивать в широких возможностях личное хозяйство за счет государственного кредита, из года в год пролонгируя взятые ссуды спецпереселенческими артелями.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

На основании обследования колхозов и неуставных сельскохозяйственных артелей в ПАРАБЕЛЬСКОМ, КАРГАСОКСКОМ, АЛЕКСАНДРОВСКОМ, ЧАЙНСКОМ, КОЛПАШЕВСКОМ и ТЫМСКОМ районах Нарымского округа с целью организационно-хозяйственного укрепления и дальнейшего развития колхозов, бригада Обкома ВКП(б) считает необходимым провести следующие мероприятия:

1. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством о привлечении в 1939 году к хлебопоставкам неуставные сельскохозяйственные артели и колхозы ПАРАБЕЛЬСКОГО, КОЛПАШЕВСКОГО и КАРГАСОКСКОГО районов, одновременно просить пересмотреть размеры зернопоставок, установив для неуставных спецпереселенческих артелей более повышенные нормы зернопоставок, чем колхозам коренного населения.

2. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством об увеличении норм сдачи мяса, молока и шерсти по хозяйствам неуставных спецпереселенческих артелей в более повышенных размерах, чем хозяйствам колхозников.

3. Просить ЦК ВКП(б) и правительство применить к неуставным спецпереселенческим артелям, обслуживаемым МТС, повышенные ставки натуроплаты в сравнении с колхозами коренного сектора.

4. Просить ЦК ВКП(б) и СНК для погашения 10 миллионов задолженности в неуставных спецпереселенческих артелях произвести денежные и натуральные отчисления из доходов 1938–1939 гг. в размерах, необходимых для обеспечения погашения просроченных и срочных платежей по кредитам С/Х БАНКУ.

5. Предложить Нарымскому Окрисполкому провести в неуставных спецпереселенческих артелях полное погашение из доходов членов артелей в 1938 г. по дебиторской задолженности артелям.

[...]

10. Предложить ОБЛИСПОЛКОМУ и НАРЫМСКОМУ ОКРИСПОЛКОМУ в плане 1939 г. и последующих лет, при размещении посева и раскорчевки устранить недопустимый разрыв в освоении новых земель и расширении посевных площадей между колхозами и неуставными спецпереселенческими артелями, доведя раскорчевку и расширение посевных площадей в неуставных спецпереселенческих артелях не менее чем в колхозах коренного населения.

11. Довести в 1938–39 гг. количество обо[б]щественного скота в неуставных спецпереселенческих артелях не менее обобщественного стада колхозов за счет увеличения выходного поголовья скота, контрактиции скота у членов артелей и покупку скота, обеспечив к 1/I–1939 г. организацию не менее одной фермы в каждой артели в размерах, установленных планом развития скота постановлением СНК от

*Гиюля 1938 г.

[...]

ЧЛЕНЫ БРИГАДЫ
ОБКОМА ВКП(б)

(Фоков)
(Фаддеев)
(Решетников)
(Пачичин)
(Корниенко)
(Воронин)⁴.

В материалах комиссии Новосибирского обкома партии сохранились, помимо сводных, обобщающих, первичные материалы обследования отдельных районов Нарымского округа, в частности, самого северного Александровского района. В них содержится анализ двух

---

*Г Дата отсутствует в документе.

сегментов экономики района — уставных колхозов (17) и неуставных артелей (10). Примечательно, что здесь из-за природно-климатических условий земледелие (полеводство) не играло сколько-нибудь существенной роли, а артели специализировались отчасти на животноводстве и в еще большей степени на рыболовстве и кустарных промыслах. Состояние колхозов оценивалось весьма критически:

«Благодаря слабо развитому полеводству развитие животноводства идет исключительно за счет естественных выгонов и за счет грубых кормов (луговое сено), сильных кормов (овес, ячмень) дают скоту в ограниченном количестве только лошадям, в силу чего удойность коров очень низка. <...> Самые высокие доходы за эти годы получил колхоз “Им. Ежова”, распределено по годам на трудодень в 1935 г. 2 р. 73 коп., в 1936 г. 2 р. 69 коп., в 1937 г. 2 р. 47 коп. Самые низкие в колхозе “Кр[асный] Партизан” — в 1935 г. 1 р. 59 коп, в 1936 г. 1 р. 60 коп., в 1937 г. 1 р. 61 коп. Натурального распределения в этих колхозах не было, кроме сена и овощей. <...> Обследование колхозов показало, что во всех колхозах экономика из года в год по валовым доходам имеет рост, но благодаря неправильному направлению хозяйства в ряде колхозов экономические сильные идет снижение доходности на трудодень в силу больших капиталовложений в хозяйство. Взять хотя бы колхоз “Ударник”, его доходы по годам возрастают так: в 1935 г. — 1132 т. р., 1936 — 127 т. р., в 1937 г. — 144 т. р., а распределение по трудодням соответственно по годам — 2 р. 09 коп, 2 р. 04 коп, 1 р. 83 коп. Это самый крупный колхоз, но благодаря тому, что хозяйство колхоза ведется безобразно плохо, колхозу должны колхозники 13 т. руб. Отдельные колхозники получали деньги без учета их заработка и задолжали до 1 тыс. руб. колхозу. Колхоз забил большие суммы в строительство громаднейшего дома под конторку (2-х этажный дом в 12 комнат) и на другие ненужные постройки»⁵.

При анализе экономического состояния неуставных артелей члены комиссии отметили, что акцент в их деятельности сделан прежде всего на кустарные промыслы:

«Эти артели при вселении их в Нарымский округ получили большие государственные кредиты на строительство, на приобретение скота, за эти годы экономически сильно укрепились, особенно укрепив личное хозяйство, ибо в этих артелях имеется только 4 МТФ. <...> Эти артели, призванные к освоению севера и внедрению на севере полеводства за эти 6–7 лет всего раскорчевали главным образом не больше 250 га.

Благодаря тому, что развитие обобществленного хозяйства за эти годы почти не велось, а доходы артель получала от промыслов, главным образом рыбы и друг. работ доходность на трудодень в этих артелях была далеко выше, чем у уставных колхозов. Так, например, артель “Север” получила в 1937 г. 4 р. 35 коп и за 1938 г. ожидают 5 р. 20 коп.

Благодаря высоким заработкам и незагруженности работой артелью всех членов семьи в этих артелях бурно росло личное хозяйство, достаточ-

но привести пример хотя бы одной артели «Восход», у нее обобществлено 27 голов крупного рогатого скота, а в личном пользовании 139 голов. Все это говорит за то, что эти артели, получив большие кредиты, направили их не по руслу развития обобществленного животноводства и полеводства, а забили их в личные постройки и развитие личного хозяйства»⁶.

Предложения комиссии о перспективах развития экономики Александровского района сводились к необходимости усиления животноводческой специализации как уставных, так и неуставных артелей, что предполагалось обеспечить путем расширения и укрепления кормовой базы и создания в каждой спецартели молочно-товарной фермы, передав туда часть «необеспеченного уходом» «излишнего скота» из колхозов. Выносились и рекомендации по улучшению руководства артелями, особенно неуставными: «Пересмотреть состав уполномоченных артелей, заменить их наиболее проверенными и перевоспитанными людьми из состава молодежи». Весьма жестко формулировалось предложение о ликвидации задолженности спецартелей государству, где просматривалось намерение, по сути, блокировать развитие подсобных хозяйств трудпоселенцев: «Пересмотреть сроки погашения задолженности по ссудам государству и для обеспечения их погашения проверить не только состояние хозяйства артели, но и хозяйства артельщиков с тем, чтобы увеличить процент отчислений от доходов артели для погашения ссуд»⁷.

Приведенные выше оценки состояния и перспектив развития артелей в условиях Севера, данные комиссией, очевидно, демонстрировали ситуацию выбора дальнейшего вектора экономического освоения северных территорий. Партийные функционеры признавали, что освоенческий процесс, резко ускорившийся с депортацией в пределы данных территорий репрессированных крестьян в начале 1930-х гг., дал через семь лет несколько неожиданные результаты. Направление хозяйственной специализации (обобществленное животноводство и полеводство), директивно навязанное колхозам, созданным из коренного, преимущественно русского старожильческого населения Севера, столкнулось со значительными трудностями и просчетами. Совершенно очевидно, что развитие данных отраслей сельского хозяйства лимитировалось такими факторами, как отсутствие опыта ведения коллективного хозяйствования, необходимых средств для вложения в производственную инфраструктуру, а также особыми природно-климатическими условиями северных территорий. В данной обстановке, как это ни парадоксально, внутри комендатурной системы сложилась большая свобода действий в определении направлений хозяйственной специализации неустав-

ных артелей, часть которых функционировала как разнопрофильные хозяйственные комплексы, достаточно гибко сочетавшие сельское хозяйство с промыслами, чего, как правило, были лишены колхозы. При этом следует отметить, что на начальном этапе становления спецпоселений подобную гибкость санкционировало и краевое руководство в лице самого секретаря крайкома Р. И. Эйхе. Так, выступая 1 октября 1931 г. на краевом совещании, где вырабатывалась стратегия освоения северных территорий силами спецпереселенцев, Р. И. Эйхе заявлял: «...надо в районах, где сельскохозяйственное направление встречает большие трудности, особенно форсированным порядком перевести на деятельность эксплуатации лесов, кустарных изделий и т. д. И главное в этом расселении поселков — надо дать возможность самим спецпереселенцам проявить свою инициативу и хозяйственные навыки»⁸. И если в северных районах колхозам приходилось осваиваться и адаптироваться к новым видам хозяйственной деятельности, как правило, в ущерб традиционно развитым видам промысловой деятельности, то спецпереселенцы, оказавшиеся в аналогичной обстановке адаптации к новым видам работ, фактически заняли промысловое пространство хозяйственной активности и преуспели в этом направлении куда больше, нежели местные жители в коллективном земледелии и животноводстве, условия для которых весьма жестко лимитировались влиянием отмеченных выше факторов (ресурсы, качество управления).

Относительная экономическая стабильность спецартелей гарантировалась наличием и реализацией целевой программы по «штрафной» колонизации северных территорий Сибири с использованием труда спецпереселенцев. В развитие спецартелей, по оценкам карательных органов, с 1930 по 1937 г. было вложено более 105 млн руб. безвозвратных ассигнований⁹. Что же касается возвратных ссуд на хозяйственное устройство самих спецпереселенцев, выданных через Сельхозбанк (в вину и финансистам, и чекистам ставилась чрезмерность таких ссуд и их невозврат в намеченные сроки), то представители номенклатуры, вероятно, постарались забыть, что в данном случае речь шла о совершенно рутинных и обычных для 1930-х гг. процедурах кредитования всех видов переселенческих мероприятий (плановых сельскохозяйственных переселений, переселений красноармейцев и др.). Действовала практика получения и последующей пролонгации сроков возврата ссуд, причем в случае не только с привилегированными, красноармейскими переселениями в восточные регионы, но и с колонизацией зоны БАМ силами освобождающихся из тюрем, колоний и лагерей заключенных, действовала более разветвленная

система льгот и преференций, нежели та, которую государственные органы применяли по отношению к экстраординарному переселению репрессированных крестьян в первой половине 1930-х гг.

Для регулирования трудового потенциала колхозов и спецартелей использовались существенно различавшиеся механизмы, обеспечивавшие баланс факторов стабильности и мобильности. В отличие от колхозов, где существовали часто неэффективные процедуры привязки колхозников к сельскохозяйственному производству, в комендатурах действовал режимный принцип управления «рабсилой». В течение первой половины 1930-х гг. спецслужбы были вынуждены предпринимать значительные усилия, чтобы воссоединять на поселениях разьединенные в ходе репрессий семьи (главы семей направлялись в спецпоселки после отбытия сроков наказания), не допускать или сводить к минимуму бегство из комендатур, создавать молодежи условия для получения профессиональных знаний с возвращением затем в спецпоселки на более престижные места управленцев и специалистов нижнего и среднего звеньев. Более высокая степень управляемости «рабсилы» в комендатурах проявлялась и в том, что процент кооперирования оказывался выше в спецартелях, нежели в колхозах: сохранить социальный статус единоличника в комендатурах оказывалось существенно сложнее, нежели в среде правового населения, а практиковавшееся в ограниченных размерах отходничество трудпоселенцев также являлось скорее исключением, нежели правилом трудовой деятельности в комендатурах.

3.7. «Лошадиная сила» как фактор комендатурной экономики. 1930-е гг.

Одним из наиболее значимых вопросов, от решения которого зависел экономический потенциал спецпоселений, являлось состояние тягловой силы, прежде всего поголовья лошадей. Зимне-весенняя высылка 1930 г. планировалась и осуществлялась в Сибирском регионе прежде всего гужевыми перевозками «кулаков» с семьями в таежные, труднодоступные территории. В связи с этим очевидной стала проблема «консостава», поскольку в сохранении поголовья лошадей до летнего времени выявились просчеты (не было завезено необходимое количество сена и фуражного зерна). В частности, за сравнительно короткий промежуток времени (весной 1930 г.) в Кулайской комендатуре из-за недостатка кормов пало 877 из 2 254 лошадей (40 % поголовья)¹.

В ходе летней высылки 1931 г., которая осуществлялась в мае — июне, ситуация фактически повторилась. Как отмечал в своем доне-

сении от 22 июня 1931 г. в полпредство ОГПУ по Западной Сибири руководивший высылкой в Нарымский край начальник Комендантского отдела И. И. Долгих, массовый падеж лошадей, как и завезенного рогатого скота, был предопределен отношением к организации депортации руководства южных районов: «Фураж всюду давался в *^ачрезвычайно ограниченном количестве[,] некоторыми районами по 10–15 килограмм на дорогу. В результате в пути погибло около 20 % скота, преимущественно лошадей. Высаженные на подножный корм лошади после длительной голодовки объедались и дохли. Общие потери здесь можно исчислять процентов в 25». Понимая, насколько важен вопрос обеспечения спецпоселков скотом, в т. ч. восполнения утраченного в период вселения поголовья, И. И. Долгих в том же донесении настаивал на необходимости срочно «дозабросить скот... с частичным обезличиванием поступающего скота»². Согласно справке ГУЛАГ от 11 января 1932 г. о сельскохозяйственном устройстве спецпереселенцев на тот момент в комендатурах Западной Сибири имелось до 19 тыс. лошадей, но для организации запланированных работ требовалось срочно закупить до весны еще около 5 тыс. лошадей³. Краевые организации Западной Сибири, которым предстояло выполнить директивные указания Центра, отреагировали постановлением Президиума крайисполкома от 1 февраля 1932 г., где среди прочих мероприятий по обеспечению устройства спецпереселенцев в Нарымском крае намечались следующие:

«<...> ж) крайЗУ провести закупку до 5 000 лошадей для спецпереселенцев и не позднее марта месяца забросить их в комендатуры. Обязать РИКи — Чаинский, Колпашевский, Каргасокский и Александровский — отменить свои постановления о запрещении продажи старожильческим населением лошадей спецпереселенцам;

з) учитывая значительную убыль лошадиного стада по комендатурам вследствие истощенности и злостного убоя спецпереселенцами, предложить СибЛАГу обязать комендантов принять меры к восстановлению стада путем ликвидации обезлички, передав лошадей неуставным артелям и индивидуально ведущим хозяйство спецпереселенцам. За факты злостного убоя спецпереселенцев привлекать к судебной ответственности на основе существующих законов»⁴.

Вопрос о сохранении поголовья лошадей в комендатурах выдвинулся в начале 1932 г. на одно из ведущих мест, о чем свидетельствовало постановление расширенного производственно-технического совещания «По вопросу о консоставе», проведенного в Тогурской участковой комендатуре 16 февраля 1932 г. с участием секретаря

---

^{*а} Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Колпашевского РК ВКП(б) Петлина. В нем, в частности, в качестве первоочередной отмечалась задача «ликвидация обезлички» в уходе за лошадьми, для чего комендантам предлагалось «прежде всего разъяснить спецпереселенцам, что все лошади считаются их собственностью и что в условиях данной местности лошадь для него является самым главным помощником в борьбе за существование. Только те спецпереселенцы или артели, созданные ими, могут существовать и развиваться, у которых будут хорошие, надежные кони, а для того, чтобы это разъяснение не осталось только словами, необходимо комендантам поселков раз и навсегда закрепить за артелями и отдельными спецпереселенцами, оказать им полное содействие в правильной эксплуатации лошадей, во всех артелях проработать планы правильного использования лошадей»⁵.

Несмотря на использование всего возможного арсенала средств принуждения и поощрения, поголовье лошадей в нарымских комендатурах на протяжении первой половины 1930-х гг. сокращалось, о чем свидетельствовала статистика (данные на январь каждого года): 13 201 голов (1932 г.), 11 705 (1933 г.), 12 467 (1934 г.), 12 471 (1935 г.), 12 463 (1936 г.), 12 512 голов (1937 г.). В итоговой докладной записке о спецколонизации Нарымского Севера силами трудпоселенцев в течение 1930–1937 гг. начальник ОТП УНКВД по Новосибирской обл. И. И. Долгих давал этому следующее объяснение: «Конское поголовье, завезенное при вселении трудпоселенцев, состояло из старых истощенных лошадей. При напряженной работе начального периода освоения приплод не возмещал своей убыли»⁶.

О том, насколько взаимосвязанными в начальный период освоения северных территорий оказывались факторы «рабсилы» и тягловой силы, свидетельствовала диспропорция между ними в виде «избытка» первой и недостатка второй. Выполнение амбициозных планов сельхозосвоения, преподанных спецартелям сверху, достигалось путем жесткой эксплуатации людей и животных, о чем свидетельствовала информационная сводка Нарымского окружкома партии о ходе весенней посевной кампании «по трудпоселенческому сектору округа по состоянию на 1 июня 1933 г.»: «<...> имея достаточное количество рабочих рук, но большой недостаток тягловой силы, пришлось ставить задачу недостающее количество тягловой силы заменить вскопкой лопатами с таким расчетом, чтобы план в 32.266 га обеспечить посевом».

Характеризуя обеспеченность комендатур тягловой силой, функционеры констатировали крайне неблагоприятную ситуацию. Всего в комендатурах имелось 8 260 лошадей, из них 7 979 взрослых лошадей

и только 281 жеребенок. Около 10 % взрослых лошадей были больны и не годились для работы. В частности, в Парабельской комендатуре из 1910 взрослых лошадей годными к работе были 1162 лошади. Нагрузка на рабочую лошадь составляла в среднем по комендатурам округа 4,5 га: «Необходимо отметить, что в Чаинской комендатуре в отдельных поселках нагрузка на 1 лошадь составляет до 20 га. Надо подчеркнуть, что фуража ощущается недостаток для лошадей во всех комендатурах, как сильных кормов — овса, так и грубых — сена. Это вызвано тем, что данные Сиблагом наряды в момент получения фуражного овса были им же аннулированы»⁷. Низкий процент выполнения посевного плана (на 1 июня 1933 г. он составил ок. 30) партфункционеры, помимо прочего, объясняли тем, что «руководство комендатур не обеспечило жесткого контроля по выработке норм и нагрузки на лошадь», а также тем, что переселенцы по возможности стремились беречь лошадей и ожидали, когда почва подсохнет — «лошади вязнут»⁸. Далее приводились цифры, согласно которым из-за дефицита работоспособных лошадей на 12,5 тыс. га вспаханной земли приходилось до 1,2 тыс. га земли, вскопанной переселенцами, причем в комендатурах Каргасокского района на 158 га вспаханной площади пришлось 144 га земли, вскопанной вручную⁹.

О том, сколь значительную роль в жизни отдельной крестьянской семьи играли предприимчивость и трудолюбие в сочетании с умением использовать любые возможности, в т. ч. тягловой силы, свидетельствовала отраженная в документах личного дела судьба Александра Матвеевича Дурнева. На момент высылки в 1931 г. его семьи в Парабельскую комендатуру сам глава семьи был осужден на 5 лет лагерей и отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала. За «ударную работу» получил в 1933 г. досрочное освобождение и паспорт, но, приехав на соединение с семьей в Парабельскую комендатуру, лишился паспорта и оказался на положении спецпереселенца. Будучи профессиональным плотником-строителем, он оказался ценным специалистом, которого заметили и сделали десятником на строительстве школы в районном центре, за что удостоился восстановления в правах осенью 1936 г. Однако после завершения строительства его водворили обратно в одну из поселковых комендатур, к семье. Взяв в промысловой артели лошадей, он и его товарищ Долженко к 1940 г. построили дома. Получив от районных организаций весной 1940 г. новое приглашение на строительные работы, они продали свои дома и обратились к руководству промартели с просьбой разрешить им выйти из числа членов артели с перспективой осесть на жительство в Парабели. На состоявшемся 1 марта 1940 г. общем собрании членов артели им не только было отказано в переходе,

но в постановлении появился особый пункт: «Просить участковую комендатуру и РИК депутатов трудящихся содействовать в закреплении членов артели на местах». На постановлении рукой одного из районных функционеров наложена резолюция: «Надо запретить без ведома колхоза делать самовольный выезд, и почему колхозники продают дома, наживаясь на этом за счет колхоза?»¹⁰.

Крестьянин с. Шипицыно Спасского района Барабинского округа Павел Федорович Дорофеев был выслан в Львовскую комендатуру (Парабельский район) в конце февраля 1930 г. вместе с семьей (жена и 4-летний сын). Весной 1932 г. его задержали вне территории комендатуры, в г. Каинске, инкриминировали совершение побега. По запросу руководства каинской милиции из комендатуры была получена справка, согласно которой у Дорофеева «замечаний никаких небыло а также побегами незанимался и от лучки самовольной не производил. Лишь был отпущин для покупки Лошади и попуте заехал загрузом в город Каенск поназначению и почему Дрофеева задержали нииизвестно <...> а поетому просим РУМ освободить наместо жительства такового с/переселенца Дрофеева»*. Письмо содержало помимо подписей 18 спецпереселенцев заверительные подписи львовского поселкового коменданта и председателя Шерстобитовского сельсовета, скрепленные гербовой печатью¹¹.

Крестьянин с. Воробьево Колыванского района Федор Максимович Долгих был выслан в мае 1931 г. с формулировкой «Выслать как кулака за эксплуатацию батраков, с/х машин, за сокращение посева и за участие в Колыванском восстании». Вместе с семьей (жена и три дочери) он был размещен в комендатуре того же административного района в пос. Вершина. 20 января 1935 г. Ф. М. Долгих сбежал с места поселения, а через несколько месяцев бежала его жена с двумя детьми. Более года Долгих и члены его семьи находились в розыске, пока 19 мая 1936 г. он не был задержан. Допрошенный 30 мая 1936 г. Долгих дал следующие показания:

«Я сбежал с поселка в январе м-це 1935 г., вслед за мной летом сбежала семья в составе жена Степанида, дочь Вера — 11 лет, дочь Люба — 5 лет, на поселке осталась брошенной дочь Надежда — 9 лет.

В настоящее время жена с детьми на Садовской заимке спряталась. Я бы тоже мог спрятаться, но решил с этими не убежать, думал дадут если работу в комендатуре, то буду работать и не убегу, а если не дадут мне работу как единоличнику по найму, то придется умереть или сбежать. Оставленная мной изба на пос. Вершина разрушена, заниматься сельским хозяйством, садить в огороде овощи я отказываюсь. Т. к. у меня ни каких

---

* Здесь и далее сохранена орфография документа. — *Прим. ред.*

семян нет, имущества у меня никакого нет. Была лошадь и пала в январе 1935 г., когда я находился в извозе в отлучке на частных заработках. Как лошадь пала, я решил сбежать»¹².

Очевидно, что для самого Ф. М. Долгих и его семьи на поселении фактор обладания лошадью имел решающее значение. Это позволяло главе семьи, не вступая в спецартель, вести единоличное хозяйство, занимаясь частным извозом. Гибель лошади подтолкнула крестьянина к отчаянному шагу — бегству и фактическому распаду семьи, к тому же в спецпоселке осталась брошенной средняя дочь. Примечательно, что родственные связи сыграли в дальнейшем свою позитивную роль. 6 июля 1937 г. его племянник Филипп Долгих, проживавший в дер. Воробьево, обратился в комендатуру с ходатайством взять на иждивение дядю с дочерью Надеждой:

«<...> В настоящее время как вошедшим в престарелые годы и несилах себя прокормить, работает сторожем в больнице а поэтому я прошу Шигарскую комендатуру отпустить его на мое иждивение. Я обязуюсь прокормить его до смерти а также и дочь воспитывать до совершенных лет. Я работаю в колхозе и имущество имею»¹³.

Григорию Егоровичу Тарасову, осужденному в конце декабря 1929 г. по ст. 61 УК РСФСР «за саботаж хлебозаготовок» к высылке за пределы Барабинского округа сроком на 5 лет мера наказания в марте 1930 г. была заменена высылкой на спецпоселение с семьей в Томский округ. Зимне-весенняя высылка крестьянских семей из Барабинского округа в Нарымский край, потребовавшая, по приблизительным оценкам руководства округа, бесплатной мобилизации на период более 20 дней почти 12 тыс. подвод для перевозки вместе с высланными грузов¹⁴. Учитывая, что в комендатурах на местах вселения возник жесточайший дефицит с кормами для лошадей, работники комендатуры фактически закрывали глаза на те меры, которые предпринимали крестьяне по сохранению приведенных с собой лошадей. В частности, Г. Е. Тарасов обратился в Пудинскую комендатуру с просьбой определить для него местом пребывания не спецпоселок, а одну из местных деревень, мотивируя это следующим обстоятельством: «Настоящее прошу комендатуру разрешите мне прокормить лошад в деревне Львовка как у меня есть там сено и солома купленная а то дорога дальняя. Лошад плохая так что лошад совсем замотаем к весне. Лошад нужна разрешите мне стат на учот во Львовке прокормит лошад»¹⁵. Через год умерла его жена, оставив на его попечении дочь. Находясь на поселении и имея в своем распоряжении лошадь, Г. Е. Тарасов стремился всячески сохранить статус единоличника, отказываясь от вхождения в спецартель. В июне 1933 г., будучи брига-

диром супруги и выполняя спущенные сверху планы по раскорчевке и последующей вспашке, за невыполнение заданий (считал их непосильными) подвергался двум арестам — на 5 и 10 суток. В январе 1934 г. он зарегистрировал новый брак с вдовой П. К. Димура, дело которой о пребывании в ссылке было пересмотрено, и в конце 1934 г. она получила право на выезд «с правом проживания по всему СССР»¹⁶. Одновременно с этим Тарасов сделал не лишнюю юридических оснований попытку также покинуть спецпоселение. Он исходил из того, что первоначальным судебным решением ему была определена мера наказания в виде судебной высылки за пределы района проживания сроком на 5 лет. Поскольку затем его отправили с семьей на поселение, а последнее определялось как бессрочное, Г. Е. Тарасов решил напомнить спецорганам про свой первоначальный статус судебно высланного, и что срок этой репрессии истек в начале 1935 г.¹⁷ Возможно, некоторые шансы на успех у Тарасова имелись, поскольку карательный аппарат уже начал переписку по заявлению ссыльного, но именно в этот период (25 января 1935 г.) ЦИК СССР своим постановлением фактически запретил выезд из спецпоселений даже восстановленным в избирательных правах. Это обстоятельство, предположительно, и стало решающим обстоятельством для совершения Г. Е. Тарасовым побега. Об этом свидетельствовало сообщение работников комендатуры о том, что в начале марта 1935 г. «уезжая в извоз на болота он не вернулся»¹⁸. Удача отчасти сопутствовала Тарасову, потому что еще в начале 1934 г. он был назначен старшим группы действия в своем спецпоселке. Наличие удостоверения от комендатуры давало ему возможность беспрепятственно перемещаться по территории комендатуры, не вызывая подозрений¹⁹. По устоявшимся правилам, поиски велись прежде всего на территории сельсовета, откуда высылался беглец, либо в пунктах проживания его ближайших родственников. 16 апреля 1935 г. представителями Карасинского сельсовета, где ранее проживал Г. Е. Тарасов, оказалась задержана его лошадь рыжей масти «как не имевшая на нее паспорта», о чем был составлен акт²⁰. Сам Тарасов, лишившийся лошади, был задержан 16 августа 1935 г. До этого времени он успел отчасти легализоваться, поскольку при аресте у него изъяли удостоверение с печатью о том, что тот «является трудовым сборщиком пушномехсырья». При допросе он показал, что выехал за пределы комендатуры, поскольку сопровождал свою жену, восстановленную в правах. Впоследствии обратный выезд в комендатуру задерживался из-за необходимости подкормить лошадь, затем начался апрель и наступила распутица, вернуться через болота в комендатуру было уже невозможно. Сам Тарасов был

этапирован обратно в комендатуру в конце августа 1935 г. Однако с лошадей ему пришлось расстаться. После длительной переписки по поводу задержанной лошади спецпереселенца комендант Пудинской комендатуры Тимофеев направил в феврале 1936 г. в Карасукский райотдел милиции ходатайство с просьбой вернуть лошадь представителю сельхозартели «Дружба», поскольку та «принадлежит вышеуказанной артели»²¹. В последующее время Тарасов продолжал работать возчиком, но уже на артельных лошадях, занимаясь вывозом пихтового масла из комендатур в Куйбышев, не предпринимая более попыток бегства. В апреле 1945 г. он вновь был осужден по ст. 109 УК РСФСР сроком на 5 лет, наказание отбывал в Томском отдельном лагерном пункте (ОЛП), где ему был сокращен срок наполовину, в 1947 г. проследовал обратно в спецпоселок. Последним местом его работы до снятия с учета спецпоселения в марте 1950 г. стал Пудинский учлесхоз, где он работал конюхом. В мотивации причин его увольнения в середине 1948 г. директор лесхоза указывал: «Тарасов Г. Е. уволен с работы за отказ от поездки на сенокос. Тарасов вообще халатно относился к своим обязанностям, довел лошадей до побоев плеч и спин, не в одном воскреснике не участвовал по разным мотивам. Хороший лодырь. Достал справку от врача и хочет уехать в Томск»²².

Судьба Г. Е. Тарасова может служить своеобразной иллюстрацией модели раскрестьянивания в действии. На «входе» в систему спецпоселений (1930 г.) — это типичный крестьянин, глава небольшой семьи, сметливый и инициативный хозяин, сумевший сохранить лошадь как основу хозяйственной независимости на поселении. Пройдя в отстаивании этой независимости все возможные формы неповиновения, включая побег, аресты, лишение свободы, он фактически утратил мотивацию к производительному труду. На «выходе» из комендатуры 20 лет спустя — это надломленный внеэкономическим принуждением к труду работник, безразлично относившийся к своей некогда базовой профессии, его кормившей (возчик, конюх), и превращенный в «трудовой ресурс», универсальную «рабсилу».

Приведенные выше эмпирические данные, характеризовавшие различные стороны экономического поведения крестьян на спецпоселении, при всей их разноплановости и мозаичности, позволяют выявить некоторые типичные черты в мотивации крестьянской жизнедеятельности в экстремальных условиях. В первый и наиболее трудный период адаптации к реалиям комендатурной экономики (1930–1935 гг.) крестьянский ссыльный социум стремился выживать в значительной мере за счет внутренней самоорганизации и

того потенциала и опыта, который аккумулировался в стереотипах и контактах, базировавшихся на сохранении института семьи, родственных, поселенческих и других социокультурных связей. Этому способствовала высылка семьями, а также целыми «кустами» родственников и знакомых из одного сельсовета или района с последующим расселением в пределах одного спецпоселка или комендатуры (что не было редкостью, в частности, отразилось в наименованиях некоторых нарымских спецпоселков по районам высылки — Красноярка, Муромка, Новотевриз и др.). Родственная и поселенческая солидарность являлась крайне важным ресурсом, компенсировавшим до известной степени ошибки или преступные просчеты при организации высылки, перемещении и расселении ссыльных крестьян в местах их режимного проживания. Экстремальная кооперация деятельности и взаимопомощь становились, как это ни парадоксально, одними из факторов, благодаря которым обретали зримые очертания принудительные формы кооперирования производства — спецартели. Лишенные средств производства, инвентаря, рабочего скота, семян, продовольственных запасов, какой-либо собственности и многих других атрибутов, составлявших основу прежнего крестьянского хозяйства, оказавшиеся практически в полном подчинении от государственной машины, спецпереселенцы были вынуждены принимать новую реальность и приспосабливаться к новым условиям жизнедеятельности — карательному варианту коллективного хозяйствования.

Став, по сути, государственными крестьянами, превращенными в универсальную «рабсилу», мобильные трудовые ресурсы, используемые в восточных районах страны практически во всех базовых секторах экономики, спецпереселенцы в одной своей части трансформировались в категорию «постоянных кадров» промышленных рабочих в лесной и добывающей промышленности (уголь, золото и другие полезные ископаемые), в другой оставались закрепленными за традиционными для них сферами жизнедеятельности (сельское хозяйство, промыслы). Как в первом, так и во втором вариантах имело место противоречивое и причудливое сосуществование механизмов раскрестьянивания при сохранении и консервации отдельных черт и характеристик, присущих крестьянству как социальной общности. В частности, для крестьян, попавших в индустриальную «перековку», ведомственные органы поощряли создание и обеспечивали кредитование подсобных хозяйств, строительство индивидуальных жилищ, скота и т. д. Тем самым поощрялось формирование гибрида полурабочего — полукрестьянина с целью прикрепления, или «оседания» его в директивно определенных местах. В традиционных для сельского

жителя сферах хозяйствования также возникала гибридная фигура производителя — сельскохозяйственного и промыслового рабочего, занятого механизированным трудом, и крестьянина, занятого тяжелой сельской работой, но лишенного привычной мотивации к труду.

Другим демографо-профессиональным измерением тенденции раскрестьянивания выступала поощряемая властью молодежная мобильность. Направленная на раскол и разъединение поколений практика, выраженная в фаворитизме молодежи (создание на производстве молодежных бригад, компактное поселение в общежитиях, приоритеты в восстановлении в гражданских правах с правом дальнейшего выезда из комендатур на учебу или работу), стимулировала отток молодежи в индустриальные сферы производства. Другая часть ссыльной крестьянской молодежи через образовательные институты (всевозможные курсы, учреждения общего среднего и специального образования) заполняла определенные кадровые ниши как в производственной, так и социально-культурной инфраструктуре комендатур, также отчуждаясь от традиционных сфер крестьянского труда и быта.

У ссыльных крестьян среднего поколения, находившихся в активном трудоспособном возрасте, но лишенных, в отличие от части молодежи, возможности покинуть комендатуры, практически не оставалось выбора в определении ни места жительства, ни сферы трудовой деятельности. Уделом большинства ссыльных в нарымских комендатурах становился тяжелый труд в неуставных артелях. Ведение единоличного хозяйства блокировалось и подавлялось в комендатурах в еще более жесткой форме, чем в колхозах, поскольку осуществлялось в упрощенном порядке. В частности, если для карательной акции в отношении нескольких сотен единоличных крестьянских хозяйств Западной Сибири за «саботаж сева» весной 1935 г. краевое руководство испрашивало санкцию Политбюро на высылку их в трудпоселки, то осенью того же года штрафное переселение «за саботаж хлебосдачи» почти 200 семей трудпоселенцев из Колыванской комендатуры в нарымские поселки осуществлялось на основе указания Р. И. Эйхе, отданного местному управлению трудпоселений и согласованного с ГУЛАГ²³. Главным фактором, подавлявшим трудовую миграционную активность спецпереселенцев, выступали режимные ограничения на перемещение их внутри и вне спецпоселков. В существовавших условиях хозяйственная деятельность ссыльных крестьян вне артелей являлась скорее редким исключением: отходничество и извоз для чудом сохранивших своих лошадей крестьян всецело зависели от благорасположения работников комендатур.

В рамках мобилизационной модели советской экономики наличие двух форм государственной организации аграрного производства — сельскохозяйственных и неуставных артелей и спецартелей не имело принципиального значения с точки зрения результатов хозяйственной деятельности, которые практически полностью присваивались государственной системой. Различия в формах организации производства, порожденные особым режимом поселений, до известной степени нивелировались постановлением СНК СССР от 9 сентября 1938 г. о переводе неуставных артелей на устав колхозов, чего на практике, однако, не произошло. Несмотря на наделение спецартелей атрибутами «колхозной демократии» («выборность руководства артелями») полностью сохранялись принципы режимной экономики: согласно указанию руководства НКВД СССР местным структурам от 15 ноября 1938 г. «право свободного проживания вне трудпоселений это решение трудпоселенцам не предоставляет, и трудоустройство трудпоселенцев осуществляется Отделами трудпоселений УНКВД...»²⁴. Более того, реальные условия хозяйственной деятельности спецартелей, переведенных в категорию «уставных», после этого даже ухудшились, поскольку в разъяснении от 26 декабря 1938 г., данном на места заместителем наркома Филаретовым, «все ранее изданные директивы НКВД СССР об освобождении трудпоселенцев от налогов, сборов, ренты и т. п. отменяются»²⁵. Данное обстоятельство лишь подчеркивало сложившееся на протяжении 1930-х гг. положение, при котором крестьянство разными своими частями оказывалось «приписанным» к различным ведомствам: колхозники — к НКЗем, спецпереселенцы — к ОГПУ–НКВД. Если сближение «приписных крестьян» и происходило, то это было уравниванием в бесправии — организационном, хозяйственном, поведенческом, а сам вектор предвоенных и военных трансформаций в сфере сельского хозяйства выражался скорее в приближении практики хозяйствования колхозов к отработанным принципам функционирования аграрного сектора режимной экономики.

Глава 4. РЕЖИМНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

4.1. Спецпоселки глазами московского чекиста. 1931 г.

Накопленный практикой 1930 г. разнообразный и в большей части негативный опыт высылки, расселения и организации хозяйственной деятельности репрессированных крестьян заставил чекистское руководство, на плечи которого с весны 1931 г. легла основная ответственность за систему спецпоселений, обратить особое внимание на решение организационных проблем в ходе новой операции по депортации крестьянских хозяйств, по масштабам почти втрое превосходившей предыдущую. Прежде всего необходимо было обеспечить контроль над реализацией принимаемых директивных решений. Центральный аппарат ОГПУ, не вполне доверяя отчетам региональных полпредств, направил в места массовой высылки своих эмиссаров с широкими полномочиями не только надзора, но и корректировки действий местных чекистских органов. Отложившаяся в архивах спецслужб переписка этих работников с московским руководством содержит неоткорректированную информацию о состоянии дел на начальном этапе размещения вновь прибывших спецпереселенцев в комендатуры летом 1931 г. Ниже публикуются выдержки из информационного письма сотрудника ОГПУ Л. И. Юргенса помощнику начальника особого отдела ОГПУ Н. Г. Николаеву о расселении спецпереселенцев в комендатурах Нарымского округа Западной Сибири. Письмо написано в середине июля 1931 г., т. е. спустя месяц с момента депортации. Автор не беспристрастен, поскольку, оказавшись в пределах отпущенных ему полномочий самым высокопоставленным чекистом в нарымской глубинке, он, наряду с фиксацией фактического хода событий, корректировал ситуацию со становлением спецпоселений в данном регионе. Но именно сочетание в одном лице функций включенного наблюдателя и человека, принимавшего в необходимых случаях управленческие решения, придает особую значимость и достоверность увиденному московским чекистом летом 1931 г.

«Организация расселения была следующая: В Тюмень выехавшими работниками Краевого Комен[дантского] Управления были созданы так называемые экспедиции по расселению кулаков на месте. На Васюган

экспедиция с начальником Черепухиным выехала 15 мая с первым парходом и прибыла в Каргасок 19 мая[,] привезла первую весть о вселении кулаков в этот район. 21 мая было заседание райкома, на котором выяснилась невозможность заброски людей и продовольствия выше Айполово (даже само Айполово было под сомнением). И тут же было решено Верхне-Васюганской Ком[ендатуры] не создавать.

В дальнейшем экспедиция находилась в устье Чежапки, где был ее штаб. Данные об участках[,] привезенные экспедицией[,] не сходились.

Примерно где была указана гарь[,] было болото и наоборот. Были выделены группы с включением землеустроителя[,] на обязанности коих было подыскивать места для идущих караванов.

Трудность работы очевидна. Тем более что Васюган сильно разливается весной, затопляя весь левый берег. Я приезжал много позднее (на месяц) и в низовье видел сплошное море воды с торчащими деревьями.

Способ изучения участков был простой: расспросы местных жителей[,] были наняты проводники остяки и личная их ориентировка. Была масса головотяпства и преступных моментов, сейчас трудно восстанавливать[,] люди разъехались. Кое[-]что получив, проверю и тогда отмечу в последующем материале. Было несколько неудачных вселений[,] в дальнейшем нашли другие участки и перевели.

Общее мое впечатление таково, что участки, где я был[,] могут быть обжиты[,] в дальнейшем расширены за счет углубления и вырубки леса, об этом укажу ниже.

Караваны с кулаками сопровождалась так называемыми этапными комендантами, в большинстве халатно относящим[и]ся к сдаче кулаков. Вернее[,] никакой сдачи и приемки в основном не было. Баржи с кулаками и семьями подходили к месту назначения для расселения и все высаживались на берег, никакого предварительного подсчета не делалось. В итоге по Нижне-Васюганской комендатуре согласно актов должно быть 20 038 ч., а оказалось 18 665 ч. Прибавили сюда умерших по этой комен[датуре] — 370 ч. и все же разница большая.

Получалось это потому, что коменданты этапа считали себя подчиненными П[олномочному] П[редставительству] [ОГПУ] и действовали самостоятельно. Инструктированы видимо были недостаточно. Мое мнение [—] надо было их подчинить с приходом на место Нач. экспедиции, так чтобы работы по вселению была в одних руках. Материалов эти товарищи о своей работе, поведении кулаков и пр. тоже на месте не оставили. Буду выяснять в Томске и ПП.

Расселены кулаки по р. Васюгану в основном на правом берегу 88 поселками от Айполово до Каргаска. По реке Чапсайке до юрт Ереминых и р. Нюрольке.

По реке Чежапке есть поселки на правом и левом берегу.

Участки расселения (поселки) обосновываются на старых гарях 30–40-летней давности[,] поросшие лиственным и хвойным лесом. Гари тянутся отдельными гривами (возвышающимися по берегу длиной 5–7 кил. и шириной 2–3 м. Всюду требуется корчевка, мест без корчевки я не видал. Особенно тяжелая корчевка на участках Средне-Вас[юган-

ского] помещения, где гари поросли исключительно крупным лесом. Там люди буквально врубаются в лес. Даже площадки для шалашей надо очищать[,] вырубая деревья. В Н[ижнем] Васюгане и по р. Чежапке есть места с малым лесом[,] удобные для корчевки дальнейшей пахотой.

Почва всюду однообразная, суглинок и как называют подзол. Говорили мне[,] что встречается тонкий слой чернозема, но я не видел таких мест. Во всяком случае местные жители говорят, что эта почва после раскорчевки будет урожайна на 2–3 года, дальше надо унаваживать.

Сеять можно: рожь, овес и картофель. Особо хорошо должен расти лен. [У] местных жителей с. Васюганского хорошая рожь (высокая) и овес. На огородах картофель хорошо поднялся и капуста (кочаны бывают небольшие). Вызревают огурцы и даже редко помидоры. Есть несколько любителей, в том числе врач РОККа местный, ежегодно выращивает огурцы и помидоры, вначале в парнике, а потом в унавоженных грядках. Огурцы вызревают, помидоры не всегда.

Лазал я там по огородам, смотрел рожь и был на местной метеорологической станции, где также получил успокоительный ответ. Агронома там нет и более точных данных не имею.

Левый берег Васюганаболотистый, весной широко заливается водой. Местами есть громадные луга, поросшие осинником и мелким лиственным лесом. После очистки будут великолепные луга. Даже в таком положении скот имеющийся обеспечен.

На всех участках я застал раскорчевку и стройку, правда не везде одинаковую. На участке сред[ней] ком[ендатуры] только корчевали площадь под стройку поселков[,] строились склады (в каждом поселке) и дома уполномоченных, там же будут канцелярии. Местами закладывались дома для жилья. В ряде поселков я был через две недели после их вселения.

Принцип постройки домов по Васюгану следующий: поселок разбивается на группы по 10 семейств с включением семей без глав. Каждая группа намечает и строит себе дом[,] сообразуясь с силами. Строят дом больше по 4–5 квартир (комнат) и 7–10[,] так чтобы больше вселить. Размещаться будут в отдельных случаях по 3–4 семьи в комнате. Скудность большая. Но сейчас лучше сделать ничего нельзя. Мало мужчин, нет инструментов, топоров, пилы привезены негодные. Местами я встречал на стройке и корчевке одних подростков и женщин.

Плохо обстоит дело со строительством у украинцев. Эта публика совсем растерялась[,] ходит и плачется. У них как-то все не клеится. Корчевать не умеют, строить также, рыба не ловится[,] а в лес бояться ходить. И если на поселках сибиряков можно было слышать кроме общих жалоб: “Жить будем[,] обживемся, дайте пока хлебушка и инструменты”[,] то у украинцев сплошные жалобы на невозможность житья в тайге. Среди украинцев и киргизов (их правда немного) наблюдаются настроения к побегу.

Есть немцы в пос. № 11[,] тоже растерялись в тайге[,] но эти обещают обжиться. Участок у них неплохой.

Поскольку украинцы здесь домов построить не могут (а мазанки здесь не пойдут)[,] им разрешили в этом году сделать полуземлянки с тем[,], чтобы подвести скорее всех под зимнюю крышу. Киргизы сами просили разрешить им землянки[,], так как в домах они никогда не жили.

К октябрю дома жилища по Ср[еднему] Васюгану должны быть готовы. Готовились к сенокосу. Лошадей и коров им при мне разбрасывали. В пос. № 10 и 6 организованы кузницы.

В пос. № 7 (С[редний] Васюган) оказалась организована детская площадка на 110 детей. Из комендатуры дали им ячменя[,], получают молоко (там всюду введена выдача молока только детям) в поселке от имеющихся коров[,], последние обеспечены. Дают им рыбы из артели и дети получают таким образом кофе и обед. На местном фоне очень хорошо.

Обычно дети получают только 300 гр. муки.

В этом поселке очень много женщин, часть их освободилась от работы. Больше детских площадок не видел, даже и на участках нижней комендатуры[,], где поселки начали строиться и более благоустроены.

С посевами в Среднем Васюгане в этом году не выйдет, не успеют раскорчевать и вспахать. Сеять надо озимые в августе месяце.

Задание в поселках имеется — раскорчевать по 1 га на семью, обещают выполнить по ¼ га. Корчевать нечем, нет кирока[,], мотыг, не говоря о машинах. Корчуют буквально руками.

Помимо этих работ намечается создание артелей рыбаков, по выгонке дегтя и смолы. Намечают изготовление саней, клепки для бочек, клещей для хомутов и бочки, лес для этого хороший. Все будет упираться в инструмент.

Сейчас идет учет трудоспособных по поселкам и выяснение специальностей.

Во всех поселках заготавливают дрова, есть по 40–50 куб. саж. в каждом поселке береговых дров, дерут корье, груды навезены. Насчет дров комендантскому управлению надо подумать. Здесь можно заготовить их много.

С кедровым орехом в этом году будет плохо, урожай предвидится небольшой. При мне в пос. Васюганском работала комиссия при сельсовете по выяснению урожая и распределению урманов (массивов) кедрача между местным населением и кулацкими поселками, результатов у них я не получил, еще не было.

Грибов в Средн[ем] Васюгане при мне не было. Стояла холодная погода. Красная и черная смородина не поспела, видел много кустарника. Клюквы будет много.

На сбор орехов и ягод в этом году располагать особо и не придется, т. к. публика новая, пока будет осваиваться.

С рыбой будет хорошо, рыбы много — щука, окунь и в лесных озерах — карась. Если промысла в этом году не разовьют, то рыбой самих себя должны обеспечить.

При комендатуре, в пос. Васюганском строится большой склад (база), пристань и больница для всех участков этой комендатуры]. Есть кирпич-

ный сарай, заготовлено .....б сырца, заканчивали печь для обжигания глины. Глина на Васюгане всюду хорошая. Кирпич даже не обожженный[,] — крепкий. Кирпич изготавливают для своего строительства. Построена яма (печь) по выгонке дегтя и смолы 8–10 ведер в сутки. Такие же будут на поселках.

Медпомощь крайне слаба. Пользовались поселки этой коменд[атуры] местной больницей и врачом, содержащимся РОККом, лекарств было много, но спрос оказался велик и они израсходовались. Я видел пустые банки. С врачом и фельдшером дело плохо. У них кончился срок договора с РОККом и собирались уезжать, задерживались до сменяющего их врача. В комен[датуре] своего врача тоже нет. Есть два фельдшера, прибывшие с караванами, задержанные для временной работы. Настроение у них бежать.

При посещении немецкого поселка № 10 выявили одного фельдшера и 2 быв[ших] акушеров. Врач их проверил и ..... утвердил. Вот все[,] чем располагает комендатура.

В поселках Нижней комендат[уры], как указал выше, дело много лучше. Объясняется это тем, что они ранее вселились, до моего обследования за месяц. Участок почвенный удобнее, легче корчевка и больше лугов.

В докладе я дал картину по участкам полную. Здесь считаю необходимым привести ряд поселков Нижн[ей] комендат[уры], где строительство развернулось хорошо и намечаются артели и промыслы.

Участок 3, пос. “Усть-Киньга” — был я 10 июля.

Вселились 28-го мая. Постройка начата 18 июня. Построено 9 домов на 200 чел., 1 баня хватит всем и общий амбар. Строят 13 домов на остальных жителей. Корчевку начали с 22 июля, раскорчевали и вспахали под огород и пашню 6 га. Засеяли картофеля 1 га, остальное засеют коноплей. Заготовлено березовых дров 40 куб. саж. и корья около 150 пуд.

Есть кузница. Бондарно-столярная мастерская, обслуживающая поселок — делают рамы, кадушки, ведра. Мастерскую намечают к зиме расширить с тем, чтобы выпускать продукцию для сбыта.

Корчевка продолжается, намечено всего по ½ га на семью, земля удобная.

Поселок № 6 этого же участка.

Вселились 29 мая, стройка началась 3-го июня. Построено 54 дома на 1 100 чел. Идет раскорчевка за ..... по ½ га. Раскорчевали и вспахали 5 га. Посеяли 1 га овса для зеленого корма и ½ га картофеля.

Заготовлено 50 куб. саж. дров, дерут также корье, груды завезены. Организируют мастерскую по изготовлению саней. Есть кузница на 2 горна и мастерская бондарно-столярная, к зиме расширят.

В поселке есть артель рыбаков — 2 невода и 20 сетей, купленных на средства кулаков. Рыба сдается уполномоченному и через старост распределяют по трудоспособным в поселки. Будут солить.

На этих поселках с момента вселения умерло 10 чел., больных немного. Объясняется это тем, что сама кулацкая масса оказалась организованной, более с места обеспеченной[,] и уполномоченный[,]

объединяющий эти поселки[.] дельный[.] способный работник, член ВКП(б) с 1924 г.

Эти поселки в будущем году поставят себя на ноги.

Хорошо также на участке № 1 в пос. 1, 2 и 3 в устье Васюгана.

Поселок № 1 вселился 27-го мая, строиться начали с 8-го июня, построено 80 домов на весь поселок, осталось печи делать, окна, рамы и стекло вставлять. Построен амбар для 3-х поселков, дом уполномоч[енного] и фельдшерский пункт. Кирпичный сарай, сырца 4 000 шт., сейчас снабдят себя, а в дальнейшем будут выпускать продукцию.

[Построены] 3 бани, 1 кузница и бондарно-столярная мастерская. Строится скотный двор. Заготовлено 1 500 бревен для школы.

Раскорчевано 50 га. Засеяно овса 7 га, картофеля 2 га, клевера 1 га. Подготовлено к озимому посеву 20 га. Намечено раскорчевать 70 га, обещаю выполнить. Покос намечен в 200 га, луга хорошие под боком.

В двух километрах обнаружили хорошую гриву, где можно будет иметь до 500 га земли для посева, отрезана болотом. Сделали гать на 600 саж. и теперь оттуда берут лес, а в будущем году будут корчевать.

Поселок № 2. “Нижний чир” этого же участка. Вселились 27-го мая. Построили 34 дома на всех. Амбар поселковый, кирпичный сарай, 2 000 сырца готово. Есть бондарно-столярная мастерская. Раскорчевано 10 га, засеяно 1 га овса. Намечают организовать кролиководство. Есть 12 кроликов. Также пилят, готовят дрова и дерут корье.

Поселок № 3 “Недоступный”.

Построено 19 домов на всех. Амбар поселковый, 3 бани. Хорошая бондарно-столярная мастерская 5 чел., делают кадки, грабли. Приступили к изготовлению клещей для хомутов (200 пар готово) и болванок для сиделок. Намечают даже к зиме поставить широко. Так же заготавливают дрова и корье.

Раскорчевано 12 га. Корчевка в этих 2-х поселках слабая, объясняется тем, что участки земли хуже, чем в пос. № 1. Тип хозяйства в этих поселках будет промысловый, сельхоз. и в дальнейшем скотоводчество. Уполномоченный этого участка тов. СУХОРУКОВ, б/п., деловой работник.

Приблизительно такой же темп я видел и на других поселках, например[.] в пос. № 11 “Курулдай” народ дружно работает. Когда я невольно их громко похвалил и заметил, что народ веселый, получил ответ: “Мы кулаки каменские[.] строить и работать умеем, подожди[.] построим дома, как в Москве[.]”. Там же встретил две группы молодежи по корчевке леса. Называют себя бригадами.

Есть и плохие поселки, примерно 12 “Желтый яр”, где картина была совсем другая — общие жалобы на невозможность житья. Строятся плохо и много больных детей.

Был со мной врач с незначительным количеством медикаментов. Вначале раздавал, а потом кончил и пришлось ему бежать в лодку.

На этот поселок я попал после “Курулдая”[.] и невольно пришлось сравнивать. Почва одинаковая, условия также, а картина разная. Видимо много значит состав самих кулаков.

По реке Чежапке земля удобнее и лучше идет корчевка. Хотя небольшая разница в участках, но основное — жить можно и после корчевки пахать и сеять. Всего по Ниж[нему] Васюгану на 6/VII было раскорчевано 216 га, посеяно 30 га — овес, картофель.

Эта цифра общая неполная, на отдельных поселках я был позднее и эту цифру надо изменять.

Домов на 10 июля построено по этой комендатуре — 216 по 4–5 квартир, заложено — 1200.

Окружности поселков вглубь леса хорошо не знают. Все наметки о количестве удобной земли под пахоты, указанные в дислокации[,] сделаны ориентировочно, сообразуясь с длиной гривы (гари), на которой располагается поселок[,] и приблизительной шириной “на глаз”, а также по рассказам остяков и местных старожилов рыбаков.

Примерно, в пос. № 1 в устье Васюгана (указано выше). При его расселении никто не знал о существовании хорошего куска земли, т. к. он был отрезан болотом. Обжились и стали пахать в тайге и ...в Такое же положение возможно и в других местах.

Сейчас в ряде поселков посланы “разведки” по выяснению мест урманов[,] Кедрача и ягод.

Медицинская помощь в Нижн. комендатуре: застал 2 врачей, прибыли 22 июня и 4 фельд[шера]. Строится больница на 15 коек, будет к концу августа видимо закончена. Плохо с медикаментами, вернее их нет. Заявки у них посланы.

Считаю необходимым отметить безобразнейшее отношение Крайздрава. Прислали 5-го июня врача специалиста уха[,] носа и горла, а так как там в основном болели животы, этого специалиста быстро отправили обратно. Этот тип еще массу злоупотреблений успел наделать. Если не посадили, придется сажать.

В числе “лекарств” были присланы: архикрем 10 фл., момиш — 20 фл., спермазарин — 20 фл., аперетрин — 5 фл., душистый уксус и валериан[ка] в большом количестве. Видимо[,] в Крайздраве “спецы” полагают, что у кулаков от всех передрыг развилась половая слабость и многие требуют успокоения валерианкой.

Нужные же медикаменты не присланы. Врачи и фельдшера рекомендуют больным настаивать кору черемухи и пить. Укрепляющее средство. Запросы с обрисовкой положения в Новосибирск посланы, что сделано, пока не знаю.

Выше я участков в иллюстрации не приводил, полагая, что все войдет в доклад с приложением фото-снимков. Со мной на Васюгане был фотограф (Сиблаг “наградил”) не совсем удачный[,] да и пластинки попались старые. Но думаю, что основное по поселкам — места, корчевку, стройку и т. д. дадим. Будут снимки и других районов нашего обследования.

Организация управления на Васюгане следующая: 2 комендатуры, уполномочен. на участке из расчета на 2000 челов. один (есть такие поселки) и два вахтера.

В поселках из среды кулаков назначаются старосты и делопроизводитель-счетовод. С жалованьем им пока ничего неизвестно.

Есть еще старшие десятков, отвечающие за работу своего десятка. Староста с вечера дает наряды старшим и те перед ним отчитываются. При умелом подходе и использовании этой механики будет положительный результат, что я видел на ряде поселков. Местами чувствовалась определен[н]ая четкость и плановость в отд[ельных] поселках, но все пока самотеком. Сейчас надо быстрее налаживать хоз. аппарат, наметив единую форму ведения хозяйства. Намечать хотя бы самый простой промфинплан и дать стимул в работе, введя хозрасчет в поселках. Пока ведь только 500 грамм муки фигурировало. Надо забросить рабочей силы, прислав глав семей. <...> Мне ряд женщин заявили, что их мужья в Средней Азии в ссылке. Было бы неплохо освободить кулаков, коим остается 1–2 [года] сидеть[,] из домзаков. Делать им будет нечего, тем более, если с семьями соединятся, а помощь от них здесь будет большая. Основная тяжесть на всех работах — малый процент трудоспособных мужчин. Это можно видеть даже из дислокации, хотя относительной, т. к. цифры сейчас увеличиваются и выявляются действительно трудоспособные.

Хозяйственных организаций на Васюгане, кои могли бы использовать рабочую силу поселков — пока нет. Все[,] что там есть[,] — 4 ..... (кооперативных) в Наунаке, Забегайловке, Васюганском и Айполово. Данные организации снабжают местное население и заготавливают пушнину, кедровый орех и рыбу. В какой степени они смогут быть заказчиками на отдельную продукцию поселков, сказать сейчас нельзя. Оборотных средств они не имеют[,] и этот вопрос разрешается в Крае.

Снабжены васюганские комендатуры мукой на 3 мес., в Айполовские поселки заброшено на 11 мес. из расчета 350 гр. в среднем на едока.

Забрасывалось 700 цент. рыбы. В пути по Оби шло: рыбы 250 цент., масла растительн[ого] 825 цент., сахару 381 цент. и мяса 241 цент. Стекла забрасывали — 9.300 ящиков, кос 3.000 шт. и топоры, количество неизвестно.

Получают продовольствие 500 гр. муки трудоспособные и остальные 300, никаких приварок не выдавалось. Было несколько выдач рыбы, коменданты брали взаимнообразно в интеграле.

Мука выдается за деньги и <если> у него [кулака] не оказывается, записывают за ним в счет его будущих заработков. Никакой оплаты за труд введено не было. Записываются исключительно трудодни[,] и то это стало вводиться с 6 июня. Нет установок, что считать общественной работой и что на себя.

По этому вопросу, как и другим указанным много выше[,] установок и указаний от комен[дантского] управления Новосибирска нет. Надо было их на 60 % снять и послать на места, сейчас самый сезон работы. Пусть учат, как наладить учет, как корчевать, строиться, как и что и когда сеять (нет ни одного агронома на Васюгане) и как хозяйств[овать]... А то они там в Новосибирске теорией занимаются и на месте не бывали.

Укомплектован аппарат комендатур из 50–60 % публики случайной, набрана по газетным объявлениям. Есть отдельные товарищи и чл. ВКП(б), оставившие деловое впечатление. Но есть пьющие и требую-

щие замены в силу неаботоспособности. Дам оценку, когда ознакомлюсь с личными делами, в комендатуре их не было.

На участке № 3 (Средн. Васюган) велел арестовать уполномоченного ПЕТУХОВА, разложился и присваивал кулацкие вещи, в числе последних были брюки, в которых он ходил открыто по поселку. Работник плохой.

В пос. "Желтый яр" сняли уполн. за ..... бездеятельность.

Экономическое положение уполномоченных и вахтеров да и самих комендантов с помощниками тяжелое.

Прикреплены они к интегралам, а там ничего нет. Приходится уполномоченным и вахтерам рыбу ловить или заглядывать в улов рыбацких артелей. Такое положение может привести к злоупотреблению. Надо снабжение поставить централизованное. Одежды тоже нет, ходят в таком одеянии, что трудно отличить от кулака. Единственно по ремешку от кобуры и узнаешь.

Многие приехали в городских костюмах и даже ботинках. Здесь грязь местами чуть дождь пройдет. Берег вязкий, илистый, камень — редкость. С заброской обмундирования и сапог им надо поспешить. Также и с самим обмундированием. В таких условиях находятся работники и в других комендатурах.

Вопрос о неправильном выселении. Много поступает заявлений, называют себя средняками. Когда поговоришь, то оказывается, что он или имел и эксплотировал машины или же пользовался наемной силой, имел "батрачишку", как некоторые выражаются. С красными партизанами, также указывают отряд, командира, а начнешь с ним говорить — было ...г хозяйство. Документов, как правило[,] ни у кого нет. Заявляют, что отобрали на месте и есть такие, что послали заявления в район с приложением своих документов в пути следования, я привез 300 заявлений, по возможности отобранных там на месте, когда подавали, я ждал данное вранье и тут же возражал. Дал Каргасокскому райотделению для отсылки по месту для выяснения.

Есть циркуляр СПО ПП от 26-го мая с. г. № 89 о проверке неправильного выселения по поступающим заявлениям. Согласно этого циркуляра, заявления из поселков[,] поступающие в райотделения, направляются в соответствующие р-ны для проверки.

Весь вопрос тут в честной регистрации этих заявлений и контроле за результатами проверки. Этот вопрос в Томске (оперсекторе) и Новосибирске придется выяснить <...>.

Конечный путь проверки на месте теми же работниками, что и выселяли[,] может не дать полного результата. Надо взять на выборку 2–3 района, где по общим материалам чувствуется неблагополучие[,] и проверить на месте факт выселения. Может быть даже создать комиссию на месте. Этот вопрос тяжелый, если решите — сообщите, т. к. такой выезд в р-н для проверки видимо ПП с Крайкомом надо согласовывать. Выселяли пятерки. По этому вопросу прошу телеграфировать в Новосибирск, буду там числа 3–5 августа. Вопрос с охраной из Васюгана. Надо

поставить заградительный отряд на ст. Тара, т. к. если побегут кулаки с Васюгана[,] исключительно зимой вверх на Тару. Другой отряд поставить в Колпашеве.

Оружия кроме пистолетов уполномочен[ным] и вахтерам в поселке давать не следует. Есть при комендатурах небольшие группы[,] вооруженные винтовками и гранатами.

Побегов пока также нет. В Средн[ем] Васюгане не отмечено ни одного случая. Далеко, кроме реки не убежишь, лодок мало. В Нижней комендатуре — 6 побегов.

Настроение к побегам есть, особенно у украинцев и киргиз. Вызывается это тем, что они к данным условиям не могут приспособиться. Смертность детей у них осенью и зимой надо ожидать будет большая.

С чекистским обслуживанием кулаков на Васюгане дело обстоит плохо. До меня была там оперативная группа из Томска, связывалась с осведомительной сетью, идущей из районов. Оказалось, что было 243 чел. осведомит[елей]. Вербовки новых не провели.

С их отъездом поддерживать связь и создавать сеть некому. Я предложил Каргасокскому отделению направить 2 сотр[удника] по одному из комендатур для постоянной работы с сетью. Оперативники они слабые, агентурн[ую] работу не знают. Других нет.

По одному оперативному работнику на Васюгане мало, учитывая разбросанность поселков на 200 км. и отсутствие связи. С созданием оперативного сектора в Колпашеве это положение надо им учесть. (Пока еще оперсектора и в помине здесь нет).

На месте я столкнулся с двумя случаями увода остяками кулачек в жены. В первом старик остяк увел кулачку, жил с ней, а потом явился к коменданту и просил их “регистировать”.

Другой остяк просил коменданта разрешить ему жениться на одной кулачке, с которой украдкой гулял. Комендант отказал, указав, что негоже бедняку-остяку жениться на кулачке, остяк увел кулачку ночью к себе. Конечно, как узнали, поехали и привезли ее обратно в поселок.

Видел я остяка, говорил с ним. Он нам прямо заявил, что согласен придти в поселок жить и внесет в общее хозяйство свои две коровы и лошадь, но чтобы ему разрешили с этой кулачкой жить.

Этот вопрос надо уточнить и дать указания, как поступать, разрешается ли кулакам выходить за местных замуж, может[,] года оговорить.

Я лично считаю, что и работать будет некому. Все молодые и здоровые бросятся искать “женихов”. Многие так и заявляют “За остяков пойдем”.

Вопрос с гостями. Я встретил в устье Васюгана едущих гостей с зимними вещами и инструментами — везли девицы своим родным. Говорят, еще были. Видно, кулаки перед выселением прятали свои вещи на “родине”, а теперь получают. С этой связью “оказаниями” будут идти всякие липовые документы и т. д. Вопрос с перлюстрацией корреспонденции. В Каргаске ничего не выяснили[,] там и аппарата нет, один начальник.

Эти вопросы будут выяснять в Томске — как и что делается.

Разрешите на этом свою небольшую информацию закончить.

Кратко о Кети: Кетская комендатура находится в поселке Широково, 450 клм. вверх по р. Кети.

Кулаки расселены на 6-ти участках, 17 поселками. Всего расселено 3 793 хозяйства, 10.143 чел. Мужчин — 3 397 чел., женщин — 5 349 ч., подростков от 12 до 18 лет — 2 248 чел. и детей до 12-ти летнего возраста — 7 249 челов. Более точного учета пока нет.

Выделен % трудоспособных только по одному участку Палочке, где из 2 649 мужчин и женщин имеется 989 ч., нетрудоспособных же свыше 40 %. На других участках также будет.

Уголовного элемента среди кулаков много. Например: из Алтайского р-на Серовский и Белокур[ь]инский с/советы были сильно заражены бандитизмом; Уч-Пристанский р-н целиком был охвачен бандой Добытнина. Много есть банд[итского] элемента из Ойратской области. Работа здесь по выявлению уголовного и банд[ит-ского] элемента ведется, райотделение в Колпашеве старое и лучше укомплектовано, чем в Каргаске. Была организована к[онтр]-р[ево-люционная] группа, изъ-я 42 человека.

Здесь также, как и на Васюгане[,] велась предварительная работа по подысканию мест расселения с 18 мая по 4 июня. Из намеченных ими 6-ти участков 5 было признано годными для вселения.

...участок был признан негодным, но туда вселили, т. к. караваны шли, и селить было некуда. Сейчас подыскано другое место и начато переселение этого участка.

Вся земля находилась под лесом, также по старым гарям, требующим раскорчевок. Есть луговые места, требующие очистки. Идет раскорчевка, в момент обследования было раскорчевано около 300 га.

Почва всюду суглинистая с большим количеством золы. Местные жители сеют рожь и картофель, унавоживают, дает урожай.

Климатические условия хорошие. Безветрие, много выпадает осадков и умеренная теплая погода в летние месяцы.

Можно развить промышленное хозяйство: производство клейки, бондарное, кирпичное, свиное, а также выгонку дегтя и смолы.

В этом отношении комендатура кое-что делает: организован кирпичный сарай, готового сырца 35.000 шт., из коего обожжено — 20.000 шт. кирпича. Есть бондарно-столярные мастерские. На 4-х поселках сделаны ямы по выгонке дегтя. Но все это самотеком, хозаппарата [нет,] не существует указаний[,] в этой части положение аналогичное Васюгану.

Местное население деготь не гонит и интеграл привозит его для нужд населения из Томска за 1 000 клм.

Сейчас на всех участках идет стройка. Строят склады и фельдшерский пункт. Также себе дома по поселкам к октябрю должны закончить. Часть будет зимовать в землянках, т. к. рабочей силы не хватит и дома построить не успеют. В будущем году намечают строить всем дома. По этим участкам организованы разведки и комиссии по определению урманов кедрача и видов на урожай. Предполагается хороший.

На Кети есть организации Леспромхоза и Рупвода. Один из участков в 316 хоз. — 1 687 чел. передается на 5 лет для работы по лесосплаву и разработкам. В Колпашеве нам стало известно, что намечено в Кетском р-не зимой заготовить 100.000 куб. метров леса, таким образом значительная часть рабочей силы будет занята.

Норма выдачи хлеба здесь была до 18/VI — 300 грамм муки работающим и остальным 150 гр. в сутки, причем другого довольствия не было. Сейчас выдано 600 грамм работающим и остальным 300, приварка нет. Заброшено муки на 6 мес.

Чек[истское] обслуживание. Всего в районе комендат. 69 ...ж, сведенные в 9 комендатур, резидентами являются преимущественно уполномоченные поселков.

Этот вопрос здесь не имеет ясности. На Васюгане, наоборот, опер[ативная] группа (о которой указал выше) категорически запретила малейшее использование уполн[омоченных] поселков. По получению полной картины со всех участков мы этот вопрос подработаем преимущественно к местным условиям.

Полагаю пока этим ограничиться, в дальнейшем дам полнее информацию и в докладе охватим все вопросы. Сейчас т. т. МУРАВИН и БУЛГАКИН находятся в пути, выехали в Галкинскую и Томскую комендатуры. В Галкинскую я намечал сам поехать[,] да случилась неувязка, заболел, простудился в дороге у Парабели[,] ночи холодные. Два дня лежу в Колпашеве, сегодня будет (если будет) пароход[,] намерен ехать в Могочино и затем в Томск, там намечен наш сбор. Не знаю[,] как быть с Ново-Кусковской и Кето-Чулымской. Навряд ли будут в Томском опер[ативном] секторе достаточные материалы, плохо они работают по этой части. Если выезжать туда, долго затянется наша поездка.

Пару слов о Парабели. Там был тов. БУЛГАКИН и обследовал. Я хочу только отметить о построении новой дороги. От п. Парабель (в клм. 30-ти по прямой) вверх по реке Парабель есть дер. Саиспаево, где расселены 7 000 челов. кулаков в 9-ти поселках, по правому берегу реки Парабель и по обе стороны речки Соч-Ига. Земля удобная для освоения, около 30 тыс. га.

Если подниматься по реке Парабель, будет около 70 клм., т. к. река очень порожистая, к тому же к концу надо ...з Комендатура решила продолжит[ь] дорогу прямым углом и сейчас дорога готова. До парома проехали ...и на паре лошадей из Парабели в эти участки. Сделана дорога образцово, местами по 100–200 саж. тянется гать, настил в 3 ряда бревен, засыпанный мелким хворостом и землей. Насчитывают длину 23 клм., будет видимо 27–28 клм. Таким путем эти поселки будут связаны дорогой с Парабелью круглый год. Делали дорогу месяц, работали участками, каждый поселок имел участок, на границе каждого участка поставлена арка с подписью[,] когда сделана и кто делал.

Есть у меня снимки этой дороги и строительства в этих поселках.

Моменты обследования я не привожу, дам в следующей информации.

Заканчивая, прошу телеграфировать мне в Новосибирск, что будет, а также о запросе могущей быть проверки неправильно выселенных. В этой глуши как-то отрываешься от жизни в центре, вернее захватывает непосредственная работа на месте, их требования и забота. По ходу пришлось помочь товарищам в их работе.

Газет давно центральных не читал. Попалась мне газета "Правда" и узнал о докладе Сталина, а какой не знаю. Как доберусь до Томска, поставлю все на верстать. Опасаюсь[,] как бы не ...й Это мне совсем не нравится. Вот все.

Жму руку, с товарищ[еским] приветом — ЮРГЕНС»¹.

Как отмечалось выше, данный документ ценен своей высокой информативностью, в которой сочетались весьма скрупулезные детали (климат, почвы, рельеф местности и т. д.), передаваемые с почти фотографической точностью, и оценки и обобщения увиденного в спецпоселках чекистом Л. И. Юргенсом лично (деятельностные и поведенческие характеристики, относившиеся к «кулачеству», старожилам, чекистскому аппарату и т. д.). Письмо не могло быть объективным, поскольку оно писалось агентом системы и для нужд самой системы, где под сомнение не ставилась сама целесообразность депортации. Задача состояла в создании механизма, позволившего бы не только минимизировать очевидные издержки (ресурсные и институциональные) репрессивных антикрестьянских действий, но и превратить «кулачество» в «полезную силу». Для Юргенса очевидно было также, что спецпоселения являлись составной частью громадной массовой операции под чекистским руководством и управлением: организованная высылка — организованная перевозка — организованное расселение — организованное обустройство — организованный режим — организованная производственная деятельность. Отсюда следовала и оценка увиденного сквозь призму того, что способствовало и закрепляло организованность и дисциплину на поселении и того, что этому препятствовало. Исходная посылка предполагала, что есть «свои» (чекистский аппарат), примыкающие к ним работники инфраструктуры (медики, агрономы и др.), «чужие» («кулаки») и местные жители, старожилы.

В этом письме, однако, со всей очевидностью вырисовывается несколько иная картина. Даже если иметь в виду, что миссия московского чекиста в значительной мере в том и заключалась, чтобы вскрывать злоупотребления системы на ее низовом и отчасти среднем уровнях (с чем Юргенс, без сомнения, справился), увиденная им практика «чекизма» в действии произвела на него шокирующее впечатление. Работу экспедиций по выбору участков для поселков и хозяйственной деятельности он прямо не называл провальной («труд-

ность работы очевидна» — так смягченно пишет чекист), но об этом свидетельствовали многочисленные факты просчетов, сообщаемые в письме. Работа т. н. этапных комендантов, руководивших перевозкой «кулаков», также не выдерживала никакой серьезной критики (по процедуре «принял — сдал» только по одной Нижне-Васюганской комендатуре человеческая «недостача» за почти трехнедельное этапирование водным караваном составила свыше 1 тыс. чел.), не имела координации с начальниками экспедиций и не была должным образом документирована. Весьма жестко автор письма оценивал штат комендатур, считая его почти на две трети «из публики случайной, набранной по газетным объявлениям» и требовавшим «чистки». Он также очень четко обозначил ту основу, на которой возникали и в дальнейшем постоянно воспроизводились злоупотребления властью и должностные преступления со стороны работников комендатур (широкие полномочия в соединении с бесконтрольностью действий). Московский эмиссар объяснял отчасти это трудностями стадии становления аппарата комендатур, в т. ч. неотлаженностью процедур обеспечения денежным довольствием, обмундированием и т. д. Пользуясь данными ему полномочиями, Юргенс снял с работы несколько наиболее одиозных работников. Однако и в последующие годы процедуры самоуправства и самоснабжения только укоренялись. Крайнее раздражение у московского чекиста вызывали действия краевого чекистского аппарата («они там в Новосибирске теорией занимаются и на местах не бывали»). И это отнюдь не случайно, поскольку на репрессивный аппарат выпадали отнюдь не свойственные ему ранее функции — от организации производства до создания и поддержания инфраструктурных звеньев (снабжение, медицинское обслуживание и т. д.). Под этим же углом зрения Юргенс весьма резко и язвительно оценивал действия местных органов власти, хозяйственных органов, медиков и др.

Отдельного освещения потребовал «вопрос о неправильном выселении». Он «выпадал» из сферы ординарных вопросов организации жизнедеятельности спецпереселенцев и находился на острие взаимодействий власти и репрессированного крестьянства, поскольку носил не процедурный, а принципиальный характер, затрагивавший понятие «справедливости». И для чекистов дело не сводилось только к проверке правильности/неправильности высылки конкретной семьи/человека — для этого существовали нормативные документы по линии спецорганов (приказы, циркуляры и т. д.). За этим скрывалась проблема выявления масштабов «нелегитимных» действий всех звеньев системы власти и управления, где чекисты, в сравнении

с партийными органами (от ЦК до крайкомов и обкомов), зачастую были простым исполнительским звеном, и, в случае необходимости, возвращения части «раскулаченных», что неминуемо роняло авторитет власти в глазах населения. Понимая весь риск и опасность проверки процедуры высылки, Юргенс в письме московскому руководству употребил совершенно необычную оценочную категорию, упомянув о «честности»: «Весь вопрос тут о честной регистрации этих заявлений и контроле за результатами проверки. <...> Конечный путь проверки на месте теми же работниками, что и выселяли, может не дать полного результата». Сам Юргенс, прошедший немало времени в беседах со спецпереселенцами по их письменным или устным заявлениям, понимал также, что часть заявителей, не имея подтверждающих их правоту документов, могла оперировать неполной или искаженной информацией в своих интересах, называл данный вопрос «тяжелым» и требовавшим решения в Центре.

В контексте отмеченного выше есть основание считать, что московский чекист Л. И. Юргенс испытал состояние, которое можно определить как «синдром Толмачева». Годом ранее, весной 1930 г., нарком внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев, возглавлявший правительственную комиссию по устройству спецпереселенцев и обследовавший спецпоселения в Северном крае, написал письмо заместителю председателя СНК РСФСР Д. З. Лебедю. В письме, не ставя под сомнение саму политику «раскулачивания», но критически оценивая методы ее осуществления, Толмачев усматривал свою роль в устранении «массовых перегибов» (в т. ч. в возвращении «неправильно высланных») и в ликвидации нарушений и злоупотреблений органов власти и отдельных ее представителей в ходе создания системы спецпоселений. В частности, Толмачев считал возможным предоставить самим переселенцам некоторую степень свободы действий на поселении:

«До сих пор с высланными обращаются, как с опаснейшими заключенными, подлежащими строжайшей изоляции. Это исключает возможность использования их собственной инициативы и самостоятельности и налагает на нас совершенно непосильную обязанность их полного обслуживания. Это ведь не ящики, не тук груза, который сам о себе не думает, а живые люди, преимущественно весьма инициативные и обладающие большой житейской ухваткой. Нужно дать некоторый простор этим качествам, и они сами сделают многое, что нужно и что не под силу нашим аппаратам»².

Из текста письма Л. И. Юргенса следует, что автор в своих оценках «кулаков» хотя и использует изредка отрицательные эпитеты, но

в большинстве случаев придерживается нейтральных характеристик («сибиряки», «украинцы», «немцы», «киргизы» и др.), а в некоторых случаях отмечает позитивные моменты в поведении высланных. Весьма примечательными оказываются поведенческие оценки тех «кулаков», которые проявляли качества самоорганизации и инициативы (то, на что обращал внимание весной 1930 г. опальный нарком В. Н. Толмачев):

«Поселок № 6 Нижне-Васюганской комендатуры. <...> Больных немного. Объясняется это тем, что сама кулацкая масса оказалась организованной, более с места обеспеченной, и уполномоченный... дельный, способный человек» <...> в пос. № 11 «Курулдай» народ дружно работает. Когда я невольно их громко похвалил и заметил, что народ веселый, получил ответ: «Мы кулаки каменные, строить и работать умеем, подожди, построим дома, как в Москве». Там же встретил две группы молодежи по корчевке леса, называют себя бригадами».

Из того же письма следует, что Юргенс проявлял озабоченность по поводу организации производственной деятельности, считая данный аспект решающим в деле «оседания» крестьян в местах нового расселения. Для чекиста не было сомнений в необходимости «единой формы ведения хозяйства», «дать стимул в работе» и т. д. Однако он осознавал наличие «узких мест», препятствовавших результативной экономической деятельности. Среди них он отмечал факты «обезлички» (трудоспособные получали за день работы продовольственный паек мукой вдвое больший, чем иждивенцы), неблагоприятный баланс трудовой силы (малый процент трудоспособных мужчин, часть которых оказалась разъединена с семьями и находилась в местах заключения и ссылки; неизбежность использования труда женщин и подростков на тяжелых работах, вроде строительства домов, дорог, раскорчевки и т. д.), «нерасторопность» хозяйственных организаций в использовании труда высланных крестьян. Проблему воссоединения семей Юргенс относил к разряду первоочередных задач в деле стабилизации ситуации в спецпоселках. Вместе с тем он видел и то, что лимитирующим фактором для динамики производства зачастую становились нескоординированные или ошибочные действия различных хозяйственных органов: острейший дефицит инвентаря, орудий труда, строительных материалов: «Корчевать нечем, нет кирок, мотыг, не говоря уже о машинах. Кочуют буквально руками <...> люди буквально врубаются в лес». В другом своем письме от 18 августа 1931 г., в котором он информировал о подавлении единственного организованного спецпереселенцами восстания в Парбигской комендатуре (конец июля — начало августа), Юргенс весьма определенно

связывал возникновение вооруженного сопротивления не только и не столько с «контрреволюционной деятельностью актива кулаков», но и с просчетами аппарата комендатуры в деле продовольственного снабжения и организации производства в спецпоселках. Особенно вопиющим примером бесхозяйственности в информации Юргенса являлся следующий:

«Примерно на 6 участке[,] расположенном от Бокчара в 18 кил.[.] насчитывается 1904 хоз.[.] 8120 едоков. Имеют они 332 лошади и к ним сбури 38 комплектов, а это значит[.] что только указанное количество телег можно было использовать для перевозок. Виноваты в этом районе выселившие и до сих пор не дославшие инвентаря.

На ряде участков кончилась соль, запасов не было, слабый завоз во всем Нарымском крае. Договорились с Сибторгом и получили заимообразно 5 000 пудов соли — брошена 9/VIII из Колпашева в Коломино для участков.

Шло слабо строительство на участках, так как на участках не было уверенности в закреплении их за поселками кулаков. В этом вопросе большую сумятицу внес ЧАИНСКИЙ Рик, тянувший с отводом земли под кулацкие поселки[.]»³.

Увиденное в нарымских комендатурах суммировалось Л. И. Юргенсом в оптимистическое в целом ощущение перспектив штрафной колонизации северных территорий силами высланного туда крестьянства. В этом ему вторил начальник Кетской экспедиции Евсюков, отмечавший сдвиги в настроении вверенного ему «контингента»:

«Экспедиция констатирует наличие оседлости в районах расселения из 100–90. Нужно указать, что наличие стремления к заготовке земель под озимый сев и проведен сев (Палочка, Широково, Маракса, Новоселовский) культур и лихорадочное жилстроительство при недостатке инструментов; требование кулаков о разрешении покупки скота за свой счет у населения; организация работ (промыслы) — все вместе взятое подтверждает стремление большинства к освоению земель. Просьба кулаков о своевременной заброске семян, инструмента утверждает, что в среднем по всей Кето-Колпашевской линии на каждое х-во (около 7000) задание по ¼ га сев[а] озимых будет выполнено»⁴.

Корпоративный чекистский оптимизм лета 1931 г., однако, резко контрастировал с реальностью спецпоселений, когда согласно статистике СибЛАГ вместо ожидавшейся стабильности в комендатурах и «оседания» спецконтингента в Нарымском крае там с июня по декабрь 1931 г., по неполным данным, бежало около 16,5 тыс. высланных спецпереселенцев. За тот же период в нарымских комендатурах скончалось около 18 тыс. человек. Суммарная убыль (побеги и смертность) только в течение второй половины 1931 г. достигала 17 % от числа вселенных в край спецпереселенцев, что свидетельствовало о гуманитарной катастрофе⁵.

4.2. Изменение демографических характеристик крестьянской семьи как результат пребывания на спецпоселении

В первые десятилетия XX в. существенно ускорилась трансформация семейно-брачных отношений в российском обществе, которая шла в направлении постепенного отказа от жесткого следования традиционным нормам. Эти нормы «требовали обязательного вступления в брак по благословию родителей для всякого здорового человека, достигшего определенной “поры”, сохранения семьи при любых условиях, заключения повторного брака в случае вдовства в нестарых летах в интересах соблюдения нравственности и воспитания детей»¹, разводы допускались в исключительных условиях. Причины трансформации были связаны с модернизационными процессами в российском обществе, влияние которых усилилось революцией 1917 г., пошатнувшей религиозные основы традиционных брачных отношений, и катаклизмами первой трети XX в. Особенно сильным оказалось воздействие событий конца 1920-х — начала 1930-х гг. (в т. ч. раскрестьянивание и высылка на спецпоселение), катастрофические социально-демографические последствия которых привели к существенным изменениям семейно-брачных отношений.

С целью анализа изменений, произошедших в высланных на спецпоселение крестьянских семьях, нами была разработана и реализована программа, направленная на выявление динамики демографических показателей (пол, возраст, размер семьи, число детей, число умерших и родившихся и пр.), которые свидетельствуют о стабильности крестьянской семьи, ее внутреннем благополучии, перспективах развития. В современной историографии широко используются данные статистики общей численности спецпереселенцев, а также бежавших, умерших и родившихся и т. д., которые позволяют получить общее представление о динамике крестьянской ссылки, в т. ч. о демографических процессах и эволюции семейно-брачных отношений. Однако эта статистика не может дать представления о происходившем внутри крестьянских семей, как правило, не позволяет реконструировать способы и формы их адаптации к условиям жизни на спецпоселении. Формальный анализ данных совокупной статистики НКВД приводит некоторых исследователей к сомнительным выводам о стабильности социального института семьи на спецпоселении². Альтернативный вариант, который реализуется в данном исследовании, и был опробован ранее³, основан на анализе личных дел спецпереселенцев и официальной документации, что позволяет детально рассмотреть

социально-демографические процессы внутри крестьянской ссылки, выявить способы и результаты адаптации высланных крестьян.

Следующим шагом в развитии этих исследований стала попытка обобщить информацию, заключенную в личных делах высланных крестьян, находившихся на спецпоселении на территории современной Томской области. В делах сконцентрирована информация об основных событиях жизни членов семьи крестьян-спецпереселенцев. Немаловажно, что личные дела включают разные по происхождению документы (официальные и личные), что дает возможность сравнивать и уточнять имеющуюся в них информацию. Разумеется, данный источник не является полным, часть содержащихся в нем сведений искажена по причине неаккуратного делопроизводства. Крайне небрежным было ведение личных дел спецпереселенцев в первые годы их пребывания на поселении. Как известно, именно на эти годы приходилось наибольшее количество умерших и бежавших, что практически не нашло отражения в полученных нами данных. Не осталось, вероятно, никакой информации о семьях, которые в 1931–1933 гг. в полном составе умерли либо бежали. Данные особенности, характерные вообще для статистики крестьянской ссылки, необходимо учитывать при анализе личных дел.

Информация, содержащаяся в личных делах спецпереселенцев, была формализована посредством Microsoft Excel. Из 4,5 тыс. хранящихся в Информационном центре УВД Томской области личных дел, которые были заведены на глав семей и одиночек, высланных с территории современной Новосибирской области, случайным образом отобраны 250, или 5,5 % всех дел. Поскольку личные дела содержали информацию не только о главе, но и об остальных членах крестьянской семьи, подсчетами оказалось охвачено около 1,2 тыс. человек. Учитывая небольшой размер выборки, проведенный анализ следует рассматривать как первый опыт, который можно повторить на более широкой основе. Принципиальным отличием данной работы ОГПУ–НКВД–МВД является сохранение принципа посемейного учета при формализации данных. Основная часть вошедших в выборку семей была выслана в 1931 г. (именно этот год взят за начало пребывания на спецпоселении). К 1935 г. количество семей по разным причинам (бегство, смерть, передача на иждивение) уменьшилось на 16, к 1940 г. — еще на 9. Первоначальный состав семьи определялся в соответствии с личной карточкой, которая заполнялась на главу семьи в момент его выселения и включала информацию о ее членах. В случае если включенные в состав семьи дети либо другие родственники на момент высылки имели собственные семьи (что,

как правило, подтверждалось наличием отдельных личных дел), то эти малые семьи вычленились из состава больших. Возникновение новой семьи во время пребывания на спецпоселении регистрировалось как изменение внутри «старой семьи», молодая семья не учитывалась как отдельная единица в базе данных. По этой же причине в анализируемый массив не вошли личные дела глав тех созданных на спецпоселении семей, в отношении которых не удалось установить, в составе какой семьи они были высланы. Такой подход выбран нами из желания проследить историю семей спецпереселенцев, как минимум, в двух поколениях. Но он имеет и свои недостатки: исключение из выборки названных выше дел повлияло на определение средних показателей возраста глав семей и количества детей в семье.

Фиксировались следующие характеристики для каждой крестьянской семьи: численный состав; место жительства семьи на момент выселения; место и год рождения главы семьи; пол, годы рождения и смерти членов семьи; число детей до 16 лет и пожилых (старше 60 лет); факты побегов, передачи на иждивение родственникам и в детдома, снятия с учета, участия в Великой Отечественной войне, репрессий и получения наград. Выбранные для анализа показатели подсчитывались по состоянию на 1931, 1935, 1940, 1945 и 1950 гг. Эти даты разбивают весь период крестьянской ссылки почти на равные отрезки (4–5 лет); одновременно они являются важными рубежами с точки зрения общеисторических процессов в стране. Последняя дата (1950 г.) символизирует для большинства семей конец пребывания на спецпоселении (1948–1952 гг.). Отдельные показатели (численность) для 1931–1935 гг., как наиболее тяжелого и нестабильного периода, подсчитаны на каждый год. В зависимости от размера семьи нами выделены четыре группы: состоявшие из одиночек, из 2–3, 4–6, 7 человек и более. Для каждой из этих групп также определялись выбранные параметры.

По некоторым параметрам (доля детей в составе спецпереселенцев, коэффициент рождаемости) полученные нами результаты оказались отличными от показателей, определяемых по статистике ОГПУ–НКВД–МВД. На данный момент очевидна одна из причин расхождений: в нашу выборку не вошли семьи, созданные на спецпоселении, в отношении которых не была установлена связь с «родительской» семьей. Однако, по нашим оценкам, доля таких семей невелика (не более 5 %). Другие причины имеют характер предположений.

Одной из важных характеристик крестьянской семьи является ее размер. Динамика данного показателя для семей спецпереселенцев (по анализируемой выборке) представлена на рис. 1. В 1920-е гг. кре-

стьянская семья в Сибири продолжала оставаться основой сельского хозяйства, что отчасти определяло сохранение в качестве нормы многодетности и больших семей (5,5 человек по данным 1927 г.⁴), включавших, как правило, семьи повзрослевших детей, иногда младших братьев и сестер, значительно реже дальних родственников и призреваемых. Увеличение размера семьи и изменение ее состава (взросление детей, создание ими собственных семей в составе родительской) являлось одним из главных условий перехода крестьянских семей в категорию зажиточных⁵. По данным налоговой статистики конца 1920-х гг., средний размер зажиточной крестьянской семьи, т. е. облагаемой в индивидуальном порядке или лишенной налоговых льгот, составлял 8,49 человек, середняцкой — 5,88 человек.⁶ Согласно же информации краевого руководства ОГПУ, представленной в «Итоговой докладной записке об экспроприации кулачества в Сибири» от 25 апреля 1930 г., средний размер крестьянской семьи, высланной из Западной Сибири в 1930 г., составлял 5,17 человек⁷. Определенный нами средний размер семьи спецпереселенцев по состоянию на 1931 г. оказался еще меньше. Близкий результат — 4,32 человек был получен при анализе данных о численности спецпереселенцев в сельскохозяйственных комендатурах Западной Сибири на сентябрь 1931 г., представленных СибЛАГ ОГПУ в ответ на запрос директивных органов⁸. Столь значительные изменения размера крестьянских (по версии советского государства — «кулацких») семей, произошедшие за 2–3 года, имеют следующие объяснения. Во-первых, они свидетельствовали о том, что репрессии охватили гораздо более значительный круг семей, чем провозглашалось официально: высылке подверглись середняцкие и бедняцкие по своим демографическим характеристикам семьи. Во-вторых, сопоставимые с периодом войн и революций изменения являлись прямым следствием политики раскрестьянивания конца 1920-х — 1930-х гг. Хлебозаготовительные и налоговые мероприятия спровоцировали раздел семей, эти процессы были усилены репрессиями в отношении т. н. кулаков первой категории (аресты мужчин, в большинстве своем глав семей, приводили к тому, что депортировались усеченные, неполные в своем составе семьи) и политикой отделения молодежи от старших членов семьи уже на спецпоселении.

Косвенно об активном процессе раздела больших семей в конце 1920-х — начале 1930-х гг. свидетельствуют данные о территориальной мобильности попавших в выборку семей. Данный признак определялся путем соотнесения места рождения и места жительства главы семьи на момент высылки (табл. 13). Значительное расхо-

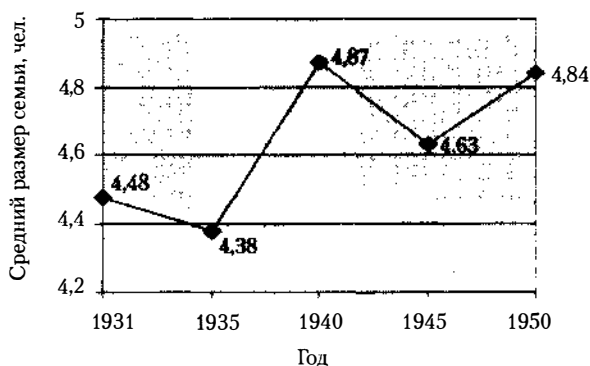

Рис. 1. Изменение среднего размера семьи спецпереселенцев

ждение результатов с данными, полученными М. С. Саламатовой при анализе территориальной мобильности сельских «лишенцев» (см. главу 2), имеет, по нашему мнению, две причины. Во-первых, при заполнении личных карточек глав высылаемых семей сельские и районные делопроизводители зачастую отождествляли место рождения с местом высылки. Во-вторых, разделение больших семей привело к значительному увеличению среди глав семей доли представителей второго и третьего поколения переселенцев конца XIX — начала XX вв. (по данным М. С. Саламатовой, среди членов семей «кулаков», лишенных избирательных прав, местные уроженцы составляли 82 %). Анализ параметров территориальной мобильности крестьян-спецпереселенцев свидетельствует о том, что к 1930 г. в сибирской деревне в целом закончился процесс адаптации прибывших на рубеже XIX–XX вв. семей переселенцев из западных районов страны, их хозяйства укрепились и уже не отличались от старожильческих. Насильственное выселение крестьян в начале 1930-х гг. способствовало еще большей консолидации местных уроженцев и приезжих и самоидентификации последних в качестве сибиряков.

Таблица 13

Распределение сельских «лишенцев» и глав семей спецпереселенцев по месту рождения, % к итогу

Место рождения	«Лишенцы»	Спецпереселенцы
Сибирь В т. ч.:	37	80,0
районы современной Новосибирской обл.	не определено	78,8

Место рождения	«Лишенцы»	Спец-переселенцы
Урал и Приуралье	1,5	0,8
Поволжье	4	—
Центральная часть России	16,5	8,4
Западная Россия, Украина и Белоруссия	15	8,0
Другие регионы	3	—
Не указано	23	2,8

Рассматривая большую семью в качестве основной единицы налогообложения и признавая ее экономическую функцию, государство административными мерами пыталось сдержать разделение семей. На начальной стадии «раскулачивания», по сводкам ОГПУ, наиболее распространенными мерами самозащиты крестьян стали действия, которые бы позволили уберечь от высылки некоторых членов семей, прежде всего детей и молодежь, иждивенцев, престарелых. С этой целью использовались следующие средства: подача заявлений женами «кулаков» о разводе; оставление детей и подростков либо родственникам, либо в «приемыши» знакомым крестьянам; отъезд молодежи в город, либо демонстративный разрыв с семьей с вступлением в колхоз, поспешное вступление в брак; использование связей с работниками низового советского аппарата с целью получения фиктивных документов; массовое бегство накануне и в ходе самой высылки⁹. Этим процессам карательные органы стремились противодействовать, совершенствуя меры контроля в целях не допускать «распыления» (термин из карательной лексики) семей спецпереселенцев. Так, на запрос руководства НКВД в прокуратуру РСФСР о том, как поступать с ходатайствами членов семей «кулаков» о разрешении несовершеннолетним детям не следовать с родителями в ссылку, передаче иждивенцев на попечение родственников и т. д., зам. прокурора Герасимов дал 10 ноября 1930 г. следующее разъяснение:

«1. Вам должно быть известно, что раскулачиванию и ссылке подвергалось кулацкое хозяйство (двор), а не только его глава. 2. Никаких «добровольно следовавших» в ссылку несовершеннолетних и совершеннолетних членов семьи, таким образом, быть не может. 3. Общее мнение по вопросу возвращения из ссылки (место поселения) кулаков 2-й категории общеизвестно и в подтверждении не нуждается [...] 4. Замужество и женитьбы не возбраняются. Необходимо только следить за тем, чтобы это не превратилось в обход и члены кулацких хозяйств не возвращались таким образом на родину»¹⁰.

Как показывает анализ личных дел репрессированных крестьян, чаще всего удавалось избежать ссылки детям старше 16 лет, особенно девушкам, которые фактически или фиктивно жили отдельно от родителей. В дальнейшем не высланные с семьей дети либо становились опорой для высланных (у них скрывались бежавшие со спецпоселения, они брали на иждивение престарелых и осиротевших и др.); либо, опасаясь репрессий, окончательно теряли связь с родственниками. Среди тех, кто через некоторое время все-таки оказывался на спецпоселении, основную часть составляли несовершеннолетние дети, которых оставившие у себя на иждивении родственники и знакомые возвращали родителям по изначальной договоренности приютить лишь на первое время или в силу других обстоятельств. Так, в 1932 г. к М. А. Ануфриевой, высланной в 1931 г. из Ордынского района Новосибирской обл. в Томск, прибыли ее шестеро детей. Как свидетельствуют материалы личного дела, дети были оставлены на прежнем месте жительства со старшей дочерью 1916 (или 1917) г. р., не имея средств к существованию, они выехали на спецпоселение к матери¹¹. В декабре 1931 г. высланный годом ранее из дер. Соскуль Барабинского округа А. З. Сибирцев обратился в Шерстобитовскую участковую комендатуру с просьбой разрешить ему поездку в Соскуль с тем, чтобы забрать отправленных туда с места спецпоселения в 1930 г., так как «не было средств д[ля]/существования», четверых детей в возрасте от 2 до 12 лет.

«В настоящее время, — писал А. З. Сибирцев, — имеется 1 лошадь и изба, сева ржи я имею $\frac{1}{2}$ гек[тара,] желаю жить здесь... Прошу не отказать в моей просьбе о доставке моих детей[,] которые находятся в Венгеровском районе дер. Соскуль[,] живут они на произвольном положении[,] в виду этого доставка их необходима»¹².

В отдельных случаях судьба спецпереселенца настигала, казалось бы, избежавших ее членов семьи через несколько лет. В 1930 г. при высылке на поселение семьи Н. М. Плотникова из Косихинского района его 12-летнего сына Василия взяли на воспитание дальние родственники. В 1935 г. В. Н. Плотников, работая счетчиком в одном из учреждений Барнаула, за должностное преступление получил пять лет лагерей. По отбытии срока лишения свободы он вернулся в Алтайский край, но при оформлении документов «всплыло», что его родители — спецпереселенцы. В итоге его отправили в Тулунский совхоз НКВД, с учета спецпоселения В. Н. Плотников был снят только в 1942 г. после призыва в РККА¹³.

Выявленная нами динамика среднего размера семьи на спецпоселении соответствует сложившимся историографическим

представлениям об изменении численности спецпереселенцев: до 1935 г. — сокращение населения спецпоселков; к 1940 г. — улучшение ситуации за счет снижения смертности, количества побегов и роста рождаемости; в 1941–1945 гг. — связанное с войной уменьшение численности и в 1946–1950-х гг. — относительная стабилизация. Расхождения со статистикой НКВД, в соответствии с которой в среднем по стране в 1940 г. на одну семью спецпереселенцев приходилось 3,8 человек, в 1948 г. — 2,8 человек¹⁴, объясняются методикой счета. Возникновение малых семей учитывалось нами как изменение внутри одной большой семьи, кроме того, мы продолжали учитывать в качестве членов семьи детей, которых снимали со спецучета и которые оставались на спецпоселении с родителями.

Репрессии значительно ускорили процесс разрушения большой крестьянской семьи. Для некоторых семей прямым следствием четвертьвекового пребывания в ссылке стал процесс депопуляции. Ниже приводятся сведения о нескольких семьях, для которых потери стали определяющим вектором в их борьбе за существование.

В 1930 г. из дер. Красный Яр Ордынского района на поселение в Парабельскую комендатуру была выслана семья Дьяковых в составе четырех человек: глава семьи Аким Иванович, 1894 г. р., жена Федосья Семеновна, 1896 г. р., дети — Ольга, 1922 г. р. и Иван, 1926 г. р. На поселении у них родилось еще пятеро детей, но столь же значительной оказалась и смертность среди них. Дочь Валентина родилась в 1931 г., умерла в 1938 г.; сыновья Михаил, 1933 г. р., Владимир, 1934 г. р., Владимир, 1938 г. р. умерли в возрасте менее одного года. В 1944 г. умер глава семьи. На момент подачи заявления в 1948 г. о снятии со спецучета семья Федосьи Семеновны состояла из двух дочерей — Ольги, у которой на тот момент уже родилась дочь Валентина, и Галины, родившейся в 1943 г. Сын Иван, призванный в 1943 г. в действующую армию, продолжал на тот момент служить во флоте¹⁵.

Фатей Николаевич Гольских, 1886 г. р., проживал с женой Харитиньей Федоровной 1898 г. р. и сыном Николаем, 1921 г. р., в пос. Вдовино Колыванского района. В 1930 г. его хозяйство было экспроприровано, а сам он стал спецпереселенцем, но поскольку Вдовино стало спецпоселком Шегарской комендатуры, то он с семьей состоял на спецучете, оставаясь жить в родном поселке. В последующие годы в семье родились дети, которые умирали в младенческом возрасте: дочь Матрена, родившаяся в 1932 г., прожила всего пять месяцев; дочь Лидия, родившаяся в 1934 г., умерла в шестимесячном возрасте; сын Юрий, родившийся в 1938 г., умер, не дожив до двух лет. Сын Николай, призванный в армию в 1942 г., вскоре погиб. Оставшиеся одни

Ф. Н. и Х. Ф. Гольских были сняты с учета спецпоселения в ноябре 1946 г. как родители погибшего участника войны. Так трагически сложилась история семьи, отбывавшей поселение в своем поселке¹⁶.

Несмотря на процесс распада большой крестьянской семьи, некоторые характерные для нее ценности сохранялись и, как правило, помогали выжить в тяжелых условиях. Близкие и дальние родственники брали на иждивение не только маленьких детей: в личных делах спецпереселенцев немало примеров, когда они принимали у себя старших членов семьи. Например, в 1932 г. из пос. Шутовского Новиковской комендатуры бежала 16-летняя Александра Ивановна Филоненко, высланная в составе семьи Ивана Прокопьевича Филоненко в 1931 г. из Бердского района. Судя по документам личного дела М. А. Филоненко (второй жены И. П. Филоненко), она находилась в Новосибирске, где долгое время жила у своего дяди Н. П. Филоненко. В 1940 г. жена И. П. Филоненко, Ефросинья Митрофановна Филоненко, которая была отпущена из пос. Шутовского в с. ПарABELЬ на лечение, приехала в Новосибирск и поселилась там же. Невозвращение к месту поселения было расценено как побег, однако розыскные мероприятия показали, что вскоре по приезду в Новосибирск Е. М. Филоненко умерла¹⁷.

Половой и возрастной состав анализируемой выборки семей спецпереселенцев по состоянию на 1931 г. в целом соответствовал половозрастной структуре населения Сибири, выявленной Всесоюзной переписью 1926 г.¹⁸ Доля детей и подростков до 16 лет среди спецпереселенцев составила 44,1 % (по данным переписи, доля детей до 14 лет в Сибири составила ок. 40 %), доля женского взрослого населения — 29,7 %, мужского — 26,2 %. По всем возрастным группам среди спецпереселенцев на 100 женщин приходилось 90 мужчин (в Западной Сибири, по данным переписи, — 95 мужчин). Посемейный принцип репрессий в отношении крестьянства и перенесение в спецпоселки традиционной для Сибири второй половины 1920-х гг. половозрастной структуры должны были обеспечить более прочное закрепление спецпоселенцев на местах высылки. Однако если рассматривать крестьянскую ссылку как способ колонизации северных и труднодоступных районов, необходимо заметить, что такая структура не способствовала успеху данного процесса. Действительно, в конце XIX — начале XX вв. соотношение между мужчинами и женщинами в регионе отличалось от средних показателей по стране: в Сибири доля мужчин была больше и в отдельные периоды даже превышала долю женского населения. Исследователи однозначно объясняют данную особенность «интенсивностью внешней миграции, повышавшей долю

трудоспособного, главным образом, мужского населения», на плечи которого ложились основные трудности по освоению и устройству на новом месте¹⁹. С середины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны проявилась тенденция к увеличению доли взрослых мужчин среди населения спецпоселков Западной Сибири²⁰, что было связано как с политикой, направленной на воссоединение семей, так и с отсутствием серьезных катаклизмов. Обусловленная Великой Отечественной войной диспропорция между взрослыми мужчинами и женщинами сохранялась до конца существования системы спецпоселений. По данным на 1 января 1948 г., доля взрослых мужчин среди спецпереселенцев, состоявших на учете в Отделе спецпоселений МВД СССР как «бывшие кулаки», составила 28,7 %, однако при этом доля женщин достигла 33,8 %, детей до 16 лет — только 37,6 %²¹. Таким образом, если на начало ссылки численность взрослых женщин превышала численность мужчин примерно на 13 %, то к концу ссылки разрыв составил ок. 18 %. Кроме того, в отличие от районов Западной Сибири, свободных от системы спецпоселений, где в 1945–1947 гг. численность трудоспособных мужчин довольно быстро восстанавливалась²², в спецпоселках наблюдалась обратная тенденция, что было связано с массовым снятием с учета участников войны и подрастающей молодежи.

Тем не менее, соотношение между полами и между взрослым и детским населением в целом не свидетельствовало о проблемной демографической ситуации на спецпоселении. Более серьезной она выглядит при анализе распределения глав семей по полу (табл. 14). С начала XX в. понятие «глава семьи» постепенно теряло свою актуальность. Сохраняя данную категорию учета, советская карательная система имела цель обеспечить контроль над жизнью семьи на спецпоселении через персональную ответственность. Для нас оставленная в наследство от системы спецучета классификация — это один из способов оценить степень стабильности крестьянской семьи на спецпоселении. В начале 1930-х гг. доля женщин в составе глав семей была меньше восьмой части, к началу 1950-х гг. она составляла более четверти. За рассмотренный период из числа глав семей по разным причинам выбыло 64 мужчин, в т. ч. 38 человек (17,4 %) умерли (из них двое погибли на фронте); 12 человек (5,5 %) бежали; 7 человек (3,2 %) были осуждены (из них трое вернулись после отбывания наказания) и столько же были переданы на иждивение. Но, учитывая, что происходил также переход главенства в семье от матери к сыну или второму мужу, число мужчин среди глав семей сократилось на 54 человек.

Распределение глав семей по полу

Год, чел.	Мужчины		Женщины		Всего
	чел.	%	чел.	%	
1931	218	87,20	32	12,80	250
1935	195	83,33	39	16,77	234
1940	173	76,89	52	23,11	225
1945	154	68,44	71	31,56	225
1950	164	72,89	61	27,11	225

Изменение соотношения между главами семей мужчинами и женщинами — отрицательное последствие пребывания на спецпоселении, которое сказалось на демографической и социальной стабильности крестьянской семьи. В условиях спецпоселения общие для страны и региона причины сокращения доли мужского населения (последствия демографических катастроф периода революций и гражданской войны, коллективизации и форсированной индустриализации, репрессий²³) были усилены дополнительными факторами. Политика, направленная на отрыв молодежи от старшего поколения, сокращала количество замещений выбывших глав семей (мужчин или женщин) подростками сыновьями; статус дискриминированной группы определял принудительный характер трудовых мобилизаций преимущественно трудоспособных мужчин; одним из способов адаптации к тяжелым условиям жизни на спецпоселении являлось сокращение количества детей, в т. ч. путем отказа от повторного вступления в брак.

Те же причины привели и к постепенному увеличению среднего возраста глав семей спецпереселенцев (табл. 15). В момент высылки и в первые годы пребывания на спецпоселении преобладали главы семей в возрасте от 31 до 40 лет (27,6 %), несколько меньше было 41–50-летних (25,25 %) и 51–60-летних (22,4 %). Таким образом, доля глав семей, принадлежавших к наиболее социально и экономически активной возрастной группе от 31 до 50 лет, составила 52,85 %, что сопоставимо с данными, полученными при анализе возрастного состава сельских «лишенцев» (см. главу 2). В анализируемой категории доля 41–50-летних была несколько меньшей, чем среди сельских «лишенцев»: 25,25 против 32,5 %. Возможно, это связано с тем, что в данной группе «лишенцев» была велика доля крестьян, отнесенных к «кулакам I категории», которые были подвергнуты заключению или расстреляны и соответственно не попали на спецпоселение. После

1935 г. доля старших возрастных групп среди глав семей спецпереселенцев неуклонно росла за счет сокращения числа глав семей младших и средних возрастных групп. К 1950 г. удельный вес возрастной группы старше 60 лет достиг 42,67 %, тогда как группа младше 30 лет исчезла вовсе, а главы семей в возрасте от 31 до 40 лет составили всего 6,22 % от общей численности.

Таблица 15

Изменение среднего года рождения и возраста глав семей

Год	Средний год рождения	Средний возраст, лет
1931	1888	43
1935	1889	47
1940	1890	51
1945	1891	54
1950	1892	58

Важной характеристикой крестьянских семей является количество детей и пожилых людей в них. В анализируемой выборке изменение возрастной структуры проявлялось в увеличении доли пожилых людей и сокращении удельного веса детей и подростков (табл. 16). Ситуация в спецпоселках, отраженная в карательной статистике, отличается от реконструируемой по нашим данным (главным образом потому, что в нашей выборке не учтены все молодые семьи, созданные на поселении), однако оба источника указывают одно направление динамики. Сложившееся в спецпоселках возрастное соотношение объясняется прежде всего оттоком молодых людей из мест поселения, а также сохранявшейся на всем протяжении крестьянской ссылки высокой детской смертностью.

Таблица 16

Изменение доли детей и пожилых людей в период ссылки

Год	Дети (до 16 лет)		Пожилые (старше 60 лет)		Всего в выборке	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1931	494	44,11	52	4,64	1120	100
1935	393	37,36	57	5,42	1052	100
1940	378	34,08	84	7,57	1109	100
1945	254	23,58	106	9,84	1077	100
1950	217	19,34	139	12,39	1122	100

В суровых природно-климатических условиях Нарымского Севера, где основные виды деятельности были связаны с тяжелым физическим трудом, значительная доля нетрудоспособного (или малотрудоспособного) населения при уменьшении количества детей означала потерю перспектив развития для спецпоселений. Снижение детности изменило традиционный для крестьян структурно-поколенный состав семей (табл. 17).

Таблица 17

Распределение семей спецпереселенцев по числу детей

Детей в семье	1931 г.		1935 г.		1940 г.		1945 г.		1950 г.	
	семей	%	семей	%	семей	%	семей	%	семей	%
Нет	49	19,6	56	23,9	60	26,7	103	45,8	126	56,0
1	61	24,4	65	27,8	50	22,2	56	24,9	43	19,1
2	49	19,6	45	19,2	57	25,3	29	12,9	21	9,3
3	52	20,8	47	20,1	36	16,0	21	9,3	23	10,2
4	23	9,2	11	4,7	17	7,6	10	4,4	6	2,7
5	11	4,4	7	3,0	5	2,2	2	0,9	2	0,9
Более 5	5	2,0	3	1,3	2	0,9	4	1,8	4	1,4

Увеличение демографической нагрузки на крестьянскую семью во время пребывания на спецпоселении наглядно представлено на рис. 2. Данная нагрузка практически с первых лет существования системы спецпоселений стала ощутимой и для государства. Столкнувшись с проблемой заботы о пожилых и нетрудоспособных спецпереселенцах, власть постаралась переложить ее на родственников. Первые распоряжения ОГПУ о возможности передавать на иждивение родственников и знакомых детей-сирот до 14 лет, инвалидов, стариков, семей, не имевших в своем составе трудоспособных членов, были сделаны в 1931 г. Однако очевидная экономическая и социальная нецелесообразность оставления стариков и инвалидов в местах спецпоселения не всегда являлась решающим фактором при определении их судьбы. Весьма значимой оставалась репрессивная составляющая, которая, впрочем, зачастую была направлена не столько против них самих, сколько служила средством давления на их родственников. В директивном письме ГУЛАГ и финотдела ОГПУ об устройстве инвалидов и иждивенцев из числа спецпереселенцев от 16 июля 1932 г. говорилось об обязательном трудоустройстве «инвалидов II и III категории, стариков-одиночек, способных к какому-либо труду и круглых сирот старше 12 лет»²⁴.

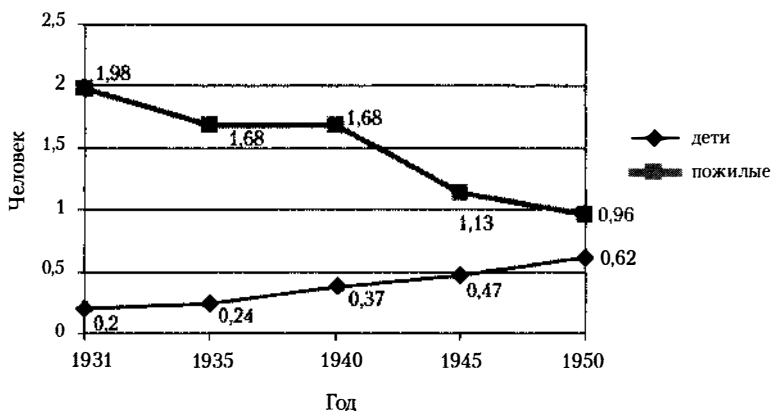

Рис. 2. Динамика среднего числа детей и пожилых людей на одну семью в период ссылки

Во второй половине 1934 г. руководители ГУЛАГ, обеспокоенные выездом из спецпоселков восстановленных в гражданских правах в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. спецпереселенцев, обратились к руководству страны с просьбой принять дополнительное постановление, в котором было бы указано, что восстановление в правах не дает права на выезд из мест спецпоселения²⁵. Со своей стороны они приняли меры к ужесточению режима пребывания на спецпоселении, в т. ч. для нетрудоспособных категорий. В разъяснении ГУЛАГ местным органам о порядке передачи на иждивение детей, инвалидов и стариков от 21 апреля 1935 г. говорилось о том, что передача данных категорий спецпереселенцев на иждивение возможна лишь «только в крайних случаях и каждый раз с ведома и разрешения Нач[альника] УНКВД или ГУЛАГ НКВД». Предпочтительной формой их устройства, по мнению руководства ГУЛАГ, на тот момент считались детские дома и дома для инвалидов и престарелых²⁶. Реакцией карательных органов на практику, которую использовали репрессированные крестьяне (сначала побег или выезд восстановленных в гражданских правах трудоспособных членов семей, а затем вынужденная передача на иждивение оставшихся в спецпоселках стариков и детей), следует считать обозначенное в этом же документе категорическое запрещение «передавать на иждивение семьи[,] из числа которых имеются бежавшие»²⁷.

Противоречивость позиции ОГПУ–НКВД в вопросе о передаче на иждивение наглядно иллюстрируется судьбой Василия Степановича Сибирцева, высланного вместе с женой в 1930 г. из Меньшиков-

ского (позднее — Венгеровского) района в Львовскую поселковую комендатуру Парабельского района. На момент высылки ему было 65 лет, его жене — 67. В марте 1932 г. он впервые подал заявление коменданту Шерстобитовской участковой комендатуры с просьбой передать его на иждивение двоюродного брата. Документы дела не позволяют определить, почему, несмотря на положительную резолюцию, В. С. Сибирцев не выехал сразу со спецпоселения. В 1933 г. жена Василия Степановича умерла. В 1934 г. в Пудинскую участковую комендатуру поступило заявление-поручительство двоюродного брата В. С. Сибирцева Я. С. Чердынцева и еще двух его односельчан о готовности взять Сибирцева на иждивение и обязательстве «содержать в кругу своей семьи и преследовать за ним до самой смерти»²⁸. В феврале 1936 г. в Пудинскую комендатуру пришел запрос из Томской комендатуры о том, состоит ли на учете в Пудино Гурьян Васильевич Сибирцев, 1905 г. р., который проживает в Томске. В ответе сообщалось, что на личном учете состоит лишь его отец В. С. Сибирцев: «просим этапировать его [Г. В. Сибирцева. — С. К., С. У.] к отцу в прокормление последнего»²⁹. Являлся ли Г. В. Сибирцев сыном В. С. Сибирцева и как развивалась дальше эта линия, также непонятно. В деле В. С. Сибирцева имеется подлинная справка, датированная июлем 1936 г., о передаче его на иждивение Я. С. Чердынцеву. Наличие в деле подлинника справки свидетельствует о том, что по каким-то причинам данный процесс был приостановлен. Действительно, в апреле 1937 г. В. С. Сибирцев направил заявление начальнику СибЛАГ с просьбой освободить его от обязанности оплачивать взятую ссуду. В. С. Сибирцев пояснил, что комендант Пудинской участковой комендатуры отказал ему в передаче на иждивение, требуя уплаты ссуды в размере 138 руб.: «Но так как я не имею никакого хозяйства и вообще не имею никаких средств, то уплатить числящуюся за мной ссуду я не могу, так как мой 73-летний возраст лишил меня возможности не только работать, но и существовать без посторонней помощи»³⁰. В мае 1939 г. Василий Степанович умер на спецпоселении.

После окончания Великой Отечественной войны процесс передачи престарелых спецпереселенцев на иждивение приобрел массовый характер. Помимо существовавший в 1930-е гг. процедуры, которая требовала подтверждения нетрудоспособности передаваемых на иждивение, в 1945 г. в связи с массовым возвращением в места спецпоселений снятых с учета участников войны Отдел спецпоселений НКВД СССР разрешил демобилизованным из армии бывшим спецпереселенцам перевозить к себе семьи и ближайших родственников в пределах тех краев и областей, где те находились на спецпоселении³¹.

В 1946 г. Василий, 1920 г. р. и Александр 1929 г. р. Алексеевичи Прохоренко, высланные в 1931 г. вместе со своими родителями и дедом из Чулымского района в Парабельский, оба участники Великой Отечественной войны, обратились с заявлениями о передаче им на иждивение матери Елены Мироновны и деда Ильи Исаевича. Отделом трудпоселений Управления МВД по Томской обл. в снятии с учета и передаче на иждивение Е. М. Прохоренко было отказано как трудоспособной, однако ей с семьей разрешили выехать к сыновьям в Новосибирск, где она находилась на спецучете до лета 1947 г.³²

Высылка крестьянских семей на спецпоселение повлияла на изменение семейно-брачных отношений. Они стали одним из главных инструментов адаптации спецпереселенцев к новым условиям жизни. Возрастная структура рождаемости и биографические сведения из личных дел репрессированных крестьян свидетельствуют о тенденции к увеличению возраста вступления в брак. Желание покинуть места спецпоселения, что в одиночку, как правило, было сделать легче, нередко оказывалось сильнее потребности сохранить семью. Несмотря на то, что, по официальным данным, количество разводов среди спецпереселенцев было невелико³³, число неполных семей увеличивалось не только по причине смерти или ареста мужа или жены, но и в результате фактических разводов, многие из которых были результатом побега одного из супругов. В ситуации, когда побег ставил под угрозу само существование оставшихся на спецпоселении членов семьи, второй супруг нередко оказывался помощником карательных органов в поиске беглеца.

В 1930 г. из Барабинского района в Пудинский район был выслан Николай Федорович Щербаков, 1897 г. р., вместе с женой Анной Логвиновой и тремя детьми. В 1934 г. Н. Ф. Щербаков был осужден «за порчу хлеба» на 3 года лишения свободы с отбыванием срока в Колпашевском исправительно-трудовом доме (ИТД), в 1935 г. был досрочно освобожден и отправился в Барабинский район, где на основании справки об освобождении получил паспорт и работал в течение года. В мае 1936 г. Н. Ф. Щербаков оказался в Пудино. По его словам, зафиксированным в протоколе допроса, он принял решение вернуться добровольно, т. к. «стал получать письма от жены, что ей тяжело одной жить»³⁴. По словам А. Л. Щербаковой, ее муж был «силой вынужден через уч[асткового] ком[ендан]та»³⁵. Спустя два месяца он вновь бежал и, воспользовавшись сокрытым паспортом, жил и работал в течение трех лет в Новосибирске. Судя по документам личного дела, Н. Ф. Щербаков жил некоторое время у родственников жены и она, по-видимому, знала, где он находился. Длительное отсутствие

мужа и его нежелание помогать семье заставили А. Л. Щербакову принять меры для его возврата в Пудино. В декабре предположительно 1937 г. или 1938 г. она написала заявление на имя участкового коменданта, в котором сообщила адрес пребывания мужа в Новосибирске и просила «...дать содействие и вытребовать на соединение семьи[,] так как у меня 2-е детей, которых у меня нет возможности воспитывать, а муж помощи не оказывает»³⁶. Отношение Н. Ф. Щербакова к семье, очевидно, также изменилось: задержанный в феврале 1939 г. в Новосибирске Щербаков, отвечая на вопрос, почему после отбытия срока в 1934 г. он не вернулся в Пудино, пояснил: «Когда я освободился[,] то никто не сказал мне[,] что я должен явиться в Пудинскую комендатуру[,] и я уехал в Барабинск[,] а жену оставил[,] потому что она до моего освобождения вышла замуж»³⁷. Во время этапирования из Новосибирска в Пудино Н. Ф. Щербаков бежал. В июне 1939 г. его жена сообщила участковому коменданту о возможном местонахождении своего супруга и сочла необходимым пояснить детали побега: «...начальник этапа позволил дать отпуск на 4 дня Щербакову[,] каковой скрылся совсем[,] а отпуск дан по пьяной лавочке[,] Пили три дня напропалую[,] со слов этапированных сюда[,] которые были с ним вместе»³⁸. Больше свидетельств о Н. Ф. Щербакове не было, в 1942 г. А. Л. Щербакова обратилась за разрешением на переезд в Колпашево, где жили на спецпоселении ее мать и сестра.

Государство пыталось регулировать семейно-брачные отношения спецпереселенцев, преследуя в первую очередь цель обеспечить социальную стабильность крестьянской ссылки. Пример семьи Щербаковых свидетельствует о том, что нередко побег и, как следствие, распад семей провоцировались действиями самой власти. Наиболее уязвимой с этой точки зрения являлась неотработанность процедуры освобождения из мест лишения свободы. После отбытия срока, особенно в случае досрочного освобождения, мужчине, члены семьи которого находились на спецпоселении, нередко выдавали справку, которая являлась основанием для получения паспорта и, значит, давала возможность поселиться где-нибудь в качестве вольного гражданина. В 1930-х гг. руководством ОГПУ–НКВД была принята серия директивных решений по переводу основной части осужденных в 1930–1931 гг. «кулаков первой категории» на спецпоселение к своим семьям, а также регулирующие порядок освобождения «бывших кулаков» из мест лишения свободы с тем, чтобы обеспечить их возвращение на спецпоселение.

Другой вопрос, потребовавший вмешательства государства, — браки между спецпереселенцами и гражданами, не состоящими на спецу-

чете. В августе 1931 г. на места было направлено циркулярное письмо ГУЛАГ ОГПУ, появление которого было вызвано поступающими из местных органов ОГПУ запросами о возможности заключения браков спецпереселенцев с вольными гражданами. В письме говорилось о том, что никаких препятствий для вступления в брак не может быть, однако пояснялось, что «фактом вступления в брак с вольными гражданами спецпереселенцы не снимают с себя гражданских ограничений», вопрос об изменении правового положения должен был решаться индивидуально «в зависимости от поведения спецпереселенца или спецпереселенки, их отношения к труду, выполнения норм и т. п.», данную льготу рекомендовалось применять «в особенности к той части молодежи, которая порвала связь с контрреволюционной частью кулачества»³⁹. Несмотря на то, что браки были санкционированы, в информационных сводках местных партийных, советских органах и органах ОГПУ–НКВД их оценивали негативно как случаи «сращения вольнонаемных и спецпереселенцев». В информационном письме Нарымского окружкома ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком, датированном маем 1933 г., сообщалось о «новом методе борьбы классового врага», который использовал один из работников Каргасокского райОНО: по мнению работников окружкома, он сознательно подбирал для работы в школе «парочку, т. е. девушку из вольных, а парня из спецпереселенцев или наоборот»⁴⁰.

Судя по личным делам спецпереселенцев, до рубежа 1930–1940-х гг., когда в брачный возраст вступили родившиеся в первой половине 1920-х гг. дети спецпереселенцев, количество браков между «вольными» и спецпереселенцами оставалось небольшим, что, по-видимому, было связано с преимущественно изолированным проживанием последних и опасениями тех, кто не состоял на спецучете, быть обвиненными в связи с репрессированными. Позиция человека, который чувствовал свою уязвимость из-за вступления в союз с дочерью спецпереселенцев, и попытка санкционировать его восстановлением в избирательных правах избранницы представлены в заявлении работника Томской лесоперевалочной базы Р. Д. Русанова руководству СибЛАГ ОГПУ, датированном 2 декабря 1934 г. Он приводит следующие аргументы в защиту Антонины (Нины) Порфирьевны Ануфриевой, мать которой была выслана в 1931 г. из Ордынского района в Томск. Во-первых, «добровольный» характер выезда на спецпоселение: первоначально Антонина, которой было 15 лет, и ее младшие братья и сестры остались в Ордынском районе, но, не имея средств к существованию, они приехали в Томск, «будучи все нетрудоспособными они, в целях возможности пользоваться пайком Сиблага как

иждивенцы, были по матери приписаны к спискам Сиблага и таким образом тоже стала лишенкой». Во-вторых, добросовестный труд на спецпоселении: «не как близкий ей человек, а как начальник биржи в прошлом и старший бракер в настоящее время, я должен сказать, что она работала безукоризненно...». В-третьих, возможность ее перевоспитания: «будучи еще молодым, ломким организмом, она быстро поддавалась перевоспитанию и на сегодняшний день она идет дорогой абсолютно противоположной той, по которой шли ее родители». В заключение Р. Д. Русанов формулирует свою просьбу: «Учтя все это[,] я с ней сошелся и живем вместе как муж и жена, она беременна и скоро должен быть ребенок, мне необходимо юридически оформить брак с ней и зарегистрировать на себя новорожденного, чего я считаю не могу сделать до того, как она будет восстановлена в правах гражданства...»⁴¹ Судя по документам дела, А. П. Ануфриева была восстановлена в избирательных правах в апреле 1936 г., снята с учета в 1940 г.

К числу показателей, наиболее красноречиво свидетельствующих о степени демографического благополучия, относятся коэффициенты рождаемости и смертности. Статистика Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГ ОГПУ зафиксировала катастрофический уровень рождаемости и смертности спецпереселенцев в 1932–1934 гг.: только в 1935 г. число родившихся на спецпоселении незначительно (менее чем на 20 %) превысило число умерших⁴². Общая для населения страны демографическая катастрофа, разразившаяся в начале 1930-х гг., в условиях спецпоселения усугубилась экстремальными условиями жизни и статусом спецпереселенцев как репрессированной группы. Коэффициенты рождаемости и смертности, рассчитанные нами для анализируемой выборки, подтверждают то же направление демографического развития спецпереселенцев. Вместе с тем значительное расхождение коэффициентов рождаемости в 1931–1934 гг., определенных по выборке и по данным статистики Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГ ОГПУ (табл. 18), наглядно свидетельствует об особенностях ведения делопроизводства в спецкомендатурах. Очевидно, что до середины 1930-х гг. информация о рождении детей вносила в личные дела спецпереселенцев чрезвычайно неаккуратно. В большинстве случаев зафиксированными оказались факты рождения в 1931–1933 гг. лишь тех детей, которые не умерли ранее 1934 г., когда система посемейного учета стала функционировать относительно стабильно. Еще более значительно различаются рассчитанные по анализируемой выборке и по статистике ОГПУ коэффициенты смертности спецпереселенцев в 1931–1934 гг.

Динамика рождаемости спецпереселенцев, 1932–1940 гг.

Год	По Западной Сибири*, ‰	По выборке, ‰
1931/32	15,0	5,4
1933	24,4	18,7
1934	17,7	11,4
1935	22,4	21,0
1936	22,0	22,1
1940	30,7	21,0

* Подсчитана по данным сводной статистики ОСП–ОТП ГУЛАГ ОГПУ–НКВД // *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 22–25, 36–41.

Тем не менее, информация, содержащаяся в личных делах спецпереселенцев, позволяет определить несколько важных демографических показателей, расчет которых по данным совокупной статистики ОГПУ–НКВД невозможен. К их числу относятся возрастные коэффициенты рождаемости и возрастная структура смертности спецпереселенцев. Определенные нами коэффициенты рождаемости женщин-спецпереселенок фертильного возраста в 1936–1940 гг. (табл. 19), когда половозрастная структура населения спецпоселков была близка типичной для сельской Сибири того же периода, указывают на трансформации традиционного для крестьян демографического поведения. Доминирование в структуре рождаемости женщин в возрасте от 25 до 39 лет, на наш взгляд, свидетельствует об откладывании браков как способе снижения рождаемости. Данная практика, которая во многом являлась реакцией на тяжелые условия жизни, противоречила характерному для крестьянской культуры демографическому поведению, которое было направлено на компенсацию общей и особенно детской смертности за счет высокой рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости спецпереселенцев в 1936–1940 гг. составил 3,2 ребенка на одну женщину. Современные исследователи полагают, что эти процессы, характерные для всего населения страны в конце 1920-х – 1940-е гг., являются одним из свидетельств перехода российского общества к новому этапу развития. Но, поскольку причина данных изменений была связана не столько с эволюцией социальных и экономических отношений, сколько с глубоким кризисом, то их последствия оказались весьма противоречи-

выми и не соответствовали насущным требованиям развития общества и экономики страны⁴³.

Таблица 19

Среднегодовые половозрастные коэффициенты рождаемости спецпереселенцев, 1936–1940 гг.

Возрастная группа	Коэффициент рождаемости, ‰
15–19 лет	4,5
20–24 года	46,2
25–29 лет	161,0
30–34 лет	141,7
35–39 лет	136,4
40–44 лет	75,9
45–49 лет	69,6

При сокращении рождаемости детская смертность в спецпоселках составила в 1931–1950 гг. величину, сравнимую с долей умерших в возрасте старше 50 лет: 37,4 (в т. ч. дети до 5 лет — 21,9 %) и 40,1 % соответственно. Тем не менее, постепенная стабилизация экономической и медико-санитарной ситуации наряду с изменением возрастной структуры населения спецпоселков к концу существования системы спецпоселений уменьшила долю детской смертности (рис. 3).

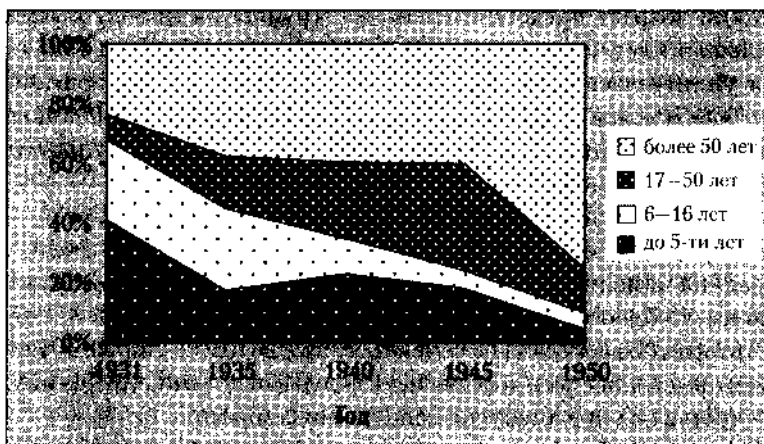

Рис. 3. Динамика возрастной структуры смертности спецпереселенцев, 1931–1950 гг.

Полагая, что судьба семьи на спецпоселении, стратегия и тактика поведения ее членов во многом зависели от ее размера и половозрастной структуры, мы выделили четыре группы семей, состав которых определял особенности их адаптации на спецпоселении и специфику изменения демографических характеристик. Первая группа состояла из одиночек, вторая — из 2–3 чел., третья — из 4–6 чел., четвертая — из 7 человек и более. Изменение доли каждой из этих групп в период пребывания на спецпоселении отражено в табл. 20. Внутри групп при необходимости мы выделяли подгруппы.

Таблица 20

Распределение крестьянских семей по размеру

Состав семьи, чел.	1931 г.		1935 г.		1940 г.		1945 г.		1950 г.	
	семей	%	семей	%	семей	%	семей	%	семей	%
1	6	2,4	6	2,6	8	3,6	9	4,0	8	3,6
2–3	76	30,4	78	33,3	51	22,7	59	26,2	52	23,1
4–6	131	52,4	124	53,0	125	55,5	124	55,1	124	55,1
Более 6	37	14,8	26	11,1	41	18,2	33	4,7	41	18,2
Всего	250	100	234	100	225	100	225	100	225	100

Первая группа оказалась наиболее нестабильной: из шести высланных одиночек уже к 1941 г. не осталось ни одного: трое бежали, из них один был арестован, двое переданы на иждивение, один умер. Средний возраст представителей этой группы на момент высылки составил 45 лет, пожилых людей насчитывалось 33,3 %, в 1933 г. их доля увеличилась до 66,7 %. В 1935 г. в этой группе был заключен один брак и рожден ребенок, но в 1939 г. эта семья бежала. Одиночки, которые фигурируют в данных за 1941–1950 гг., — это результат распада больших семей.

Во второй группе семей мы выделили три подгруппы:

— первая (А) включала молодые семейные пары. Эти люди, чей возраст на момент высылки не превышал 40 лет, либо не имели детей, либо имели одного ребенка, как правило, не старше 10 лет;

— вторая (Б) состояла из семейных пар в возрасте старше 40 лет на момент высылки с уже достаточно взрослыми детьми или без них;

— третья (В) представлена неполными семьями.

Соотношение между этими подгруппами на момент высылки было таковым: А — 34 семьи (44,8 %), Б — 33 семьи (43,4 %), В — 9 семей (11,8 %).

Подгруппа А обладала наибольшим потенциалом роста: ее численность в 1931–1950 гг. увеличилась на 65 % — с 92 до 152 человек, наиболее высокие темпы роста пришлось на 1935–1940 гг., 30 семей за время пребывания на спецпоселении «перешли» в категорию средних и больших. На протяжении всего периода ссылки доля пожилых людей в составе данной подгруппы оставалась значительно ниже среднего показателя (см. табл. 16), максимального значения она достигла в 1950 г. и составила 2,6 %. До 1935 г. включительно доля детей в составе подгруппы была менее 30 %, в 1936–1945 гг. она составляла более 40 %, снизившись до 39,5 % к концу пребывания на спецпоселении.

Численность подгруппы Б за время пребывания на спецпоселении, напротив, уменьшилась на 8 % (с 87 до 80 человек). Большая доля пожилых людей (ок. 5 % на момент высылки и 35 % к концу пребывания на спецпоселении) оказала влияние на структуру убыли: на иждивение было передано 10 человек (11,5 % от первоначальной численности подгруппы), умерли 8 чел. (9,2 % от первоначальной численности). Отсутствие малолетних детей облегчало побег для спецпереселенцев данной подгруппы: по документам личных дел, за время пребывания на спецпоселении бежали 8 чел. (для сравнения, в подгруппе А — 5 человек, что составило чуть более 5 % от первоначальной численности подгруппы А).

Численность подгруппы В была достаточно стабильной, уменьшившись в 1931–1950 гг. с 23 до 22 человек. Невысокий естественный прирост численности компенсировался низким процентом убыли, что объясняется преобладанием детей и людей среднего возраста (в первые 10 лет пребывания на спецпоселении дети в подгруппе составляли 55 %; до 1936 г. не было пожилых людей, в последующие годы их доля равнялась 5–9 %). Почти четверть первоначального состава бежала, при этом в отличие от подгруппы Б, в которой беглецами становились в основном отдельные члены семьи, прежде всего подростки, в подгруппе В побег совершались всей семьей.

Третья группа семей на протяжении всего пребывания на спецпоселении составляла немногим более половины всех семей крестьян-спецпереселенцев. Наиболее типичные для сельской Сибири размер и половозрастная структура семей, входящих в данную группу, позволяют рассматривать происходившие внутри нее процессы как наиболее репрезентативные для крестьянской ссылки. Динамика численности группы (табл. 21) указывает на сохранявшийся до 1936 г. отрицательный прирост. Значительный процент в структуре убытия со спецпоселения составляли побег, их редко совершали

всей семьей: как правило, это были два-три члена семьи, которые надеялись впоследствии каким-либо образом переправить к себе остальных. Приближенная к крестьянским семьям традиционного типа первой половины XX в., данная группа характеризовалась, по-видимому, наличием крепких родственных связей, что позволило использовать передачу части престарелых и детей на иждивение как один из способов адаптации.

Таблица 21

Динамики численности семей спецпереселенцев из 4–6 чел.

Год	Прибыло			Убыло					Человек на конец периода	Среднегодовой прирост (убыль), %
	Родились	Вступили в брак	Освобождены, вернулись с фронта и т. п.	Умерли	Бежали	Переданы на иждивение, уехали на учебу	Арестованы	Призваны на фронт		
1931	—	—	—	—	—	—	—	—	623	—
1932	3	2	1	20	13	4	—	—	592	4,98
1933	11		7	7	15	3	1	—	584	1,35
1934	7	2	1	6	11	2	—	—	575	1,54
1935	11	4		13	3	4	—	—	570	0,87
1936–1940	58	9	2	27	7	12	3	—	590	0,70
1941–1945	25	2	2	17	—	—	2	34	566	0,81
1946–1950	10	3	26	12	3	1	—	—	589	0,81

Четвертая группа семей (7 человек и более) по динамике и структуре прироста и убыли численности сходна с семьями третьей группы: численность группы в 1931–1950 гг. уменьшилась на 4,5 % с 292 до 279 человек, родилось 45 человек (15,4 % от первоначальной численности группы), умерло — 43 (14,7 %), бежало — 19 человек (6,5 %). Сходство объясняется значительной долей детей в их составе (на момент высылки 46,7 % в семьях из 4–6 человек и 53,8 % в более крупных семьях). В первые годы пребывания на спецпоселении большая доля детей обуславливала высокий процент смертности в этих группах, но затем обеспечивала относительную стабильность и потенциал для развития семей.

Анализ демографических параметров показал, что на спецпоселении проявились общие для страны тенденции. Одна из наиболее

важных — снижение рождаемости при сохранение высокой смертности. Данный процесс был прежде всего ответом общества на тяжелейшие условия жизни, сложившиеся в стране на рубеже 1920–1930-х гг. В условиях пребывания на спецпоселении, где обстановка была еще более тяжелой и где государство вело сознательную политику на отрыв молодежи от старшего поколения, эта тенденция привела к старению населения спецпоселков. Осознанный или неосознанный выбор стратегии и тактики поведения на спецпоселении во многом зависел от размера семьи и ее состава. Так, для небольших семей с минимальным потенциалом для развития поиск путей вырваться из спецпоселения (побеги, переход на иждивение) был едва ли не единственным способом адаптации. Для больших и средних семей эти же методы были лишь одним из способов решения возникающих проблем, а основой их существования оставались семейные связи.

4.3. Адаптационные практики крестьянских семей на спецпоселении

Изменение проанализированных выше социально-демографических характеристик крестьянских семей во время их пребывания на спецпоселении являлось, однако, результатом не только прямого влияния репрессивной государственной политики и тяжелой социально-экономической ситуации, но и выбранных крестьянскими семьями практик адаптации к условиям жизни. Государство предлагало свои способы адаптации: ударная работа, участие в общественной жизни, сотрудничество с властью и др. С точки зрения большинства спецпереселенцев все это должно было помочь им покинуть места спецпоселения и восстановить свои гражданские права. Такая перспектива была обещана им постановлением ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», согласно которому последние «восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса при условии: а) если они в течение этого срока на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства, б) если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»¹.

Данный публично-правовой акт был принят спустя полтора года после начала массовых антикрестьянских репрессий в виде высылки на спецпоселение. Очевидно, что пауза в определении судеб спецпереселенцев возникла не случайно, равно как и согласование измене-

ния правового статуса репрессированных крестьян с процедурой их восстановления в гражданских правах. Осуществляя депортацию нескольких сотен тысяч крестьянских семей, сталинский режим сознательно не придал репрессиям четко очерченных законодательных рамок. Депортация, будучи по форме внесудебной, административной ссылкой, абсолютно не вписывалась в нормы последней, поскольку не была ограничена никакими временными сроками (становилась бессрочной), носила не индивидуальный, а семейный характер и соединялась с принудительным трудом. Вокруг спецпереселенцев возник правовой вакуум, в сравнении с ними даже заключенные, содержание и режим пребывания которых в местах лишения свободы регламентировался Исправительно-трудовым кодексом, находились в более определенном положении. Чекисты, в чье непосредственное ведение после расформирования летом 1931 г. НКВД союзных республик перешло управление системой крестьянских спецпоселений, согласились с партийным руководством в необходимости дать крестьянам «перспективу» для стабилизации ситуации в спецпоселках. Простота решения, равно как и необязательность его выполнения, состояла в том, что фактическим критерием для высылки выступало лишение части крестьян избирательных прав в предыдущие годы. Списки на высылку, за небольшим исключением, совпадали со списками сельских «лишенцев», имевшимися в местных органах власти. Сложившаяся в 1920-е гг. процедура восстановления в правах предполагала выполнение двух условий — пятилетний трудовой стаж и лояльность к советской власти. Поэтому высланных крестьян нетрудно было убедить в том, что получение избирательных прав через несколько лет есть синоним амнистии.

Восстановление прав глав семей и совершеннолетних членов из формально-правовой процедуры действительно на пять последующих лет превратилось в заманчивую для спецпереселенцев перспективу и одновременно стало полем столкновения и согласования интересов власти с отдельными категориями репрессированных крестьян. Инициатива в определении порядка и условий восстановления в правах принадлежала карательным органам. Вопрос состоял в четкости критериев и их соблюдении властью и крестьянами. Объявив о «пятилетке» как о сроке, достаточном для отработки на поселении и подтверждения лояльности к власти, спецорганы вскоре объявили о возможности досрочного восстановления в правах для двух групп — молодежи и работников золотоплатиновой промышленности. В первом случае режим руководствовался идеологическим императивом (перевоспитать молодежь, оторвав ее от старшего поколения), во вто-

ром — экономическими соображениями (создать в краткие сроки из спецпереселенцев кадры постоянных рабочих). Гипотетические опасения, что амнистированная таким образом молодежь покинет спецпоселки, снимались принятием процедурной нормы, согласно которой восстановление в правах действовало только по нисходящей линии: ограничения снимались с сына или дочери и членов их собственных семей (при наличии таковых), но не касались родителей. Подобная процедурная «удавка» удерживала восстановленную в правах молодежь на поселении без серьезных усилий со стороны аппарата комендатур.

Тем не менее, в первые годы действовала норма досрочного восстановления в правах за «ударную» работу передовиков производства, прежде всего из числа молодежи. Первое, широко распропагандированное «списочное» восстановление в правах состоялось весной — летом 1932 г. и было приурочено руководством ОГПУ к празднованию 1 Мая (гражданские права получило около 2 тыс. человек)². 27 мая 1934 г. по предложению Г. Г. Ягоды ЦИК СССР принял постановление, дающее местным органам власти полномочия восстанавливать в правах спецпереселенцев по истечении пяти лет пребывания их на поселении, а для передовиков производства допускалось досрочное восстановление в правах³. При этом ГУЛАГ, в ведении которого находились спецпоселения, дал указания местным органам обязательно составлять характеристики на представленных к восстановлению в правах лиц и членов их семей:

«...наряду с показателями работы на производстве и участия в общественной жизни поселка, особое внимание уделять степени хозяйственного освоения данной спецпереселенческой семьи: членство в неуставной артели, индивидуальное жилстроительство, покупка в рассрочку дома у хозорганизации, наличие приусадебных огородов, хозяйственных построек, скота и проч.

Восстановленные в правах лица пользуются всеми правами граждан СССР, имеют право выезда из спецпоселения и к ним не могут быть применены никакие ограничения... Конечно, нашей задачей является создание таких условий для лиц, получающих гражданство, при которых у них не было бы желания покидать спецпоселки»⁴.

В 1934 г. еще ничто не предвещало радикального пересмотра сложившихся норм, при котором власти использовали институт восстановления в правах как механизм точечного амнистирования репрессированных крестьян. Так полагали и региональные партийные деятели, также несшие ответственность за состояние спецпоселений («спецссылки»). В выступлении 26 июня 1934 г. на совещании комендантов секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков

заявлял: «Средств на спецссылку израсходовано больше, чем нужно, а результаты эффективности израсходования средств самые ничтожные. Побегі не сокращаются, а даже увеличиваются. Это больше чем странно тогда, когда в спецссылке осталось жить короткий срок. И все же, несмотря на то, что срок остался небольшой, бегут»⁵.

Однако по мере приближения пятилетнего срока с начала первой массовой депортации крестьян (февраль — апрель 1930 г.) руководство ГУЛАГ проявляло небеспочвенную тревогу по поводу их поведения. Все большее число восстановленных в правах спецпереселенцев стремилось покинуть спецпоселки. 2 января 1935 г. начальник управления М. Д. Берман писал Г. Г. Ягоде:

«На 1-ое ноября 1934 года со дня существования трудпоселков всего восстановлено в правах 8 505 семей — 31 364 человека, из которых осталось в трудпоселках 2 488 семей — 7 857 человек, или 25,1 % к числу восстановленных... Для недопущения в будущем подобных явлений считаю необходимым предложить нач. Управлений НКВД следующее: 1. Воспретить массовое восстановление спецпереселенцев в гражданских правах, 2. Восстанавливать в правах в индивидуальном порядке исключительно хозяйственно закрепившихся спецпереселенцев в местах их вселения, 3. Развернуть массовую работу среди восстановленных спецпереселенцев по их добровольному закреплению в трудпоселках, 4. Не допускать возвращения восстановленных в правах спецпереселенцев в районы их прежнего местожительства...»⁶.

Г. Г. Ягода 17 января 1935 г. обратился к И. В. Сталину с письмом следующего содержания:

«Постановлением ЦИК СССР от 27/V—34 г. о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах безусловно предполагалось оседание восстановленных в местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев с места поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, — политически не желательно.

Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 года, где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из места вселения»⁷.

25 января 1935 г. постановлением ЦИК СССР требуемое дополнение было внесено и получило силу закона⁸. Данная дискриминационная поправка, вновь сделавшая пребывание крестьян в ссылке бессрочной, сравнительно быстро обросла рядом нормативных документов репрессивных органов, делавших выезд из поселений вос-

становленных в правах затрудненным или вовсе невозможным. Циркуляр Главного управления милиции от 3 февраля 1935 г. «О порядке выдачи паспортов высланным кулакам, восстановленным в гражданских правах» предписывал местным органам выдавать данной категории граждан паспорта только по месту расположения трудпоселения, в самом паспорте делать пометку о выдаче документа конкретной комендатурой и прописывать «кулаков» только в местах их поселения⁹. 17 апреля 1935 г. Президиум ЦИК СССР направил органам власти разъяснение о том, что постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. распространяется на всех еще находящихся в спецпоселениях «кулаков», хотя бы даже и восстановленных в гражданских правах до января 1935 г.¹⁰

15 марта 1936 г. НКВД СССР был издан циркуляр, суммировавший опыт и практику применения постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. в спецпоселках. Репрессивные органы разработали серию акций для того, чтобы создать из восстановленных в правах квази-привилегированную группу. Восстановленных в правах снимали с общего учета и переводили на «отдельный учет». Им предоставлялось право передвижения в пределах района своего вселения и поступления на работу по своему усмотрению. В отдельных «исключительных» случаях ударникам из числа восстановленных в правах УНКВД разрешало выезд на учебу, лечение и т. д., впрочем, с оговоркой «только в пределах того края, где они поселены». Хозяйственные организации обязывались улучшать жилищные и материально-бытовые условия восстановленных в правах¹¹.

Наступивший 1936-й год оказался особенным во взаимоотношениях власти и спецпереселенцев. Спецорганы, подстраховавшись законом от 25 января 1935 г., могли не опасаться массового легального отъезда из спецпоселков восстановленных в правах «кулаков» и начинать процедуру массового восстановления спецпереселенцев в гражданских правах, широко продекларированную еще в 1931 г. Выше уже отмечалось, что чекисты ввели для данной категории несколько ослабленный режим учета и контроля, а также ряд льгот, действовавших, впрочем, только в пределах комендатур. Обладание «гражданскими правами» «в отдельно взятой комендатуре» сохраняло, тем не менее, привлекательность в глазах спецпереселенцев, остро ощущавших свое ущемленное положение. Спецорганы сделали из обычной, на первый взгляд, процедурной акции пропагандистскую кампанию, рассчитанную не только на среду спецпереселенцев, но и на руководство страны. Чекисты не без оснований полагали, что массовое восстановление в правах спецпереселенцев станет весомым аргумен-

том в пользу их работы по «трудовому перевоспитанию кулачества» и освоению новых территорий. В начале ноября 1935 г. начальник ГУЛАГ М. Д. Берман обратился к Г. Г. Ягоде с докладной запиской о результатах освоения спецпереселенцами Нарымского Севера, в которой дал процессам карательного освоения самую комплиментарную оценку¹².

Масштабы кампании оказались действительно беспрецедентными. Так, в 1935 г. было восстановлено в правах 21 684 спецпереселенца¹³, летом — осенью 1936 г. 93 992, в начале января 1937 г. вместе с восстановленными в правах в прежние годы и лишившимися теперь права выезда из спецпоселков эта группа составила 136 350 человек¹⁴. В Западной Сибири, где в комендатурах размещалось около 58 тыс. семей (вместе с одиночками почти 220 тыс. человек, или 20 % от численности спецпереселенцев в стране), в 1936 г. в правах было восстановлено около 50 тыс. человек¹⁵.

Процедура восстановления спецпереселенцев в правах имела жестко регламентированный характер. В течение нескольких месяцев 1936 г. в эту деятельность были вовлечены комендатуры всех уровней — от поселковых и районных до отделов трудпоселений (ОТП) управлений НКВД краев и областей страны. На кандидатов для восстановления в правах составлялись развернутые характеристики с выделением трех основных групп признаков: производственная деятельность, общественно-политическая активность и наличие условий для «прочного оседания» на поселении. В характеристиках производственной деятельности иногда учитывались трудовые показатели других взрослых членов семьи — для усиления аргументации в пользу восстановления в правах семьи в целом. Эти признаки являли собой модель поведения крестьянских семей (глав и отдельных членов) в производственной и непроизводственной сферах, соответствующую установкам органов власти в отношении спецпереселенцев к исходу пятилетнего срока ссылки. Списки на восстановление в правах спецпереселенцев с перечнем членов семей и короткими характеристиками (4–6 предложений) согласовывались в аппаратах краевых и областных ОТП и после этого поступали на окончательное утверждение в избирательные краевые (областные) комиссии по месту нахождения комендатур. Благодаря этому в региональных архивах, прежде всего Западной Сибири, Урала, Северного края и Казахстана, отложились такие массовые источники как сотни списков, представленных участковыми комендатурами в избиркомы для восстановления спецпереселенцев в избирательных правах. В каждый список включалось от нескольких десятков до нескольких сотен че-

ловек. Нами были проанализированы списки Анжерской (на 164 человек) и Парабельской (на 202 человек) участковых комендатур¹⁶. Содержащаяся в 366 характеристиках спецпереселенцев (глав семей и одиночек) информация может считаться достаточной для определения спецорганами «лояльного» поведения части «контингента» двух групп комендатур Западной Сибири — южных (кузбасских) и северных (нарымских). Южные комендатуры по профилю производственной деятельности относились к промышленным, а северные — к сельскохозяйственным. В каждой группе комендатур к 1936 г. было сосредоточено примерно по 110 тыс. спецпереселенцев. Анализ «контингентов», признанных лояльными к власти и территориально расположенных на юге и севере региона, позволяет сравнить черты их поведения и определить специфику каждого из них. При обработке списков учитывались демографические показатели (пол, возраст, семейное положение), характеристики производственной деятельности, общественно-политические и характеристики приусадебного хозяйства как важного показателя степени «оседлости» на спецпоселении. При подсчетах демографических показателей учитывались характеристики основной единицы учета — главы семьи и бессемейных одиночек.

Распределение глав семей и одиночек по полу в Анжерской (90 % мужчин) и Парабельской (70,8 % мужчин) комендатурах значительно различалось. Это обстоятельство было связано с принципом распределения спецпереселенцев по комендатурам: для работы на шахтах направлялись прежде всего семьи, имеющие трудоспособных глав мужчин, тогда как в нарымских комендатурах значительная доля приходилась на разделенные семьи, где обязанности главы выполняли женщины. Имелись различия и в возрастных характеристиках. В Анжерке средний возраст восстановленных в правах составил 36 лет на момент составления характеристик, самый старший (58 лет) родился в 1878 г., самый молодой (19 лет) — в 1917 г., наиболее многочисленной группой были родившиеся между 1891–1900 гг. (24,4 %) и 1901–1910 гг. (48,8 %). В Парабели средний возраст составил 46 лет, самый старший (70 лет) родился в 1866 г., самый молодой (18 лет) — в 1918 г. Самыми представительными были группы родившихся в 1881–1890 гг., 1891–1900 гг. и 1901–1910 гг. (23,8, 29,2 и 22,3 % соответственно). Доля лиц в возрасте до 46 лет в Анжерке достигала 90,2 %, в Парабели — 57,9 %. В Анжерке был ниже удельный вес одиночек по сравнению с Парабелью (8,5 и 10,4 % соответственно). Доля вдов среди глав семей в Парабели была значительно выше, чем в Анжерке (20,3 и 7,9 % соответственно). Среди одиночек в Па-

рабелы встречались сироты (3,5 %), а также, согласно формулировке характеристик, «порвавшие связь с родителями» (1,5 %), среди глав семей — инвалиды (5,4 %). Такие группы в анжерских списках не зафиксированы. В совокупности все сказанное свидетельствует о большем демографическом благополучии спецпереселенцев Анжерской комендатуры по сравнению с Парабельской, что было результатом целенаправленной политики использования труда спецпереселенцев, когда на «ударные» стройки отбирались и направлялись неразъединенные семьи с главами мужчинами, а в северных комендатурах высокой оставалась доля социально пострадавших, уязвимых категорий — вдов, инвалидов, сирот. Восстановление их в правах играло до известной степени роль компенсаторного механизма, но социальная перспектива для них оставалась весьма узкой.

Характеристики профессиональной занятости в Анжерке и Парабели существенно различались и сопоставлению почти не подлежат. В Анжерке доминировавшей группой были шахтеры (40,2 %), а в Парабели — члены неуставных артелей без указания должностей (68,3 %). В Анжерке весьма значительным был удельный вес (26,6 %) тех, чья трудовая деятельность обозначалась обобщенно как «производство», что предполагало работу в инфраструктуре шахт либо в комендатурах. 9,8 % спецпереселенцев Анжерки работали в лес-промхозах, 7,3 % имели рабочие специальности слесаря, плотника и др. (в Парабели доля таковых составляла 2,0 %). В конторском аппарате в Анжерке работало 6 %, а в Парабели 3 % спецпереселенцев, медиками и учителями — 2,5 и 2 % соответственно. В Парабели четко выделялась группа лиц, приближенных к аппарату комендатур (уполномоченные комендатур в артелях и зав. продларьками), — 6,9 %. В Анжерке аналогичной можно считать группу бригадиров на производстве (7,9 %).

При подобном разнообразии сфер занятости восстановленных в правах решающим критерием выступал признак интенсивности и результативности труда (ударничество и премирование за работу). В Анжерке среди восстановленных в правах положение ударника доминировало в производственных характеристиках (73,8 %), а доля премированных достигала 16,5 %. В Парабели была своя специфика. Здесь доля ударников глав семей была ниже (53 %), однако имела значительная группа семей, где главами являлись весьма пожилые люди, в силу своего возраста неспособные к интенсивному труду, но в составе таких семей были дети ударники. В совокупности число семей, где работали ударники, составляло в Парабели 67,3 %. Для неуставных артелей основным производственным показателем

выступало количество выработанных трудодней. Среднее число последних для глав семей и одиночек, оказавшихся в списках-характеристиках кандидатов на восстановление в правах, составляло 243, в т. ч. для ударников — 299 трудодней. Работа в неуставных артелях являлась базовым условием для восстановления в правах. В Парабели только 3 % числились отходниками артелей. Характеризуя отношение спецпереселенцев к труду, составители характеристик обращали внимание на год вступления в неуставную артель. В 1932 г., когда кооперирование труда в спецпоселках было нормативно разрешено, в артели вступили 22,9 % восстановленных в правах, в 1933 г. — 30 %, в 1934 г. — 21,4 %. Если для промышленных комендатур главным признаком «закрепления» спецпереселенцев на производстве являлись результаты самой производственной деятельности, то для северных комендатур критерием «оседания» в необжитых местах выступало наличие собственного жилья (изба) и приусадебного хозяйства со скотом. Всеми тремя названными признаками (изба, огород и скот) обладали 54 % восстановленных в правах членов неуставных артелей, избу и скот имели 15,8 %, избу и огород — 7,9 %, только избу имели 5,9 %, имущественное положение 16,3 % семей и одиночек не нашло отражение в характеристике. В качестве интегральной характеристики успешности хозяйствования чекисты применяли критерий полного обеспечения семей продовольствием за счет трудодней и личного подсобного хозяйства (74,8 %). В то же время «зажиточными» были немногие — только 18,8 % семей имели излишки сельхозпродукции. Это свидетельствовало о том, что даже интенсивный (ударный) труд на производстве и наличие подсобного хозяйства позволял спецпереселенцам лишь балансировать на грани выживания. Сами чекисты оценивали долю «вполне окрепших хозяйств» в 14,4 %.

Характеристики общественно-политического поведения спецпереселенцев, дававшиеся чекистами, не отличались разнообразием. Признаки лояльности к власти измерялись на основании вполне конкретных и осязаемых поступков крестьян (выполнение заданий и поручений комендатуры, подписка на заем, участие в деятельности разрешенных в комендатурах обществ и организаций, борьба с побегам и преступностью в спецпоселках и т. д.) либо переводились в достаточно субъективные ценностные оценки (общественная активность, «изжитие кулацкой идеологии» и т. д.). В характеристиках спецпереселенцев Анжерки упоминались: хорошее поведение (без взысканий) — 81,7 %, общественная активность — 60,4 %, выполнение заданий комендантов — 10,4 %, работа уполномоченными комендатуры, старшими улиц и т. д. — 9,8 %, членство в Осодмиле

(общество содействия милиции) — 9,5 %, борьба с побегами и преступностью — 7,9 %, подписка на заем — 7,9 %, «изжитие кулацкой идеологии» — 7,9 %, участие в «оперативной работе» комендатур — 2,4 %. На «пересечении» признаков производственной и общественной активности выросал усредненный облик восстановленного в правах спецпереселенца: ударник труда, общественно активный и с хорошим поведением (второе и третье по меркам чекистов). Такими совокупными характеристиками обладали почти 40 % восстановленных в правах летом 1936 г. Анжерской комендатурой. В качестве типичного примера бюрократического творчества процитируем характеристику шахтера Т. А. Яковлева: «По прибытию в комендатуру работает в шахте 9-15 пом. забойщика, ударник, норму выработки перевыполняет, несет общественную нагрузку по линии комендатуры. Все проводимые мероприятия в поселке выполняет аккуратно, к советской власти лоялен»¹⁷.

Набор критериев оценки, который использовали чекисты в Парабельской комендатуре, несколько отличался. Доминировавшим признаком было также хорошее поведение (без взысканий) — 66,3 %, но общественников-активистов насчитывалось меньше, чем в Анжерке, — 26,2 %, далее фиксировался такой ценностный признак как «пользуется доверием комендатуры и артели» — 13,4 %, затем «бережное отношение к общественному имуществу» — 7,4 %, а «изживших кулацкую идеологию» оказалось всего 2 %. Усредненным образом восстановленного в правах являлся передовик производства, не имеющий взысканий, обладающий избой и скотом. Приведем характеристику Л. И. Сорокина: «Член артели. Имеется хорошая изба, 1/2 коровы [корова на два хозяйства. — С. К., С. У.], 1 штука мол[очного] рог[атого] скота, полная обеспеченность продовольствием. Сам лучший ударник производственник. Своей инициативой мобилизует массы на выполнение и перевыполнение норм выработки. Прогулов не имеет. Взысканий не имеет»¹⁸.

Большинство характеристик содержало усредненный и стандартизированный набор признаков, между которыми устанавливался баланс четко выраженных производственно-имущественных черт и ценностных определений, весьма субъективно трактуемых работниками комендатур. Эмпирический материал на тему «спецпереселенцы глазами комендантов в 1936 году» позволяет судить о весьма высокой степени адаптации репрессированных крестьян к условиям спецпоселения за пятилетний период. В спецпоселках Западной Сибири, по утверждению начальника ОТП УНКВД края И. И. Долгих, «количество восстановленных в правах до Сталинской Конституции

(всего по ОТП 11 916 хозяйств, в них 57 088 чел.) является одним из результатов политико-воспитательной работы среди контингента и трудовой их перековки»¹⁹.

Если же оставить в стороне пропагандистскую риторику высокопоставленного чекиста, то за ней проступает суровая реальность выживания крестьян в экстремальных обстоятельствах спецпоселения. Крестьянские семьи, имевшие практический опыт хозяйствования и получения экономических результатов, позволявших выполнять обязательства перед властью и выходить на рынок с излишками продукции, за пять лет экспроприации и высылки были либо превращены в «рабсилу» на промышленном производстве, либо балансировали на грани выживания в неуставных сельхозартелях. Находясь в полной зависимости от аппарата комендатур, крестьяне были вынуждены принять жесткие правила режима пребывания на спецпоселении. Исследование зафиксировало четкую взаимосвязь между возрастом и совокупностью черт, требуемых властью для восстановления в правах: у лиц старшего возраста было меньше шансов получить статус «ударника» или доказать свою лояльность режиму, нежели у молодежи и части среднего поколения. В то же время режим достиг определенного результата в создании «актива» из числа лиц старшего возраста, сделав привлекательными не только посты уполномоченных или старших десятидворок («десятских»), но и членов групп содействия по борьбе с побегами, осодмильцев, которые боролись за поселковые привилегии путем гласных и негласных сделок с работниками комендатур, что являлось частью сталинской «перековки». Восстановление в правах части вдов, инвалидов и сирот не меняло общей направленности взаимоотношений между спецорганами и спецпереселенцами, где первые устанавливали правила поведения и жизнедеятельности в комендатурах, а вторые накапливали опыт следования им.

Квазипривилегированная группа восстановленных в правах охватывала приблизительно пятую часть крестьянской ссылки. Остальные спецпереселенцы, находившиеся в худших, нежели восстановленные в правах, социально-бытовых условиях, подталкивались режимом — вне зависимости от субъективных устремлений и действий работников аппаратов комендатур — частично к формам протеста, частично к асоциальному поведению. Еще 9 июня 1934 г. ОГПУ был разработан циркуляр «О порядке восстановления спецпереселенцев в гражданских правах», в котором местные спецорганы предупреждались о недопустимости массового восстановления спецпереселенцев в гражданских правах. Пятый пункт циркуляра определял круг тех, кто не подлежал восстановлению в правах: «спецпереселенцы, не порвавшие

связи с к.-р. частью кулачества, проходящие по материалам наших органов как ведущие к[онтр]-р[еволюционную] работу, к[онтр]-р[еволюционный] элемент, состоящий на учете наших органов, совершившие побеги из спецпоселков в 1933–1934 г., плохо работающие и нежелающие осваиваться в спецпоселках»²⁰. Вступление в действие в декабре 1936 г. новой Конституции СССР, в соответствии с которой все ограничения в избирательных правах (кроме общепринятых в демократических конституциях) были отменены, лишило какого-либо смысла и без того весьма ущербное с точки зрения изменения правового статуса восстановление в гражданских правах спецпереселенцев. Актуальным осталось лишь снятия со спецучета. Данная процедура, которая требовала соблюдения тех же требований, что и восстановление в правах, до начала Великой Отечественной войны распространялась главным образом на молодежь.

Совершенно очевидно, что среди спецпереселенцев «контрреволюционеры», или «связанные» с ними спецпереселенцы не могли быть значительной величиной. Самыми распространенными основаниями считать поведение спецпереселенцев нелояльным к власти были повседневные, бытовые уклонения от установленных правил режима пребывания на поселении: «плохая работа», каравшаяся штрафами, арестами и т. д. Поселковые и участковые коменданты так часто использовали право наложения административных взысканий (аресты и штрафы за прогулы, самовольные отлучки с работы, нарушение правил внутреннего распорядка и пр.), что избежать таковых за годы пребывания на поселении было почти невозможно. Экстремальные условия жизни на спецпоселении подталкивали крестьян к таким нарушениям как подчистка и подделка продуктовых карточек, получение продуктов и зарплаты вместо бежавших, кража спецодежды, самовольные отлучки в соседние деревни за продовольствием и т. д. Одним из негативных, по мнению спецорганов, признаков поведения спецпереселенцев было нежелание части из них вступать в неуставные артели, оставаясь единоличниками. К 1937 г. доля кооперированных спецпереселенцев в комендатурах Нарымского округа составила 85 %. За пределами неуставных артелей оставалось около 3 тыс. семей²¹, по этому основанию не подлежащие восстановлению в правах.

По нашей оценке, не менее 10 тыс. семей спецпереселенцев Западной Сибири имели в своем составе тех, кто пытался совершить побег с места спецпоселения, и по этому признаку также не подлежали досрочному восстановлению в избирательных правах. Статистика побегов и задержаний велась устойчиво с 1932 г. Согласно данным

ОСП ГУЛАГ, в 1932 г. из спецпоселков Западной Сибири бежали 40 205 человек, возвращено 9 398, в 1933 г. — 49 718 и 12 647 человек, в 1934 г. — 29 567 и 12 773 человек, в 1935 г. — 13 945 и 9592 человек, в 1936 г. — 5856 и 5334 человек соответственно²². Суммирование погодных данных о количестве бежавших и пойманных или вернувшихся на поселение демонстрирует масштабы явлений и сложившиеся в данной сфере тенденции. Вновь на поселение за указанные пять лет были возвращены или вернулись почти 50 тыс. человек. Бегство часто носило семейный характер, а некоторые члены семей скрывались и возвращались в спецпоселки по нескольку раз.

Для периода первых лет формирования комендатурной системы побеги становились повседневными и ординарными явлениями. Вместе с тем, за каждой попыткой или осуществленным побегом скрывалась реальная мотивация опасного с точки зрения последствий действия, являвшегося фактом определенного противостояния и протеста власти. Одной из распространенных в первые годы причин бегства стала попытка извлечь материальные или денежные запасы, оставленные (припрятанные) на «черный день» в местах прежнего проживания. Данная причина побега, как правило, обуславливала появление бежавших в родных или соседних деревнях, у родственников, что позволяло спецслужбам легко просчитывать их маршруты. Николай Михайлович Асанов, высланный в мае 1931 г. из пос. Асановского Вассинского (Тогучинского) района с семьей в составе жены, сына, двух дочерей и отца в Нарымский край, обстоятельства своего побега через несколько месяцев после высылки он описал так:

«<...> был водворен в Парбигскую комендатуру, пос. Озеры, где я проживал там до 18 января 1932 г. 18 января я решил из места высылки уйти на прежнее местожительство пос. Асановский Вассинского р-на ЗСК. Хотел я там продать кое[-]какие вещи[,] оставленные мной перед выселением. Вещи мной были оставлены у родственников, у зятя Лидасова Петра Афанасьевича в дер. Долгово Вассинского р-на, сани, разная постельная принадлежность и другие домашние вещи, которые по прибытии на прежнее местожительство я хотел продать и после чего вернуться опять к семье в Парбигскую комендатуру. Там же в комендатуре у меня осталось семейство[,] состоящее из жены, трех детей и отца. Виновным в совершении побега я себя признаю. Документов для побега у меня никаких небыло. Больше показать ничего немогу. <...> Добавляю[,] что мой сын Василий Асанов ушел из комендатуры раньше еще в октябре месяце и в настоящее время работает в деревне Варюхино Томского р-на в коммуне им. Яковлева[,] сыну моему 16 лет. К сему Асанов»²³.

Режим спецпоселений с неизбежностью порождал и воспроизводил протестные формы поведения ссыльных крестьян. Актив-

ное меньшинство, не смилившееся с несвободой, использовало все возможности, чтобы вырваться из комендатур. Приведенная ниже информация о судьбах членов одной семьи примечательна тем, что здесь в концентрированном виде представлены основные модели протестного поведения на спецпоселении: удавшиеся и неудачные побег, аресты.

Семья Гавриила Гавриловича Кадышева в полном составе (муж, жена, старший сын Павел с женой и еще пятеро детей) высланы в 1930 г. из с. Черноречка Бердского района в Шегарскую комендатуру. В семье Г. Г. Кадышева в 1932 г. родилась дочь, умершая в возрасте менее года, в 1933 г. в семье Павла родился сын. В личном деле Г. Г. Кадышева имеется информация о непрерывной череде побегов и арестов взрослых членов семьи и подраставших детей. В 1932 г. из Кузнецкой комендатуры, куда он был направлен на работы, бежал Павел Кадышев, через месяц его задержали и этапировали в Колыванскую комендатуру в семью отца. В 1933 г. его брат Георгий был осужден Колыванским судом на 5 лет. В 1934 г. он бежал из мест заключения и явился затем к отцу, был арестован и снова бежал в Новосибирск, где был пойман и осужден на три года. Срок заключения отбывал в ДальЛАГ. Весной 1938 г. УНКВД по Новосибирской обл. направило руководству лагеря следующее предписание: «Кадышев — трудпоселенец. Стандартной справки на получение паспорта не выдавать. За два месяца до окончания срока направьте очередным этапом в г. Томск для последующей переотправки в распоряжение Шегарской комендатуры Колыванского района»²⁴. Георгий прибыл в комендатуру, где в дальнейшем работал трактористом.

В 1935 г. из комендатуры бежали вначале Павел, затем его жена Клавдия с двухгодовалым сыном, а также двое детей Г. Г. Кадышева — Александр и Анна. Все они, кроме Анны, были задержаны и водворены на поселение. Анна Гаврииловна была разыскана в Новосибирске только пять лет спустя, в 1940 г. милиция начала готовить ее этапирование в Колыванскую комендатуру, но совершенно неожиданно в ее защиту выступила областная прокуратура, представитель которой 2 декабря 1940 г. опротестовал решение НКВД. В протесте указывалось, что Анна Кадышева во время пребывания в Новосибирске «занималась общественно-полезным трудом, будучи бухгалтером расчетной группы артели “Утильпром” и подпадает под постановление СНК СССР от 20 октября 1938 г. (на момент побега имела несовершеннолетний возраст — 13 лет)», в связи с чем предлагалось ее «освободить от ответственности, с учета трудпоселения снять»²⁵.

В 1936 г. очередной побег совершил Павел, который затем несколько лет скрывался. В 1937 г. предприняла попытку бегства вся семья во главе с Г. Г. Кадышевым, но вскоре все они были задержаны. В августе 1938 г. младшая дочь Екатерина совершила побег, вернувшись через несколько недель обратно. Будучи допрошенной, показала, что цель побега — привезти от родственников вещи, оставшиеся у них еще со времени высылки²⁶. Наконец, в январе 1941 г. из бегов вернулся к семье Павел Кадышев. Поскольку он имел несколько побегов, то комендатура возбудила против него уголовное дело по ст. 82 УК РСФСР. Он получил три года лишения свободы и, согласно официальной справке, скончался в местах заключения в 1943 г.²⁷ За период в 10 лет на семью из 11 человек пришлось более десятка побегов, из них два групповых, а также три судебных срока для сыновей Павла и Георгия. Из большой семьи Кадышевых досрочно были сняты с учета поселения только дочь Анна в 1941 г. и сын Александр в 1943 г. Остальные оставались в комендатуре до начала 1950-х гг.

Адаптационные практики, которые использовали крестьянские семьи на спецпоселении, включали как стремление приспособиться к измененным не по их воле условиям жизни, так и попытки разными способами (побеги, выезд на учебу, вербовка на специальные работы и т. п.) изменить эти условия. Судить о преобладании той или другой тенденции сложно. Очевидно, что, помимо данных о рождаемости и смертности, о количестве произведенного зерна и сплавленного леса, должны учитываться судьбы, искалеченные этой вынужденной адаптацией, те самые «щепки». К их числу, безусловно, относятся дети, оказавшиеся в детских домах.

4.4. Детдома Нарыма

В ходе проведения массовых операций по высылке крестьян одной из наиболее социально уязвимых и незащищенных категорий, помимо инвалидов всех возрастов и стариков, являлись дети. Государственные функционеры, опасаясь неконтролируемых антисоветских проявлений, обращали внимание региональных и местных органов на недопустимость массового беженства и бродяжничества, в т. ч. детского. Выполняя директиву председателя СНК РСФСР С. И. Сырцова о проведении мер «[в] отношении детей кулаков, попавших в положение беспризорности», его заместитель Д. З. Лебедь направил 27 февраля 1930 г. на места запрос о том, практикуются ли в отношении этой категории детей такие меры, как их патронирование, усыновление, передача на иждивение в колхозы и т. д.¹

По мере формирования системы спецпоселений карательные органы использовали различные механизмы решения «детской проблемы». В частности, в кризисные периоды, когда спецслужбы явно не справлялись с задачей приема и размещения спецпереселенцев (весна 1930 г. и лето — осень 1931 г.), практиковалась «разгрузка» комендатур от нетрудоспособных ссыльных крестьян (детей, стариков, инвалидов) путем передачи их на иждивение родственников.

Более драматично складывалась судьба тех иждивенцев, которые не имели родственников, готовых принять их в свои семьи. Государственным органам предстояло в срочном порядке организовать для них специализированные учреждения — инвалидные и детские дома. Систематизированный учет детей-сирот и инвалидов ОГПУ начало вести с лета — осени 1931 г. с переходом под его управление системы спецпоселений. На конец 1931 г. в комендатурах было выявлено 4 453 сироты, из этого числа на долю сибирского региона приходилось около 800 человек. Поскольку в тот момент ясли и детдома закрытого типа только создавались, то доля устроенных туда сирот (2 тыс.) не достигала и половины от численности выявленных². В последующие годы проблема сиротства в комендатурах только нарастала, о чем свидетельствовал директива ГУЛАГ ОГПУ местным отделам по спецпереселенцам от 2 ноября 1933 г., в которой говорилось:

«Из имеющихся в ГУЛАГе ОГПУ сведений видно, что в ряде спецпоселков находится значительное число детей различного возраста — сирот, беспризорных, больных и т. п.

Эти дети, не имея родителей, а[,] следовательно[,] и постоянных жилищ, впадают полуголодное существование, подвержены всякого рода заболеваниям, которые в большинстве случаев приводят их к гибели.

Как правило, эти дети не заняты ни на каких, даже легких, работах, что развивает среди них нищенство и тенденции к тунеядству».

Для изменения ситуации работникам комендатур предписывалось:

«1. Выявить и учесть всех детей, находящихся в спецпоселках, не имеющих родителей и не занятых на постоянных работах.

Примечание. Учету не подлежат сироты, находящиеся в имеющихся в поселках детучреждениях (детдома, детколонии и т. п.).

2. Все количество выявленных подобного рода детей должно быть размещено в детдомах: а) гражданских организаций и б) специально организуемых Вами при спецколониях.

3. В случае отсутствия в районе расселения спецколоний и невозможности разместить этих детей в детучреждениях гражданского типа, детдома Вами организуются при наиболее крепких и хозяйственно устроенных сельхоз- и кустпромартелях»³.

Первые детдома на территории нарымских комендатур появились на рубеже 1931/32 г. как следствие громадной смертности (по статистике СибЛАГ, за период с июня 1931 г. по июнь 1932 г. умерло 25 213 человек, или 11,7 % от общей численности спецпереселенцев в Нарыме)⁴. Поначалу, как следовало из докладной записки СибЛАГ в крайком партии от 21 ноября 1931 г., чекисты не предполагали создание стационарной сети детдомов в комендатурах, намереваясь вывозить сирот из пределов комендатур для размещения в уже существовавших «гражданских» детских учреждениях:

«До сего времени по комендатурам выявлено детей-сирот 800 человек. По сети ОНО распределено 476 человек, остальные готовятся к распределению во вновь организуемые интернаты в городах Томске и Бийске. По линии крайздрава к постройке 15 детских яслей (срок 1.01.1932 г.) еще не приступлено.

В Томске в доме ребенка содержатся 72 человека детей до 4-летнего возраста. Организована в Томске же детбольница на 50 человек. Существующие детдома инвентарем твердым и мягким обеспечены полностью.

По последним данным от крайОНО в Томске из последних прибывших туда детских партий отобрано 90 детей больных, которые, неся карантин, находятся в лагере в тяжелых условиях. В данное время в Томске находится инспектор крайОНО, командированный туда специально для размещения детей сирот»⁵.

В дальнейшем сеть детских домов в нарымских комендатурах формировалась весьма быстро: к осени 1933 г. в 20 детских домах размещалось 2156 детей⁶.

В феврале 1933 г. зав. нарымским окрОНО направил в крайком ВКП(б) докладную записку о положении, в котором оказались детские дома округа:

«<...> состояние детских домов катастрофическое. Из 17 детдомов только 4 детдома имеют более или менее приличные здания, остальные детдома размещены в бараках, полуземлянках, крестьянских избах. Страшная перегруженность помещений: на одного ребенка приходится 0.25 кв. м. пола. Дети спят на нарах, под нарами и на полу. Нет постельных принадлежностей. Дети обеспечены одеждой и обувью в отдельных домах на 15–75 % потребности. Например, детдома Каргасокского района на 825 чел имеют: теплых пальто — 323, теплой обуви — 195 пар, кожаной обуви — 302 пары, верхнего белья — 1005 пар, нижнего белья — 1038 пар, шапок — 336, полотенец — 553, одеял — 301. Из-за отсутствия обуви дети посещают школу по очереди. Дети дошкольники совершенно лишены возможности выходить на улицу. Дети получают полуголодную норму питания: 8 кг муки, 0,5 кг крупы, 0,4 кг сахара, 0,2 кг жиров. Эта норма выдается очень неаккуратно: содержание на январь — февраль с. г. получено от крайоно только 17 февраля — 23 тыс. руб. — по 7 руб. на ребенка в месяц, вследствие этого некоторые детдома были по несколько дней без питания. Без срочных мероприятий в детдомах возможны большие осложнения — вплоть до повального заболевания и вымирания детей»⁷.

Крайком, возложивший своим постановлением от 15 апреля 1933 г. ответственность за нормализацию ситуации в спецпереселенческих детдомах на ряд краевых снабженческих и хозяйственных органов и СибЛАГ, обязал Нарымский окружком ВКП(б) в дальнейшем контролировать положение дел. О том, насколько ситуация «нормализовалась», можно судить по постановлению окружного партийного органа от 22 октября 1933 г., в констатирующей части которого отмечалось:

«<...> а) детские дома чрезвычайно перегружены (сверх комплектов в Гришкинском детдоме 120 чел., в Тогурском — 150 чел., в Чижапском — 80 чел., в Крыловском — 60 чел., в Новиковском — 60 чел.) и помещения в большинстве случаев мало приспособлены: местами темные, холодные баракы;

б) недостает летней обуви 800 пар, верхней одежды — 700 комплектов, столовой посуды — 900 комплектов, совершенно отсутствует для всего контингента детей теплая одежда,

в) управление Сиблага не выполнило апрельского и июньского решения крайкома ВКП(б) об улучшении питания детдомов, питание остается до сих пор при низкой калорийности из-за отсутствия животных жиров.

г) воспитательная работа поставлена крайне неудовлетворительно, имеются случаи антикоммунистического воспитания (избиение детей в Гришкинском, Новоселовском детдомах). Штат в детдомах в большинстве засорен идеологически чуждым элементом (16 воспитателей из самих трудпоселенцев). КрайОНО не выполнило апрельского решения крайкома ВКП(б) о командировании 20 воспитателей в детдома,

д) уч[астковые] коменданты не прикрепili медработников для постоянного обслуживания детдомов, не обеспечили борьбы с антисанитарией, вследствие чего имеются случаи инфекционного заболевания в детдомах (в Тогурском и Новоселовском)»⁸.

В большинстве пунктов постановляющей части окружком апеллировал к краевому комитету партии с тем, чтобы последний обязал те же органы, на которые ранее возлагались обязанности «выправить» положение в нарымских детдомах, принять партийные директивы к исполнению. Лишь в нескольких случаях окружком пытался «обязать» участковых комендантов организовать дополнительное снабжение детдомов за счет ресурсов спецартелей, а также создать при детских домах производственные помещения. Требование «решительно улучшить руководство и контроль над детдомами трудпоселенцев» было предъявлено также к райкомам ВКП(б). Между тем директивы местным парткомам имели скорее формальный характер, поскольку реальных полномочий и рычагов для контроля над ситуацией в детдомах, фактически подчинявшихся, как и вся система

поселений, аппаратам комендатур, у окружкома не было. Об этом красноречиво говорит последний пункт постановления, содержащий просьбу о наказании работников спецорганов: «За допущенный саботаж в строительстве столовой и бани для Гришкинского детдома, непринятие мер к заведующему детдомом, избивавшему детей, просить крайком партии и Сиблаг, т. Долгих, привлечь бывшего учкоменданта Бочарникова к ответственности»⁹.

Функционеры местного и краевого уровней, принимавшие многочисленные решения, призванные нормализовать положение в детских домах, исходили из посылок, что решение вопросов финансирования, строительства, питания и других видов недостающих ресурсов в совокупности с «правильным» подбором кадров даст сравнительно быстрый эффект. С этим, в частности, связывались надежды на приход в детские дома по разнарядке 20 новых работников. О том, какой увидела ситуацию назначенная осенью 1933 г. руководителем Крыловского детдома кандидат в члены партии П. С. Шишкина, видно из ее обращения, направленного 28 декабря 1933 г. в местную парторганизацию:

Заявление.

Настоящим прошу разобрать мое заявление и помочь мне в работе. С 29 сентября 1933 г. я стала работать в Крыловском д/доме. Детский дом я застала в хаотическом состоянии. Основной хронической болезнью д/дома являлась частая смена администрации, систематическим следствием которой допрашивались дети, судебные процессы и опять же участие в них детей. Все это вместе взятое настолько сгустило атмосферу в д/доме, что разрядить последнюю стоило больших трудов. На внедрение вопросов ком[мунистического] воспитания не было обращено совершенно внимания и вообще воспитательной работы среди детей не велось. За три месяца работы все же видны сдвиги в работе, конечно не отрицаю того, что есть и недоделки.

Я надеялась на то, что мне, как кандидату партии доверили воспитание детей, за что я конечно отвечаю. Все же получается как-то наоборот, там, где нет особой надобности, вмешиваются другие. 19/XII в д/дом был направлен стрелок Ковыличев для оформления материала на бывшего завхоза Емельянова. Но последний не ограничился опросом меня и воспитательницы, он в час ночи вызывал детей и вел допрос. Тогда я его предупредила[,] чтобы он этого не делал. Все эти допросы детей так их портят, что сильно отражаются на работе среди них. Считаю в корне неверным такое положение и прошу принять меры к изжитию последних. Есть и еще чище случаи, когда сотрудники уч. ком[ендату]ры допускают явную обезличку, приезжают в д/дом без моего ведома, пробегают по общежитиям. Люди в лице Дворниченко и Ахмезянова не знают видимо 6 условий Сталина и в данном случае вреда обезлички. Если такие экскурсии ради удовольствия[,] то нужно будет их делать не в д/доме. <...>

Здесь обслуживающий персонал при д/доме[,] за исключением учителей[,] которые все приходящие[,] и 2-х воспитателей — т/поселенцы и адм/с[сылные]. Львиная доля работы при д/доме воспитательная. Перед нами стоит задача из 135 чел. детей воспитать 135 комсомольцев. А потому прошу партийную ячейку дать на должность воспитателя (по штату должно быть 3 воспитателя, имеется сейчас 2) комсомольца стойкого, выдержанного.

В течение проработанного времени я работала не за страх, а за совесть, и вижу, что у меня много недоделок и работать мне очень трудно. Прошу партийную ячейку оказать мне помощь в работе, обеспечить полным руководством¹⁰.

Обращение кандидата в члены ВКП(б), заведующей детским домом к другим местным партийцам с призывом о помощи («обеспечить полным руководством») примечательно тем, что оно демонстрирует своего рода «сшибку» в сознании маленького руководителя. Она должна воспитать из 135 «кулацких» сирот столько же будущих комсомольцев, но «мелочи жизни» ежедневно подрывают движение в направлении к данной цели. Это и тяжелое наследие прежней проворовавшейся администрации с постоянными проверками и нагнетанием психоза подозрительности с вовлечением детей во взрослые разбирательства, и бесконтрольное вмешательство работников комендатуры в повседневность детдома в форме «экскурсий» (следует учитывать, что в детдомах находились переростки обоего пола в возрасте до 17–18 лет), против которого автор письма протестовала в неявной, завуалированной форме. Фактически в письме содержится отрицательный ответ на вопрос о возможности успешного воспитания в спецпереселенческих детских домах, где представители власти являлись разрушителями тех основ, которые ею и провозглашались.

К осени того же 1933 г. выявился основной круг проблем функционирования комендатурных детских домов, необходимость решения которых признавалась на всех уровнях: от участковых комендатур до краевых партийно-государственных структур, однако с годами их нерешенность (или недорешенность) переводила данные проблемы из «острых» в «хронические». Первая из них состояла в постоянном росте «контингентов» воспитанников детдомов. Высокая смертность в спецпоселках являлась причиной притока сирот в эти учреждения. Массовое бегство части переселенцев, когда состояние крайней нужды и неопределенности в своем будущем заставляло родителей оставлять детей на поселении в надежде на их помещение в детские дома, приводило к появлению и дальнейшему росту категории, которая в документах фиксировалась как «полусироты». К этой же категории относили детей, попадавших в детдома из-за нетрудоспособности ро-

дителей, как правило, из неполных или многодетных семей. Рост числа одиноких детей и подростков диктовал необходимость не только расширения сети детдомов (к ноябрю 1933 г. в нарымских комендатурах насчитывалось 20 детдомов вместо 16 в 1931 г.), но и специализации детских учреждений: для устройства детей до четырехлетнего возраста было создано четыре дома ребенка на 400 мест. Вопрос о создании специальных учреждений для детей дошкольного возраста не был решен — данную возрастную категорию размещали в общих детских домах. Социально-экономическая стабилизация ситуации в спецпоселках в середине 1930-х гг. не решила проблемы перегруженности детских домов: помимо того, что приток в детские дома оставался больше численности покидавших их, часть детдомов была ликвидирована (на октябрь 1936 г. их насчитывалось 12)¹¹.

Делались попытки развивать институт патронирования детей-сирот, достигших 14-летнего возраста, семьями переселенцев-родственников и неуставными артелями. Однако подростков из детских домов весьма неохотно принимали в семьи и в спецартели. Кроме того, как фиксировали документы проверок, руководители детских домов зачастую использовали перспективу передать ребенка на патронирование как инструмент запугивания детей. В частности, в постановлении Каргасокского РК ВКП(б) «О состоянии детских домов» от 19 февраля 1936 г. особым пунктом осуждались «явно антисоветские методы воспитания со стороны б[ывшего] зав. Новиковским д/домом Тольц, сводившиеся к запугиванию детей передачей их в артели, физического наказания и т. д., в силу чего имеет место и сейчас боязнь детей патронирования в артели»¹².

Положение нарымских детдомов вновь оказалось в центре внимания окружных и краевых органов в 1936 г., когда руководство НКВД СССР и его региональные органы возбудили вопрос о передаче всей производственной базы и социально-культурной инфраструктуры тех комендатур, которые располагались компактно и имели сельскохозяйственный и кустарно-промысловый профиль, в ведение гражданских территориальных органов. И если с хозяйственной деятельностью спецартелей решение вопроса затянулось практически на два года, то передача детских домов Нарымского округа от ОТП УНКВД по Запсибкраю в ведение КрайОНО произошла довольно быстро. Выводы краевой комиссии, принимавшей детские дома от спецорганов, датированные 1 октября 1936 г., заняли пять страниц плотного машинописного текста, основная часть которого посвящена рутинному описанию состояния материально-технической базы и финансирования детдомов. Наряду с этим были зафиксированы

прежние проблемы, связанные с регулированием «контингентов» детдомов, в первую очередь наличие в детдомах округа 243 детей-перестроков от 14 лет и старше:

«Ввиду того, что детдома в условиях Нарыма не имеют производственной базы, а также близлежащих предприятий, воспитанники детдомов, достигшие 14-летнего возраста, отрываются от учебы и передаются в артели. Отсюда и материальная необеспеченность воспитанников и переход на неправовое положение. Выход из этого положения может быть в следующем:

1. Сохранить воспитанников до окончания курсов 7-летней школы на содержании детских домов или

2. В противном случае допустить организованный вывоз в школы при предприятиях и на предприятиях для ученичества с дальнейшим патронированием»¹³.

Комиссия выявила ряд типичных финансовых и кадровых нарушений, которые являлись результатом не злого умысла, а необходимости разрешения периодически возникавших кризисных ситуаций: «Текущее и движение контингента детдомов, достигающие по отдельным детдомам, например по Чаинскому району — 150 чел., принятых и выпущенных без снижения контингента в целом чрезвычайно ухудшило материальную базу детдомов, так как расходы на разгрузку производились за счет основного бюджета детдомов за счет питания детей <...> Так как преподаваемые штаты не соответствовали контингентам и штаты увеличивались внештатно, в результате чего фонд зарплаты выплачивался за счет питания детей (Бакчарский д/дом вместо полагающихся 32 чел. имеет штат в 66 чел.)»¹⁴.

Драматичная ситуация, сложившаяся из-за значительного увеличения случаев заболевания трахомой в нарымских комендатурах, потребовала срочного перепрофилирования одного из детдомов, Новоселовского, в специализированный для лечения детей от этой хронической вирусной болезни глаз:

- «1. Отметить, что в соответствии с постановлением Крайисполкома, Новоселовский детдом Колпашевского района разгружен от здоровых детей и детдом необходимо передать Крайздравотделу с прямым назначением, как медико-педагогического учреждения для содержания и лечения трахомотозных детей. Одновременно просить Крайздравотдел предусмотреть сметные ассигнования <...> по Новоселовскому трахомотозному детдому на контингент 175 чел. (вместо предусмотренного Крайисполкомом контингента на 100 чел.). Основание — число трахомотозных по детдомам достигает в настоящее время свыше 175 чел.

2. Учитывая полное отсутствие хоз. санитарного оборудования для обслуживания данного детдома (дезкамера пропускного типа, инвентарь больничной обстановки) и хоз. надворные постройки — сарай для

лошадей, жилые помещения для квартир сотрудников, переброска здания школы на расстояние 7 клм. — просить Крайисполком ассигновать, кроме предусмотренных ранее 50 тыс. руб. дополнительно сумму 30 тыс. руб.»¹⁵.

Для того чтобы несколько разрядить ситуацию с детскими домами в Нарымском округе, краевые органы начали рассматривать вариант перевода нескольких детдомов в районы, расположенные южнее, преимущественно в Кузбасс (постановление президиума Запсибкрайисполкома от 3 января 1937 г.), пользуясь возникшей после передачи детских учреждений из ведения НКВД гражданским органам возможностью размещать детдома для детей-сирот из семей спецпереселенцев вне территории комендатур. Такое перемещение могло отчасти решить проблему «разгрузки» детдомов от переростков, для которых открывалось больше возможностей для трудоустройства¹⁶. Однако 7 мая последовало новое постановление краевого органа, фактически отменившее предыдущее: было решено создать крупный детский дом в окружном центре Нарыма — пос. Колпашево, а также на 1937 г. «утвердить выпуск 480 чел. переростков из детдомов Нарымского округа, обязав Окрисполком, КрайОНО и Крайсовпроф провести трудоустройство переростков в колхозы, на предприятия и в учреждения Нарымского округа»¹⁷. Можно только предположить, что данным решением крайисполком подтвердил фактически дискриминационный статус нарымских детских домов, выпускники которых были призваны стать частью трудовых ресурсов для директивно созданного в данном регионе комендатурного производственного комплекса.

В делопроизводстве Нарымского окружкома партии сохранился документ весны 1937 г., подготовленный для данного органа инспектором КрайОНО Токаревой, которая в период с 1 по 27 марта 1937 г. провела проверку пяти из десяти детдомов округа. Ниже приводится с некоторыми сокращениями написанная ею «Докладная записка»:

«Все детские дома, за исключением Тогурского, смешанного типа. Возраст детей в них от 4 до 18 лет. При каждом доме есть значительное количество детей переростков, которые должны быть весной этого года трудоустроены или переданы для дальнейшего обучения в техникумы, ФЗУ и т. п. По четырем [так в документе. — С. К., С. У.] проверенным домам переростков 208 чел, а по всем десяти 355 чел.

Детей, имеющих родителей или близких родственников, адрес которых уже установлен, по пяти домам — 299 чел.

В большинстве проверенных домов площадь помещений не соответствует имеющемуся контингенту детей, в силу чего создается большая скученность и антисанитария. Особенно тесно в Тоинском и Бакчарском

д/домах. По имеющимся материалам не лучше обстоит дело в Новиковском и Новосельцевском д/домах. В силу недостаточной жилой площади, неумения использовать правильно имеющуюся площадь, а также отсутствия достаточного количества кроватей, дети во всех домах, как правило, спали по два, по три человека на койке.

В результате такого положения почти при полном отсутствии медицинского контроля и слабой постановке воспитательной работы во всех д/домах имеют место факты половых извращений <...>.

Воспитательная работа во всех домах находится на очень низком уровне и по существу сведена к простому присмотру за детьми, соблюдению режимных моментов. Внешкольная работа не организована, а если кое где что и делается, то носит случайный характер.

Педагогический коллектив школ, даже тех, которые обслуживают в основном детский дом, стоят в стороне и практической помощи д/домам в организации живой, творческой работы с детьми не оказывает. Кружки ни в одном доме планово не работают. Вечера самодеятельности иногда проводятся, но к ним не готовятся, и они бывают очень бедны и не интересны для детей. Содержание вечеров самодеятельности заключается, главным образом, в плясках или какой-нибудь инсценировке.

Физическое воспитание детей можно сказать отсутствует. Лыжи, коньки есть во всех детдомах, хотя в незначительном количестве, но они или без ремней, или лежат в складе без употребления. В ряде домов есть музыкальные инструменты, но ни в одном доме нет струнного оркестра. Используются только патефоны во все время дня, без всякого плана.

Библиотечки сейчас есть в каждом доме, но не используются так, как нужно. Дети читают без разбора и воспитатели не интересуются, как они понимают прочитанное.

Пионеры есть во всех домах. Пионеры выделяются по своей успеваемости и дисциплине, но пионерская организация в целом не является организатором и инициатором массовой работы. Пионерские комнаты есть во всех д/домах, но они[,] как правило[,] (за исключением Кругловского) находятся под замком и используются только пионерами для проведения отрядных и звеньевых сборов. Доступ остальным воспитанникам не всегда возможен и очень ограничен. Такая неумелая постановка работы вожатыми в ряде домов привела к антагонизму между пионерами и не пионерами. В Тоинском доме группа ребят произвели выстрел в пионерскую комнату. Пионер вожата этого д/дома Чепок-Коренюк откровенно говорит, что с ее стороны были допущены ошибки в том, что она во всей работе резко противопоставляла пионеров и этим самым способствовала нездоровым взаимоотношениям.

Слабая постановка воспитательной работы привела к тому, что дети в большинстве своем, особенно младшего возраста, страшно недисциплинированны, грубы. В отдельных домах есть наличие воровства (Гришкинский), курение табаку и пьянство отдельных воспитанников в Тоинском доме. В этом же доме во время нашего пребывания, было вывешено объявление в уборной [“]курком работает с 7 утра до 10 часов вечера, вход

свободный["] подписали председатель, секретарь и заведывающий табачного отдела <...>.

Педагогический коллектив школ в отдельных домах (Бакчарский) очень часто практикует удаление из школ воспитанников на 3–5 дней. Эта мера к результатам не приводит, о чем сами педагоги вынуждены были признаться. Признались и в другой ошибке, что они воспитанников выделили в особые классы, не смешивая с родительскими детьми[,] и в то же время не обеспечили их квалифицированными работниками. Во всех д/домах есть по несколько воспитанников, которые не посещают школу и ни зав. д/домами, ни Районо ничего особенного в этом не видели, а считали в порядке вещей. Пропуск уроков без уважительных причин, опаздывание на уроки — явление обычное в д/домах. В Тоинском д/доме была целая группа воспитанников 3–4–5 классов, которые категорически отказывались посещать школу. В настоящее время после изъятия группы дезорганизаторов, большинство из этой группы посещают школу.

Трудовое воспитание детей проводится только в порядке самообслуживания, но очень слабо. Большая часть детей в самообслуживании не участвует. Мастерские, вернее помещения для них есть, но дети не обучались, хотя возможность к этому есть.

Чрезвычайно плохо обстоит дело с медицинским обслуживанием. Врачебный осмотр детей не проводится, обслуживают только медицинские сестры или лечпомы комендатур по совместительству. Только в Бакчарском доме врач бывает еженедельно. Особенно плохо с медпомощью в Тоинском и Кругловском д/доме. В Тоинском доме у детей младшего возраста очень много болячек на лице, руках. Есть подозрение на чесотку, хотя медсестра заверяет, что это простые расчесы от худосочи.

Санитарно-гигиенические навыки детям почти не прививаются: ни в одном доме нет зубных щеток, индивидуального мыла. Умывальников очень мало (один с двумя–тремя носками на 60–80 человек), а в Гришкинском совсем нет умывальников, и дети умываются из чайных бокалов, никакой речи об утреннем и вечернем туалете быть не может. Часть детей не умываются совершенно. Вид детей чрезвычайно неряшливый <...>.

Обеспеченность мягким инвентарем очень слабая, от одной до двух смен белья нательного и постельного. В некоторых д/домах дети спят без простыней (Кругловский, Гришкинский), хотя простыни и есть. Воспитатели не требуют, чтобы дети спали на простынях, и они из чувства “бережливости”, когда ложатся спать, то простыни снимают.

Твердый инвентарь чрезвычайно беден, в лучшем случае есть скамейки и кое где табуреты. Ни шкафов, ни тумбочек для хранения учебников нет, а поэтому книги и тетради, как правило, хранятся над постелями. Рабочих комнат совершенно не было выделено, а поэтому дети целыми сутками сидели в своих спальнях или лежали. Сейчас, когда предложили выделить рабочие комнаты и днем в спальнях не бывать, то дети в большом недоумении, что же они будут делать, почему они не могут лежать тогда, когда им захочется.

Питание детей в большинстве домов хорошее. Обед в два, три блюда, завтраки, ужины горячие. <...> Особенно хорошо дело с питанием в Тонинском детдоме. Столовая в детском доме — самое лучшее место. Само помещение очень чистое, уютное. <...>.

Руководящий состав работников д/домов, заведующие, довольно крепкий. <...> Плохо обстоит дело с воспитательским персоналом. Во время обследования мы разговаривали с каждым работником в отдельности. В результате этих бесед выяснилось, что культурный уровень работников чрезвычайно низок. Значительная часть из них почти не читают художественной литературы, газет. Правда, есть часть работников, которые при умелом руководстве ими смогут работать, но вся беда в том, что руководить ими по существу некому. Заместители завед. по воспитательной работе сами чрезвычайно слабы и своего назначения не оправдывают. Формально заместители есть во всех д/домах, а по существу почти ни одного. <...>.

Среди технического персонала есть отдельные люди, которые пытаются проводить разлагательную работу среди детей. Такой факт имел место в Гришкинском и Бакчарском д/доме. В Бакчарском д/доме сами дети пионеры дали отпор и потребовали увольнения уборщицы, которая непочтительно отнеслась к бюсту тов. СТАЛИНА»¹⁸.

Далее Токарева формулировала свои предложения по улучшению ситуации в детских домах округа, включавшие 13 пунктов. В части из них речь шла о необходимости распределения воспитанников по возрастным категориям, специализации учреждений: создать на базе Гришкинского детдома специальный дошкольный детдом, переведя туда из других домов детей дошкольных возрастов; составить именной список переростков с распределением их по районам округа для трудоустройства последних; «установить твердый профиль каждому детдому по производственному обучению детей» и т. д.¹⁹

О том, что после перехода детдомов из ведения НКВД в гражданское образовательное ведомство ситуация существенно не изменилась, достаточно красноречиво свидетельствует приводимый ниже в выдержках документ — направленная в крайком партии информация инспектуры Нарымского окрОНО «О состоянии детских домов в Нарымском округе на 1-ое сентября 1937 г.». Отметив, что, наконец, начата «типизация домов» (Тогурский и Новосельцевский детдома «типизированы в дошкольные»), инспекторы зафиксировали трудности в «выводе» переростков из детдомов (вместо намеченного постановлением крайисполкома от 7 мая 1937 г. планового выпуска 400 подростков удалось трудоустроить только 139 человек при отчетливо выявившемся нежелании хозяйственников брать на работу воспитанников детдомов). Фиксируя те же проблемные точки, что и ранее (перебои с финансированием, снабжением, «кадровый голод»

и т. д.), функционеры обращали особое внимание на дезорганизацию в воспитательной сфере: «Воспитательная работа в домах падает. Режимные моменты не выполняются. Дети предоставлены сами себе, неорганизованно идут в тайгу, шишкуют, жгут костры. За последний месяц произошли небывалые явления: побеги (2 побег[а] в Кругловском доме), побеги из Гришкинского и Белоярского домов воспитанников, перевезенных из Кругловского дома, бежавших обратно (дети найдены). За летние месяцы детская среда значительно дезорганизована»²⁰.

Простое прочтение и сопоставление информации, где обсуждалась и анализировалась ситуация в детдомах Нарыма на протяжении 1933–1937 гг., приводит к выводу, что с момента возникновения и дальнейшего существования сеть детских домов как сегмент социально-культурной инфраструктуры нарымских комендатур балансировала на грани выживания. Несмотря на значительное количество решений, принимавшихся в разные годы вовлеченными в данный процесс организациями и учреждениями, круг проблемных вопросов оставался практически неизменным. Следовательно, речь идет о системной причине, которая видится в чрезвычайно низком статусе детских специализированных сиротских учреждений, сравнимом разве только с инвалидными домами. Маргинальное положение внутри собственно маргинального труд(спец)поселенческого социума отражало общую ситуацию взаимодействия двух миров — «правового» и дискриминируемого, ссыльного. Детские дома становились микро-моделью указанного взаимодействия, того пространства, где представители власти должны были претворить в жизнь идею воспитания из «кулацких» сирот будущих «строителей социализма» — пионеров и комсомольцев, а крестьянские сироты являлись объектами воспитательного и режимного воздействия. Документы воспроизводят, хотя и мозаично, две оппозиционные линии поведения в среде самих воспитанников — адаптивную и протестную, деструктивную с точки зрения власти. Расслоение и взаимное недоверие между детьми подпитывалось с двух сторон: со стороны взрослых (руководителей детдомов, учителей, мобилизованных комсомольцев), искавших причины трудностей в наличии среди воспитателей и обслуживающего персонала трудпоселенцев, и со стороны самих сирот, в среде которых пионеры становились изолированным меньшинством. В повседневности, где выживание становилось нормой существования сирот, они стремились получить тот минимум ресурсов для жизни в виде пищи, одежды и крова и элементарного присмотра за ними, которые обеспечивал, главным образом, низший персонал. Сиротам психоло-

гически ближе были работавшие в детдомах на разных должностях трудпоселенцы, носители крестьянских традиций, быта и норм.

В свете вышесказанного не представляется сколько-нибудь неожиданным или парадоксальным, что некоторые крестьяне-спецпереселенцы усматривали в помещении своих детей в детские дома определенную перспективу. Экстремальные условия спецпоселения подталкивали глав семей на действия, совершенно невозможные в обычной ситуации. Одной из поведенческих моделей становились поиски способов обеспечить выживание детей младших возрастов, главным образом путем их передачи если не родственникам, то в детские дома. Документы личного дела Василия Ивановича Левыкина раскрывают некоторые обстоятельства, определявшие подобный вариант развития событий. В. И. Левыкин проживал со своей семьей неподалеку от с. Рождественка Битковского района Новосибирского округа, имея водяную мельницу и подсобное хозяйство. В 1928 г. во время хлебозаготовительного кризиса он был арестован по ст. 107 на 3 месяца, после чего лишен избирательных прав и вынужден перебраться с двумя малолетними дочерьми на заработки в Новосибирск. 17 мая 1931 г. решением Битковской райпитейной его жена, проживавшая на мельнице, была выслана с двумя другими малолетними детьми как жена бывшего мельника-«лишенца» в комендатуры Нарымского края. Поскольку Левыкин в это время работал в Новосибирске на одном из крупных производств в затоне, то он попал под категорию «кулаков, проникших на промышленные предприятия», был арестован и направлен в Дом заключения, где находился около двух лет на принудительных работах, а двух дочерей родственники переправили в комендатуру к матери. Весной 1933 г. выпущенный на свободу для соединения с семьей Левыкин был направлен к семье в один из спецпоселков Парабельской комендатуры. Будучи больным (сказывались несколько лет германского плена в период Первой мировой войны и два года принудительных работ в СибЛАГ), он оказался не в состоянии в условиях спецпоселения обеспечить четверых детей и 16 июля 1935 г. направил в районную комендатуру заявление следующего содержания:

«Прошу Вас гр-н Комендант определить моих детей в детдом для дальнейшего их воспитания и учения их по завету Ленина для детей.

В виду моей старости[,] слабости[,] и ухода годов[:] мне 56 годов[,] жене 53 годов. Жена совершенно больная[,] работать не может[,] и на основании выше изложенного прошу вас по возможности поспешить их отправить в виду моего недостатка в питании[,] дабы их не привести к потери здравого рассудка:

1) Юля возраст 13 годов 2) Аля возраст 12 годов 3) Маня 7 годов не училась в школе

Мы дети от имени отца и матери от самих себя просим вас гр-н комендант войти в наше положение и не оставте нашу просьбу. Так что мы желаем учиться справки у нас школьные на руках.

К сему Левыкин В И»²¹.

26 июля 1935 г. Парабельский участковый комендант Чернышев направил коменданту Центральной комендатуры следующее предписание: «Объявите трудпоселенцу пос. Малиновка Левыкину Василью Ивановичу, что ему в ходатайстве — определении детей в д/д отказано, т. к. последние перегружены и принимаются в них лишь дети Круглых Сирот; а Левыкин вполне может содержать свою семью»²².

В процитированных выше источниках отчетливо прослеживается линия поведения, избранная главой семьи в одной из наиболее кризисных ситуаций, когда сознательно и взвешенно ставился в практическую плоскость вопрос о возможном разделении семьи с целью выживания слабой ее части (детей) путем помещения в детский дом. Мотивация обращения сочетала значимые (по мнению заявителя) для представителя власти политические (просьба обеспечить детям «правильное воспитание») и прагматические (уменьшить тем самым число иждивенцев на содержании в комендатуре) аргументы. Ходатайство со стороны отца подкреплялось согласием детей жить в детском доме. Готовность детей уйти от родителей с целью не просто выжить на спецпоселении, но и получить возможность дальнейшего продолжения обучения в школе (в поселковых комендатурах имелись только начальные школы) в сочетании с признанием родителями неспособности обеспечить собственных детей подталкивала взрослых на решения, невозможные в прежних обычных условиях для крестьянской семьи. Отказ коменданта Левыкину в его просьбе не являлся чем-то необычным: так требовали должностные инструкции, препятствовавшие помещению в детские дома детей, родители которых считались трудоспособными. В этих случаях родителям оставалось либо попытаться отправить хотя бы часть своих детей к родственникам вне комендатур (подобная практика не поощрялась, поскольку вслед за переправкой детей к родственникам через некоторое время взрослые члены семьи совершали побег), либо определять детей в относительно состоятельные семьи старожилов, где девочки-подростки за приют и еду выполняли посильную работу по дому, следили и ухаживали за маленькими детьми («жили в няньках»). Так были вынуждены поступить и Левыкины, отдав своих дочерей «в люди» (в частности, А. Левыкина

жила в трех семьях, в т. ч. в семье политического ссыльного, окончила среднюю школу, затем Колпашевское педагогическое училище, работала в сельских школах спецпоселков Нарымского края)²³.

4.5. Воздействие повторных репрессий в отношении спецпереселенцев на судьбы их семей

Повторные репрессии в отношении крестьян-спецпереселенцев в форме арестов и лишения свободы по различным статьям УК РСФСР, а также наказаний в административном, внесудебном порядке являлись фактором, постоянно присутствовавшим во взаимоотношениях власти и ссыльных. Определение формата наказаний находилось в ведении карательных структур, работники которых имели весьма широкие возможности варьировать «меры привлечения к ответственности» спецпереселенцев. Так, согласно «Временному положению о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», утвержденному ОГПУ 25 октября 1931 г. и просуществовавшему практически на протяжении всех 1930-х гг., права комендатур в этой части фиксировались в разделах V и VI:

V. ПРАВА КОМЕНДАТУР.

1. Комендатуры ОГПУ имеют право привлечения к ответственности спецпереселенцев, нарушающих порядки и законы, установленные администрацией поселков, другими административными органами советской власти и Советским правительством.

2. Привлечение к ответственности осуществляется:

- а) в административном порядке самой комендатурой в рамках предоставленных ей прав;
- б) в административном порядке вышестоящими органами ОГПУ по спецпереселенцам по представлению комендатур;
- в) в судебном порядке Коллегией ОГПУ по представлению ПП ОГПУ;
- г) в общегражданском судебном порядке по представлению органов ОГПУ или следственных органов Наркомюста. <...>.

В случаях, содержащих в себе элементы уголовных и политических преступлений, передавать дела для разрешения через Коллегию ОГПУ или органы Наркомюста.

VI. О ПОРЯДКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ ЗА УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

1. Спецпереселенцы подсудны в обычном для всех граждан порядке за имущественные и против личности преступления.

2. Комендатуры ОГПУ в этих случаях являются первичными органами дознания, применительно к функциям, выполняемым милицией.

3. Порядок производства дознаний и дальнейшее их направление производится комендатурами на основании существующих положений об органах дознания (милиции)¹.

В борьбе с самой массовой формой протеста ссыльных крестьян — побегами региональные административные органы (адм-отделы и адмуправления) в районах дислокации комендатур применяли инструкцию, согласно которой против бежавших и задержанных переселенцев возбуждались уголовные преследования по ч. 1 ст. 82 УК РСФСР, гласившей: «Побег арестованного из-под стражи или с места лишения свободы [влечет за собой] — лишение свободы на срок до трех лет. Побег с места обязательного поселения (ссылки) или с пути следования к нему, а также уклонение от исправительно-трудовых работ присужденных к ссылке — замену ссылки лишением свободы на тот же срок»². Однако побег редко заканчивался для задержанного уголовным наказанием или направлением в места заключения (иначе при колоссальных масштабах бегства с мест поселений в первой половине 1930-х гг. происходил бы весьма нежелательный массовый «переток» спецпереселенцев в лагеря) — арестованных беглецов в большинстве случаев направляли обратно в комендатуры. Другие же статьи УК РСФСР стали типовым инструментом наказания спецпереселенцев за имущественные и иные преступления, в т. ч. политические.

Арест трудоспособных членов семей, в первую очередь их глав, значительно усложнял перспективы дальнейшего существования семьи в целом. В таком случае были возможны несколько вариантов организации жизнедеятельности семьи. Жена арестованного становилась учетной главой семьи с возложением на нее всей ответственности за членов семьи, среди которых было, как правило, несколько детей, а иногда и ее престарелые родители или родители мужа. В другом случае взрослые трудоспособные сыновья или дочери брали на себя формальное и фактическое главенство и ответственность за существование семьи. В третьем случае временная утрата кормильца влекла за собой фактический распад семьи, как это произошло с семьей Афанасьевых, высланной весной 1931 г. из деревни Булатово Барабинского района. Семья была выслана в составе главы семьи Павла Ивановича (1871 г. р.), его жены Анастасии Никитичны (1871 г. р.), сына Ильи (1911 г. р.), снохи Марии Минеевны (Михайловны) (1911 г. р.) и внука Александра (1930 г. р.). До 1936 г. Афанасьевы проживали в одной из комендатур Чаинского района, пока не переехали к родственникам в Александрово-Ваховскую комендатуру, расположенную севернее. Прибыв на новое место, семья вошла

в состав местной промысловой артели, а Илья Павлович Афанасьев стал рыбаком рыболовецкой бригады и основным кормильцем своей семьи и родителей. Однако в 1937 г. И. П. Афанасьев был «изъят органами НКВД». На обстоятельства ареста проливает свет «характеристика», подписанная участковым комендантом 17 августа 1937 г.:

«Прибыл из Чаинского района в артель “Север” пос. Стрежевой весной 1936 г. Работал рядовым рыбаком в бригаде на Колтогорском стреж — песке[,] разлогал и саботировал в лове рыбы, были случаи не выхода на рыбалку[,] чем срывал лов. Заявлял: “Насилия сейчас нет, хочу работать[,] хочу нет”. На собраниях и совещаниях[,] выступая[,] предъявлял требования[:] “Не дадут обуви и одежды[,] работать не надо”. Его подрывная работа дала знать, бригада работала не с полной нагрузкой. По инициативе Афанасьева в 1936 г. выполненная ценная рыба (осетр, нельма, муксун) продавалась на пароход. Имея в семье 3 чел. трудоспособных[,] за 1936 г. выработал всей семьей только 55 т[рудо]/дней. По приезду из Чаинского района открыто заявлял “что там жить не возможно, весь хлеб забирает государство”³.

В дальнейшем статус главы семьи как учетной единицы перешел к Марии Минеевне (Михайловне) Афанасьевой. В анкете главы семьи, датированной 7 марта 1949 г., она обозначала свое семейное положение как «вдова». Среди членов семьи, состоявших на спецучете, она указала двух сыновей от второго брака (Михайловых Владимира Викторовича (1941 г. р.) и Петра Викторовича (1944 г. р.). В графу «близкие родственники, не состоявшие на учете» вписан старший сын Александр Ильич Афанасьев (1930 г. р.), проживавший на тот момент в г. Куйбышеве Новосибирской обл. Очевидно, через несколько лет после ареста И. П. Афанасьева его семья распалась, у М. М. Афанасьевой появилась новая семья. Согласно записи в семейной учетной карточке бывшего главы семьи Павла Ивановича Афанасьева, родители и сын Ивана Павловича летом 1946 г. с разрешения Александровской комендатуры уехали в г. Куйбышев на иждивение к отбывшему заключение сыну⁴.

М. М. Афанасьева оставалась на учете спецпоселения в пос. Стрежевой с двумя малолетними детьми от второго брака до конца 1949 г. Ее ходатайство в местный РО МВД об освобождении из спецпоселения было удовлетворено на основании двух «типовых» обстоятельств: «проживая в спецпоселке, последняя ничем себя не опорочила, все время занималась общественно-полезным трудом, компроматериалами на нее РО МГБ не располагает»; в 1948 г. «Афанасьева на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”»⁵.

Арест и следовавшее за ним лишение свободы играли роль постоянно действовавшего фактора и своего рода социального клейма, не позволявшего вернуться к нормальной жизни, формирующего причудливые изломы человеческих судеб. В начале 1930 г. Григорий Егорович Тарасов вместе с семьей, в т. ч. с матерью Дарьей Герасимовной, 1860 г. р., был выслан в нарымские комендатуры. Его младший брат Трофим Егорович тогда же, в 1930 г., был осужден по ст. 74 УК РСФСР к трем годам высылки на поселение, которое отбывал в Томском округе. Отбыв срок ссылки и получив необходимые документы, младший брат обосновался в родных местах, но через некоторое время он принял решение попытаться вывезти из спецпоселения свою престарелую мать, о чем свидетельствует документ следующего содержания:

«Обязательство. 1935 года 12-го марта я ниже подписавшийся гражданин дер. Тычкиной Карасинского с/совета Андреевского р-на Запсибкрая Тарасов Трафим Егорович даю настоящее обязательство Комендатуре О.Г.П.У. Парабельский р-н Нижне-Тавангинской поселковой комендатуре поселка Севастьянова заимка В том что я являюсь родственником сын Тарасовой Дарье Герасимовне лет 71 находящейся в данное время прикомендатуре О.Г.П.У. Обезуюсь взять на свое полное обеспечение и иждивение кроме того несу ответственность за все антисоветские действия направленные против политической партии и соввласти и могучие быть совершенными». Обязательство имеет заверительную печать Карасинского с/совета»⁶.

Однако дальнейшие события развернулись для Трофима Егоровича совершенно неожиданным образом. Прибыв в спецпоселок за матерью в июле 1935 г., он был задержан милиционером, у него изъяли все бывшие при нем документы и причислили к семье старшего брата Григория. Оказавшись в положении задержанного, Трофим написал несколько безрезультатных заявлений с просьбой вернуть ему документы и разрешить выезд с матерью из спецпоселка. В частности, он писал: «<...> поскольку мать не отпускают то мне здесь делать нечего так-как у меня семья и жена оставшись в Андреевском районе»⁷. Ситуация для семьи Тарасовых осложнялась в тот момент еще и тем, что в это время побег из спецпоселка совершил старший брат, Григорий, и работники комендатуры вполне логично усматривали в действиях младшего брата стремление вывезти из ссылки мать, чтобы затем воссоединить семью на воле. Однако вскоре Григорий был задержан и водворен обратно в комендатуру. Тогда наступила очередь для побегов Трофима (он их предпринял дважды), о чем свидетельствовала выписка из приказа коменданта Пудинской участковой комендатуры от 16 января 1936 г., гласившая: «За совершенный повторный побег за

болото по направлению старого местожительства и за сопротивление при задержании милицией, т[руд]/п[оселенца] пос. Севостьяновка Тарасова Трофима Егоровича арестовать на 10 суток с использованием на работе при пос. Комендатуре»⁸. Других документов о судьбе младшего брата в обширном деле (около 100 л.) Г. Е. Тарасова нет. Сам Григорий был снят со спецучета только в начале 1950-х гг. Есть также краткая запись о смерти на поселении 6 августа 1942 г. их матери Дарьи Герасимовны.

Режимное поле комендатур имело функциональную заданность втягивать в свое пространство тех, кто приезжал к своим близким на спецпоселение, зачастую из-за их маргинального статуса (в частности, наличие судимостей). Но именно поэтому они оказывались уязвимыми в социально-правовом отношении перед комендатурной системой, легко менявшей их статус на спецпереселенческий. Тем самым частично восполнялись трудовые ресурсы в комендатурах, уменьшавшиеся из-за оттока из спецпоселков молодежи.

10 января 1941 г. в Президиум Верховного Совета СССР на имя М. И. Калинина поступило заявление от Михаила Ивановича Ивашенцева с просьбой освободить его из Колпашевской комендатуры как «неправильно зачисленного». М. И. Ивашенцев описал обстоятельства, при которых это произошло:

«От отца я ушел на производство в 1930 г., а отец был сослан в Нарымский край в 1931 г. Работал я с 1930–33 г. на новостройке Новосибирск — Кузнецк в коммуне “Труд”. Связи с отцом не имел. Затем в 1933 г. 14 апреля попал в заключение по ст. 36 на 5 лет. Отбывал на строительстве Забайкальских 2-х путей. Освободился досрочно по зачетам и льготам и вышел из заключения в июле 1936 г. Я поехал на местожительство в Нарымский край в г. Колпашево, где жил мой отец, но я жил самостоятельно, один без отца, работал при клубе возчиком. При перемене годового паспорта у меня его взяли и причислили к разряду спецпереселенцев. Я считаю, что паспорт взят неверно и прошу вас разобрать мое заявление и освободить меня из числа спецпереселенцев и выдать паспорт»⁹.

Ивашенцев направил обращение и в областную прокуратуру, где его заявление было проверено. Согласно данным проверки, заявитель не смог документально подтвердить, что вел хозяйство отдельно от отца на момент высылки последнего. Для этого, по мнению прокуратуры, следовало иметь акт о разделе двора (его отсутствие ставило под сомнение аргументацию Ивашенцева). Поэтому надзорные органы делали вывод, что сын продолжал числиться в составе отцовского «кулацкого двора», а потому применение к нему таких мер как изъятие паспорта и зачисление в спецпереселенцы,

имело под собой законные основания¹⁰. Безусловно, здесь имела место прокурорская казуистика. На момент высылки отца с семьей на поселение в 1931 г. Ивашенцеву исполнилось всего 17 лет — в таком возрасте раздел двора просто не осуществлялся. Его проступок, по мнению властей, состоял в том, что он попытался избежать высылки на поселение, уехав работать на стройку. Примечательно, что едва ли не аналогичным образом сложилась жизненная судьба его брата Григория. Избежав высылки вместе с отцом, тот до 1934 г. проживал в Черепановском районе, когда как «сын кулака» был призван в части тылового ополчения. Отслужив положенные три года, он получил паспорт, с которым также прибыл в Колпашево, устроился на работу. В марте 1939 г. после очередной режимной проверки документов паспорт у него был изъят, он сам также был взят на учет спецпоселения¹¹.

Практически весь эмпирический материал, отражающий разнообразные стороны режимной повседневности спецпоселений, свидетельствует о том, что поведение и мотивация жизнедеятельности переселенцев были направлены на выезд из комендатур. И тем более парадоксальным оказывается документально зафиксированный случай, когда «вольный» добивался постановки на учет комендатуры. 8 мая 1941 г. в канцелярию М. И. Калинина поступило письменное заявление от Михаила Никифоровича Андриенко, проживавшего в трудпоселке Средняя Таванга Пудинского района. В письме М. Н. Андриенко описывал, почему он желает получить статус спецпереселенца, и что произошло, когда таковой был им получен:

«В 1933 году в сентябре м-це я приехал в эту местность с производства т. е. станции Анжерка Томской ж. д. посвоему собственному желанию. По прибытию требовалось встать на учет. Я явился в поселковую комендатуру[,] где мне отказали в моей просьбе и направили в сельский совет. Я на это не соглашался <...> Цель моя стать на учет в комендатуре такова, что продукты питания достать было трудно, а комендатура снабжала продуктами питания только трудпереселенцев. Я обратился в сельский совет[,] где меня на учет приняли и до сего времени состою на учете в сельсовете отдельным хозяйством от родителей.

Родители мои были высланы в 1931 г. В 1932 г. отец был сужден за побег сроком на 5 лет. Я с ними не имел никакой связи с 1929 г. до 1933 г. После суждения отца мать через посредство сродственников узнала мой адрес и стала меня просить[,] чтобы я к ним приехал, так как она была в годах т. е. 52 лет и с ней 8 человек детей[,] старший 13 лет[,] Сродственник[,] т. е. дядя[,] воспользовавшись моей неразвитостью и детским разумом смог меня отправить к матери. В 1938 году по прибытии отца к семье я сразу же от них отошел.

В 1941 году комендатура приписала меня в свои дела несмотря на то[,] что я проживаю здесь 8-й год. Хотя на основании Конституции СССР все граждане СССР пользуются одинаковыми правами, как т/переселенцы[,] так и коренное население[,] но если всмотреться глубже, то получается большая разница. Например, граждане вольнонаемные 1-й категории получают надбавку за выслугу лет согласно закона, т/переселенцы этим не пользуются и плюс к тому же платят 5 % комендатурских. В настоящее время т. е. в мае м-це с меня комендатура требует 5 % отчислений с момента поступления на работу в сельпо, с 23 октября 1939 года, а правление сельпо лишило пользоваться надбавкой за выслугу лет.

А поэтому прошу Вас, тов. Калинин ответить на мое заявление — в праве ли местные власти лишить меня гражданских прав. Я все же считаю незаконным, потому что с 1925 года т. е. 10 летнего возраста я от родителей стал жить отдельно почти на своих средствах и часть помогали сродственники.

Цель моя ухода от родителей, я хотел учиться, а родители принуждали работать в сельском хозяйстве. Мне кажется обидным мое положение в виду того[,] что я до 19 лет еще плохо понимал, что такое советская власть и как требуется служить для трудового народа»¹².

Письмо-апелляция к власти, направленное «всесоюзному старосте», примечательно сочетанием прагматизма и конформизма. Оно содержит исключаящие друг друга мотивации. С одной стороны, Андриенко стремился встать на учет в комендатуру по совершенно прозаическим соображениям: для получения продуктового пайка в голодные годы. Однако, когда по прошествии восьми лет проживания в трудпоселке в «вольном» статусе он попал на спецучет, то сразу почувствовал дискриминационное положение ссыльного. В данном случае примечательна как сама наивная попытка перехитрить систему, так и запоздалое раскаяние и эмоциональная апелляция к тому, что на поселение он попал по своей «политической неразвитости».

Основными причинами арестов являлись бытовые и экономические («по линии народных судов») и политические («по линии НКВД»). В последнем случае судьбы арестованных, как правило, не прослеживались по документам личных дел, поскольку учетной главой семьи становилась жена арестованного или старший из совершеннолетних детей.

Уроженец Тамбовской губернии Василий Степанович Жебров был выслан в феврале 1930 г. вместе с семьей (жена, дочь и сын) в Шегарскую (Колыванскую) комендатуру как сельский «лишенец», хотя имел заслуги перед властью (служил в Красной армии помощником командира взвода). Как в 1941 г. писал в своей автобиографии (не без подтекста) его сын, Алексей Васильевич, сам Жебров прояв-

лял лояльность к власти и до, и во время поселения: «<...> родители занимались с/х-вом, которое вначале считалось середняцким, а с 1929–30 г. достигло, по мнению правящих организаций, кулацкого. Поэтому с 1930 г. родители были высланы в пределы Колыванской уч. ком-ры, с которыми (мне было 9 лет) последовал и я. По приезде в пос. Старый Атуз отец работал старшим поселка, позднее с 1931 г. кладовщиком при ком-ре в пос. Вдовино. В 1938 г. взят по линии НКВД и где сейчас находится, неизвестно»¹³. Воевавший на фронте и получивший офицерское звание А. В. Жебров возбудил в 1946 г. ходатайство о снятии матери, Таисии Ивановны Жебровой, с учета спецпоселения. В ходатайстве он указал, что его отец умер в 1938 г. В аналогичном ходатайстве в Пихтовское РО МВД Т. И. Жеброва упомянула о муже еще более неопределенно — «мужа нет с 1938 года»¹⁴. В заключении спецслужб от 13 сентября 1946 г. о снятии ее со спецучета осталась лаконичная формулировка, определявшая судьбу В. С. Жеброва, — «репрессирован органами НКВД в 1938 г.»¹⁵.

Протестное поведение глав семей, следствием которого зачастую становились аресты, для некоторой части спецпереселенцев превращалось в привычную, повседневную форму жизнедеятельности. Властями такие крестьяне воспринимались как непримиримые противники режима, хотя рецидивистами назвать их трудно. Из личного дела Устина Николаевича Рушкова, уроженца Тобольска, следовало, что он проживал вместе с многодетной семьей в пос. Ганчиха Каргатского района. В 1929 г. он был первый раз осужден Каргатским нарсудом за невыполнение хлебозаготовок на полтора года по ст. 61, ч. 3 УК РСФСР, наказание отбывал в новосибирской тюрьме. Весной 1930 г. его семья (жена Евдокия Александровна и шестеро детей в возрасте от 2 до 15 лет) была выслана в Шегарскую комендатуру. Туда же, отбыв срок заключения, прибыл У. Н. Рушков. В 1931 г. семья в полном составе бежала из комендатуры, им удавалось проживать неподалеку от места высылки до 1933 г., но затем Рушковы добровольно явились в ту же комендатуру, преобразованную к тому времени в Колыванскую. В тот же год У. Н. Рушков совершил побег. На этот раз он был задержан через полгода и в марте 1934 г. приговором Колыванского нарсуда осужден на один год исправительно-трудовых работ при той же комендатуре. В августе 1934 г. в семье родилась дочь Надежда, умершая от воспаления легких, не прожив и года. В 1935 г. Рушков совершил еще один побег, из которого вернулся добровольно через полгода. В 1936 г. он получил разрешение от руководства неуставной артели на отходничество и занимался охотничьим промыслом.

Весной 1937 г. общим собранием артели «Весенний труд» Рушков был исключен из артели за неуплату всех налогов (от сельхозналога до культсбора), такое же обвинение, подкрепленное соответствующей статьей (ст. 61, ч. 3 УК РСФСР), выдвинула против него комендатура. Однако началась полоса «Большого Террора», и в октябре 1937 г. Рушков был арестован органами НКВД, 15 октября того же года осужден «тройкой» за «контрреволюционную деятельность» на 10 лет. Умер в местах заключения в Красноярском крае 11 сентября 1938 г. Семье удалось выжить: за исключением бежавшей в середине 1930-х гг. старшей дочери, о которой нет сведений, остальные дети были сняты с учета поселения по достижении 16-летнего возраста.

Весьма редкий документ, сохранившийся в личном деле Тихона Николаевича Арцыбашева, — его заявление от 12 февраля 1963 г. в Управление охраны общественного порядка Новосибирской области — проливает свет на судьбу человека, выжившего в лагерях. Уроженец Курской губернии Т. Н. Арцыбашев был выслан в марте 1930 г. из с. Быструха Кочковского района со своей большой семьей (жена и пятеро детей, затем на поселении родилось еще двое) в Шегарскую комендатуру. Вначале его назначили «десятковым исполнителем» (руководитель учетной единицы — десяти семей), далее бригадиром, затем завхозом артели «Верный путь» Колыванской участковой комендатуры. В своем заявлении он просил пояснить, входит ли в стаж работы пребывание и работа на спецпоселении:

«Меня арестовали 20 октября [1937 г.] и дали десять годов заключения и пять годов порождения [в правах]. Суд я не видел[,] говорят[,] судила тройка НКВД[,] и с 1937 г. я работал в лагерях, а в 1943 г. 8 июля меня освободили[,] и я вернулся на поселенье[,] и в 1944 г. я поступил работать в лесную охрану[,] и в 1956 г. меня уволили по сокращению. Когда меня уволили[,] я обратился в Чулымский райсобес за пенсией[,] и мне там отказали пенсию[,] говорят[,] неполный стаж работы[,] Стажа у меня всего 17 годов 10 месяцев и 26 дней[,] а говорят [что] надо 25 годов <...> Это у меня стаж[,] что я работал в лагерях и лесной охране[,] а что я выслан был с 1930 по 1937 г. и работал в комендатуре[,] эта работа не засчитана. Я обращался в Новосибирский У.В.Д.[,] там мне сказали[,] что] высылка в стаж не входит»¹⁶.

В данном случае документально зафиксирован факт бюрократической казуистики. Советское уголовное законодательство процедурно разводило такие репрессивные меры как высылка и ссылка, хотя грань между ними была весьма условной. Вместе с тем высылка на спецпоселение не имела четкой правовой регламентации, что позволяло этим манипулировать, в т. ч. в плане трудовых отношений и пенсий.

В отличие от спецпереселенцев, работавших в сфере промышленного производства, где на них хотя бы частично распространялось действовавшее там трудовое законодательство, на спецпереселенцев, работавших в неуставных артелях, эти нормы, в т. ч. и пенсионные, не распространялись. Данная «драконовская» норма, дискриминировавшая бывших спецпереселенцев даже после ликвидации комендантской системы, действовала вплоть до распада СССР.

Аресты взрослых членов семьи отражались на детях столь драматичным образом, что речь шла не просто о существовании семьи, но и о физическом выживании детей и подростков. Только отчаяньем можно объяснить действия ссыльной А. А. Коршуновой, бежавшей из комендатуры в марте 1939 г. и задержанной работниками НКВД через месяц. Из протокола допроса следует, что в ее действиях сочетались разные мотивы, однако основным была надежда на то, что после ее побега дети будут переданы на иждивение государства:

«Я не только шла к родной сестре в Колыванском районе[,] я хотела попроведовать своих родных и знакомых[,] я хотела скрыться от детей[,] у меня их пятеро[,] старшему сыну 18 лет и самому младшему 3 года[,] Все мальчики[,] девочек нету[,] живу одинолично[,] Мужа нету[,] в осуждении в 1938 году два года заключения за государственные поставки[,] Я не в силах воспитать детей[,] А поэтому я и надумала сбежать ис трудовперисилия[,] Но я знала[,] что я этим нарушаю Закон Советского Союза <...>»¹⁷.

Проживавший в с. Усть-Тарка Татарского района Григорий Семенович Антонов в ходе «раскулачивания» был осужден «тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю 21 февраля 1930 г. по ст. 58 (п. 10, 11) на 10 лет лишения свободы и отбывал срок заключения в Прорвинском ИТЛ (Астрахань). Его жена Акси́нья Петровна в мае 1931 г., несмотря на обремененность большой семьей (семеро детей в возрасте от 19 лет до 1 года), была выслана с детьми в Каргасокскую участковую комендатуру. В 1932 г. А. П. Антонова умерла, и дети остались на попечении старшей дочери, двадцатилетней Ульяны. Летом 1934 г. с разрешения спецорганов Антоновым позволили переехать в соседнюю Пудинскую комендатуру для соединения с родственниками (дядей). В мае 1936 г. в порядке применения частной амнистии Г. С. Антонов был досрочно освобожден из Прорвинского ИТЛ и направлен на соединение с семьей. Однако ему удалось переоформить свое направление и встать на учет в Тулинскую комендатуру, расположенную южнее. К этому времени умерла Ульяна. Оставшимся детям участковая комендатура дала разрешение на выезд из Нарыма к отцу, в Тулинскую комендатуру. Воссоединение семьи произошло летом 1937 г.¹⁸

4.6. Взаимоотношения репрессированных крестьян и государства: патерналистские ожидания и их реализация

Одной из базовых поведенческих характеристик репрессированных крестьян являлась практика апелляции к структурам власти разных уровней в надежде на изменение своего статуса. Письменные обращения «во власть» в самых разных формах с преобладанием всевозможных заявлений и жалоб, имели достаточно устойчивые традиции. Как правило, адресатом обращений являлись вышестоящие по отношению к поселковым комендатурам органы ОГПУ–НКВД (от участковых (районных) комендатур до региональных и даже центральных (ГУЛАГ)). Апелляции по вопросам восстановления в избирательных правах адресовались также региональным и центральным избирательным комиссиям. Особое место в иерархии тех, к кому обращались с апелляциями спецпереселенцы, занимали высшие органы советской власти (ВЦИК и ЦИК СССР, далее Верховные Советы РСФСР и СССР), а также лично М. И. Калинин, И. В. Сталин, Н. К. Крупская и другие знаковые фигуры партийно-советского руководства. Апеллянтами выступали главы семей (что являлось традиционным для патерналистской модели семьи) либо молодежь, подростки и дети младшего возраста (что стало знаком наступления времени государственного патернализма). Среди обращений «во власть» глав семей преобладали жалобы на необоснованность высылки и заявления о снятии с учета спецпоселения, после войны увеличилось количество просьб перейти на иждивение взрослых детей, как правило, бывших фронтовиков. Для подростков и молодежи, помимо того же базового мотива обращений к власти — изменения дискриминационного статуса члена семьи «кулаков», крайне важное значение имело желание уехать из поселений для получения общего и специального образования.

Органы ОГПУ–НКВД столкнулись с потоком обращений спецпереселенцев, которые они направляли непосредственно в центральные институты власти, минуя местный уровень. Причины такого поведения были связаны как с традиционно существующей в массовом сознании оппозицией между местной и центральной властью, так и тем, что жалобы репрессированных зачастую не находили оперативного разрешения на местах. Тем не менее, в соответствии с бюрократическими процедурами и традициями направленные в центральные органы апелляции переадресовывались региональным и местным структурам, которые и принимали решения. Чтобы упорядочить последовательность обращений и сократить их поток в Центр, спец-

органы были вынуждены едва ли не каждый год издавать соответствующие циркуляры. В частности, в преамбуле циркуляра ГУЛАГ НКВД СССР начальникам региональных ОТП от 7 сентября 1934 г. об ускорении рассмотрения обращений ссыльных, говорилось: «Неполучение ответов на поданные заявления комендантам и отделам трудпоселенцев способствует увеличению притока заявлений от трудпоселенцев в центральные учреждения Союза и союзных республик: президиума ЦИКа СССР и ВЦИКа, Центризбирком, Прокуратуру Союза и т. д.

Указанные заявления поступают в ГУЛАГ НКВД и последним направляются в соответствующие Отделы трудпоселенцев для последующего представления в краевые и областные исполкомы <...> Такой порядок поступления заявлений загружает работу центральных учреждений и одновременно значительно удлиняет сроки рассмотрения жалоб и заявлений»¹.

В постановляющей части содержались прямые инструкции, как поступать с рассмотрением жалоб на неправильную высылку (их следовало адресовать в органы по месту высылки) и заявлений о восстановлении в правах (это решение находилось в компетенции исполкомов по месту нахождения спецпоселков). В циркуляре были также определены ограничения при передаче стариков и инвалидов на иждивение родственников: подача заявлений была признана нецелесообразной, если родственники проживали «в паспортной и пограничной зоне»².

Таким образом, существовали две технологии прохождения жалоб и заявлений спецпереселенцев. Первая — прямая и короткая, когда решение принималось на месте, чаще участковой (районной) комендатурой, реже региональным отделом спец(труд)поселений. Вторая — опосредованная и затяжная, при которой обращения следовали в Москву, а оттуда пересылались для решения и исполнения на места — эффект бюрократического бумеранга. Но какой бы ни была процедура поступления и рассмотрения письменных обращений «во власть», круг замыкался на аппарате комендатур, работа которых регламентировалась нормативными документами (инструкциями, приказами, циркулярами, разъяснениями и т. д.). Абсолютно приоритетными среди них являлись директивы об порядке функционирования поселков и содержания «контингента» в них, что определяло основные принципы работы комендатурной спецсистемы. Легитимность содержания репрессированных крестьян на спецпоселении являлась вопросом далеко не первого порядка. Не случайно осуществленный только на рубеже 1930–1940-х гг. переучет спецпереселенцев пока-

зал отсутствие во многих личных делах глав семей документов местных органов о высылке на поселение, которые там, где это возможно было сделать, восстанавливались затем в виде копий. Иначе говоря, существовал максимально облегченный путь отправки на поселение и максимально затрудненная процедура выхода из спецпоселения. Нетрудно понять, насколько мизерными были шансы писавших «во власть» на положительное решение их проблем.

Рассмотрим несколько, на наш взгляд, типичных обращений, направленных в центральные органы и/или персонально носителям властных функций. Из почти 50 выявленных нами апелляций на решения местных структур к высшим органам или персонам остановимся на пяти. Среди авторов данных документов — молодежь и представители старшего поколения, в них затрагивался разный, но типичный для обращений «наверх» круг вопросов. Жалобы и заявления имеют черты как общие для подобного эпистолярного жанра, так и специфические, индивидуальные. При разной аргументации той или иной просьбы их сближали ожидания и надежды на «помощь Москвы».

В весьма насыщенном информационно личном деле семьи Арсеновых, объем которого составляет без малого 100 листов, находится более 10 разного рода обращений в органы власти и персонально — от поселкового коменданта до Н. К. Крупской. Трагедия семьи началась с ареста в 1930 г. органами ОГПУ главы семьи, 34-летнего Федора Федоровича Арсенова. Этим была предопределена высылка через год, в мае 1931 г., из села Артамоново Битковского (ныне — Сузунского) района Западно-Сибирского края всей семьи в составе матери Устиньи Николаевны (66 лет), жены Прасковьи Михайловны (34 года), а также четверых детей (13-летней Анны, 10-летнего Степана, 8-летней Анастасии и 5-летнего Аркадия)³. В связи с отсутствием репрессированного Ф. Ф. Арсенова учетной главой семьи стала Прасковья Михайловна, а семью определили в поселок Щука Белковской поселковой комендатуры, входившей в состав Парабельской участковой комендатуры. В конце 1933 г. Степан Арсенов предпринял попытку бежать из комендатуры, через некоторое время он вернулся сам и как «малолетка» наказанию не подвергся. До 1937 г. никаких изменений в положении семьи не произошло, кроме того, что Анна покинула спецпоселок и официально находилась в розыске, а Степану удалось получить разрешение на работу продавцом в райцентре, с. Парабель. 5 октября 1937 г. в Парабельскую участковую комендатуру поступило заявление от П. М. Арсеновой, в котором она просила о переезде из спецпоселка к сыну: «являюсь трудпереселенкой и имею на своем

иждевении 2 человека[.] которых я не всилах воспитать». На заявлении есть положительная резолюция участкового коменданта поселковому («с моей стороны препятствий нет»). Судя по датам, вопрос решался внутри комендатуры около трех месяцев⁴. Однако вскоре П. М. Арсенова скончалась. Степан, которому на тот момент было всего 17 лет, оповестил о случившемся старшую сестру, работавшую в Новосибирске. Та приехала в комендатуру, имея на руках паспорт и справку о том, что она с сентября 1937 г. по май 1938 г. работала телеграфисткой на Новосибирском центральном телеграфе. 2 сентября 1938 г. она обратилась в Парабельский райЗО с просьбой о приеме ее на работу⁵. В деле находится донесение работника комендатуры участковому коменданту от 5 сентября 1938 г. о том, что у Анны Федоровны Арсеновой изъят паспорт «как неправильно выданный, так как Арсенова трудпоселенка и подлежит дальнейшему содержанию [на поселении]»⁶.

Вслед за этим в материалах дела находятся шесть последовательно написанных А. Ф. Арсеновой заявлений: Парабельскому участковому коменданту от 17 сентября 1938 г.; в ЦИК (письмо попало в приемную Президиума Верховного Совета РСФСР) с той же датой; Н. К. Крупской от 20 сентября 1938 г.; в Отдел мест заключения и трудпоселений (Новосибирск) от 21 сентября 1938 г.; в Президиум Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1938 г.; И. В. Сталину с московской датой регистрации 9 мая 1939 г. Все письма, кроме обращения к Сталину, написаны в интервале нескольких дней. В них А. Ф. Арсенова в целом повторяет в разных вариантах просьбы о возвращении паспорта, возможности устройства на работу не в спецпоселке, а в райцентре, устроить младших детей в детский дом и т. д. Ниже помещаем текст писем Арсеновой в Президиум Верховного Совета РСФСР и Н. К. Крупской, примечательных с точки зрения расставленных в них акцентов.

Заявление

Прошу Президиум Верховного Совета РСФСР мое заявление в следующем. Я Арсенова Анна Ф. Родилась 1919 20/II Новосибирская обл. Сузунский район село Артамоново. Родители занимались с/хозяйством. [В] 1928 году отца лишили избирательных прав[.] с 1929 года арестовали[.] через год нам сообщили[.] что отец умер[.] нас осталось 4 детей[.] я самая старшая[.] мать неграмотная[.] [В] 1931 году нас вместе с матерью высылают в Нарым в неуставную с/хозяйственную артель[.] [В] 1936 году я окончила 7 классов[.] поехала в Новосибирск[.] поступила в школу ФЗУ связи[.] училась[.] [В] 1937 году умерла мать[.] Ребята младшие остались одни[.] в детдом взяли только одного[.] Я в 1938 г. окончила школу ФЗУ связи[.] уже работала самостоятельно в Новосибирском цен-

тральном телеграфе[.] Когда поступила учиться[.] я получила паспорт[.] в мае 1938 г. я поехала навестить ребят[.] когда приехала[.] комендатура взяла мои документы и паспорт[.] Прошу разобрать мое заявление и вывести соответствующий вывод[.] Когда наши родители были лишены и высланы[.] мы были в то время детьми[.] Мы теперь круглые сироты[.] ни отца[.] ни матери[.] учились и работали и у нас взяли все документы[.] Мой брат рождения 1922 г. работает зав. отделом в с. Парабель раймаге[.] тоже такая история[.] и двое еще ребят учатся в 5 классе[.] Мы жили в с. Парабель[.] теперь нас отправляют на поселок[.] У нас там абсолютно никого нет[.] Порошу вас помощи мне в этом[.] мы ведь тогда не были лишены[.] а теперь родителей нет[.] при чем же мы[.] дети[?] Прошу в просьбе не отказать[.] результат вашего решения сообщить[.] жду с надеждой вашей тов[арищеской] помощи. Арсенова А. 21/9 [1938 г.]⁷

В письме на имя Н. К. Крупской, помимо изложения того же сюжета, есть и апелляция к тому, что молодежь должна иметь жизненную перспективу:

«<...> Прошу вас[.] Надежда К. оказать помощь мне[.] Я была несовершеннолетняя[.] Теперь родителей нет[.] выучилась[.] только бы работать[.] но у меня комендатура взяла паспорт[.] Могу [или] нет я быть гражданской[.] иметь паспорт и работать по окончании школы связи ФЗУ[.] правильно ли поступила комендатура [когда] взяла паспорт[?] Прошу вашего тов[арищеского] совета и помощи мне в этом отношении[.] то есть о возврате мне паспорта и право работать[.] Прошу вашего совета и помощи[.] Я круглая сирота[.] Я несколько раз проработала у став ВЛКСМ и хочу вступить в ряды комсомола[.] но меня не принимают[.] Мне очень трудно жить[.] у меня на иждивении 2 ребят[.] Прошу [в] просьбе не отказать[.] Жду с надеждой вашей товар[ищеской] помощи[.] Шлю пламенный привет[.] Арсенова Анна 20/9 [1938]»⁸.

Отложившиеся в деле Арсеновых подлинники писем содержат весьма важную информацию о скорости прохождения документов «наверх» и оперативности реакции на них со стороны адресатов. Так, одно из первых заявлений Арсеновой в Отдел мест заключения и трудпоселений (в оригинале — «Начальнику отдела местного заключения»), направленное в Новосибирск 17 сентября 1938 г. из села Парабель, было зарегистрировано в отделе 26 сентября, и в тот же день на письме появилась резолюция начальника отдела Путимцева, адресованная своему помощнику Корниенко: «Дайте указание уч. коменд[анту,] как с ними поступить». 30 сентября парабельскому коменданту было направлено следующее указание: «Препровождаем заявление трудпоселенки АРСЕНОВОЙ Анны Федоровны, ходатайствующей о выдаче паспорта[.] для вложения в личное дело и разъяснения, что паспорта трудпоселенцам не выдаются»⁹.

Письмо, направленное 21 сентября в Верховный Совет РСФСР, было зарегистрировано в его приемной 15 октября 1938 г. Оттуда его направили для ответа в ОТП ГУЛАГ. 11 ноября из Москвы за подпи-

сью начальника ОТП было направлено указание упомянутому выше Путимцеву о том, что паспорт Арсеновой не положен. 19 ноября это указание Путимцев отправил парабельскому коменданту, т. е. продублировал свою директиву полуторамесячной давности¹⁰.

Несколько иной порядок прохождения оказался у письма, направленного 20 сентября на имя Н. К. Крупской. Оно было зарегистрировано в секретариате Н. К. Крупской уже 1 октября, после чего направлено на рассмотрение прокурору Новосибирской обл., а 7 октября письмо Арсеновой поступило в Новосибирск, затем 17 октября было переправлено из прокуратуры в Отдел мест заключения и трудпоселений с пометой «На рассмотрение»¹¹. И хотя в данном случае оперативность прохождения письма оказалась более высокой, нежели через Верховный Совет РСФСР, ответ во всех случаях был предопределен бюрократической практикой спецорганов.

11 ноября 1938 г. начальник ОТП ГУЛАГ НКВД Тишков направил в Новосибирск решение, которое было сообщено Арсеновой только три недели спустя: «Разъясните заявительнице, что паспорта трудпоселенцам не выдаются. Членов семьи как не совершенно летних определите в Детдом. АРСЕНОВОЙ А. Ф. окажите содействие в определении ее на работу»¹². После обращения ее к И. В. Сталину участковый комендант доносил в Новосибирск 18 июля 1939 г. о следующем: «Из семьи т/поселенки Арсеновой Анны Федоровны 1919 года рожд. сестра Анастасия Федоровна 1925 года рожд. и брат Аркадий Федорович 1926 года рожд. помещены в один из детдомов, брат Арсенов Степан Федорович, 1920 года рожд. работает продавцом в одном из ларьков сельпо, сама Арсенова Анна Федоровна находится на иждивении брата, который работает продавцом и на работу устраиваться в артель не желает, а где либо в хоз. организацию ее не принимают вследствие того, что она не имеет документов»¹³.

Из приведенного документа следует, что работники местной комендатуры пошли навстречу Арсеновой только в одной просьбе, которую они могли бы удовлетворить и без обращения в Москву, — брат и сестра Арсеновой были помещены в детский дом. Зато с ней самой как с «заявительницей» поступили соответствующим образом, дважды отказав в выдаче документов для поступления на учебу в автошколу и лесотехнический техникум. И только в июле 1940 г. участковая комендатура приняла решение о том, что на нее распространяется постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. о снятии с учета спецпоселения без права проживания в режимных местностях детей спецпереселенцев и ссыльных при достижении ими 16-летнего возраста, «если они лично ничем не опорочены»¹⁴.

Ситуацию, в которой оказалась А. Ф. Арсенова, кажется еще более драматичной, если учитывать внешние обстоятельства, при которых она сложилась. Всего через два месяца после изъятия у прибывшей в Парабель Арсеновой паспорта вышло правительственное постановление, по смыслу которого ей могли просто поменять паспорт, выдав новый, хотя и с дискриминационной пометкой об ограничении въезда в режимные местности, и снять ее со спецучета. Однако работники комендатуры сделали максимум возможного, чтобы затянуть процедуру выдачи «строптивой» Арсеновой полагавшихся ей документов еще на несколько лет. Из документов дела следует, что паспорт ей выдали далеко не сразу после снятия со спецучета в июле 1940 г. В 1942 г. Арсенова была направлена по трудовой мобилизации на один из оборонных заводов Новосибирска, и только тогда ей выдали паспорт. Однако, как следовало из ее обращения в Парабельскую комендатуру от 5 декабря 1942 г., «паспорта, которые были нам выданы, здесь не прописывают[,] меня и не перерегистрируют и хлебные карточки на январь м-ц не хотят давать»¹⁵. Так дискриминационный статус сопровождал Арсенову все годы нахождения на поселении. Судьба других членов ее семьи сложилась по-разному. Из реабилитационного обращения Аркадия Федоровича Арсенова, направленного в 1993 г. в ИЦ УВД Томской обл., следует, что его отец Ф. Ф. Арсенов был расстрелян 8 марта 1930 г. (справка об этом выдана только в 1988 г.), брат Степан перед войной подвергся аресту и попал в лагерь, сам Аркадий находился в детдоме, затем по возрасту был снят со спецучета, а в 1943 г. призван в армию¹⁶. Таким образом, письма Арсеновой «во власть» не оправдали возлагавшихся на них надежд, скорее даже усложнили положение заявительницы.

10 ноября 1939 г. секретариатом И. В. Сталина было зарегистрировано письмо от спецпереселенца Михаила Егоровича Арапова, в котором тот писал:

«Здравствуйте, тов. Сталин!

Я, Арапов Михаил Егорович, родился 1918 года, деревня Милованово Ордынского района Новосибирской области в семье середняка. Отец занимался крестьянством. В летнее время нанимал наемную силу в количестве 1–2 человек. В 1928 году отец умер. В 1929 году мать лишили права голоса[,] потому что она с начала коллективизации не вошла в ряды колхозников и отец держал наемную рабочую силу. В 1930 г. мать выслали для обжитья Нарымского края. Я также был выслан в Нарымский край. В 1936 г. я окончил неполную среднюю школу. За хорошую работу в колхозе меня в том же году направили в Мариинский сельскохозяйственный техникум. Но учиться мне не пришлось из-за того, что меня подстигла болезнь, которой я проболел четыре с половиной месяца.

В марте месяце 1937 года я уехал на родину[,] куда и приехала мать. Ей дали свободный выезд из Нарымского края, потому что она вышла из годов. В настоящее время матери 60 лет Она живет на родине.

В 1938 году органы НКВД увозят меня в Нарымский край. По настоящее время я работаю в Нарымском шпалозаводе на сплаве. Работаю честно. Прогула не имею.

В нынешнем году мои товарищи пошли защищать Нашу Родину. Мне так же хочется защищать Нашу Родину честно, как я работаю на сплаве. Меня (и многих из нас) не берут потому[,] что мы считаемся спецпереселенцами.

Прошу Вас, тов. Сталин, дать мне возможность выехать из Нарымского края и вступить в ряды Красной Армии»¹⁷.

Из материалов дела следует, что М. Е. Арапов действительно находился с матерью и младшей сестрой на спецпоселении, где получил разрешение для выезда на учебу в Мариинский сельхозтехникум, но учиться из-за болезни не смог. Весной 1937 г. он вместе с родственником приехал в Парабельскую комендатуру, чтобы навестить близких. Здесь, как это было принято на режимной территории, у Михаила изъяли документы и вновь поставили на спецучет. При этом его мать и сестра получили право на выезд из комендатуры, перейдя на иждивение к родственникам. Михаил бежал, был объявлен в розыск, и, поскольку проживал и работал там, откуда высылались семья, его задержали и этапировали в Парабельскую комендатуру.

Письмо Арапова достаточно оперативно было переправлено в ОТП в Новосибирск, откуда 19 декабря 1939 г. поступило следующее указание в комендатуру: «Направляем при этом заявление т/п Арапова Михаила Егоровича, ходатайствующего о приме его в РККА. Сообщите последнему, что дети т/п в РККА не принимаются, потому в просьбе ему отказано»¹⁸. Заметим, что Арапов все-таки оказался в рядах РККА, но уже при совершенно других обстоятельствах, будучи призван на военную службу по мобилизации в июне 1942 г.¹⁹

Значительно реже к власти обращались представители старшего поколения, главы семей. Для них, обремененных ответственностью за своих близких, нередко становился приоритетным вопрос о возможности относительной свободы перемещения по территории участков/районных комендатур и других близлежащих районов. Используемая в обращениях этой категории репрессированных аргументация, которая базировалась на употреблении пропагандистских стереотипов, представляет несомненный исследовательский интерес. В личном деле Михаила Афанасьевича Анциферова, 1892 г. р., высланного в конце февраля 1930 г. из Барабинского округа в Томский округ и отбывавшего поселение в Шерстобитовской участковой

комендатуре, хранится адресованное М. И. Калинин письмо, зарегистрированное в секретариате «всесоюзного старосты» 2 июня 1939 г. В преамбуле письма, которая выполнена по заказу великолепным каллиграфическим почерком, отличным от хранящихся в деле нескольких малограмотных заявлений, написанных самим Анциферовым, говорится о расцвете, который переживает ранее находившийся в темноте и невежестве Нарымский край:

«<...> Колхозный трудодень с каждым годом увеличивается, зажиточность колхозников повышается, цветет культура[,] стало много клубов, изб-читален, школ, больниц, радио. С каждым годом увеличивается рост интеллигенции, вышедшей из рабоче-крестьянской массы.

С переходом неуставных с/х артелей на Сталинский устав с/х артели меня интересует знать: с разрешения колхоза может ли бывш[ий] трудпоселенец пойти на работу-службу в какое либо госуд[арственное] учреждение, напр[имер], счетоводом, бухгалтером, статистом, мастером, рабочим и др. в пределах своего района, а также в др[угой] район Нарымского же округа и может ли Комендатура или Сельсовет дать справку на получение паспорта, так как без паспорта никакое учреждение соседнего района на работу не примут»²⁰.

5 октября 1939 г., судя по препроводительной записке, возвращенное из Москвы письмо с информацией о том, что заявителю надлежало под расписку ознакомиться с отказом в его просьбе о выдаче документов, было приобщено к личному делу М. А. Анциферова²¹. Такого рода обязательная практика имела целью предотвратить возможные повторные ходатайства от спецпереселенцев после получения официального отказа. Из документов дела следует, что проситель вплоть до начала 1950-х гг. так и оставался в пределах той же комендатуры, сменив лишь свой спецпоселок на соседний. Со спецучета были сняты только его сыновья, в т. ч. старший Алексей Михайлович, имевший на момент призыва в 1942 г. в РККА свою семью, погибший на фронте.

Как правило, обращающиеся в Москву с ходатайством об изменении спепереселенческого статуса аргументировали свою просьбу тем, что они высылались в составе семьи сельских «лишенцев», а за время пребывания на спецпоселении сами стали главами семей и занимались «общественно-полезным трудом». На этом, в частности, выстраивал свою аргументацию Сергей Александрович Архаров, направивший заявление в Центральную комиссию по восстановлению в избирательных правах. В нем он отмечал, что с момента нахождения на поселении в Каргасокской комендатуре с осени 1931 г. сумел поработать около года учителем, затем несколько месяцев прослужил статистиком в поселковой комендатуре до сокращения штатов.

На момент подачи прошения (1 января 1935 г.) работал зав. ларьком. Вступил в брак, в 1933 г. у него родился сын. К заявлению он прилагал справку от поселкового коменданта, где тот подтверждал, что Архаров «ко всем работам относится добросовестно»²². Письмо Архарова было зарегистрировано в Москве 5 февраля 1935 г., оттуда оно поступило в ГУЛАГ НКВД, далее по территориальной принадлежности в ОТП УНКВД по Запсибкраю. 21 марта того же года начальник 1-го отделения Гладышев направил указание участковому коменданту провести проверку заявления С. А. Архарова: «Если Архаров С. А. заслуживает, то возбудите ходатайство в порядке нашего циркуляра от 2/8-34 г. Результат срочно сообщите для ответа ГУЛАГу. Приложение — заявление [Архарова]»²³. 30 марта комендант сообщил в Новосибирск, что «Архаров Сергей Алекс[андрович] к досрочному представлению в Гражданских правах не может быть представлен, так как будучи завларьком последнее время сделал растрату[,] за что снят с работы»²⁴. Таким образом, у Архарова имелись определенные перспективы добиться восстановления в гражданских правах, однако денежная растрата фактически перечеркнула эту возможность. К тому же даже в случае возможного восстановления в правах Архаров попал бы под действие нового законодательного акта, постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г., согласно которому получение гражданских прав с этого времени не давало права выезда из спецпоселения.

В некоторых случаях ходатайство из спецпоселка в Москву содержало сразу несколько предложений, но так или иначе касалось просьбы об изменении статуса заявителя. Ниже приводится с сохранением языка оригинала фрагмент направленного 14 января 1941 г. в Верховный Совет СССР обращения спецпереселенки Новокусковской комендатуры Александры Георгиевны Деминой, 1900 г. р., высланной в составе семьи отца в 1930 г. из Кочковского района Новосибирского округа. Предложенная ею аргументация в пользу пересмотра ее статуса основывалась на стандартной апелляции: она была выслана «за капиталы отца которыми совершено не пришло пользоваться». Важным, по мнению А. Г. Деминой, было также то, что она одна воспитывала малолетнего сына: «Освободите меня от такова тяжолова наказания илиже переведите меня туда где можно устроится по специальности и по здравию Года мои уже проходят и здоровье мое стало совершенно слабое а здес робота лесозаготовки и для моего здоровья не подходящая[.] А еще имею на иждивеньи сына 12 лет которого нужно воспитать учить так и далее Освободите меня от такова тяжолого наказания или переведите меня из Северного Края в другую местность на коко-

нибудь фабричное или заводское производство где всеже я лучше-бы с ребенком могла прожить и лучше воспитать детей Илиже отпустить меня на иждивенье к родным что мне так надоело жить в тайге одинокой <...> Я боюсь что мой ребенок может остаться кругом один в тайге <...>»²⁵. Письмо, отправленное из таежного Зырянского района Новосибирской обл., сравнительно быстро поступило в Москву, было зарегистрировано в приемной М. И. Калинина 31 января 1941 г. Однако следующая помета на письме свидетельствовала о том, что письмо было возвращено в комендатуру без резолюции и вложено в личное дело А. Г. Деминой только 11 марта 1941 г.

Из приведенных выше обращений/ходатайств «во власть» вы является ряд повторяющихся и, следовательно, устойчивых черт во взаимоотношениях структур власти и спецпереселенческого социума в том сегменте, который затрагивал базовые вопросы — режимный статус репрессированных и способы его легального изменения. Совершенно очевидно, что существовал и воспроизводился устойчивый порядок, согласно которому первичными (и основными) агентами власти выступали комендатурные структуры (в лице низовых, поселковых, далее — средних, участковых/районных, затем — региональных/краевых, областных и, наконец, центральных, представленных ОТП ГУЛАГ). Именно представители режимных органов, каждый на своем уровне, были призваны регулировать социально-«правовые» отношения и связи внутри комендатур. Когда режимные регуляторы не срабатывали и появлялись жалобы и заявления спецпереселенцев в нережимные, легитимные органы власти и управления, действовали формальные процедуры рассмотрения подобных письменных обращений, замыкавшиеся на те же спецорганы. Бюрократический документооборот работал по замкнутому циклу: с интервалом 1–3 месяца спецпереселенцу объявлялось под роспись резолюция по его ходатайству, как правило, повторяющая то решение, которое мог дать поселковый или участковый комендант сразу в устной форме или через несколько дней в письменном виде. Решение, за редким исключением, — отрицательное, отказное. Более того, как отмечено в ряде случаев (а возможно, это было типичным), письма «во власть», т. е., по сути, жалобы в Москву на действия аппарата комендатур, влекли за собой не улучшение, а осложнение положения жалобщиков. То, что карательная система функционировала консолидированно и стереотипно в интересах сохранения и укрепления, а не ослабления режимных установлений, было очевидно и спецпереселенцам, и гражданским (не являющимся сотрудниками репрессивных органов) чиновникам. Чем в таком случае руководствовались репрессированные,

апеллируя к власти с жалобой на действия ее же низовых агентов? Скорее всего, в основе их действий лежала надежда на расследование правомерности решений низовых органов, стойкость веры в справедливость высших органов власти (государственный патернализм). При этом патерналистские иллюзии, очевидно, в большей степени были распространены в подростковой и молодежной среде, для которой государством действительно предлагались модели поведения, дававшие некоторую перспективу на будущее (возможности с середины 1930-х гг. выезда на учебу или снятие с учета спецпоселений), что определяло живучесть и стойкость социальных иллюзий в спецпереселенческом социуме, несмотря на реальные действия режимной подсистемы государства.

Проведенное нами исследование, несмотря на его пространственно-временную локализацию, позволяет оценить воздействие репрессивно-дискриминационной политики сталинского режима на базовый элемент крестьянского социума — семью. С точки зрения интересов режима, крестьянская семья с ее социальным, трудовым и демографическим потенциалом представляла практическую ценность. Способность семьи к самоорганизации, самосохранению и воспроизводству использовалась властью для компенсирования и экономии тех материальных и финансовых ресурсов, которые требовались для создания и поддержания на необходимом уровне функционирования комендатурной системы. Семейно-родственные и земляческие связи в своей совокупности являлись бесценным адаптационным потенциалом, позволявшим возместить некомпетентность, просчеты и преступления властных, карательных и хозяйственных органов всех уровней, несших ответственность за организацию и жизнедеятельность ссыльного социума. Именно институт семьи придавал крестьянскому «спецконтингенту» качество социума.

Семья прагматично использовалась спецорганами в качестве основной социально-учетной категории. Она выступала базовой единицей организации хозяйственно-трудовой деятельности. Она же объективно выполняла своеобразную режимную функцию, играя роль регулятора и стабилизатора поведения членов семьи на поселении. Наличие института семьи лимитировало и ограничивало проявление форм протеста и сопротивления в условиях спецпоселения (волнения, побеги, асоциальное поведение, экономический саботаж и т. д.). Будучи носителем патерналистских начал, семья служила одним из каналов формирования и воспроизводства патерналистских ожиданий, в которых в качестве защитника и справедливого наставника рассматривалась власть. Эти ожидания являлись неотъ-

емлемой частью государственного патернализма, лежавшего в основе функционирования сталинского режима.

При всем этом именно политика власти выступала в качестве основного фактора дестабилизации института семьи и деформации присущих ему базовых функций. На начальной фазе антикрестьянских репрессий в феврале — марте 1930 г. карательные действия спецорганов по «изъятию» «кулаков первой категории» (до 200 тыс. человек в масштабах страны) фактически означали появление такого же числа разделенных семей, главы которых подверглись репрессиям (расстрелам или лишению свободы). Меры изоляции применялись в отношении «кулаков на производстве» (как правило, крестьян-отходников). Массовое бегство крестьян, вызванное антикрестьянскими репрессиями начала 1930-х гг., также охватило по преимуществу мужскую взрослую часть семей. Меры властных органов по «собиранию» разъединенных властью же семей имели достаточно непоследовательный характер: инструкции о соединении семей, выходявшие в 1931 г., вяло исполнялись на протяжении всей первой половины 1930-х гг. В дальнейшем, в годы «Большого Террора», было проведено еще одно целевое «изъятие» глав семей спецпереселенцев: согласно данным статистики карательных органов, в 1937–1938 гг. число арестованных и осужденных в комендатурах страны составило около 40 тыс. (в т. ч. почти 4 тыс. человек в Западной Сибири).

Одним из факторов дестабилизации репрессированных семей было блокирование спецорганами возможностей отправки из спецпоселков к родственникам наиболее уязвимых и незащищенных в экстремальных условиях несвободы категорий — детей, стариков и инвалидов. Чекистский «гуманизм» (санкция на выезд этих групп к родственникам), точно проявленный в 1930–1931 гг. в регионах массовой ссылки (Северный край, Урал, Западная Сибирь), выступал здесь средством некоторого смягчения демографической катастрофы, которая фактически уже произошла, и более не повторялся («разгрузка» нарымских комендатур от стариков и инвалидов в 1935–1936 гг., давшая цифру около 11 тыс. человек, явилась скорее исключением, нежели правилом). Блокирование передачи на иждивение родственникам детей, больных и стариков питало протестные формы борьбы (побеги целыми семьями или поодиночке) с репрессивной системой. Другой стороной обременения трудоспособных членов семьи значительным числом иждивенцев становился их ранний износ на производстве, травматизм, увечья и т. д.

«Режимный» фактор оказывал разнонаправленное воздействие на устойчивость института семьи. Режимные установления фор-

мировали жесткую матрицу для жизнедеятельности спецпереселенческого социума. Нарушение данных установлений влекло за собой целый спектр санкций, тогда как адаптация к ним позволяла получить определенные преимущества. Регулятивные нормы были призваны служить стабилизации жизни на поселении, однако на деле поддержание и воспроизводство требуемой стабильности во взаимоотношениях аппарата и «спецконтингента» во многом зависело от «человеческого фактора», т. е. от тех, на кого были возложены контрольные функции по соблюдению режима. Делегирование сверху властных полномочий комендантам и сосредоточение в их руках всех основных рычагов регулирования жизнедеятельности спецпоселений в сочетании с бесконтрольностью и низкой профессиональной компетентностью работников комендатур приводило к тому, что коменданты зачастую сами дестабилизировали ситуацию. Весьма показательным проявлением такой дестабилизации стали действия спецорганов всех уровней в «рукотворной» назинской трагедии весной — летом 1933 г., когда в Александро-Ваховской комендатуре погибло несколько тысяч депортированных. От решений и действий работников комендатур, их разумности или некомпетентности зависело все — от рациональной организации трудового процесса до организации и развития социальной инфраструктуры спецпоселений. Показателем состояния профессиональной пригодности работников комендатур служил уровень текучести кадров. В частности, только в течение одного года (лето 1931 — лето 1932 г.) в Нарымском округе было принято и уволено работников в полтора раза больше штатной численности.

Наиболее значимым в ряду дестабилизирующих семью факторов длительного действия была государственная «молодежная» политика, направленная на раскол поколений («сын за отца не отвечает»). Поощрявшийся в различных формах «фаворитизм» молодежи лишал прочности прежде устойчивый механизм семейно-родственных связей, негативно влиял и на институт брака, приобретающий под воздействием экстремальных условий прагматичный уклон (брак как способ выйти из «неправового» статуса). Если в первой половине 1930-х гг. восстановление в избирательных правах главы семьи автоматически распространялось на статус других членов семьи, то накануне и в годы войны практиковалось персональное снятие с учета молодежи по достижении ею 16 лет (а при мобилизации в армию мужчин эта норма распространялась только на членов их семей, не родителей). Тем самым вновь, только в другой форме, проводилась политика разъединения семей.

Фактором особого рода, вновь ослабившим институт семьи, стала Великая Отечественная война. Реальностью стали массовые военные и трудовые мобилизации из спецпоселений наиболее трудоспособной части семей. Под воздействием усилившейся эксплуатации труда и ухудшения условий жизнедеятельности и питания семья вновь подверглась гуманитарной катастрофе. Послевоенное «собрание» семей происходило уже в несколько иных условиях — не только на поселении, но и, благодаря воевавшим сыновьям, в немалой степени уже за пределами комендатур. Объективно война создала предпосылки для разблокирования системы крестьянской ссылки.

Можно считать доказанным, что, начиная массовую, форсированную и принудительную коллективизацию сельского хозяйства, фактически — огосударствление ведущего на тот момент сектора национальной экономики, сталинский политический режим не располагал разработанной стратегической программой ее осуществления. Это вело к возникновению системного кризиса во взаимоотношении власти и основной массы крестьян, что и предопределило доминирование внеэкономических, репрессивных способов осуществления данной политики. На первой стадии раскрестьянивания (1930 г.) основные политические решения имели импровизационный и несбалансированный характер. Депортации не подкреплялись и не обеспечивались необходимыми финансовыми, материальными, продовольственными и прочими ресурсами. Не разрабатывалась нормативная сторона репрессий. Упорядоченный характер антикрестьянские репрессии приобрели в 1931 г. с созданием специальной комиссии Политбюро, руководившей депортацией и организацией спецпоселений. Фаза массовых депортаций крестьян на спецпоселение завершилась в 1933 г. и в дальнейшем они осуществлялись в форме локальных, «точечных» высылки отдельных категорий населения из отдельных регионов.

Установлена периодизация процесса создания и трансформации крестьянских спецпоселений (крестьянской ссылки). Первый период — 1930–1934 гг. (начало, становление системы спецпоселений). Второй период — 1935–1940 гг. (эволюция системы). Третий период — 1941–1945 гг. (спецпоселения в годы войны). Четвертый период — 1946–1953 гг. (трансформация и ликвидация системы).

Исследовались механизмы адаптации категорий и групп репрессированного крестьянства к экстремальным условиям жизнедеятельности на спецпоселении в Западной Сибири. Изучались поведенческие реакции крестьян (массовые и групповые) на репрессивные акции институтов власти. Выявлен основной спектр форм

поведения, включавший: а) сопротивление (активное — «протестное» и пассивное — побеги); б) принятие нового статуса и положения (активное — содействие и сотрудничество с органами власти и пассивное — следование нормам режимного положения, их номинальное соблюдение). Выделены две базовые стратегии поведения — дезадаптивная и адаптивная, соотношение между которыми менялось на протяжении 1930–1940-х гг. в пользу адаптивной стратегии. Среди факторов, внешних по отношению к спецпереселенцам, и внутренних, решающую роль и значение на всех этапах существования спецпоселений играли внешние (государственная политика и практика ее реализации). Установлено, что политический фактор, особенно на начальных этапах депортации (1930–1931 гг.), играл дестабилизирующую роль (всевозможные «перегибы», просчеты, преступления структур власти). В этот период стабилизирующую роль играли механизмы самоорганизации крестьян (родственные, земляческие, этноконфессиональные связи и отношения). Начиная с середины 1930-х гг. и позднее органы власти установили достаточно жесткий контроль над жизнедеятельностью и поведением основной массы спецпереселенцев.

Установлены основные этапы адаптации спецпереселенцев в экстремальных условиях. В целом они совпадают с фазами формирования и эволюции системы спецпоселений. Первый период адаптации (1930–1934 гг.) являлся начальным и наиболее тяжелым и драматичным для ссыльных крестьян. Об этом говорит совокупность адаптационных показателей. Демографическое развитие имело отрицательную динамику — депопуляция населения (значительное превышение смертности над рождаемостью) в сочетании с массовым бегством свидетельствовала о доминировании дезадаптационной тенденции. В экономическом аспекте спецпоселения находились полностью на дотациях государства — доминирование безвозвратных средств (расходов) над возвратными (ссудами). В социокультурном плане это период конфликтов и противоречий между ссыльными и местным (старожильческим) населением, ссыльных между собой.

Решающие изменения в адаптационном механизме произошли с середины 1930-х гг. и продолжились во второй половине десятилетия. В эти годы система спецпоселений и ее социокультурная инфраструктура относительно стабилизировались. По демографическим, экономическим и поведенческим показателям жизнедеятельность ссыльных крестьян вошла в нормативную стадию (рождаемость превысила смертность), экономические показатели демонстрировали позитивную динамику, внешние и внутренние конфликты стали

сглаживаться, терять остроту и актуальность. В указанный период (1935–1940 гг.) политический режим считал проблему крестьянской ссылки принципиально решенной: произошло «оседание» крестьян в местах ссылки и интеграция их в местные экономические и социокультурные системы.

Новым, дестабилизовавшим спецпоселения периодом, стала война. Это фаза действия негативных факторов (рост смертности, превысивший рождаемость, потери мобилизованных на фронт мужчин, резкое ослабление производственно-экономического потенциала спецпоселений от трудмобилизаций, ужесточение режима содержания спецпереселенцев и т. д.). Это новый этап действия деструктивной, дезадапционной тенденции, отчасти сравнимый с начальными годами депортации. Вместе с тем в качестве компенсаторного механизма, смягчавшего военный кризис, выступала инфраструктура спецпоселений, созданная еще в 1930-е гг. (медико-санитарные, торговно-снабженческие и другие учреждения).

Послевоенный период стал завершающей стадией трансформации, а затем и ликвидации крестьянских спецпоселений. Адаптационные процессы в этот период также вступили в завершающую стадию. Практически стерлись хозяйственно-экономические и социально-культурные различия между ссыльным и коренным, старожильческим, населением Сибирского региона. Шел активный процесс размывания режимных основ ссылки, снятия со спецучета основной массы спецпереселенцев. После ликвидации крестьянской ссылки (1953–1955 гг.) в значительной своей массе бывшие ссыльные уже стали полностью интегрированной частью местного населения.

Наиболее ярко и концентрированно механизмы адаптации и дезадаптации крестьян к условиям спецпоселения проявились в модели семьи и трансформации ее структуры и функций на протяжении 1930-х — начала 1950-х гг. В целом семья прошла те этапы своей адаптационной трансформации, что и вся система спецпоселений, трудовой и демографической основой которой она являлась. Это этап разрушения и разъединения семей в первое пятилетие (1930–1934 гг.). Затем имел место период определенной стабильности, когда каналы притока в комендатуры и оттока из них в целом взаимно уравнивались; вступившая в период социальной зрелости молодежь стала создавать свои семьи. В то же время в целом на протяжении 1930-х гг. произошло уменьшение средних размеров семьи с 4,8 (данные по высылке внутри Сибирского края весной 1930 г.) до 3,8 человек (данные о размещенных в комендатурах Новосибирской области на начало 1938 г.), что сравнимо с тенденцией, характерной

для эпохи войн и революций (1914–1922 гг.). Другой мощной деструктивной тенденцией стало изъятие мужчин (глав семей и взрослых сыновей) в ходе перманентных репрессий. Это влекло постепенное возрастание доли женщин в ранге глав семей, достигшее по данным нашего локального исследования накануне 1941 г. четверти от числа глав семей — совершенно аномальная ситуация для формально невоенного времени. В годы войны указанный показатель возрос до еще более значимой величины. Устойчивость прежде крепкой крестьянской семьи подрывалась мощной идеологической пропагандой, направленной на конфликт и раскол поколений, ослаблявшей семейно-родственные связи, а тем самым и адаптационный потенциал ссыльных крестьянских семей.

В процессе исследования изучалась связь между процессами адаптации и раскрестьянивания. Установлено, что между ними не было четкой корреляции. Здесь действовали разнонаправленные тенденции, поскольку сталинский режим сохранял для ссыльных преимущественно прежний аграрный образ жизнедеятельности (неуставные артели). В этом случае адаптационный механизм сводился к минимуму. Тем не менее, приоритетной задачей власти в сфере использования трудового потенциала репрессированных крестьян было превращение их в мобильную, универсальную «рабсилу». Экономическая статистика спецпоселений показывает, что труд примерно двух третей ссыльных крестьян использовался в неаграрных секторах экономики. Следовательно, экономическая адаптация протекала в новых для крестьянства секторах экономики, тем самым ускоряя процесс раскрестьянивания.

Исследование позволило сделать вывод как о высокой адаптационной способности крестьян к условиям жизнедеятельности в экстремальных (бифуркационных) средах, так и о столь же высоких потерях в их среде. И если на физиологическую адаптацию в новой среде существования уходило в среднем около 5–7 лет, несколько больше — до 10 лет (все 1930-е гг.) уходило на социокультурную адаптацию (создание и воспроизводство основ жизнедеятельности и встроенность репрессированного социума в систему социальных связей и отношений, среду обитания в местах поселений и т. д.), то социопсихологическая адаптация к своему «неправовому», режимному статусу растянулась на весь период существования системы спецпоселений.

Насколько правомерна постановка вопроса о том, кто вышел победителем из противостояния основы крестьянского социума — семьи и репрессивной машины? Ответ на него лежит вне оценочной

системы «победитель — побежденный». Формальный победитель — государство одержало «пиррову победу». Создав на основе репрессивного раскрестьянивания разветвленную комендатурную систему принудительного труда (режимную экономику), государство лишило ее механизмов и стимулов саморазвития. Система спецпоселений деградировала в позднесталинский период и распалась после смерти Сталина. Однако то, что институт семьи пережил комендатурную «чрезвычайщину», означало скорее наличие подорванного, но не утраченного социально-демографического потенциала выживания. Несмотря на мощное государственное давление с целью переформировать семейные патерналистские ценности в направлении утверждения приоритета социальности и государственности, семья сохранила свои базовые, корневые функции самоорганизации, саморегулирования, самодостаточности. Цена же потерь крестьянской семьи не поддается (кроме демографических показателей) точному измерению. «Осколки» семей («сталинские щепки») — одиночки, круглые и полусироты, инвалиды и другие социально незащищенные группы, выпавшие из семейно-родственных связей, оказывались наименее адаптированными и наиболее уязвимыми в чрезвычайных условиях несвободы, будучи внутренними маргиналами даже для спецпереселенческого маргинального социума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая книгу, мы хотим вновь обратиться к ее названию. С точки зрения осуществлявшей «раскулачивание» власти, репрессированные крестьянские семьи, искалеченные судьбы которых стали одним из побочных эффектов грандиозной программы по созданию социалистического сельского хозяйства, — неизбежные при рубке леса щепки. Авторы надеются, что представленная вниманию читателя книга убедила их в том, что оказавшиеся на спецпереселении семьи являлись типичными крестьянами, составлявшими социальную, демографическую и социопсихологическую основу российского (советского) общества начала 1930-х гг., т. е. его корни.

По прошествии более полувека события тех лет воспринимаются по-разному. Мы предлагаем взглянуть на них глазами тех, кто прошел через спецпоселение, и одновременно оценить изменения, произошедшие в сознании этих людей. В качестве источника можно использовать реабилитационные дела, хранящиеся в информационных центрах УВД краев и областей и в частности ИЦ, УВД по Новосибирской области.

Реабилитационные дела позволяют проследить судьбу крестьянской семьи на длительном временном отрезке (иногда от появления в Сибири до сегодняшних дней) и влияние на нее преступных действий властей, расширить знания об обстоятельствах репрессий. Описывая свою жизнь накануне выселения, большая часть заявителей обращает внимание на материальное положение своей семьи и указывает при этом, что жили они хоть и не богато, но благодаря крестьянскому трудолюбию справно: «...полнокровной крестьянской семьей, в доме был достаток и вся семья была занята трудом с утра до вечера»¹. Гораздо меньше заявителей характеризует своих родителей как бедняков: «...ничего не нажили, кроме троих детей»². Такая характеристика хозяйств, подвергшихся выселению, подтверждает выводы историков о том, что к началу 1930-х гг. кулачество как социально-имущественная группа практически исчезло, и значительная часть репрессированных в этот период крестьян не может быть причислена не только к кулакам (если под ними иметь в виду лиц, использовавших наемный труд,

занимавшихся ростовщицеством и т. д.), но и к зажиточным крестьянам. Вместе с тем доминирование оценки экономической мощи своих хозяйств как середняцких отчасти связано с желанием заявителей убедить чиновников в неправильности характеристики их хозяйств как кулацких и одновременно доказать необходимость компенсации за изъятое имущество.

Оценка репрессированными крестьянами социально-экономического положения своей семьи накануне высылки позволяет выявить их позицию в вопросе степени оправданности, правильности проводимой государством в начале 1930-х гг. политики. Аргументация обоснованности реабилитации своей семьи несправедливым причислением к кулакам не только свидетельствует о неправомерности использования термина «раскулачивание» по отношению к событиям начала 1930-х гг., но и подразумевает оправдание авторами заявлений применения репрессий к «настоящим кулакам». Однако стереотипному восприятию заявителями кулаков в качестве врагов, вредных элементов общества противоречат описания обстоятельств «раскулачивания», высылки, жизни на спецпоселении как трагедии, которую пришлось пережить крестьянам (а не кулакам!), не встретилось нам в заявлениях и ни одного конкретного отрицательного образа кулака-миroeда. В данном случае мы встречаемся с примером предела воздействия идеологических стереотипов на сознание людей, особенно когда последние имеют собственный опыт в данной сфере общественных отношений.

Некоторая идеализация крестьянской жизни, основанной на тяжелом труде, дается почти во всех немногочисленных заявлениях, где этот период более или менее подробно описан. Такая оценка в первую очередь является следствием контрастного восприятия последующего периода их жизни. «Зато подростковая жизнь была сплошным унижением, до сих пор с глубокой болью ощущаемым», — замечает А. З. Евтушенко³. Критическое отношение авторов заявлений к современности также усиливает ностальгическое отношение к своему детству. Например, Д. И. Жигулин, высланный вместе с матерью из с. Укроп Легостаевского (Тогучинского) района, в своем эмоциональном заявлении замечает: «...пригон был сделан из камня, позвоните в Укроп фермерам, что они izdelali из нашего камня мост, да укропа не стало нечем закусить после водки»⁴. Лишь у немногих заявителей жизнь в деревне ассоциируется в первую очередь с тяжелым крестьянским трудом. Р. М. Сухороченко цитирует в заявлении ироничное замечание своей матери: «Спасибо Советской власти, что разогнали нас. А так бы и ишачили в этой деревне, света божьего не видели»⁵.

Некоторые авторы заявлений пытаются определить политические причины репрессий в отношении их семьи. При этом они чаще всего ссылаются на то, что попали «в полосу раскулачивания». Такое понимание причин репрессий вполне соответствует традиционному крестьянскому отношению к действиям властей как к стихийному бедствию, которое нужно просто пережить. Вместе с тем оно свидетельствует о восприятии антикрестьянских репрессий в начале 1930-х гг. как общегосударственной политики, а не как отдельных действий против «нехороших» людей, к которым их случайно причислили. Трудно определить, является ли такое восприятие следствием современной общественной оценки событий начала 1930-х гг. или оно вынесено заявителями из того времени, унаследовано от старших родственников. Сравнение заявлений о реабилитации 1990–2000-х гг. и прошений, составленных «лишенцами» и спецпереселенцами в конце 1920– начале 1930-х гг., не дает возможности четко ответить на этот вопрос, т. к. по понятным причинам заявители чаще всего старались доказать несправедливость причисления их к кулакам и лишь отдельные смельчаки могли позволить себе оспорить правильность проводимой антикрестьянской политики как таковой. Одним из примеров может быть направленное в 1930 г. в ЦИК прошение крестьян, отбывавших спецпоселение в Северо-Двинском округе, в котором они спрашивали: «...за какую беду нас здесь мучают и издеваются над нами? За то, что мы хлеба помногу засевали и государству пользу приносили, а теперь негодны стали»⁶. Подобное же объяснение причин высылки «за то, что трудились день и ночь»⁷ можно встретить и в заявлениях 1990-х гг.

Этот вполне логичный вывод, сделанный крестьянами из государственной политики 1930-х гг., — одно из наиболее серьезных социально-психологических последствий антикрестьянских репрессий. Сосланный вместе с семьей В. А. Толмачев оценивает его так: «...чтобы быть вольным, я никогда не стремился иметь никаких вещей, которые возбудили бы у людей зависть, дали возможность им раскулачить меня... вот мои родители, мой дед и бабка с раннего утра до позднего вечера, не разгибая спины, работали, работали, работали. В награду — отбирают все... ссылают в гиблые болота... вот если бы только такие мысли вошли лишь в мое сознание... но хуже всего, такие мысли вошли в сознание всего народа... наше поколение, очень маленькая часть его, не уничтоженная в войну, так и осталась люмпенизированной»⁸.

Несмотря на то что заявители пытаются определить причины применения к ним репрессий, в заявлениях, за редким исключением, отсут-

ствуют выводы о виновности государства, отдельных органов власти, а, следовательно, и оценка их действий. Причин тому несколько. Имеет свое значение то, что заявители выступают в качестве просителей, обращающихся все к той же власти, хотя и признавшей свою вину. Кроме того, негативное отношение к современности также не позволяет им критиковать действия предшествующей власти, к которой у авторов отдельных заявлений, несмотря ни на что, больше симпатий.

В отличие от предшествующих «раскулачиванию» событий выселение, дорога к месту спецпоселения, проживание на спецпоселении получили в заявлениях гораздо большее освещение, что отвечает цели, с которой создавались воспоминания. Описание этих событий со всей полнотой и яркостью воссоздает трагедию отдельного человека, семьи, которую пришлось пережить им по воле советского государства. Всю безысходность, непоправимость, несправедливость произошедшего, по нашему мнению, символично выражает фраза из заявления К. П. Ткача: «А в марте 1931 г. вся семья была сослана на 20 лет из села *Хорошее* [выделено нами. — С. У.] Карасукского района... в район севернее Васюганских болот...»⁹

Описывая процесс «раскулачивания», выселения из дома, авторы особое внимание уделяют наиболее ярким моментам. Это, с одной стороны, мародерство, жестокость представителей местных властей и милиции, а с другой — сочувствие со стороны остальных жителей деревни. Пытаясь объяснить, почему в архивной справке нет акта о конфискации имущества, высланная с родителями из села Жуланка Кочковского района В. П. Алтухова вспоминает: «Какие могут быть там сведения. Когда они пришли описывать имущества, и вот надо было бы видеть только своими глазами, один сидит пишет, а другие уже начали тащить, кто перину, кто самовар, другие корову, лошадь, свиней, даже полотенце... в наш дом сразу председатель поселил своего сыночка... мама говорила так, когда они стали все отбирать даже стали выносить ларь с мукой я говорит схватила ведро с водой и вылила все в ларь. Говорю не вам и не нам»¹⁰. В большинстве случаев заявители указывают, что при высылке у них было изъято почти все имущество, а иногда и личные вещи. Высланная из села Вьюны Кольванского района П. М. Текутьева вспоминает: «Нас посадили на голые сани и вывезли в неизвестном нам направлении. На мне было теплое добротное пальто, так уполномоченный приказал снять мне пальто, я редела, сопротивлялась. Он крикнул: “ах ты, выкормыш кулацкий”, — и сам сдернул с меня пальто. Мне же бросили старое дырявое пальто. Люди села стояли и плакали. Соседка вынесла нам на дорогу калачи, нанизанные на шесте, он крикнул:

“Не положено!”, — и пнул по шесту, калачи рассыпались по снегу. Это был зверь, а не человек»¹¹.

У подавляющего большинства заявителей пребывание на спецпоселении ассоциируется с голодом, холодом, болезнями и смертью, при этом многие (40 % от числа тех, кто каким-либо образом его описывает) указывают как на характерные признаки неволи нахождение на учете в спецкомендатуре и невозможность свободного передвижения. Это свидетельствует о том, что спецпереселенцы четко видели разницу между положением вольных и своим. Около 30 % заявителей, описывающих свою жизнь на спецпоселении и после, указывают на то, что им пришлось испытать унижения и притеснения, связанные с их статусом.

Примечательно, что почти никто из заявителей не оценивает свой труд или труд своих родителей на спецпоселении как принудительный или имевший статус, отличный от вольного. В качестве едва ли не единственного примера исключения можно привести заявление П. Т. Приступы, работавшего с 1932 г. в шахтах Кузбасса. Автор указывает, что из его зарплаты высчитывали «комендатурские» сначала 50 %, а потом 5 %, и справедливо полагает, что эти деньги должны быть ему возвращены¹². Преобладающая оценка своего труда как свободного, на наш взгляд, имеет несколько оснований, прежде всего психологического характера. Во-первых, у большинства людей понятие принудительного труда ассоциируется с работой заключенных под наблюдением охраны; во-вторых, многие из авторов заявлений во время нахождения на спецпоселении были детьми и потому плохо представляют себе особенности организации труда в те годы.

Среди других признаков, которыми репрессированные отличают свое пребывание на спецпоселении, можно выделить ограниченные возможности для детей спецпереселенцев получить образование. Сестры Яворовские, например, эмоционально замечают, что «для детей не было ни школ, ни календарей»¹³. Авторы других заявлений смогли получить только начальное образование, т. к. основная школа находилась далеко, и они по бедности своих родителей не могли ее посещать, или не могли продолжать учиться, потому что вынуждены были пойти «в люди», как, например, М. В. Ковалева, отданная в 12 лет в «няньки для детей милиционера» и только через четыре года получившая возможность продолжить образование¹⁴. Еще меньше было возможностей получить высшее образование. Дети спецпереселенцев, которым хотя и было дано разрешение покидать спецпоселки для учебы в техникумах и вузах, не могли жить в «режимных» городах, к числу которых относился и Новосибирск. Следует учитывать,

что в 1930-х гг. соответствующая графа в анкете также не увеличивала шансы этих молодых людей на учебу в вузе. Судя по заявлениям, выходцы из спецпоселков, чей вузовский возраст пришелся на предвоенные и военные годы, в первую очередь подлежали мобилизации в ФЗУ и на военные заводы, что в большинстве случаев и определило их будущую судьбу.

В годы войны положение спецпереселенцев как маргиналов проявилось в недоверии власти к бывшим «кулакам» при мобилизации на фронт. Как показал анализ реабилитационных дел, главы высланных семей, как правило, не призывались в действующие части, а подлежали трудмобилизации, т. е. направлялись на военные заводы и на выполнение специальных работ. Детей спецпоселенцев соответствующего возраста активно призывали на фронт и их, по нашим данным, не подвергали дискриминации при распределении по родам войск, частям, и в этом проявилась политика, направленная на отделение молодых людей из «кулацкой» среды от родителей и воспитание их как верных сынов советской власти, которой они должны быть благодарны за доверие. Не случайно многие заявители (а большинство их являются детьми спецпоселенцев) выделяют Великую Отечественную войну как рубеж, когда их перестали считать врагами: «наша жизнь изгоев общества продолжалась до Великой Отечественной войны, когда нам нашлось место в обществе»¹⁵.

Последние даты снятия со спецучета, которые упоминаются в реабилитационных делах, относятся к 1952–1954 гг. Однако освобождение, как указывается в заявлениях, сопровождалось ограничениями на проживание в «режимных» местностях. В делах мы находим сведения о снятии с учета «без права выезда», случаях отказа в выдаче документов, что вполне реально, если учитывать действовавший в это время в стране паспортный режим. Для многих бывших спецпереселенцев выезд из спецпоселков был невозможен по причине бедности или по состоянию здоровья, как, например, для семьи Сваровских, которые смогли выехать только благодаря помощи родственников¹⁶. Другие не захотели вернуться домой потому, что «возвращаться было некуда и не к чему»¹⁷. Из материалов реабилитационных дел следует, что около трети семей спецпереселенцев приехали после ссылки на место своего прежнего проживания. Таким образом, две трети репрессированных крестьянских семей в начале 1930-х гг. навсегда покинули свою малую родину. Если учитывать, что семья возвращалась не в полном составе, как правило, только ее старшие, зачастую нетрудоспособные члены, то доля не вернувшихся будет еще больше. Эти данные говорят о том, что естественные для модернизации про-

цессы разрушения групп традиционного общества и урбанизации в советском варианте осуществлялись посредством неестественных и антигуманных методов. Во многом это определило результат советских социально-политических преобразований: к концу 1930-х гг. в Советском Союзе возникли не классы индустриального общества, а маргинализированные группы, больше похожие на сословия. Наиболее ярко этот процесс проявился именно в отношении крестьянства.

И все-таки треть вернувшихся семей — это значительная часть, если учитывать титанические усилия власти, направленные на то, чтобы высланные крестьяне осели в колонизируемых ими районах. Одна из причин возвращения спецпереселенцев на места прежнего проживания психологического характера: место спецпоселения и после снятия всех ограничений для многих оставалось символом ссылки и неравного общественного статуса. Вот как характеризует эту ситуацию высланная из Колыванского района В. Н. Третьякова: «Будучи уже взрослой, я как-то сказала отцу: зачем было выезжать с Ангары [семья Третьяковых отбывала спецпоселение в Кежемском районе Красноярского края. — С. У.] можно было бы там жить, но он мне ответил: “Проживи мы там хоть 100 лет, все равно останемся ссыльными для местных жителей”»¹⁸.

Реабилитационные дела позволяют расширить наши знания не только о событиях 1930-х — начала 1950-х гг., но и проследить некоторые современные процессы, в частности, реабилитацию. Хотелось бы заметить, что реабилитация, особенно такой категории репрессированных как спецпереселенцы, чье положение воспринимается менее трагичным, чем прошедших через тюрьмы и лагеря, имеет по преимуществу государственно-правовой, а не общественный характер. Думается, что среди соответствующей возрастной группы людей, имеющих небольшой доход, пользующиеся льготами бывшие спецпереселенцы вызывают скорее зависть, чем сопереживание. Сами обратившиеся с заявлениями в ИЦ УВД НСО репрессированные также понимают реабилитацию в первую очередь как получение особого статуса, дающего права на льготы. Анализ заявлений показал, что только 2 % заявителей называют в качестве основной причины своего обращения восстановление честного имени, в остальных случаях речь идет о получении справки, по которой предоставляются льготы, или сборе документов, необходимых для оформления компенсации. Разумеется, мы не хотим обвинить этих людей в корысти: реабилитация, проводимая государством, и должна иметь своей главной целью хотя бы минимальное возмещение нанесенного ущерба. Необходимо

только, чтобы и в общественном сознании трагедия этой категории репрессированных не «терялась».

Как показал анализ заявлений, их авторы по-разному понимали, что является достаточным основанием для реабилитации. Многие из них сам факт своей высылки и проживания на спецпоселении таковым не считали. Выше отмечалось, что часть авторов заявлений старалась убедить чиновников в ошибочности причисления их к «кулакам», другие, буквально понимая словосочетание «пострадавшие от политических репрессий», описывали лишения, которые им пришлось пережить в связи с применением к ним репрессий. «Считаю себя пострадавшим от репрессий самым суровым образом, — пишет М. А. Афанасьев, — поэтому прошу признать меня репрессированным»¹⁹. Немало тех, кто, как, например, С. Д. Мегедь, для обоснования возможности своей реабилитации рассказывал о своих боевых и трудовых заслугах, о получивших высшее образование детях: «...сколько хорошего было сделано для родины за свои годы, ну вы знаете я все родине матушке прощаю может так надо было так жестоко делать я даже незнаю сам»²⁰. Такое отношение к своей реабилитации свидетельствует о том, что заявители понимали ее не как формализованный юридический процесс, а как индивидуальное разбирательство, в котором взвешиваются все «за» и «против». Вместе с тем это показатель общественного сознания: отсутствия или недостаточного понимания преступности советской репрессивной политики 1930 — начала 1950-х гг. в отношении крестьянства как таковой.

Проведенный на основе изучения заявлений пострадавших крестьян анализ социально-психологических последствий репрессий показал, что даже у тех, кто сам пережил эти трагические события, зачастую нет понимания их общегосударственного масштаба, а, следовательно, и критического отношения к тем, кто несет ответственность за них. Это свидетельствует об отсутствии в настоящее время нормальных взаимоотношений между властью и обществом в нашей стране. Положение бывших спецпереселенцев как маргиналов имеет не только экономические, правовые, но и социально-психологические проявления²¹. Наиболее четко это прослеживается по изменениям мотивации к труду и отношения к собственности. Вместе с тем, основанная на владении землей самостоятельность крестьян и их приверженность традиционализму, несомненно, создавала значительные препятствия для внедрения в их сознание новых «социалистических» установок, и этот процесс также можно проследить на примере реабилитационных дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОБЪЕКТ ДИСКРИМИНАЦИЙ И РЕПРЕССИЙ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Современная историография

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 15; Он же. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 23.

² Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. ... С. 42–43.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. ... С. 22–23.

⁴ Шапков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Мурманск, 1996; Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

⁵ См.: Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 264.

⁶ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 3.

⁷ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 16.

⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. ... С. 34.

⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 27.

¹⁰ Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 149.

¹¹ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941–1955 годы): Автореф. ... д-ра юр. наук. Новосибирск, 2004. С. 5–6.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 10–11, 42.

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. ... С. 34.

¹⁹ Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 18.

²⁰ Бердинских В. А. Спецпоселенцы... С. 55–56.

²¹ См.: Красильников С. А. Серп и Молох... С. 117–118.

²² Хлевнюк О. В. Государственный террор в 1930-е гг. // Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002. С. 117–148.

²³ Там же. С. 118–121.

²⁴ Там же. С. 130.

²⁵ Возвращение крестьянских имен. Чита, 1996. Вып. 1; 1997. Вып. 2.

²⁶ Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2001. Т. 4, ч. 1, 2.

²⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2000. Вып. 1; Очерки истории крестьянского двора и семьи в западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е годы. Новосибирск, 2001.

²⁸ См.: Очерки истории крестьянского двора... С. 17.

1.2. Массовые источники. Состав, структура, приемы обработки и анализа

¹ См.: *Миронов Б.Н., Степанов З. В.* Историк и математика (Математические методы в исторических исследованиях). М., 1975; *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; *Количественные методы в исторических исследованиях.* М., 1984; *Бородкин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; и др.

² Оценка достаточной выборочной совокупности при случайном бесповторном отборе производится с помощью критерия Стьюдента по формуле:

$$t = \frac{\Delta \sqrt{n}}{\sigma \sqrt{1 - \frac{n}{N}}} \quad (1.1), \text{ где } t - \text{критерий Стьюдента, } n - \text{объем выборочной со-}$$

вокупности, N — объем генеральной совокупности, σ — ср. квадратическое отклонение величины признака в выборке; $\Delta = (\bar{x} - \bar{X}_{г.с.})$ — допустимое отклонение выборочной средней от средней в генеральной совокупности (предельная ошибка выборки). Значение t сравнивается с критическим значением $t_{кр.}$, взятым из таблицы распределения Стьюдента для выбранного уровня вероятности и с $(n - 1)$ степенями свободы. Если $t < t_{кр.}$, объем выборки достаточен. Если $t > t_{кр.}$, выборку необходимо дополнить.

Объем выборочной совокупности можно также оценить при известном σ и заданных Δ и t . Из формулы 1.1 следует, что $n = \frac{N t^2 \sigma^2}{N \Delta^2 + t^2 \sigma^2}$ (1.2), где σ^2 — дисперсия величины в признаке.

Существенная проблема при работе с нашим источником связана с необходимостью учитывать количественные и номинальные показатели, распределенные по нормальному и биномиальному законам распределения и требовавшие соответствующего статистического анализа. Если бы задача состояла только в изучении состояния хозяйств «лишенцев» и оценивались бы только количественные показатели, то расчеты должны были вестись по средним величинам признаков, рассеяние которых подчиняется законам нормального распределения. Но нас интересовали и другие показатели (занятия, образование и проч.), обладающие номинальными признаками; рассеяние

величин показателей подчиняется закону биномиального распределения. Для нашего источника характерна нерегулярность многих сведений. Иными словами, оценка размеров выборки должна учитывать как дисперсию, так и нерегулярность анализируемых показателей.

Учесть дисперсию показателей можно в том случае, если свести формы распределения всех показателей к биномиальному и делать расчет по доле признака. Дисперсия признака i в этом случае примет вид: $s_i^2 = q_i(1 - q_i)$, где q_i — доля объектов с признаком i в выборочной совокупности. Оценку достаточного объема выборочной совокупности проводят по формуле:

$$n_j^* = \frac{N_j^* t^2 s_i^2}{N_j^* \Delta_i^2 + t^2 s_i^2} \quad (1.3), \text{ где } n_j^* - \text{объем выборки из объектов } j; N_j^* - \text{объем}$$

информационных групп (объектов) j в генеральной совокупности дел; s_i^2 — дисперсия признака j , Δ_i^2 — предельная ошибка выборки при определении доли признака i .

Проведение подобных расчетов возможно лишь в случае, если известен объем совокупности N_j^* . Нерегулярность сведений источника приводит к тому, что N_j^* не совпадает с известным количеством личных дел в массиве. Но, зная ср. количество информационных групп j в документах — $\bar{X}_{z.c.}$, можно рассчитать как общее количество соответствующих групп в генеральной совокупности личных дел — N_j^* , так и объем личных дел, содержащих репрезентативное количество этих групп — n_j .

Поскольку $N_j^* = N \bar{X}_{z.c.}$, $n_j^* = n_j \bar{X}_{z.c.}$, то из формулы 1.3 получаем:

$$n_j = \frac{N t^2 s_i^2}{N \Delta_i^2 \bar{X}_{z.c.} + t^2 s_i^2} \quad (1.4), \text{ где } n_j - \text{объем выборки личных дел при работе с}$$

информационными группами j ; N — объем личных дел в массиве; $\bar{X}_{z.c.}$ — ср. количество информационных групп j в документе по генеральной совокупности. При этом следует учитывать, что доля q_i номинального признака i нам не известна. Поэтому оценку объема выборки мы проводили по максимально возможной дисперсии этой доли: $s_i^2 = 0,25$, при $q_i = 0,5$. Значение $\bar{X}_{z.c.}$ нам также необходимо оценить. Эта оценка будет тем эффективнее, чем большее количество дел мы включим в выборку. По формуле вычисления предельной ошибки выборки: $(\bar{x}_i - \bar{X}_{j.c.}) = \Delta_j = \frac{ts_j}{\sqrt{n_j'}} \sqrt{1 - \frac{n_j'}{N}}$ (1.5) вычисляем объем

выборки для оценки $\bar{X}_{z.c.}$: $n_j' = \frac{N t^2 s_j^2}{N \Delta_j^2 + t^2 s_j^2}$, (1.6), где $\bar{x}_j$ — ср. количество информационных групп j в документах выборки; Δ_j — предельная ошибка выборки для признака j ; s_j^2 — дисперсия количественного признака j ; n_j' — объем выборки для оценки $\bar{X}_{z.c.}$ при заданной Δ_j .

Так как величина n_j зависит от величины $\bar{X}_{z.c.}$, то при оценке выборки взяли минимально возможное значение $\bar{X}_{z.c.}$, т. е. $\bar{X}_{z.c.} = \bar{x}_j - \Delta_j$. Следова-

тельно, формула 1.4. принимает вид $n_j = \frac{N t^2 s_j^2}{N \Delta_i^2 (\bar{x}_j - \Delta_j) + t^2 s_i^2}$ (1.7). Введением

в формулу 1.7 переменной $(\bar{x}_j - \Delta_j)$ мы связали количественные и номинальные показатели, которые необходимо учитывать при изучении исследуемых объектов. Расчет объема выборки по количественному показателю становится необходимым для расчетов выборки по доле признака.

При определении значений $\bar{x}_j$ и Δ_j на основе 10 %-й базы данных была сформирована электронная таблица, в которой в качестве статистических объектов использовались личные дела, а в качестве показателей — частота информационных групп. Расчеты предельной ошибки выборки Δ_j из 358 дел (формула 1.5) продемонстрировали, что по большинству показателей (при доверительной вероятности 0,95) эта ошибка составляет более 5 % (обычно от 7,2 % до 12 %) от средней частоты информационных групп $\bar{x}_j$. Это довольно значительная величина, что свидетельствует о недостаточности выборки. При определении репрезентативного объема выборки для нас принципиально, что предельная ошибка не должна превышать 5 % от ср. значения признака, а доверительную вероятность примем равной 0,95. Это означает, что в 95 выборках из 100 рассчитанного объема (n'_j) ошибка (Δ_j) в определении ср. частоты информационных групп ($\bar{x}_j$) не будет превышать 5 % от ср. значения соответствующего признака в генеральной совокупности ($\bar{X}_{г.с.}$). При определении n_j (формула 1.7) также допустим, что доверительная вероятность — 0,95, Δ_j — 5 % от ср. значения частоты информационных групп в выборке, а $\Delta_i = 0,025$ (т. е. 5 % от q_i). Расчеты покажут, в каком объеме выборки с вероятностью 0,95 максимально возможное распределение доли признака не будет отклоняться от такого же распределения в генеральной совокупности более чем на значение Δ_j . Или, говоря проще, данный объем выборки вполне достаточен для работы с конкретной информационной группой.

³ Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 8–10.

⁴ См., напр.: Славко Т. И. Анализ документальных источников при изучении участия рабочих-ударников коммунистического труда в различных видах общественно-политической деятельности // Методы сбора данных: Анализ, наблюдение, эксперимент. М., 1985. С. 29–34; Бородкин Л. И., Соколов А. К. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // История СССР. 1984. № 2. С. 82–94; Соколов А. К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987.

⁵ В данном случае под признаками подразумеваются: образование, возраст, сословное положение и т. д.; под градацией — более мелкое деление каждого признака (в признаке «образование» — неграмотные, малограмотные, с начальным, средним, средне-специальным, высшим образованием).

⁶ Массовые источники по истории рабочего класса СССР периода развитого социализма. М., 1982. С. 26–32; Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

Глава 2. СЕЛЬСКИЕ «ЛИШЕНЦЫ» (1926–1936 гг.)

2.1. Демографические и социальные характеристики

¹ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. Вып. 1. С. 84–86; Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы. Новосибирск, 1929. С. 105.

² Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. Вып. 1. С. 84–86.

³ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг.: Стат. сборник. М., 1931. С. 31.

⁴ Выборы в Советы в СССР 1934–1935 гг.: Стат. сборник. М., 1935. С. 83.

⁵ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 48.

⁶ Сибирский край... С. 18–19.

⁷ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 153.

⁸ Там же.

⁹ Сибирский край... С. 48.

¹⁰ Под «культурниками» имеются в виду крестьяне, которые совершенствовали приемы земледелия, выводили новые сорта культур и породы животных.

2.2. Категории сельских «лишенцев»

¹ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. ... С. 31; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 62.

² Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 86.

³ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 54.

⁴ ГАНО Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 219. Л. 5.

⁵ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 839. Л. 8.

⁶ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 151. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 4.

⁹ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 178. Л. 11.

¹⁰ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 614. Л. 8.

¹¹ Ильиных В. А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — нач. 1940-х гг.): Тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: Проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 34.

¹² Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 328.

¹³ ГАНО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 359. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 400. Л. 8.

¹⁵ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 297.

¹⁶ Сибирский край... С. 314.

¹⁷ 1 десятина (т. н. казенная) = 1,09 га. — См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 345.

- ¹⁸ ГАНО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 721. Л. 7.
- ¹⁹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 32.
- ²⁰ Сибирский край... С. 314.
- ²¹ ГАНО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 432. Л. 14.
- ²² Там же. Д. 721. Л. 7.
- ²³ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 46.
- ²⁴ ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 208. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 618. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 390. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Д. 501. Л. 6.
- ²⁸ Свод узаконений (СУ) РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. 2; Ст. 15, п. «В».
- ²⁹ ГАНО Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 592. Л. 8.
- ³⁰ Там же. Д. 658. Л. 21.
- ³¹ Там же. Д. 640. Л. 15.
- ³² Там же. Д. 773. Л. 2.
- ³³ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 457. Л. 4.
- ³⁴ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 144.
- ³⁵ Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.). Новосибирск, 1996. С. 28.
- ³⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 156.
- ³⁷ ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 337. Л. 7.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 47. Л. 24.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 246. Л. 8.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 89. Л. 19.
- ⁴¹ СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. 2; Ст. 15, п. «б».
- ⁴² См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000.
- С. 19.
- ⁴³ Сибирский край... С. 314.
- ⁴⁴ ГАНО Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 648. Л. 16.
- ⁴⁵ Там же. Д. 661. Л. 23.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 752. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 661. Л. 17.
- ⁴⁸ Там же. Д. 626. Л. 8.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 596, 597, 598, 599, 600.
- ⁵⁰ Н. Я. Гуцин относил к среднеобеспеченным хозяйства с доходностью до 400 руб. — Гуцин Н. Я. «Раскулачивание»... С. 49.
- ⁵¹ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. С. 31; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 62.
- ⁵² Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 86.
- ⁵³ ГАНО Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
- ⁵⁴ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 386. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Д. 832. Л. 6.
- ⁵⁶ Там же. Д. 1126. Л. 18.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–25.

- ⁵⁸ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 354. Л. 3.
- ⁵⁹ Сибирский край... С. 314.
- ⁶⁰ *Байда Е. В.* Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 93.
- ⁶¹ См., напр.: *Боженко Л. И.* Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. Томск, 1978. С. 100–101.
- ⁶² ГАНО Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1154. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Д. 832. Л. 2.
- ⁶⁴ Там же. Д. 520. Л. 9.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1147. Л. 17.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 209. Л. 6.
- ⁶⁷ Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–1931 гг. С. 31; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 62.
- ⁶⁸ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 86.
- ⁶⁹ ГАНО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 714. Л. 3.
- ⁷⁰ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1133; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 56, 81, 380.
- ⁷¹ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 610. Л. 8.
- ⁷² Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 223, 140, 65, 43.
- ⁷³ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 723. Л. 6–14.
- ⁷⁴ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 367. Л. 7.
- ⁷⁵ Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–1931 гг. С. 31; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 62.
- ⁷⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 86.
- ⁷⁷ ГАНО Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 195. Л. 4.
- ⁷⁸ Там же. Д. 112. Л. 5.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 812; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 542.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.
- ⁸¹ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 436. Л. 12.
- ⁸² Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 106. Л. 16.
- ⁸³ Там же. Д. 103. Л. 14.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 7.
- ⁸⁵ Итоги выборов в советы в РСФСР в 1930–1931 гг. С. 31; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 62.
- ⁸⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. С. 86.
- ⁸⁷ ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 181. Л. 16.
- ⁸⁸ Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 431. Л. 5.

Глава 3. РЕЖИМНАЯ ЭКОНОМИКА

3.1. Спецпереселения в Сибири в контексте становления репрессивной экономики в СССР (январь — август 1930 г.)

- ¹ *Бруцкус Б. Д.* Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 124.
- ² Там же. С. 140.
- ³ Там же. С. 153.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 104.

⁵ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 117.

⁶ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 147.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 204. Л. 460, 463.

⁸ Там же. Л. 464–465.

⁹ Там же. Д. 219. Л. 296–297.

¹⁰ Там же. Л. 298–299.

¹¹ Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4.

¹² Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936). Екатеринбург, 1993. С. 22, 24.

¹³ По данным на сентябрь 1933 г., в комендатурах Западной Сибири их штат почти наполовину был заполнен спецпереселенцами из числа преимущественно молодежи на технических должностях (480 из 971 чел.). — Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 245.

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 506. Л. 15–19.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43 а. Д. 1796. Л. 281–282 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 338. Л. 6.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 457. Л. 40–41.

¹⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 270.

²⁰ Там же. Л. 274.

²¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 81.

²² См. об этом подробнее: Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 134–147.

²³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43 а. Д. 1796. Л. 184–190.

²⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 210. См. об этом подробнее в данной главе.

²⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. М., 2003. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931. С. 612.

²⁶ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 784–785.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43 а. Д. 1796. Л. 184–190.

²⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 197.

²⁹ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 148.

³⁰ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 194.

³¹ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 196.

³² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 225–230.

³³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 2537. Л. 2.

3.2. Практика хозяйствования в северных комендатурах Западной Сибири 1930 г.

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 184.

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 202.

- ³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 169–171.
- ⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 208–214.
- ⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 287, 308.
- ⁶ См. об этом: *Красильников С. А.* Серп и Молох... С. 145.

3.3. Неуставные артели. Нормы и практика

- ¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. М., 2006. Кн. 2. С. 482, 484.
- ² Политбюро и крестьянство... М., 2005. Кн. 1. С. 366.
- ³ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 46–52.
- ⁴ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 697–701.
- ⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 2: 1933–1940. Кн. 2. С. 519–530.
- ⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 47.
- ⁷ Там же. С. 51.
- ⁸ Там же. С. 46, 49.
- ⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁰ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 697–701.
- ¹¹ Свод законов СССР. 1932. № 31. Ст. 190.
- ¹² Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 709.
- ¹³ Там же. С. 715.
- ¹⁴ ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–26 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 29.
- ¹⁶ Там же. Л. 33.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 741.
- ²¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 52–53.
- ²² Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 740, 742.
- ²³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 227–228.
- ²⁴ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 741.
- ²⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 32–33, 59–60.

3.4. Нарымские спецпоселки глазами московского инспектора М. Е. Портнянского (1936 г.)

- ¹ См. подробнее: Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 329–334.
- ² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18 а. Д. 620. Л. 12–12 (об).
- ³ РГАЭ. Ф. Р-7480. Оп. 2. Д. 15. Л. 143.
- ⁴ Там же. Д. 13. Л. 46 (об).
- ⁵ Там же. Л. 56.

⁶ Там же. Л. 53.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 122.

⁹ Там же. Л. 126–125 (об).

¹⁰ Там же. Л. 146.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. Л. 188–194.

¹³ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 114–115.

3.5. «Врастание кулака в социализм» в отдельно взятом Пихтовском районе (декабрь 1936 г. — январь 1937 г.)

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 64–68.

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 872. Л. 2.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18 а. Д. 620. Л. 12 об.

⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 38.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 552. Л. 21–23.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 810. Л. 114–116.

⁹ Там же. Оп. 11. Д. 552. Л. 6–8.

¹⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 2, кн. 2. С. 523.

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 552. Л. 12.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 149.

¹⁵ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 92–125.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 4 а. Д. 2. Л. 86.

3.6. Спецпоселки глазами партийной номенклатуры (1938 г.)

¹ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 34. Д. 26. Л. 1–2.

² Политбюро и крестьянство... Кн. 1. С. 739.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 1–22.

⁴ Там же. Л. 23–40.

⁵ Там же. Л. 142.

⁶ Там же. Л. 143.

⁷ Там же. Л. 144.

⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. С. 154.

⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 239–240.

3.7. «Лошадиная сила» как фактор комендатурной экономики. 1930-е гг.

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 211.

² Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 380–385.

³ Там же. С. 692.

- ⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. С. 134.
- ⁵ ЦДНИТО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 21.
- ⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 132, 134.
- ⁸ Там же. С. 135.
- ⁹ Там же. С. 135.
- ¹⁰ Архив ИЦ УВД ТО. Д. 22214. Л. 42–42 (об).
- ¹¹ ИЦ УВД ТО. Д. 20399. Л. 17–17 (об).
- ¹² ИЦ УВД НО. Д. 11964. Л. 25–25 (об).
- ¹³ Там же. Л. 27.
- ¹⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С. 81.
- ¹⁵ ИЦ УВД ТО. Д. 15123 Л. 37.
- ¹⁶ Там же. Л. 44.
- ¹⁷ Там же. Л. 42.
- ¹⁸ Там же. Л. 53.
- ¹⁹ Там же. Л. 79.
- ²⁰ Там же. Л. 56.
- ²¹ Там же. Л. 55.
- ²² Там же. Л. 85 (об).
- ²³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 63, 278.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 44. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Л. 3.

Глава 4. РЕЖИМНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

4.1. Спецпоселки глазами московского чекиста. 1931 г.

- ¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 551. Л. 139–158.
- ² См.: История сталинского ГУЛАГа. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. Т. 5. С. 106.
- ³ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. М., 2006. Кн. 2. С. 413.
- ⁴ Там же. С. 393.
- ⁵ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2004. С. 327.

4.2. Изменение демографических характеристик крестьянской семьи как результат пребывания на спецпоселении

- ¹ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 55.
- ² *Игнатова Н.М.* Семья спецпереселенцев в республике Коми в 1930–1950-е годы (демографическая характеристика) // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Все-

рос. науч. конференции, посвященной 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 202–208.

³ *Красильников С. А.* Репрессии и практика выживания крестьянских семей в условиях спецпоселения 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 9–14; Ушакова С.Н. Реабилитационные дела репрессированных крестьян как исторический источник // Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х гг.: Историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 87–111.

⁴ Население Западной Сибири в XX веке. С. 58.

⁵ Политика раскрестьянивания в Сибири. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск. 2000. Вып. 1. С. 10.

⁶ *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 75.

⁷ Подсчитано по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 121, 122.

⁸ Подсчитано по: *Красильников С. А.* Серп и Молох... С. 169.

⁹ Подробнее см.: *Красильников С. А.* Репрессии и практика выживания... С. 10–11.

¹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939. М., 2000. Т. 2. С. 701.

¹¹ ИЦ УВД ТО. Д.-4873.

¹² Там же. Д.-22170.

¹³ ИЦ УВД НСО. Д. 12064–55 Р.

¹⁴ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 43, 149.

¹⁵ ИЦ УВД ТО. Д. 22215. Л. 18–18 об.

¹⁶ ИЦ УВД НСО. Д. 11893–55 Р.

¹⁷ ИЦ УВД ТО. Д. 22367.

¹⁸ Население Западной Сибири в XX веке. С. 41, 42.

¹⁹ Там же. С. 38, 41.

²⁰ *Красильников С. А.* Крестьянская ссылка в Сибири в 1940-х — начале 1950-х гг.: динамика демографических изменений // Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930-е — 1950-е годы. Новосибирск, 2007. С. 68.

²¹ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР... С. 149.

²² Население Западной Сибири в XX веке. С. 45.

²³ Там же. С. 44.

²⁴ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 711.

²⁵ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР... С. 63–64.

²⁶ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 579, 580.

²⁷ Там же. С. 580.

²⁸ ИЦ УВД ТО. Д. 22170. Л. 89–89 об.

²⁹ Там же. Л. 96–96 об.

³⁰ Там же. Л. 97, 98.

³¹ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР... С. 122.

³² ИЦ УВД ТО. Д. 23021.

³³ В соответствии с данными органов ЗАГС Республики Коми в 1933–1940 гг. в спецпоселках автономной области Коми (с 1936 г. — Коми АССР) было зарегистрировано 988 браков и 56 разводов. — *Игнатова Н. М.* Семья спецпереселенцев в республике Коми... С. 205.

³⁴ ИЦ УВД ТО. Д. 23523. Л. 22.

³⁵ Там же. Л. 32.

³⁶ Там же. Л. 32 (об).

³⁷ Там же. Л. 49 (об).

³⁸ Там же. Л. 43.

³⁹ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 528, 529.

⁴⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 128.

⁴¹ ИЦ УВД ТО. Д. 4873. Л. 3.

⁴² *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР... С. 20, 21.

⁴³ *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 126, 127.

4.3. Адаптационные практики крестьянских семей на спецпоселении

¹ Собрание законов СССР. 1931. № 44. Ст. 298.

² ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1221. Л. 13.

³ Собрание законов СССР. 1934. № 33. Ст. 257.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2205. Л. 34 (об).

⁵ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 196.

⁶ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 577.

⁷ Там же. С. 579.

⁸ Собрание законов СССР. 1935. № 7. Ст. 57.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 114.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 114–115.

¹² Там же. Д. 35. Л. 25.

¹³ Там же. Д. 89. Л. 209.

¹⁴ Там же. Л. 210.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 2535. Л. 37–50; Д. 2162. Л. 223–231 (об).

¹⁷ Там же. Д. 2162. Л. 225.

¹⁸ Там же. Д. 2535. Л. 38.

¹⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 232.

²⁰ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 571.

²¹ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206–210.

²² ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

²³ ИЦ УВД ТО. Д. Р-17 293. Л. 2–2 (об).

²⁴ ИЦ УВД НСО. Д. 12 225–55Р. Л. 56

²⁵ Там же. Л. 88.

²⁶ Там же. Л. 66.

²⁷ Там же. Л. 88.

4.4. Детдома Нарыма

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 2. Л. 203.

² Там же. Оп. 10. Д. 379 а. Л. 90.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 45.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 238.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 743.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 601. Л. 83.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 253. Л. 172, 173.

⁹ Там же. Л. 174.

¹⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 3876. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2 (об).

¹¹ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 194. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

¹³ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 14–17.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ ИЦ УВД ТО. Д. Р-3848. Л. 31.

²² Там же. Л. 29.

²³ Из личных воспоминаний А.В. Левыкиной (Красильниковой).

4.5. Воздействие повторных репрессий в отношении спецпереселенцев на судьбы их семей

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. С. 72–74.

² См.: Там же. С. 206–278.

³ ИЦ УВД ТО. Д. Р-6478. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ ИЦ УВД ТО. Л/д. Тарасова Г. Е. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же. Л. 64.

⁹ ИЦ УВД ТО. Д. 11264. Л. 30.

- ¹⁰ Там же. Л. 29.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Д. Р-3848. Л. 36–37.
- ¹³ ИЦ УВД НСО. Д. 11966–55Р. Л. 58.
- ¹⁴ Там же. Л. 63, 64.
- ¹⁵ Там же. Л. 75.
- ¹⁶ ИЦ УВД НСО. Д. 12171–55Р. Л. 16–17.
- ¹⁷ Там же. Д. 12166–55Р. Л. 63.
- ¹⁸ Там же. Д. 11421–55Р.

4.6. Взаимоотношения репрессированных крестьян и государства: патерналистские ожидания и их реализация

- ¹ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 575.
- ² Там же. С. 576.
- ³ ИЦ УВД ТО. Д. Р-25975. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 12.
- ⁵ Там же. Л. 30.
- ⁶ Там же. Л. 31.
- ⁷ Там же. Л. 43, 44.
- ⁸ Там же. Л. 50–50 (об).
- ⁹ Там же. Л. 48.
- ¹⁰ Там же. Л. 38, 39.
- ¹¹ Там же. Л. 49.
- ¹² Там же. Л. 40.
- ¹³ Там же. Л. 51.
- ¹⁴ Там же. Л. 66.
- ¹⁵ Там же. Л. 83.
- ¹⁶ Там же. Л. 95.
- ¹⁷ Там же. Д. Р-26082. Л. 29.
- ¹⁸ Там же. Л. 28.
- ¹⁹ Там же. Л. 41.
- ²⁰ Там же. Д. Р- 23540. Л. 21–21 (об).
- ²¹ Там же. Л. 22.
- ²² Там же. Д. Р-24346. Л. 10.
- ²³ Там же. Л. 9.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Д. Р-11 169. Л. 43–44.

Заключение

- ¹ ИЦ УВД по НСО. Д. 2090. Л. 6.
- ² Там же. Д. 1703. Л. 3 (об).
- ³ Там же. Д. 1245. Л. 2 (об).

⁴ Там же. Д. 1562. Л. 16.

⁵ Там же. Д. 1564. Л. 4 (об).

⁶ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 205.

⁷ ИЦ УВД по НСО. Д. 1564. Л. 4 (об).

⁸ Возвращение памяти. Новосибирск, 1997. Вып. 3. С. 197–198.

⁹ ИЦ УВД по НСО. Д. 1519. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 1879. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 1492. Л. 15.

¹² Там же. Д. 1151. Л. 4 (об).

¹³ Там же. Д. 1812. Л. 2–2 (об).

¹⁴ Там же. Д. 1238. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 1588. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 1379. Л. 3 (об).

¹⁷ Там же. Д. 1852. Л. 12.

¹⁸ Там же. Д. 1534. Л. 25 (об).

¹⁹ Там же. Д. 1588. Л. 13.

²⁰ Там же. Д. 1819. Л. 5 (об).

²¹ *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в постреволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 76–77.

Приложение I

Изменения в занятиях сельских «лишенцев» в 1911–1914 гг. (до начала Первой мировой войны) по сравнению с предыдущим периодом (чел.)

Занятие	Занимались до 1914 г.	В годы Первой мировой войны занимались прежними занятиями	1	2	3	4	5	6	7	8	9*
Учеба	52	19	0	0	1	3	28	0	0	0	0
Служба в государственных учреждениях	6	1	0	0	0	3	1	1	0	0	0
Служба в карательных органах	4	1	–	0	1	2	0	0	0	0	0
Торговля и предпринимательство	11	1	1	–	0	4	4	0	0	0	0
Работа по найму	33	9	0	0	–	11	14	0	0	2	0
Служба в царской армии	0	0	0	0	0	–	0	0	0	0	0
Хлеборобство	495	425	1	3	4	60	–	1	1	0	0
Исполнение религиозных обязанностей	7	6	0	0	0	1	0	–	0	0	0
Домашнее хозяйство	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кустарный труд	4	3	0	0	0	0	1	0	–	–	0
Работа на заводах	4	0	0	0	2	2	0	0	0	–	–
Единоличный труд	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	–
Нет сведений	97	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	716	467	2	3	9	87	48	2	1	2	0

*Занятия в годы Первой мировой войны:

1. Служба в карательных органах	4. Служба в царской армии	7. Кустарный труд
2. Торговля и предпринимательство	5. Хлеборобство	8. Работа на заводах
3. Работа по найму	6. Исполнение религиозных обязанностей	9. Единоличный труд

Приложение II

Изменения в занятиях сельских «лишенцев» в годы Гражданской войны по сравнению с предыдущим периодом (чел.)

Занятие	Занимались в годы Первой мировой войны	В годы революций и Гражданской войны остались прежними	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13*
Учеба	19	6	—	0	0	12	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Служба в государственных учрежде- ниях	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Служба в карательных органах	2	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Торговля и предпринимательство	6	1	0	—	0	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Работа по найму	21	8	0	0	—	11	0	0	0	0	0	2	0	0	0
Служба в царской армии	89	0	0	0	4	58	0	0	0	4	5	22	5	2	0
Хлеборобство	457	406	0	0	2	—	1	0	2	1	9	29	1	4	2
Исполнение религиозных обязанностей	8	6	0	0	0	2	—	0	0	0	0	0	0	0	0
Домашнее хозяйство	2	2	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0
Кустарный труд	5	3	0	0	0	2	0	0	—	0	0	0	0	0	0
Работа на заводах	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Единоличный труд	3	0	0	1	0	2	0	0	0	—	0	0	0	0	0
Нет сведений	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	716	432	0	1	7	96	1	1	2	5	14	53	6	6	2

*Занятия в годы революций и Гражданской войны:

1. Учеба	4. Хлеборобство	7. Кустарный труд	10. Служба в Красной армии	13. Участие в бандформиро- ваниях
2. Торговля	5. Исполнение религ. обязанно- стей	8. Единоличный труд	11. Работа в советских учре- ждениях	
3. Работа по найму	6. Домашнее хозяйство	9. Служба в белых армиях	12. Участие в партизанском движении	

Приложение III

Изменения в занятиях сельских «лишенцев» в годы НЭПа по сравнению с предыдущим периодом (чел.)

Занятие	Занимались в годы Граждан- ской войны	В годы нэпа занятия ос- тались преж- ними	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10*
Учеба	18	1	—	0	2	10	0	0	1	1	0	4
Торговля и предпринимательство	2	1	0	—	0	1	0	0	0	0	0	0
Работа по найму	15	0	0	1	—	8	0	4	1	2	0	0
Хлеборобство	503	426	0	38	1	—	5	7	2	6	12	6
Исполнение религ. обязанностей	7	6	0	0	0	1	—	0	0	0	0	0
Домашнее хозяйство	3	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Кустарный труд	5	1	0	0	0	2	0	—	0	0	0	1
Единоличный труд	5	1	0	1	0	0	0	1	2	—	0	0
Служба в белых армиях	14	0	0	1	0	12	0	0	0	0	0	2
Служба в Красной армии	52	0	0	1	0	44	0	0	1	1	—	5
Работа в советских учреждениях	6	2	0	0	0	4	0	0	0	0	0	—
Участие в партизанском движении	6	0	0	0	0	5	1	0	0	0	0	0
Участие в бандформированиях	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Нет сведений	78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	716	439	0	42	4	89	6	12	7	10	12	18

*Занятия в годы нэпа:

1. Учеба	6. Кустарный труд
2. Торговля	7. Работа на заводах
3. Работа по найму	8. Единоличный труд
4. Хлеборобство	9. Служба в Красной армии
5. Исполнение религиозных обязанностей	10. Работа в советских учреждениях

Приложение IV

Изменение занятий сельских «лишенцев» в 1930 г. по сравнению
с предыдущим периодом (чел.)

Занятие	Занима- лись в годы нэпа	В 1930 г. заня- тия остались прежними	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16*
Учеба	31	1	0	0	12	0	0	1	0	6	0	2	0	0	0	0	0	9
Торговля и предпринимательство	43	0	3	1	0	4	0	1	0	17	1	3	0	0	0	0	0	13
Работа по найму	4	0	—	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	3
Хлеборобство	515	7	17	6	31	6	1	1	36	172	10	97	11	1	0	3	1	115
Исполнение религ. обязанностей	14	0	0	0	0	0	0	4	0	6	0	0	0	0	0	0	0	4
Домашнее хозяйство	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Кустарный труд	13	5	1	—	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	4
Работа на заводах	7	0	3	0	—	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	3
Единоличный труд	12	3	2	0	1	—	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	5
Служба в Красной армии	12	0	3	0	0	0	—	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	7
Работа в советских учреждениях	20	0	1	0	0	1	0	—	0	3	1	1	0	4	0	0	0	9
Нет сведений	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	716	16	31	7	45	11	1	7	36	209	12	103	12	5	2	3	1	172

* Занятия в 1930 г.:

1. Работа по найму	9. Скрылся, сбежал от раскулачивания
2. Кустарный труд	10. Работа в колхозе
3. Работа на заводах	11. Болезнь, инвалидность, нетрудоспособность
4. Единоличный труд	12. Безработица
5. Служба в Красной армии	13. Иждивение
6. Работа в советских учреждениях	14. Тылоополчение
7. Отбывание наказание в ИТК, тюрьмах	15. Смерть
8. Спецпоселение, высылка	16. Нет сведений

Приложение V

Изменения в занятиях сельских «лишенцев» 1931–1936 гг. по сравнению с предыдущим периодом (чел.)

Занятие	Занимались в 1930 г.	В 1931–1936 гг. занятия остались прежними	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14*
Учеба	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Работа по найму	31	2	–	1	23	2	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0
Хлебоборобство	7	1	0	0	0	0	0	1	2	0	1	0	0	0	1	1
Кустарный труд	12	11	0	–	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Работа на заводах	45	34	0	1	–	0	0	0	0	0	0	1	0	8	1	0
Единоличный труд	14	8	0	0	3	–	0	0	1	0	2	0	0	0	0	0
Служба в Красной армии	1	0	0	0	0	0	–	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Работа в советских учреждениях	3	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	1	0	0	0
Отбывание наказания в ИТК, тюрьмах	36	2	0	0	2	0	0	–	26	0	0	0	0	0	6	0
Спецпоселение, высылка	209	168	2	2	4	0	0	0	–	12	5	4	0	5	7	0
Скрылся, сбежал от раскулачивания	12	1	2	0	4	0	0	0	1	–	0	0	0	0	0	4
Работа в колхозе	103	58	1	0	7	0	1	4	17	0	–	1	2	0	1	11
Болезнь, инвалидность, нетрудоспособность	12	9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	1	0	1	1
Безработица	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	–	0	0	0
Иждивение	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тылоополчение	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Нет сведений	223	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	716	298	5	4	45	2	1	5	49	12	9	6	6	14	17	20

*Занятия в 1931–1936 гг.:

1. Работа по найму	4. Единоличный труд	7. Спецпоселение, высылка	10. Болезнь, инвалидность, нетрудоспособность	12. Тылоополчение
2. Кустарный труд	5. Служба в Красной армии	8. Скрылся, сбежал от раскулачивания		13. Смерть
3. Работа на заводах	6. Отбывание наказание в ИТК, тюрьмах	9. Работа в колхозе	11. Безработица	14. Нет сведений

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абламский В. Е. — 84
Аболмосов М. С. — 71
Абраменко И. А. — 68
Абраменко Л. А. — 68
Алексеев И. И. — 162, 163, 171
Алтухова В. П. — 296
Амелин — 157, 158
Андреев А. — 124
Андриенко М. Н. — 269, 270
Антонов Г. С. — 273
Ануфриева А. П. — 228, 229
Ануфриева М. А. — 217
Анциферов М. А. — 281, 282
Арапов М. Е. — 280, 281
Арсеновы — 276–280
Архаров С. А. — 282, 283
Арцыбашев Т. Н. — 272
Асанов Н. М. — 247
Аустрин Р. И. — 102–103
Афанасьев М. А. — 300
Афанасьевы — 265, 266
Ахмезянов — 253

Б

Базуев А. А. — 68
Байда Е. В. — 85, 307
Балаба — 157, 158
Барков И. И. — 153–155
Беликов — 152
Белковец Л. П. — 14–16, 18, 276,
301
Беляевских — 131
Бердинских В. А. — 17, 18, 301
Берензон Л. И. — 111
Берман М. Д. — 133, 150, 238,
240
Блюхер В. К. — 160
Боженко Л. И. — 307

Бондарев М. Е. — 71
Бородин Л. И. — 302, 304
Бочарников — 253
Бруцкус Б. Д. — 100, 307
Буденный С. И. — 160
Бухарин Н. И. — 5, 149, 153

В

Ветров В. А. — 109, 110
Вишневский А. Г. — 313
Воробьев К. Н. — 93
Воронин — 179
Ворошилов К. М. — 160
Врублевский В. А. — 93
Выносов М. В. — 139, 140, 142

Г

Гладышев — 283
Голиков — 152–154, 158
Головко И. В. — 89
Гольских — 218, 219
Громов — 170
Грядинский Ф. П. — 150
Гурашкин Т. А. — 72, 74
Гущин Н. Я. — 76, 306

Д

Данилов В. П. — 5, 6, 64, 70–72,
76, 305, 306
Двоглазов — 132
Дворниченко — 253
Демина А. Г. — 283, 284
Денисенков С. П. — 68
Дзубенко А. П. — 91
Димур П. К. — 189
Доброноженко Г. Ф. — 21
Добытнин — 204
Долгих И. И. — 135, 141, 150–
152, 184

Долгих Ф. М. — 187, 188, 253
Долженко — 186
Дорофеев П. Ф. — 187
Дурнев А. М. — 186
Дьяковы — 218

Е

Евдокимов Е. Г. — 101
Евсеев — 152, 158
Евсюков — 210
Евтушенко А. З. — 294
Ежов Н. И. — 160
Емельянов — 253
Енин И. А. — 74, 92
Енукидзе А. С. — 93
Епатин Д. Ф. — 85
Еремин А. С. — 84
Еремин Г. К. — 69
Ермилов Ф. О. — 75

Ж

Жебров А. В. — 270, 271
Жебров В. С. — 270
Жеброва Т. И. — 271
Жеребцов Г. А. — 20
Жигулин Д. И. — 294

З

Зайцев — 158
Заковский Л. М. — 102, 104, 106–
108, 110, 114
Замятин — 153
Захаров Г. Ф. — 96
Зеленин И. Я. — 6
Земсков В. Н. — 6, 11–13, 16, 18,
31, 230, 301, 312, 313
Зиновьев Г. Е. — 5

И

Иванов — 169
Ивашенцев М. И. — 268, 269

Ивашутин В. С. — 92
Ивницкий Н. А. — 6, 11, 13, 14,
21, 31, 301
Игнатова Н. М. — 21, 311, 312
Ильиных В. А. — 13, 22, 69, 305
Ишутинов И. И. — 87

К

Кабаков И. Д. — 101, 237
Кабанов И. З. — 75
Каврайский Б. — 305
Кадышевы — 248, 249
Калинин М. И. — 268–270, 274,
282, 284
Калинкина А. П. — 87
Каменев Л. Б. — 5
Каргина Е. Е. — 64
Каруцкий В. А. — 150
Кейсел — 119, 120
Киров С. М. — 41, 160
Кияница Ф. В. — 81
Ковалева М. В. — 297
Ковыличев — 253
Колпашиков Я. В. — 76
Колчак А. В. — 67, 79, 93, 97
Копылов А. И. — 90
Корниенко — 179, 278
Коршунова А. А. — 273
Космынин И. В. — 81
Крисковец К. П. — 76
Крупская Н. К. — 274, 276–279
Крутских М. С. — 81
Кузин М. Ф. — 76
Кузнецов О. И. — 81

Л

Лебедь Д. З. — 137, 151, 152,
249
Левыкин В. И. — 262, 263
Левыкина А. В. (Красиль-
никова) — 314

Ленин В. И. — 132, 262
Лидасов П. А. — 247

М

Мазаловы — 82
Малахов И. Г. — 76
Матсон Г. П. — 102
Мегедь С. Д. — 300
Меньшиков — 170
Миронов Б. Н. — 302
Миронов С. Н. — 162
Михайлутин Н. П. — 84
Можаров П. П. — 67
Молотов В. М. — 104, 160

Н

Николаев Н. Г. — 194
Новиков — 163

О

Осипов — 131, 132

П

Пачичин — 179
Петлин — 185
Плотников В. Н. — 217
Плотников Н. М. — 217
Помялов — 122
Попов — 141
Портнянский М. Е. — 136, 139–
142, 145, 146, 163, 309
Приступа П. Т. — 297
Прокофьев Г. Е. — 146, 147, 149
Прохоренко — 226
Прутовых — 170
Путимцев — 278, 279

Р

Рейхбаум — 154
Репин — 133
Решетников — 179
Романов — 170
Русанов Р. Д. — 228, 229

Рутберг — 152, 156
Рушков У. Н. — 271, 272
Рыков А. И. — 5, 110

С

Сваровские — 298
Свердлов Я. М. — 160
Седелев К. А. — 84
Сергеенко — 141
Сибирцев А. З. — 217
Сибирцев В. С. — 224, 225
Сибирцев Г. В. — 225
Силин Е. Д. — 87
Синицын — 165
Скрипко Ф. П. — 115
Славко Т. И. — 6, 302, 304
Соколов А. К. — 304
Сорокин Л. И. — 244
Сталин И. В. — 20, 160, 206, 238,
253, 277, 279–282, 292
Степанов З. В. — 302
Сумцев — 152, 153, 155–157
Сухорученко Р. М. — 294
Сырцов С. И. — 109, 113, 114,
116, 117, 249

Т

Тарасов Г. Е. — 188–190, 267, 268,
314
Тарасов Т. Е. — 267, 268
Тарасова Д. Г. — 267
Текутьева П. М. — 296
Тильба А. — 20
Тихонов В. И. — 304
Тишков — 279
Ткач К. П. — 296
Токарева — 257, 260
Толмачев В. А. — 117, 295
Толмачев В. Н. — 113, 208, 209
Тольц — 255
Третьякова В. Н. — 299

Троцкий Л. Д. — 5
Тяжельникова В. С. — 304

Ф

Фаддеев — 179
Филоненко — 219
Фоков — 179
Фомин — 152–154

Х

Хамармер И. — 305
Хлевнюк О. В. — 19, 301

Ч

Чапаев В. И. — 160
Чепок-Коренюк — 258
Чердынцев Я. С. — 225
Черепухин — 195
Чернышев — 263

Ш

Шабалова Л. С. — 21

Шарапов — 170
Шашков В. Я. — 13, 31, 301
Шишкина П. С. — 253
Шмидт В. В. — 111

Щ

Щербаковы — 226, 227

Э

Эйхе Р. И. — 110, 150, 153, 162,
182, 192

Ю

Юргенс Л. И. — 194, 206–210
Юшин И. Ф. — 304

Я

Яворовские — 297
Ягода Г. Г. — 101, 102, 106, 117,
136, 150, 160, 237, 238, 240
Яковлев Т. А. — 244

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. Крестьянство как объект дискриминаций и репрессий сталинской эпохи. Исторические интерпретации и источники	11
1.1. Современная историография	11
1.2. Массовые источники. Состав, структура, приемы обработки и анализа	23
ГЛАВА 2. Сельские «лишенцы» (1926–1936 гг.)	43
2.1. Демографические и социальные характеристики	43
2.2. Категории сельских «лишенцев»	63
ГЛАВА 3. Режимная экономика	99
3.1. Спецпереселения в Сибири в контексте становления репрессивной экономики в СССР (январь — август 1930 г.) ...	99
3.2. Практика хозяйствования в северных комендатурах Западной Сибири в 1930 г.	117
3.3. Неуставные артели. Нормы и практика	123
3.4. Нарымские спецпоселки глазами московского инспектора М. Е. Портнянского (1936 г.)	136
3.5. «Врастание кулака в социализм» в отдельно взятом Пихтовском районе (декабрь 1936 г. — январь 1937 г.)	149
3.6. Спецпоселки глазами партийной номенклатуры (1938 г.) .	161
3.7. «Лошадиная сила» как фактор комендатурной экономики. 1930-е гг.	183
ГЛАВА 4. Режимная повседневность	194
4.1. Спецпоселки глазами московского чекиста. 1931 г.	194
4.2. Изменение демографических характеристик крестьянской семьи как результат пребывания на спецпоселении.	211
4.3. Адаптационные практики крестьянских семей на спецпоселении	235
4.4. Детдома Нарыма	249
4.5. Воздействие повторных репрессий в отношении спецпереселенцев на судьбы их семей	264
4.6. Взаимоотношения репрессированных крестьян и государства: патерналистские ожидания и их реализация ...	274
Заключение	293
Примечания	301
Приложения	317
Именной указатель	322

Научное издание

История сталинизма

**Красильников Сергей Александрович
Саламатова Марина Сергеевна
Ушакова Светлана Николаевна**

**КОРНИ ИЛИ ЩЕПКИ.
КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1930-х — НАЧАЛЕ 1950-х гг.**

Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*
Корректор *Р. И. Кочнева*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 05.10.2009.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 2000 экз.
Заказ № 9345

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14